Юнир Саф

Под небом Тенгри

Мир, человек и путь
в тюркской традиции

Под небом Тенгри
Юнир Саф

12+

ЮНИР САФ

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

𐰴𐰋𐰃𐰴:𐰆𐰃𐰇𐰇

Мир, человек и путь в традициях тюркоязычных народов

Уфа
Studio AI43
2026

УДК 2-1:1(091)
ББК 86.3 + 87.3
С21

12+

Саф, Юнир.
Под Небом Тенгри: Мир, человек и путь в традициях тюркоязычных народов / Юнир Саф. — Уфа : Studio AI43, 2026. — Текст : непосредственный.

Книга представляет собой целостное философско-культурологическое осмысление древней традиции почитания Вечного Неба — Тенгри. В доступной и ясной форме раскрывается миропонимание кочевников Великой Степи, священный закон космического порядка Тёрё, бережный лад с природой и нерушимый нравственный кодекс совести. Издание снабжено практическими жизненными ориентирами и обращено к широкому кругу читателей, ищущих духовную опору и внутреннее равновесие.

ISBN 978-5-00000-000-0 [присваивается при издании]
© Саф Ю., 2026
© Оформление. Studio AI43, 2026

О КНИГЕ: СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ И ДУХОВНЫЙ ОРИЕНТИР

Эта книга родилась для того, чтобы стать верным и надёжным проводником для каждого человека, независимо от его опыта, возраста и жизненного пути. По своей ясности, простоте и бережному строю она создана так, чтобы быть доступной начинающему, не перегружая ум сухими схоластическими терминами. Однако её глубина и мудрость открыты абсолютно любому читателю — и тому, кто только впервые поднимает взор к бездонному лазурному куполу Неба, и тому, кто уже давно ищет незыблемые духовные ориентиры. Каждый найдёт здесь ответы на вечные вопросы человеческого сердца: кто я в этом бескрайнем мироздании? На что опереться в дни сомнений, невзгод и бурь? Как пройти свой земной путь достойно, в мире с чистой совестью, в неразрывном согласии с природой и самим собой?

На протяжении тысячелетий народы Великой Степи не строили каменных храмов, которые запирали бы дух человека в четырёх глухих стенах. Их храмом был весь видимый мир: открытый небосвод, согретый солнцем и озарённый звёздами, живая земля, поросшая ковылём и целебными травами, чистые горные ручьи и вечный огонь домашнего очага. В этом великом открытом пространстве вызрела не догматическая секта и не собрание сухих религиозных запретов, а целостное, мужественное и поразительно современное мировоззрение — вера в Тенгри, в священное Небо-Творца, объемлющее всё живое.

Из древнетюркских рунических стел Орхона и Енисея, наскальных рисунков Алтая, старинных поэтических сводов,

богатырских сказаний и живого векового обычая проступает совершенно ясный образ праведной жизни. Традиция учит: человек не случаен и не одинок во Вселенной. Он не червь, ползающий во прахе, но и не слепой деспот, имеющий право хищнически разорять природу. Человек поставлен Небом ровно посередине — «между Небом и Землёй» — как сознательный хранитель равновесия, правды и священной меры.

Подлинная духовная свобода, согласно традиции Тенгри, открывается не во вседозволенности или эгоистическом произволе, а в добровольном и благородном принятии своего долга:

1. Долг перед Небом (Тенгри) — жить по правде, держать совесть чистой, не осквернять уста ложью и помнить, что над каждым твоим поступком бодрствует всевидящий небесный взор;

2. Долг перед Землёй и Водой (Йер-Суб) — благоговейно беречь живую природу, не брать от неё лишнего, очищать родники, сажать деревья и не нарушать священного природного лада алчностью;

3. Долг перед своим родом и предками (Аруах) — свято хранить память отцов, почитать седины старших, оберегать покой матери и чистоту семейного очага;

4. Долг перед грядущим — воспитать детей в чести и достоинстве, передав им незапятнанное Доброе Имя (Эдгу ат) и цветущую землю.

Девять Книг этого труда проведут тебя последовательным и светлым путём: от древнейших свидетельств на вечном граните сквозь строение вселенной, тайну души и законы степной чести — к сокровенному пониманию своего личного пути под открытым Небом.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ ТРАДИЦИИ

Чтобы чтение книги было лёгким, ясным и глубоким для каждого, напомним главные священные слова традиции:

- **Тенгри (Kök Teŋri / Тәңір / Тәңре) —** Вечное Небо, верховный Творец, высший Разум, животворящий Свет и нерушимый нравственный Закон бытия.
- **Кут (Qut / Құт / Ҡот) —** священная небесная благодать, животворящая сила и духовная крепость, ниспосылаемая Небом человеку для праведных дел.
- **Тёрё (Törü / Төрө / Төре) —** вселенский космический Порядок и нерушимый нравственный Закон, которому подчинены и природа, и правители, и простые люди.
- **Йер-Суб (Ïduq Yêr-Sub / Жер-Су / Ер-һыу) —** Священная Земля-Вода, живая, одухотворённая ткань природы, требующая заботы и благоговения.
- **Умай (Umay-Ana / Ұмай ана) —** светоносное материнское начало бытия, добрая покровительница младенцев, колыбели, матерей и плодородия.
- **Аруах (Aruaq / Арвақ) —** духи праведных предков, незримая духовная опора рода и живая связь поколений.
- **Ант (Ant / Серт) —** священная присяга на верность правде, нерушимое слово чести, скрепляемое перед лицом Неба.
- **Алас (Alas) —** обряд духовного очищения огнём и целебным дымом горного можжевельника (арчи).

- **Эрдем (Erdäm / Ерлік)** — подлинная человеческая доблесть, соединяющая мужество воина с добротой сердца и верностью долгу.
- **Босаға (Bosağa)** — священный порог родного дома, отделяющий внутренний мир семьи от внешнего хаоса.
- **Эдгу ат (Edgü at)** — незапятнанное Доброе Имя человека, переживающее века и остающееся в благодарной памяти потомков.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА I. ИСТОЧНИКИ И НАЧАЛО ТРАДИЦИИ

- **Глава 01.** Древнейшие свидетельства: эпоха хунну и тайна истоков
- **Глава 02.** Слово на вечном камне: орхонские и енисейские памятники
- **Глава 03.** Взгляд извне: как соседние народы открывали веру Степи
- **Глава 04.** Слово Степи среди мировых учений: средневековые тюркские тексты
- **Глава 05.** Живая память: сказания, предания и эпический голос Степи
- **Глава 06.** Память крови и земли: обычаи, обрядовый уклад и степное право
- **Глава 07.** Межа истины: подлинная традиция и очищение от вымысла

КНИГА II. НЕБО И МИР: ТЕОЛОГИЯ И КОСМОЛОГИЯ

- **Глава 08.** Тенгри: священное Небо, образ Творца и исток бытия
- **Глава 09.** Небо видимое и Небо сокровенное: купол мира и высший порядок
- **Глава 10.** Священная Земля-Вода: одухотворенный мир и благоговение перед жизнью
- **Глава 11.** Умай: материнское начало, защита колыбели и очага
- **Глава 12.** Предки и память рода: зов аруахов, тризна и завет отцов
- **Глава 13.** Святыни Степи: священные горы, целебные воды и дух огня
- **Глава 14.** Строение мира: три царства вселенной и Мировое Древо
- **Глава 15.** Вселенский закон Тёрё: Небо, государь и народ

КНИГА III. ЧЕЛОВЕК В МИРОЗДАНИИ: АНТРОПОЛОГИЯ

- **Глава 16.** Человек меж Небом и Землей: призвание и место во вселенной
- **Глава 17.** Природа человеческой души: дыхание жизни, незримый образ и дар благодати

- **Глава 18.** Благодать Кут: небесный дар, жизненная сила и величие духа
- **Глава 19.** Судьба и время: сроки жизни под властью Вечного Неба
- **Глава 20.** Жизнь под солнцем: радость земного бытия и полнота дней
- **Глава 21.** Таинство исхода: последний полет души и верность коня
- **Глава 22.** Память поколений: вечный камень и бессмертие имени
- **Глава 23.** Человек среди своих: единство рода, взаимопомощь и верность народу

КНИГА IV. УСТОИ И ПУТЬ: НРАВСТВЕННЫЙ КОДЕКС

- **Глава 24.** Чистота помыслов и грех: различение добра и зла в степной мудрости
- **Глава 25.** Честь и доброе имя: совесть батыра и незапятнанная слава
- **Глава 26.** Слово и клятва: священный обет на железе и огне
- **Глава 27.** Ответственность перед Небом: священный долг перед народом и потомками
- **Глава 28.** Мужество и доблесть: путь алып и богатырское благородство
- **Глава 29.** Справедливость и милосердие: суд по совести и защита слабого
- **Глава 30.** Почитание старших: благословение отцов и материнская молитва
- **Глава 31.** Дети как дар Неба: святость колыбели и воспитание чести
- **Глава 32.** Гость на пороге: священный закон хлебосольства и защита странника
- **Глава 33.** В ладу с природой: благоговение перед Землей-Водой и закон меры
- **Глава 34.** Умеренность и довольство: преодоление алчности в степной этике
- **Глава 35.** Служение закону: пределы ханской власти и верховенство правды

КНИГА V. ОБЫЧАИ И ЖИЗНЬ: ОБРЯДОВЫЙ СТРОЙ

- **Глава 36.** Встреча новой жизни: обряды колыбели и материнский покров Умай
- **Глава 37.** Священное жилище: юрта как образ вселенной и тепло очага
- **Глава 38.** Брачный союз: чистота крови семи предков и святость семьи
- **Глава 39.** Священный дастархан: круг согласия, обряд бас тарту и благословение бата
- **Глава 40.** Святость трапезы: белый кумыс, благословенная пища и чистота помыслов
- **Глава 41.** Благодарение Земле и Водам: моления у родников и священные рощи
- **Глава 42.** Охотничья тропа: почитание зверей, запреты и звериный стиль
- **Глава 43.** Праздники Степи: весеннее пробуждение Наурыза и сезонные моления
- **Глава 44.** Проводы души: погребальный обряд, плач жоктау и поминальная тризна
- **Глава 45.** Покой предков: каменные курганы, мазары и память вечности
- **Глава 46.** Слово мудреца: суд биев, сила примирения и искупление вины

КНИГА VI. СКАЗАНИЯ И ПРЕДАНИЯ: ЭПИЧЕСКИЙ ФОНД

- **Глава 47.** Рождение мира: таинство первоначала в эпической памяти
- **Глава 48.** Путь богатыря: доблесть, священный долг и судьба батыра
- **Глава 49.** Незримый дозор: память предков, аруахи и завет отцов
- **Глава 50.** Огонь испытаний: закалка духа, бездны мрака и победа над смертью
- **Глава 51.** Нарушенный лад: кривда, тяжесть вины и очищение души
- **Глава 52.** Звучащий дух: мудрость сказителей, вещее слово и глубина кюя
- **Глава 53.** Эхо веков: чему эпические сказания учат человека сегодня

КНИГА VII. ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД МИРОМ: ФИЛОСОФИЯ ПУТИ

- **Глава 54.** Путь человека: взросление души, наука совести и человечность
- **Глава 55.** Священный очаг: семья как союз родов и крепость шанырака
- **Глава 56.** Кровь и завет: человек и род, родовая тамга и верность братьям
- **Глава 57.** Дух единства: человек и народ, величие державы и завет братства
- **Глава 58.** Дыхание Земли и Воды: человек в живом мире и экологическая совесть
- **Глава 59.** Свет правды: человек и общество, равенство перед высшим судом
- **Глава 60.** Бремя служения: человек и власть, небесный мандат и воля народа
- **Глава 61.** Полет души: человек перед тайной смерти и бессмертие в добром имени
- **Глава 62.** Нить вечности: наказ потомкам и сохранение гармонии мира

КНИГА VIII. ТРАДИЦИЯ СКВОЗЬ ВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ ДУХА

- **Глава 63.** Река времен: стойкость традиционного духа сквозь века
- **Глава 64.** Духовная стойкость Степи: сохранение священного корня сквозь века
- **Глава 65.** Сбережённый свет: как живая вера в Тенгри сохранилась в сердце народа
- **Глава 66.** Неугасимый огонь: древние образы в народном быту и семейном укладе
- **Глава 67.** Голоса недавнего прошлого: живые свидетельства предков XVIII–XX веков
- **Глава 68.** Наследие веков: что сберегла народная память до наших дней
- **Глава 69.** Традиция сегодня: подлинная мудрость против современных вымыслов

- **Глава 70.** Искушение подделками: почему важно отличать правду от новодела

КНИГА IX. ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА И СМЫСЛ ТРАДИЦИИ: ИТОГ

- **Глава 71.** Картина мира: небо, земля и человек в целостном взгляде предков
- **Глава 72.** Человек перед Небом: достоинство, духовная сила и смысл жизни
- **Глава 73.** Нравственные основы: честь, верность слову, совесть и милосердие
- **Глава 74.** Человек и живая земля: благоговение перед природой и мера во всем
- **Глава 75.** Народ и согласие: единство народа, равенство перед правдой и служение обществу
- **Глава 76.** Смысл человеческого пути: преодоление суеты, испытания и вечная память
- **Глава 77.** Живая традиция: непреходящее духовное наследие предков

- **Список источников и литературы**

КНИГА I

ИСТОЧНИКИ И НАЧАЛО ТРАДИЦИИ

ГЛАВА

01

ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

ЭПОХА ХУННУ И ТАЙНА ИСТОКОВ

𐰋𐰺𐰆·𐰚𐰺𐰋𐰇·𐰇𐰚𐰋 𐰆𐰇𐰃𐰄·𐰀𐰃𐰄𐰆·𐰃 𐰃𐰋𐰏·𐰚𐰺𐰋𐰇·𐰃𐰇𐰚𐰇	*«Каждое утро шаньюй выходит из шатра и совершает благоговейное поклонение восходящему солнцу; вечером же он обращает взор на закат и совершает поклонение луне...»* ——— *(Сыма Цянь, «Ши цзи», гл. 110, ок. 100 г. до н. э.)*

С чего начинается путь человека, ищущего свои духовные истоки под открытым Небом? Он начинается с тишины утренней степи, с благоговейного предстояния перед первыми лучами восходящего солнца.

Долгое время учёные спорили, когда именно зародилась тюркская вера в Вечное Небо. Многие полагали, что духовная история начинается лишь тогда, когда появляются рукописные книги. Но степь не ведала книжной тесноты: её великой книгой был сам распахнутый небосвод, а первыми храмами — священные вершины гор и курганы, устремлённые ввысь.

Археологические открытия на просторах Алтая, Тувы, Забайкалья и Семиречья открыли удивительную правду: за тысячи лет до появления первых надписей наши древние предки уже жили

в глубочайшей гармонии с небесными светилами и ритмами природы.

В Уюкской котловине Тувы монументальные курганы Аржан-1 (IX–VIII века до н. э.) и Аржан-2 явили миру круговую бревенчатую архитектуру, точно воспроизводящую солярное колесо Вселенной. Конь для древнего степняка был не просто рабочим животным или военной силой: он почитался как священный солнечный спутник человека, чьё стремительное движение созвучно годовому бегу дневного светила.

В это же тысячелетие в степях воздвигались оленные камни — гранитные стелы, на которых выбивались летящие олени с ветвистыми рогами, устремлёнными ввысь к солнечным дискам. Эти камни служили первыми сакральными осями мира, соединяющими земную твердь с бескрайним Небом.

Прямой наследницей этой архаической мудрости стала великая Держава Хунну (Сюнну), объединившая степь в III веке до нашей эры под предводительством шаньюя Модэ. Китайский историограф Сыма Цянь в своих «Исторических записках» сохранил бесценное свидетельство того, как жил правитель кочевников:

«Каждое утро верховный владыка шаньюй выходит на рассвете из своего шатра и совершает благоговейное поклонение восходящему солнцу; вечером же он обращает взор на закат и совершает поклонение луне. При собраниях и пиршествах в ставке почитают восток и сидят, обратившись лицом к югу...»

Вглядись в это древнее священнодействие, и ты увидишь в нём глубокий философский смысл. Власть и авторитет человека в степи признавались справедливыми лишь постольку, поскольку его собственная жизнь была строго согласована с ритмами Вселенной. Утреннее поклонение солнцу было актом благодарного приятия

дневного света, тепла и жизненной силы, пробуждающей степь. Вечерний поклон луне напоминал о законе покоя, меры и цикличности бытия.

Вход в шатёр кочевника всегда был обращён на восток — навстречу солнцу и рождению нового дня. Сам же владыка восседал лицом к тёплому югу, держа за спиной неподвижную ось ночного неба — Полярную звезду, которую степная традиция благоговейно назвала Темір Қазық — «Железный Кол». Так человек в степном пространстве становился живым компасом мироздания, стоящим на перекрестии сторон света.

В древнем трактате «Янь те лунь» («Спор о соли и железе», 81 г. до н. э.) сохранились поразительные слова о совести степняков:

«Обычаи сюнну просты и не отягощены запутанными предписаниями. В управлении они держатся за суть дела, а не за внешнюю форму. Слово, данное пред лицом Неба, у них тверже любых письменных печатей...»

Именно здесь мы впервые встречаем в древних хрониках великий титул владыки степи — Чэнли гуту шаньюй. Древние летописцы поясняют: «Чэнли на их языке означает Небо; Гуту — сын или благодать; Шаньюй — великий». В языке предков это звучало как Тенгри-Кут (Teŋri-Qut) — «Озарённый небесной благодатью».

Запомни это священное слово — Кут. В мировоззрении Степи благодать Кут никогда не считалась личной собственностью или привилегией рода. Это высшее доверие Неба. Человек удерживает благодать лишь до тех пор, пока живёт по совести, творит правду, защищает слабых и бережёт мир. Если же в сердце правителя поселяются алчность, гордыня и жестокость, Небо отзывает Кут. И

тогда иссякают родники, наступает засуха, и власть рассыпается в прах.

Обрядовая жизнь хунну знала три великих праздника, связанных с круговоротом природы:

Первое малое собрание совершалось ранней весной, когда степь пробуждалась от зимней стужи. Старейшины благодарили Небо за перезимовавший скот и просили защиты для новорождённых ягнят.

Второе, Великое летнее собрание в пятый месяц года проходило в священном урочище Лунчэн на реке Орхон. Сюда съезжались тысячи родов, принося жертву триединому истоку жизни: Небу (Тенгри), Земле (Йер-Суб) и Предкам (Аруах).

Третье собрание приходилось на осень, когда скот нагуливал вес, и степь подводила итоги созидательного года, готовясь встретить суровые снега.

Священным металлом традиции было самородное золото — символ неугасимого солнечного света, не знающего ржавчины и тлена. Памятники сакских и хуннских курганов, такие как знаменитый «Золотой человек» из кургана Иссык и шедевры Ноин-Улы, показывают: солнце и свет почитались как зримое дыхание Небес.

А главным нравственным узлом степного общества была святость данного слова, скреплённого ритуалом Анта (Ant) — клятвы на священном железе. На вершине священной горы перед лицом открытого Неба старейшины скрепляли мир на клинке. Считалось, что сталь, рождённая из недр земли и закалённая огнём и водой, слышит клятву. Нарушителя слова ждала неотвратимая кара: его род лишался благодати, а оружие ломалось в бою.

Смерть же древние кочевники не считали мрачным концом бытия. Мерзлотные курганы Алтая — Пазырык и плато Укок — открыли захоронения коней в парадных уборах с оленьими рогами и крыльями. Смерть воспринималась как Великое Перекочёвье (Көшу) и временная разлука. Душа умершего, подобно вольной птице, улетала в небесные пастбища предков, а конь служил ей верным проводником сквозь пространства миров.

В эту же древнейшую эпоху родились три бытовых обычая, которые каждый из нас встречает и сегодня:

1. Очищение огнём (Алас) — зажжённая ветвь степного можжевельника (арчи), которой очищают жилище и колыбель от тревог и нечистых помыслов;

2. Благословение первым молоком (Сүт шашу) — окропление земли белой каплей на восток в знак благодарности за пищу;

3. Почитание порога (Босаға) — запрет наступать ногой на порог дома, ибо порог хранит мир семьи от внешнего холода и раздора.

❖ ❖ ❖

Остановись на мгновение и вслушайся в завет древнейших предков. В нём нет ничего сложного, но в нём заключена великая сила:

- **Начинай свой день с благодарности свету: выйди на рассвете, подними взор к чистому утреннему небу и вспомни, что день дарован тебе для созидания и добра.**

- **Относись к своему слову как к священному клинку: лучше промолчать, чем дать пустое обещание. Честность перед Небом и людьми делает твою душу неуязвимой.**

- **Помни, что благодать (Кут) не даётся за жадность. Чем больше ты отдаёшь тепла, заботы и помощи окружающим, тем обильнее Небо наполняет твою жизнь светом и покоем.**

ГЛАВА

02

СЛОВО НА ВЕЧНОМ КАМНЕ

ОРХОНСКИЕ И ЕНИСЕЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ

𐱅𐰼·𐰚𐰇·𐰃𐰇𐰋𐰇𐰋𐰇𐰚𐰃𐰇 𐰋𐰃𐰆𐰃·𐰔𐰇𐰇𐰴·𐰚𐰃𐰃𐰼 𐰇𐰃𐰇𐰃𐰼𐰇·𐰇𐰃𐰼𐰇	*«Ради тюркского народа повелел я высечь Вечный Камень (bäŋü taş), начертал на нём эти вечные письмена... Смотрите на этот вечный камень и знайте вовеки!»* ——— *(Памятник в честь Кюль-тегина, малая надпись, строки 11–13, 732 г.)*

Если ты хочешь услышать подлинный, незамутнённый голос наших предков, обратись не к пересказам поздних летописцев, а к вечному граниту.

В долине реки Орхон в Монголии и по берегам верховьев Енисея в Хакасии и Туве стоят каменные стелы, покрытые строгими клинообразными знаками — древнетюркским руническим письмом. В конце XIX века выдающиеся учёные Вильгельм Томсен и Василий Радлов взломали тайну этих знаков. И первое слово, которое прочёл Томсен на холодном камне, было слово: ТЕНГРИ.

Перед нами открылись не просто хроники военных походов Второго Тюркского каганата (682–744 гг.). Перед нами зазвучало глубочайшее религиозно-философское учение о человеке, мироздании и долге.

Стела в честь победоносного полководца Кюль-тегина открывается словами первозданной космогонии, которые должен знать каждый, кто ступает по пути традиции:

𐰸𐰇𐰼𐰺·𐰚𐰋𐰚·𐰴𐰃𐰋 𐰇𐰋·𐰃𐰇𐰋·𐰴𐰋𐰇 𐰴𐰇𐰴·𐰸𐰋𐰚𐰇·𐰆𐰇𐰴𐰇𐰇𐰇	*Üze kök teŋri, asra yaγïz yer qïlïntuqda, ekin ara kişi oγlï qïlïnmïş...* ——— *(«Когда вверху возникло Синее Небо, а внизу возникла Бурая Земля — меж ними обоими сотворены были сыны человеческие...»)*

«Üze kök Teŋri, asra yaγïz Yer qïlïntuqda, ekin ara kişi oγlï qïlïnmïş. Kişi oγlïnta üze eçüm apam Bumïn qaγan, İstemi qaγan olurmïş. Olurupan Türk bodunïŋ ilin törösin tuta bermiş, eti bermiş...»

«Когда вверху возникло Синее Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними двумя сотворён был сын человеческий. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев на царство, они держали и созидали эль и закон-тёрё тюркского народа...»

Вдумайся в эту священную картину бытия!

Небо (Кёк Тенгри) и Земля (Ягыз Йер) — это не враждующие стихии. Это две великие любящие полярности сотворённого мира: бескрайний лазурный отцовский купол вверху и плодородная бурая материнская опора внизу.

А между ними поставлен «сын человеческий» (kişi oγlï). Человек в тюркской мысли — это не случайная песчинка и не порабощённый раб. Он — связующее звено мироздания. Его предназначение — хранить космическое равновесие, утверждать на земле справедливый Закон-Тёрё и оберегать мир своего народа.

На стеле Бильге-кагана высечена поразительная философская истина о природе времени:

«Öd Teŋri yasar, kişi oγlï qop ölgeli törümiş...»

«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены смертными...»

Слово Öd в языке предков означает не пустые секунды часов, а живое, бытийное время: смену времён года, созревание трав, срок человеческой жизни. Время принадлежит Тенгри. Человек не выбирает эпоху своего рождения и не может отодвинуть предначертанный Небом предел своего земного дыхания. Но то, чем ты наполнишь это отпущенное Небом время — благородным подвигом (эрдем) или трусливым забвением совести, — всецело зависит от твоей собственной воли!

Стелы мудрого советника Тоньюкука раскрывают тайну непобедимости духа:

«Небо даровало нам силу, и потому войско моего кагана было подобно волку, а враги его — подобны овцам...»

Сила (küç) и мудрость (bilig) ниспосылаются Небом не ради гордыни, а для защиты правды и сбережения слабого.

А на берегах Енисея археологи обнаружили более ста пятидесяти надгробных стел простых витязей, вождей и старейшин. И в них нет ни тени мрачного загробного ужаса, ни стенаний отчаяния. Енисейские эпитафии звучат как величественный и нежный гимн земному бытию:

«Elime, bodunïma toymadïm!... Künke, ayqa toymadïm!...»

«Моим народом, моей родной землёй я не насытился! Солнцем и луной я не успел насладиться!»

Слово toy- в тюркском языке означает не утробную сытость, а полноту счастья, упоение красотой живого мира. Уходя из жизни,

воин благодарит Небо за каждый прожитый день, за тепло солнца, за верность коня, за смех детей и ласку супруги.

А сам уход из земного мира обозначался светлым и возвышенным словом uça bardï — «улетел птицей». Душа человека свободна и бессмертна: сбросив бренное тело в объятия Бурой Земли, она расправляет крылья и устремляется ввысь, к вечным истокам Тенгри.

Стелы воздвигались как Бэнгю таш (Bäŋgü taş) — «Вечный Камень». Предки знали: тело истлеет, оружие заржавеет, деревянные постройки сгорят. Но слово правды, высеченное на граните, простоит тысячелетия и заговорит с потомками через века.

❖ ❖ ❖

Памятники на вечном камне учат нас основам духовной зрелости:

- **Помни своё место во Вселенной: ты стоишь ровно между Небом и Землёй. Не превозносись над землёй и не забывай поднимать глаза к Небу. Твоя миссия —** не разрушать, а созидать лад.
- **Цени отпущенное время: помни завет «Öd Teŋri yasar». Не трать драгоценные дни на мелкие обиды, пустую зависть и суету. Каждый рассвет неповторим.**
- **Оставь доброе имя: живи так, чтобы дела твои были чисты, как родниковая вода, и тверды, как орхонский гранит. Истинно бессмертен лишь тот, чьё имя поминают добрым словом.**

ГЛАВА

03

ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

КАК СОСЕДНИЕ НАРОДЫ ОТКРЫВАЛИ ВЕРУ СТЕПИ

𐱃𐰇𐰚𐰺𐰋·𐰋𐰋·𐰚𐰺𐰋 𐰋𐰃𐰇𐰋𐰚𐰺𐰋·𐰇 𐰇𐰺𐰋·𐱃𐰋𐰺𐰋	*«Они почитают Небо, сотворившее всё сущее, чтут огонь и воду, воспевают землю, но поклоняются единственно Тому, Кто сотворил небо и землю...»* ——— *(Византийский историк Феофилакт Симокатта, VII в.)*

Истинная вера не боится открытого взгляда со стороны. Напротив, свидетельства чужеземцев — послов, купцов, путешественников и летописцев, приходивших в степь с запада, востока и юга, — служат беспристрастным зеркалом, в котором ясно отражается величие традиции.

Когда послы могущественных империй впервые переступали рубежи кочевых просторов, они нередко ожидали встретить диких язычников, поклоняющихся рукотворным истуканам. Но каково же было их изумление, когда вместо тёмных капищ они видели людей, чьим единственным храмом был открытый купол Вселенной, а высшим законом — верность данному слову!

Древнейшим свидетельством о европейских кочевниках — гуннах — являются записки византийского дипломата и мыслителя Приска Панийского, лично посетившего ставку Аттилы в 448 году.

Приск зафиксировал две фундаментальные черты степной духовности:

Во-первых, культ священного меча. По свидетельству Приска, пастух заметил, как одна из его коров поранила ногу в траве. Раскопав землю, он извлёк древний железный клинок и принёс его Аттиле. Правитель принял этот дар как знамение свыше: меч почитался как знак небесного мандата на защиту правды и объединение племён;

Во-вторых, благородную аскетическую простоту владыки. Приск с удивлением описывает пир: в то время как римские послы и военачальники пили вино из золотых и серебряных кубков, перед самим Аттилой стояла простая деревянная тарелка с варёным мясом, и пил он из деревянной чаши. Степняк знал: величие правителя измеряется не блеском драгоценной посуды, а служением народу и верностью закону предков.

Спустя столетие, в 568 году, византийский посол Земарх отправился к верховному тюркскому кагану Истеми в предгорья Тянь-Шаня. Историк Менандр Протектор оставил первое описание древнетюркского обряда очищения огнём (Алас):

«Когда Земарх приблизился к стану, вышли тюрки, называемые людьми очищения. Они взяли поклажу послов, разложили посреди поля и зажгли ветви степного можжевельника, произнося молитвы... Они верили, что дым изгоняет всякую скверну и злой умысел. Затем они провели самих послов между двумя кострами и лишь после этого допустили к кагану...»

Войдя в ставку, византийцы увидели кагана Истеми на золотом троне, снабжённом колёсами. Трон на колёсах — поразительный символ кочевой мысли: власть не привязана к мёртвому камню

одного города. Каган кочует вместе со своим народом, разделяя с ним зной лета и суровость зимних метелей.

Менандр Протектор записал главное теологическое открытие византийцев:

«Тюрки превыше всего чтут огонь, благоговеют перед водой и землёй, воспевают воздух и горы; но поклоняются и называют Богом единственно Того, Кто сотворил Небо и Землю. Ему в жертву они приносят коней и быков, обращая молитвы к востоку...»

Хронист с безупречной точностью уловил сакральную иерархию традиции: стихии природы почитаются как живые одухотворённые творения, но высшее поклонение воздаётся исключительно Единому Небесному Создателю.

В 681–682 годах епископ Исраел посетил кочевников Прикаспия. Армянский историк Мовсес Каганкатваци сохранил бесценное свидетельство:

«Превыше всего они чтут единого владыку бытия, которого называют Тангри-хан... Они посвящают Ему священные дубравы и высочайшие деревья. Они закалывают коней, кропят землю молоком и благоговейно предстоят Небу...»

Священное дерево осмыслялось как живая ось мира (Мировое Древо), соединяющая землю с горним светом Небес.

Китайские династийные хроники «Чжоу шу» и «Суй шу» (VII в.) зафиксировали обычай ежегодных государственных молений: в середине пятого месяца (в дни летнего солнцестояния) каган собирал старейшин у священной реки и на вершинах гор для благодарения Неба за мир и приплод скота. А погребение умерших строго согласовывалось с ритмом природы: погибших весной и летом хоронили осенью, когда опадают листья; погибших осенью и

зимой предавали земле весной, когда распускаются почки. Человек мыслился неотделимой частью природного круговорота.

А весной 922 года путешественник Ахмад ибн Фадлан застал кочевых огузов на плато Устюрт. Он записал возглас, вырывавшийся из груди степняка в час невзгоды:

«Если кого-либо из них постигает несправедливость или тяжкая беда, он поднимает голову к лазурному куполу Неба и восклицает: "Бир Тенгри!" [Bīr Teŋrī], что значит: "Единый Тенгри! Единый Бог!"...»

Ибн Фадлан отметил и священный экологический закон степи: суровый запрет осквернять проточную воду. Мыть грязные вещи или бросать мусор в текущую реку считалось тяжким грехом против духов Земли-Воды.

Кульминацией средневекового диалога стала беседа фламандского путешественника Гильома де Рубрука с ханом Мункэ в 1254 году. Хан произнёс бессмертные слова, выразившие степное великодушие:

«Мы веруем, что есть только единый Тенгри, Которым мы живём и Которым умираем, и к Нему мы обращаем наши чистые сердца... Но как Создатель дал руке разные пальцы, так Он дал народам различные пути к постижению истины. Живите же в мире и правде!»

❖ ❖ ❖

• **Будь прост и скромен: истинное достоинство человека —** не в показной роскоши, а в чистоте сердца и верности долгу, как у древних владык Степи.

- **Береги чистоту стихий: помни древний закон о запрете осквернять текущую воду.** Твоё отношение к реке, роднику и дереву показывает твоё истинное отношение к Творцу.
- **Когда сгущается тьма —** вспомни зов предков «Бир Тенгри»: подними глаза к Небу, успокой дыхание и доверься высшей правде. Равновесие мира непременно восстановится.

ГЛАВА

04

СЛОВО СТЕПИ СРЕДИ МИРОВЫХ УЧЕНИЙ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЮРКСКИЕ ТЕКСТЫ

𐱅𐰋𐰇𐰼·𐰃𐰋𐱃·𐰇𐰇𐰋𐰋 𐰉𐰓𐰍·𐰠𐰋𐰍·𐰋𐰋𐰃𐰋 𐰚𐰇𐰠𐰇·𐰋𐰋·𐰇𐰇𐰋𐰼	*«Тенгрикен — так предки называют мудреца, чьё сердце причастно Небу...»* ——— *(Махмуд аль-Кашгари, «Диван Лугат ат-Тюрк», 1074 г.)*

В XI–XII веках тюркский мир вступил в эпоху великой книжности. Появились рукописные фолианты, процветали библиотеки в цветущих городах Баласагуне, Кашгаре, Сайраме и Отраре.

Великие памятники средневековой тюркской литературы доказывают: вера и этика Степи не угасли с приходом чернил и бумаги. Напротив, они обрели классическое, высокое звучание, став этическим фундаментом для многих поколений.

Первым среди этих сокровищ стоит монументальный труд уроженца берегов Иссык-Куля Махмуда аль-Кашгари — «Диван Лугат ат-Тюрк» («Свод тюркских наречий», 1074 г.). Кашгари бережно собрал воедино живую духовную ткань кочевого мира.

Раскрывая значение слова Тенгри (Teŋri), Кашгари фиксирует его тройственную священную глубину:

1. Предвечный Творец: «Тенгри — это Всевышний Создатель, Владыка всего сущего». Кашгари подчёркивает, что слово употребляется как имя Единого Творца;

2. Видимый небосвод: Небо как зримое проявление бесконечного величия, гармонии и небесного света;

3. Священный трепет пред величием природы: «Тюрки называют словом "тенгри" всё величественное и благородное в творении — неприступную горную вершину или могучее многовековое древо, созерцая в них печать божественной силы...»

Кашгари сохранил древний титул мудреца — Тенгрикен (Teŋrikän). Это человек, чья душа настолько чиста, совестлива и созвучна высшему закону, что через него струится небесный свет.

В «Диване» Кашгари звучат древние пословицы, запечатлевшие нерушимую этику:

«Көз тойса да, көңіл тоймас» — «Глаз может насытиться пищей, но сердце ненасытно к красоте мира»;

«Ердем башы — тыл» — «Начало всякой доблести — сдержанность языка и верность слову»;

«Татсыз тюрк болмас, башсыз бёрк болмас» — «Как нет шапки без головы, так нет степняка без верности долгу».

Вторым сияющим маяком средневековой мысли стала бессмертная поэма Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание», 1069 г.). Это грандиозный этико-философский трактат, в котором древнетюркская идея благодати (Кут) соединилась с учением о справедливости (Тёрё).

Поэма построена как глубокая философская беседа четырёх образов, олицетворяющих высшие добродетели человеческой жизни:

1. Кюн-Тогды (Восходящее Солнце) — олицетворение Справедливого Закона (Тёрё). Как солнце светит одинаково всем — царю и нищему, цветку и камню, не уклоняясь с пути, так и высший Закон должен быть абсолютно беспристрастен;

2. Ай-Толды (Полная Луна) — олицетворение Благодати (Кут). Как луна растёт, сияет в полнолунии, а затем убывает, так и благодать даётся человеку во временное испытание: возгордишься — и она покинет тебя;

3. Огдюльмиш (Разум) — воплощение земной мудрости и рассудительности;

4. Одгурмыш (Пробуждённый) — образ чистого духа, отрешённости от суеты и созерцания вечности.

Баласагуни провозглашает золотое правило традиции:

«Власть проходит, богатство тает, как весенний снег. Лишь две вещи не знают тлена под солнцем: праведный закон-тёрё и доброе имя (эдгу ат), оставленное в сердцах людей...»

А в пещерах Дуньхуана на древнем Шёлковом пути археологи обрели уникальную рукопись X века — Ирк Битиг («Книга гаданий и знамений»), написанную руническим письмом на шёлковой бумаге. В ней шестьдесят пять притч о птицах, зверях, кочевниках и природных знаках.

Лейтмотивом «Ирк Битиг» через всю рукопись проходит радостное утверждение: «Ança biliŋlär: ol ädgü ol!» — «Знайте сие: это благо! Всё кончится добром!». Миросозерцание предков было пронизано светлым, спокойным доверием: если человек хранит

чистоту сердца (arïγ bolmaq), не вредит живым существам и следует завету отцов, Небо обязательно отведёт беду и дарует мир.

❖ ❖ ❖

- **Стремись к состоянию «Тенгрикен»: держи свой внутренний взор чистым, а помыслы —** прозрачными. Тот, кто соединяет свой ум с правдой Неба, никогда не заблудится в земных потёмках.
- **Помни образ Кюн-Тогды: будь справедлив ко всем без исключения. Справедливость —** это способность дарить тепло и защиту каждому, кто слабее тебя.
- **Ищи «Благодатное знание» (Кутадгу Билиг): истинное знание делает человека скромным, добрым и терпеливым. Если знания рождают в тебе высокомерие —** это не мудрость, а духовный яд.

ГЛАВА

05

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

СКАЗАНИЯ, ПРЕДАНИЯ И ЭПИЧЕСКИЙ ГОЛОС СТЕПИ

𐰓𐰋𐰺𐰇𐰋·𐰇𐰓·𐰃𐰼𐰺𐰓 𐰓𐰃𐰇𐰋𐰇·𐰴𐰾𐰽𐰇 𐰺𐰇𐰓·𐰆𐰺𐰇𐰺	*«Пока звучит вещее слово сказителя, пока бьются струны кобыза — жив народ, и не прервётся нить благодати под Небом...»* ——— *(Из предания о Коркут-Ате)*

Письменные книги могут истлеть в огне пожарищ, гранитные стелы могут со временем расколоться под ударами бурь. Но есть храм, который невозможно разрушить внешним насилием: это живая память народа, передаваемая из уст в уста от отца к сыну, от матери к дочери.

Эпическое наследие тюркских народов — огузский «Китаби Деде Коркут», башкирский кубаир «Урал-батыр», кыргызский гигант «Манас», алтайский «Маадай-Кара», казахский и ногайский «Алпамыш», якутское «Олонхо» — это не сказки для праздного развлечения. Это священные писания номадов, запечатлевшие тайны мироздания, кодекс богатырской чести и заветы предков.

В огузской эпической книге «Деде Коркут» главным духовным наставником выступает старец Коркут-Ата — первый сказитель, создатель священного струнного инструмента — кобыза. Предание гласит: Коркут искал бессмертия, обходя все четыре стороны света,

но везде встречал разверстые могилы. И тогда он понял великую истину: плоть бренна, избежать телесного заката невозможно. Истинное бессмертие обретается лишь в служении добру, в звуках мудрой песни, соединяющей людей, и в незапятнанной памяти рода.

Струны кобыза Коркута звенели голосом священных лебедей и плачем степного ветра, разгоняя злых духов и примиряя враждующие роды. Коркут учил:

«Слово, сказанное криво, чернит лицо человека; слово, сказанное по правде, озаряет путь целому народу...»

В древнейшем башкирском кубаире «Урал-батыр» раскрывается глубочайшая философская мистерия борьбы со смертью и злом. Батыр Урал отправляется на поиски Живой Воды (Йәншишмә), чтобы даровать бессмертие роду человеческому. Пройдя сквозь огонь и бездны, сокрушив хтонических змеев и чудовищ, Урал добывает чашу с живой влагой.

Но что делает великий батыр? Он не выпивает воду сам! Он расплёскивает её на окружающую природу, на родные горы, реки и степи, восклицая:

«Пусть земля цветёт вечно! Пусть не умирает родная природа, пусть поют птицы и журчат ручьи! А человек пусть живёт добрыми делами!»

Урал-батыр приносит свою земную жизнь в жертву ради бессмертия родной земли и гармонии людей с природой. Его тело становится священными Уральскими горами, защищающими мир от северных ветров, а его дух возносится к Вечному Небу.

В кыргызском эпосе «Манас» — самой грандиозной поэме человечества — образ батыра предстаёт как образ защитника

единства народа. Манас собирает «рассеянный народ в единый кулак, лоскутное одеяло соединяет в прочный шанырак».

Опорой батыра неизменно выступают благословение мудрой матери Чыйырды, совет преданной и прозорливой Каныкей и молитва к верховному Тенгри. В решающие мгновения битвы батыр обращает взор к зениту, и Небо ниспосылает ему силу духа.

В этих сказаниях конь батыра — Акбузат, Тайбурул, Байчибар — неизменно наделён разумом, даром речи и крыльями. Это не просто конь: это Тулпар, небесный брат человека, предупреждающий об опасности и выносящий раненого воина из пропасти небытия. Единство батыра и его скакуна — символ нерасторжимой дружбы человека со всем живым творением.

Эпос учит главному закону степной жизни: сила без совести есть слепая разрушительная ярость. Подлинный богатырь (Алып / Батыр) обнажает клинок только ради защиты очага, матери, вдовы и сироты. Тот же, кто обращает силу на грабёж и притеснение слабых, теряет благодать Неба и неизбежно гибнет в бесславии.

❖ ❖ ❖

- **Будь батыром в собственной жизни: истинное богатырство —** не в накачанных мышцах, а в твёрдости духа. Не бойся встать на сторону правды, даже если ты стоишь один против многих.
- **Помни подвиг Урала: не ищи корыстного бессмертия для одного себя. Отдай свои силы тому, что останется после тебя —** посаженному дереву, очищенному ручью, воспитанным в доброте детям.
- **Слушай мудрость сказителей: учись слышать музыку природы —** шум трав, журчание воды, свист ветра. В них звучит

древний напев традиции, напоминающий, что ты — часть живого, дышащего и священного мира.

ГЛАВА

06

ПАМЯТЬ КРОВИ И ЗЕМЛИ

ОБЫЧАИ, ОБРЯДОВЫЙ УКЛАД И СТЕПНОЕ ПРАВО

ᛇᛟᛊᚴ·ᛗᛏᛗᚴ·ᛉᛚ ᚠᛚᛯᛏᛟ·ᛇᚴᛚ·ᚠᛚᛯᛏᛟ ᛚᚴᛏᛟ·ᛗᛏᛗᚴ	*«Кто не знает семерых предков — тот блуждает во тьме без корней; кто чтит отцов — тот опирается на скалу вечности...»* ——— *(Степная народная мудрость)*

Философия Степи никогда не оставалась отвлечённой умозрительной теорией. Она была растворена в каждом движении повседневного быта, в геометрии войлочной юрты, в первом глотке белого кумыса, в строгом ритуале семейной трапезы и в священных заветах обычного права.

Краеугольным камнем степного самосознания на протяжении тысячелетий остаётся закон Жеті ата (Семь предков) у казахов, Ете быуын у башкир, Жети ата у кыргызов. Каждый мальчик и каждая девочка с малых лет обязаны были твёрдо знать имена, деяния и нравственный облик своих прямых предков по мужской линии до седьмого колена.

Этот обычай имел глубочайший биологический и духовный смысл:

Во-первых, строжайший запрет на браки внутри семи поколений одного рода гарантировал генетическую чистоту, физическое здоровье и могучую силу потомства;

Во-вторых, и это главное — память о семи предках формировала непрерывную цепь нравственной ответственности. Человек знал: за его спиной стоят семь поколений достойных отцов и матерей, берегших честь рода. Совершить подлость, украсть, предать клятву означало осквернить память всех своих дедов и навлечь несмываемый позор на головы ещё не рождённых внуков.

В центре традиционного кочевья стояла юрта (кийиз үй / тирмә) — совершенная модель Вселенной.

Круг юрты повторял горизонт открытой степи;

Сферический купол воспроизводил шатёр лазурного Неба;

Круглое верхнее отверстие — шанырак (саңырау / түндүк) — служило небесным окном, через которое солнечные лучи освещали очаг, а дым молитв возносился прямо к звёздам. Шанырак почитался как величайшая святыня семьи: его бережно передавали младшему сыну (кенже), хранителю родового очага. Пожелание «Шаңырағың биік болсын!» («Да будет высок твой шанырак!») означало пожелание вечного благоденствия и мира дому.

Священным центром юрты был очаг (ошак). Огонь домашнего очага почитался как живое тёплое женское божество — От-Ана (Мать-Огонь). В огонь строго возбранялось лить воду, бросать мусор или касаться пламени остриём ножа. Считалось, что мир в семье держится на уважении к огню: когда в юрте возникал спор, старейшина молча указывал на тлеющие угли, и спорщики замолкали, стыдясь осквернить святыню гневными речами.

А межой, отделяющей дом от внешнего мира, служил порог (босаға). Порог осмыслялся как граница родового космоса. На порог нельзя было наступать ногой или садиться на него: переступать порог надлежало с правой ноги, с открытой головой и миром в душе. Сказать «порогом клянусь» (босағаңмен ант етейін) было равносильно священной присяге.

Правопорядок в кочевом обществе держался на авторитете обычного права (Тёрё / Адат / Жеті Жарғы) и мудрости биев — народных судей.

Суд биев был открытым состязанием совести и красноречия под открытым Небом. Бием мог стать только тот, кто обладал безупречной честностью, кристальной репутацией и непререкаемым авторитетом в народе. Золотое правило суда биев гласило:

«Таспен атқанды аспен ат» — «В того, кто бросил в тебя камень, брось угощение»;

«Жарлы болсаң да, арлы бол» — «Будь беден имуществом, но богат честью»;

«Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» — «У праведного судьи нет родственников; у судьи, потакающего родне, нет совести пред Небом».

Главной целью правосудия было не физическое насилие или тюремное заточение (в степи не было ни тюрем, ни палачей), а восстановление нарушенного лада, примирение враждующих родов через справедливое возмещение ущерба (кун) и очищение души раскаянием.

❖ ❖ ❖

• Узнай свои корни: найди время и расспроси старших о своих предках. Запиши их имена, кем они были, какие испытания прошли. Человек, знающий свой род, обретает за спиной несокрушимую стену духовной поддержки.

• Береги свой домашний очаг: сделай свой дом местом тишины, уважения и любви. Не приноси через порог злобу и раздражение внешнего мира. Пусть тепло твоего очага согревает каждого, кто входит в твой дом.

• Суди по совести: если между тобой и близкими возник спор, не стремись победить любой ценой. Стремись к правде и миру. Прощение и примирение требуют неизмеримо большего мужества, чем слепая вражда.

ГЛАВА

07

МЕЖА ИСТИНЫ

ПОДЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ И ОЧИЩЕНИЕ ОТ ВЫМЫСЛА

𐰇𐰴𐰼·𐰃𐰚𐰚𐰇·𐰺𐰼𐰚 𐰋𐰽𐰼𐰋𐰇𐰇·𐰼 𐰇𐰴𐰼·𐰋𐰽·𐰚𐰇	*«Слово правды подобно солнечному лучу: оно не боится пыли веков и не нуждается в чужих прикрасах. Тот, кто приписывает предкам вымышленные законы, крадёт у них их подлинное величие...»* ——— *(Из размышлений о Законе Тёрё)*

Завершая первую книгу, посвящённую истокам и свидетельствам, мы должны остановиться на самой важной духовной меже — меже между правдой и вымыслом.

Каждый, кто начинает изучать веру предков, неизбежно сталкивается с опасным соблазном. Наш современный ум, привыкший к готовым книжным шаблонам и сводам догматов, часто ищет в древней Степи то, чего там никогда не было: строгие параграфы катехизисов, вымышленные «десять заповедей Тенгри» или сложные мистические ритуалы, придуманные современными авторами.

Но подлинный философ и искренний искатель истины должен обладать строгой духовной трезвостью. Подлинная традиция не нуждается в фальшивой позолоте. Её истинное величие — в кристальной чистоте и простоте.

Давай же честно проведём границу и ясно назовём: что нам известно о вере древних тюрков абсолютно достоверно, а что является позднейшими домыслами, от которых необходимо решительно очистить сознание.

ДОСТОВЕРНОЕ ЯДРО ТРАДИЦИИ:

1. Почитание Тенгри (Вечного Синего Неба) как верховного бестелесного Творца, высшего Разума, дарователя жизни и владыки судеб. Это подтверждено сотнями синхронных надписей на камнях, древними хрониками и живым языком;

2. Почитание Великой Триады начал: Небесного Отца (Тенгри), Материнского покровительства (Умай) и Священной одухотворённой природы (Йер-Суб);

3. Институт благодати (Кут) — осознание того, что сила, здоровье, власть и счастье даются человеку Небом исключительно как долг и ответственность за других, и отзываются при несправедливости;

4. Вселенский Закон-Тёрё — вера в нерушимый космический и нравственный порядок, которому подчинено всё сущее;

5. Святость совести и данного слова — присяга на верность (Ант), неподкупный суд по правде и приоритет доброго имени (Эдгу ат) над материальным богатством;

6. Неразрывное единство с предками (Аруах) — ощущение себя живым звеном в цепи поколений;

7. Отсутствие рукотворных идолов и храмов — благоговейное признание открытого купола природы единственным истинным алтарём Создателя.

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ВЫМЫСЛОМ И НОВОДЕЛОМ:

- Вымышленные «догматические священные книги древних тюрков»: у предков не было застывшего бумажного канона, их книгой было само мироздание;
- Искусственные «заповеди Тенгри», сформулированные в подражание чужим религиям: традиция учила не через абстрактные списки запретов, а через живой пример отцов, совесть (уят), пословицы и вековой закон-тёрё;
- Попытки превратить веру в Тенгри в агрессивный националистический манифест или повод для превозношения над другими народами: Тенгри — Небо над всей землёй, и солнце светит каждому человеку. Истинная традиция чужда шовинизма и высокомерия;
- Оккультные манипуляции и псевдошаманские спектакли: древнее предстояние перед Небом было строгим, спокойным, трезвым и открытым, без экстатического безумия и тёмного суеверия.

Если о каком-то древнем обряде или слове источники не сохранили прямых свидетельств, честный наставник спокойно говорит: «Об этом у нас нет точных данных». И в этом признании нет слабости — в нём заключается подлинная научная добросовестность и уважение к памяти отцов.

Традиция Тенгри сильна не мёртвыми догматами, а живым духом. Она сохранилась потому, что отвечала на главные вопросы человеческой совести: как быть человеком чести, как любить родную землю, как не потерять человечность среди испытаний.

Очистив взор от наносных иллюзий и современных подделок, мы готовы перейти ко второй ступени нашего пути — к познанию того,

как древние мудрецы созерцали устройство Неба, Земли и великих сил Вселенной.

❖ ❖ ❖

- **Ищи правду, а не красивые сказки: не верь тем, кто обещает лёгкие чудеса или придумывает древние откровения ради моды. Подлинная мудрость всегда скромна, проста и требует внутренней работы над собой.**
- **Проверяй любое учение его плодами: если учение сеет в твоём сердце злобу, гордыню или презрение к другим —** отвернись от него. Истинный свет Неба рождает в душе мир, доброту, ответственность и благодарность.
- **Будь честен перед собой: признать «я не знаю» —** первый шаг к подлинному знанию. На этом твёрдом камне честности мы продолжим наш путь под лазурным куполом Тенгри.

КНИГА II

НЕБО И МИР: ТЕОЛОГИЯ И КОСМОЛОГИЯ

ГЛАВА

08

ТЕНГРИ

СВЯЩЕННОЕ НЕБО, ОБРАЗ ТВОРЦА И ИСТОК БЫТИЯ

𐱃𐰇𐰋𐰚𐰇:𐰋𐰇:𐰋𐰚𐰇 𐰴𐱃𐰃𐰇𐰋𐰚𐰇:𐰏 𐰆𐰓:𐱃𐰋𐰚𐰃	*«Небоподобный, на Небе зародившийся тюркский Бильге-каган... По соизволению Неба и потому, что была у меня благодать [кут], воссел я каганом, дабы возродить народ!»* ——— *(Большая надпись в честь Кюль-тегина / стела Бильге-кагана, 732–735 гг.)*

Зримым ликом и метафизическим истоком всей степной традиции, её сокровенным смыслообразующим горизонтом выступает теоним Тенгри (Täŋri / Teŋri). В этом изначальном слове запечатлена не просто вера в высшие силы, но целостное созерцание мироздания, где Небо мыслится как высшая направляющая воля, праведный Закон и животворящий Свет бытия.

В историографии XIX и XX веков понятие Тенгри неоднократно становилось жертвой взаимоисключающих исследовательских крайностей:

1. Эволюционистский редукционизм: Сведение верховного божества древних кочевников к «примитивному обожествлению физического атмосферного купола» либо растворение его в стихии саяно-алтайского шаманизма, где Небо низводилось до статуса одного из многочисленных духов верхнего мира.

2. Попытка навязать чуждые догматы: Попытка представить древнетюркское мировоззрение в виде готового книжного монотеизма ближневосточного образца с приписыванием кочевникам абстрактной схоластики, фиксированных догматов и вымышленных моральных кодексов.

Подлинный историко-философский анализ требует принципиально иной исследовательской оптики. Вера в Тенгри не была ни примитивным анимизмом, ни заимствованной догматической системой. Это был оригинальный, органично выросший из степного бытия способ постижения целостности Вселенной — сокровенная вера в Небо, пребывающее во всём сущем и превыше всего, в котором видимый физический купол являлся зримым ликом невидимого, всеобъемлющего и справедливого Первоначала.

Фундаментом для реконструкции теологии Тенгри служат аутентичные синхронные тексты Второго Тюркского каганата (682–744 гг.), высеченные на гранитных и мраморных стелах в долине реки Орхон и бассейне Селенги.

Первая строка Большой надписи в честь Кюль-тегина открывается формулой, задающей великий вселенский порядок всего мироздания:

𐰸𐰇𐰼𐰇:𐱅𐰇𐰇:𐰇𐰋𐰇 𐰇𐱃:𐰋𐰇𐰃:𐰇𐰋𐱅 𐰇𐰇𐱅:𐰃𐰇𐱅𐰇:𐰆𐰇𐰇𐰇𐰇	*«Üze kök teŋri, asra yaγïz yer qïlïntuqda, ekin ara kişi oγlï qïlïnmïş. Kişi oγlïnta üze eçüm apam Bumïn qaγan İstemi qaγan olurmïş...»* ——— *(«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган...»)*

Грамматический строй этой фразы чрезвычайно показателен. Глагольная форма qïlïntuqda / qïlïnmïş представляет собой страдательно-возвратный залог от древнетюркского глагола qïl- (делать, творить, созидать). Небо (Kök Teŋri) и Земля (Yaγïz Yer) предстают как две первичные полярности сотворенного бытия — верхняя лазурная твердь и нижняя бурая опора. Между ними помещен «сын человеческий» (kişi oγlï), чье предназначение — удерживать космическое равновесие под властью каганов, учреждающих закон предков (törö).

В строке 29 той же надписи прямо указывается источник воинской доблести и государственной дееспособности:

𐰇𐰼𐰚𐰇𐰴·𐱃𐰼𐰇·𐰼𐰚𐰋𐰚 𐰆𐰃𐰋·𐰇𐰋𐰋·𐰋𐰼𐱃𐰼 𐰇𐰼𐰇𐰚·𐰃𐰋·𐰼𐰚𐰼𐰴	*«Teŋri küç bertük üçün qaŋïm qaγan süsi böri teg ermiş, yaγïsï qoy teg ermiş...»* ——— *(«Так как Небо даровало силу, войско моего отца-кагана было подобно волкам, а враги его были подобны овцам...»)*

Понятие küç (мощь, жизненная сила, энергия действия) не является имманентным свойством человека. Оно не принадлежит кагану по праву плотского рождения. Эта сила ниспосылается свыше исключительно как доверие Неба правителю, выполняющему свой космический долг.

В эпитафии Бильге-кагана (строка 10) зафиксировано одно из самых глубоких философских суждений древнетюркской мысли:

𐰋𐰺𐰃·𐰼𐰚𐰋·𐰇𐰴 𐱅𐰃𐰆·𐰼𐰼𐰇𐰃·𐰃𐱅𐱃 𐰇𐰼𐰇𐰼𐰚𐰋·𐰼𐰃𐰃𐰼	*«Öd Teŋri yasar, kişi oγlï qop ölgeli törümiş.»* ——— *(«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть»).*

Лексема Öd в древнетюркском языке означает не абстрактную математическую длительность, а качественное, бытийное время —

срок жизни, смену космических циклов и времен года. Глагол yasa- несет значение «устроять, распределять, приводить в порядок, устанавливать закон».

Небо здесь предстает не просто пространственным куполом, а владыкой времени. Оно отмеряет меру бытия каждому существу. Смертность человека признается естественным естественным законом (törümiş — возникший по закону), перед которым равны и бедный пастух, и могущественный каган.

Универсальный характер почитания Тенгри подтверждается тем, что синхронные свидетельства о нем обнаруживаются на огромном пространстве от Балкан до Ближнего Востока.

В первой столице Дунайской Болгарии — Плиске — была найдена каменная триумфальная колонна огурских булгар с грекоязычной надписью хана Омуртага (814–831 гг.):

«...ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΙ ΟΜΟΥΡΤΑΓ... ΘΕΟΣ ΤΑΓΓΡΑ...»

«...Канасюбиги Омуртаг... Бог Тангра...»

Буквосочетание гамма-гамма (ГГ) в среднегреческой эпиграфике передавало велярный носовой согласный звук [ŋ], что дает точную транслитерацию тюркского Tangra / Teŋri. Титул Kanasubigi («Хан, поставленный от Бога / от Неба») демонстрирует полное соответствие орхонской формуле Teŋridä bolmïş («рожденный/утвержденный в Небе»). На западной оконечности тюркского мира, на границе с Византийской империей, теоним Тенгри сохранял тот же высший теологический ранг.

Арабский дипломат и секретарь посольства багдадского халифа Ахмад ибн Фадлан, пересекший прикаспийские степи и плато Устюрт весной 922 года, оставил бесценное описание религиозного возгласа кочевых гузов (огузов):

«Если кого-либо из них постигает несправедливость или тяжкая беда, он поднимает голову к небу и восклицает: "Бир Тенгри!" [Bīr Teŋrī], что значит: "Единый Бог!", ибо бир — это один, а Тенгри на языке тюрок — Всевышний Бог».»

Ибн Фадлан зафиксировал естественную теологическую реакцию степняка: при крушении земной справедливости, когда бессилен суд людей, взор человека устремляется в зенит к Единому Небу.

В словаре «Диван лугат ат-турк» великий караханидский ученый XI века дает развернутое определение слова:

𐰔𐰚𐰋·𐰴𐰇𐰚𐰇𐰋·𐰘𐰇𐰋𐰋 𐰴𐰋𐰋·𐰇𐰇𐰋𐰋𐰇𐰔𐰴 𐰇𐰋𐰇𐰋·𐰋𐰇𐰋	*«Тенгри [Teŋri] — Всевышний. На языке язычников-тюрок Teŋri означает само небо; точно так же они называют словом Teŋri все грандиозное и возвышенное, поражающее разум, как величественную гору или исполинское дерево, и почитают их за священные знаки... А мудрого, богобоязненного, справедливого и праведного мужа они именуют tengrikän [богоподобный]».*

Кашгари фиксирует двуединство семантики: Тенгри — это и Первопричина бытия, и видимое небо, и проявление величия Творца в земных ландшафтах (теофания в исполинских деревьях и скалах).

Этимология теонима Teŋri / Täŋri исследовалась виднейшими компаративистами — В. Томсеном, В. В. Радловым, Дж. Клаусоном, Г. Дёрфером и А. В. Дыбо.

Пратюркская основа корня реконструируется как \teŋ- (быть равным, соразмерным, справедливым, уравновешивать; ср. древнетюркское teŋ — равный, одинаковый, мера).

От этой же основы происходят:

teŋ-le- — взвешивать, судить по правде, соизмерять;

teŋ-deş — ровня, соратник, равный по чести;

teŋ-lik — равенство, равновесие, баланс.

Аффикс -ri / -ru в архаическом тюркском языке маркировал направленность в пространстве и статус пребывания в высшей сфере (ср. il-geri — вперед/на восток, yügə-ri — ввысь).

Таким образом, на глубинном лингвистическом уровне теоним Тенгри означает не просто физическую высь, а Космическое Равновесие, Воплощенную Меру и Верховную Справедливость. Небо потому правит миром, что оно абсолютно соразмерно и беспристрастно.

Одной из самых поразительных черт культа Тенгри, зафиксированной всеми независимыми источниками, является полное отсутствие рукотворных храмовых зданий и антропоморфных кумиров.

1. Принципиальная неизобразимость:

Ни в одном синхронном тексте — от ханьских хроник Сыма Цяня до записок византийца Менандра и отчетов Рубрука — не зафиксировано скульптурного изображения Тенгри. Попытка вырезать, вылепить или отлить Небо в образе человека либо зверя считалась святотатством. Всеохватывающее Небо не имеет границ, а потому не может быть заключено в форму. Каменные изваяния (балбалы и көк-тасы), во множестве рассеянные по степям Евразии, изображали исключительно павших витязей, героических предков или побежденных врагов, но никогда — верховного Творца.

2. Открытый горизонт как алтарь:

Единственным храмом, достойным Тенгри, признавался сам открытый купол мироздания. Точками наивысшей близости к Небу

выступали горные вершины — священная гора хунну Бодэншан, отюкенские скалы тюркских каганов, шиханы Южного Урала (Торатау, Юрактау), вершины Улытау и Хан-Тенгри на Тянь-Шане.

3. Обряд моления:

Моление Тенгри совершалось на возвышенностях лицом к востоку, навстречу восходящему солнцу. Молящийся обнажал голову, расстегивал пояс (знак отказа от оружия и готовности предстать нагим духом перед Небом), воздевал ладони к зениту и произносил прошение вслух, без помощи жреческой касты.

Живая традиция почитания Неба не исчезла со сходом с исторической сцены Тюркского каганата, а органично вошла в структуру народного самосознания казахов, башкир, татар, киргизов, алтайцев и других тюркских народов.

В казахском обычном праве (заң, әдет) и языке теоним Тәңір на протяжении столетий сохранял статус верховного этического судии.

В ситуациях, когда свидетельское право заходило в тупик и человек не мог доказать свою невиновность земным судом, он произносил формулу:

«Тәңір бар!» — «Тенгри есть! Небо видит правду!»

Эта формула означала готовность принять прямой небесный суд. Ложная клятва перед лицом Тәңір считалась неотвратимым родовым проклятием, поражающим потомство до седьмого колена.

Народная поговорка, зафиксированная Чоканом Валихановым и Серали Лапиным, гласит:

«Құдайдан қорықпағаннан қорық, Тәңірден ұялмағаннан ұял»

«Бойся того, кто не боится внешней кары; стыдись того, у кого нет стыда перед Небом»).

Здесь понятие ҙят (внутренний стыд, совесть) напрямую связывается с предстоянием перед всевидящим оком Неба.

В этнографическом фонде башкирского народа, подробно исследованном Р. Г. Кузеевым и Ф. Г. Хисамитдиновой, зафиксирован архаический термин Оло Тәңре (Великий Тенгри).

Во время весенне-летних обрядовых молений Теләк, проводившихся на вершинах сакральных гор-шиханов, старейшины родов обращались к Небу с мольбой о даровании дождя, мира родам и умножения жизненной субстанции — ҡот:

«И, Оло Тәңре, ергә йәм бир, илгә бәрәкәт бир, балаларға ҡот бир!»

«О, Великий Тенгри, даруй земле красоту, народу — изобилие, детям — благодатную жизненную силу кут!»).

В башкирском эпосе «Урал-батыр» верховным владыкой небесного яруса выступает царь птиц Самрау, чьи черты сохраняют древнейший образ благого небесного первопредка, чуждого насилию и требующего от батыра очищения земного мира от скверны и зла.

В осмыслении онтологического статуса Тенгри раскрывается глубочайшая интуиция Небесного Творца. С одной стороны, вера степных кочевников являет собой древнейшее предчувствие Небесного Отца-Творца, пребывающего вне материального мира, всеведущего и справедливого. С другой стороны, священная традиция каганата не замыкалась в абстрактной схоластике: рядом с верховной волей Тенгри благоговейно почитались богиня плодородия и материнства Умай и священная ткань родной земли — Йер-Суб.

Выдающийся религиовед Мирча Элиаде рассматривал веру степных народов как ярчайший пример «Urmonotheismus» — древнейшей интуиции Небесного Отца-Творца, пребывающего вне материального мира, всеведущего и справедливого, который со временем уступает место более динамичным культам стихий, но вновь выходит на авансцену в эпохи великих исторических потрясений.

«Teŋri, Umay, ïduq Yêr-Sub basa berti erinç...» («Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали победу...»).

Перед нами стройная иерархическая триада, в которой Тенгри занимает безусловное верховное положение первоначала, определяющего судьбы каганата, тогда как Умай и Йер-Суб ведают витальными силами земного и родового бытия.

Разграничение с шаманизмом (Ч. Валиханов, Д. Банзаров):

Еще в середине XIX века первые бурятские и казахские просветители Доржи Банзаров («Черная вера, или шаманство у монголов», 1846) и Чокан Валиханов («Следы шаманства у киргизов», 1861) категорически развели культ Неба и камлания шаманов (баксы, камов). Шаман обращается к духам предков, нижнего мира или стихийным силам для исцеления конкретной болезни или предсказания; обращение же к Тенгри являлось всенародным, открытым священным предстоянием без экстатического транса и посредников.

На основе сопоставления эпиграфики, лингвистики и этнографии раскрывается трехчастное философское ядро теологии Неба:

Небо объемлет все сущее: человек дышит его воздухом, ориентируется по его светилам, пьет воду, ниспосланную в виде

дождя. Небо близко каждому вздоху, но в то же время оно недосягаемо высоко, вечно и непреложно. Это присутствие Творца во всем сотворенном при сохранении Его абсолютного суверенитета.

Тенгри чужд эмоционального каприза. Он не требует льстивого славословия, не подкупается пышными приношениями и не меняет законов бытия ради капризов смертных.

Единственное, что связывает человека с Небом — это верность Закону Тёрё (Törö) и чистота помыслов (arïγ bolmaq). Всякое нарушение данного слова, клятвопреступление, угнетение слабого и разрушение мира оборачиваются немедленным отнятием благодати (кут). Небо карает не из гнева, а по закону восстановления нарушенного равновесия.

Поскольку Небо едино над всей землей и шатер Вселенной открыт во все стороны горизонта, культ Тенгри порождал в номаде глубокое чувство личной свободы и онтологического достоинства.

Степняк не знал рабского пресмыкательства перед закрытым храмом или жреческой корпорацией. Предстоя перед открытым Небом на вершине кургана, каждый свободный скотовод ощущал себя прямым сыном мироздания, обязанным отвечать за свой род, свою землю и свою честь.

В тесном пространстве искусственных мегаполисов и светящихся экранов человек легко утрачивает сопричастность космической беспредельности, сводя смысл жизни к сиюминутному потреблению. Однако чистый взор, обращенный к Небу, мгновенно восстанавливает истинную шкалу бытия: человек вспоминает, что он — не случайная пылинка, а живая мыслящая сердцевина огромного, одухотворенного космоса.

Вместе с тем принцип безусловного предстояния пред Небом освобождает человеческую этику от внешнего надзора и страха перед земными карами. Человек поступает по правде не из боязни перед стражей, а потому, что каждый его поступок совершается под всеобъемлющим оком Тенгри, от которого невозможно скрыть лукавство. Наконец, осознание себя помещенным меж Голубым Небом и Бурой Землей утверждает предельный экологический императив: Земля — не поле для алчной эксплуатации, а священное подножие Неба (Ïduq Yêr-Sub), нарушение равновесия которого оборачивается неминуемой катастрофой для сынов человеческих.

Каким образом в сознании древних тюрков соединялись видимое физическое небо — солнце, луна, созвездия, грозовые тучи — и невидимый, вечный трансцендентный Свет, дарующий дыхание всему сущему? Почему полярная звезда почиталась как «Железный Кол», удерживающий мироздание, и какова была карта ночного неба в представлениях степных астрономов и мудрецов?

❖ ❖ ❖

- **Осознавай присутствие Высшего: Тенгри не заперт в каменных стенах. Где бы ты ни находился —** в поле, на горной тропе или в комнате, — Небо видит каждый твой вздох и знает тайну твоего сердца.
- **Держи помыслы в чистоте (arïγ bolmaq): Небо нельзя подкупить дарами или пустыми обещаниями. Единственное, что приятно Тенгри, —** это праведная жизнь, верность правде и сострадание к слабому.
- **Обрети внутреннюю свободу: стоя перед бескрайним Небом, не бойся земных владык и суеты. Ты —** сын Вселенной, наделённый честью и достоинством.

ГЛАВА

09

НЕБО ВИДИМОЕ И НЕБО СОКРОВЕННОЕ

КУПОЛ МИРА И ВЫСШИЙ ПОРЯДОК

𐰚𐰇𐰴·𐰆𐰚𐰋𐰺·𐰇𐰆𐰇 𐰆𐰚𐰆𐰺·𐰔𐰓𐰃𐰉 𐰇𐰴𐰚𐰴·𐰴𐰃𐰋	*«Latin: Caelum — Persicum: Asman — Cumanicum: Kök.»* *«Latin: Deus — Persicum: Choda — Cumanicum: Tengri...»* ——— *(«Codex Cumanicus», Венецианская рукопись, л. 66r, 1303 г.)*

Одной из самых тонких и спорных проблем тюркологии на протяжении двух столетий оставалось соотношение между видимым физическим небом и верховным Божеством номадов. В трудах позитивистов XIX века бытовало поверхностное суждение, будто кочевники древности находились на стадии «наивного натурфилософского фетишизма»: не будучи способны к абстрактному мышлению, они якобы буквально обожествляли синий цвет атмосферы, грозовые тучи и физический воздух.

Однако тщательный лингвистический анализ первоисточников — от орхонских стел VIII века и словаря Махмуда аль-Кашгари XI века до кыпчакско-половецкого кодекса XIV века — открывает поразительную строгость понятийного аппарата традиции.

В сознании степняка никогда не происходило слепого смешения природной материи и духовного Первоначала. Традиция четко различала видимое небо (Kök) — сотворенный, физический купол вселенной, вместилище светил и источник атмосферных осадков, и Тенгри (Teŋri) — невидимого, трансцендентного Творца, наделяющего космос порядком, дарующего каганам благодать (кут) и управляющего человеческой судьбой.

Неопровержимое доказательство этого понятийного разделения сохранил уникальный памятник западнотюркской письменности — «Codex Cumanicus» (рукопись библиотеки собора Святого Марка в Венеции, датированная 1303 годом). Созданный в низовьях Волги и в Крыму для нужд купцов и миссионеров, контактировавших с кыпчаками Дешт-и-Кыпчака, кодекс фиксирует трехъязычные терминологические соответствия на латинском, персидском и половецком языках.

На листе 66r рукописи читаем строгие словарные параллели:

Для понятия физического неба, небосвода:

Latin: Caelum — Persicum: Asman — Cumanicum: Kök.

Для понятия Всевышнего Бога, Творца:

Latin: Deus — Persicum: Choda — Cumanicum: Tengri.

Разведение этих двух сфер в живой речи половцев было абсолютным. Тюрк-кыпчак никогда не называл Бога словом Kök, точно так же как физический атмосферный купол никогда не обозначался словом Tengri. Слово Kök указывало на пространственную твердь, цвет и космическую сферу; слово Tengri указывало на суверенную Волю, Разум и Первопричину.

Когда в том же кодексе (лист 69v) переводчики передавали молитву на половецкий язык, первая строка звучала так:

«Atamïz kim köktesiŋ, alγïšlï bolsun seniŋ atïŋ, kelsin seniŋ xanlïγïŋ...»

«Отче наш, пребывающий на небесах [köktesiŋ], да святится имя Твое, да приидет царствие Твое...»).

Здесь пребывание Бога в высшей сфере выражается формой местного падежа от основы kök (көкте — на небе), тогда как Сам Он выступает трансцендентным Владыкой, не тождественным материалу небесного купола.

В фундаментальном словаре тюркских наречий «Диван лугат ат-турк» (1074 г.) Махмуд аль-Кашгари с присущей ему филологической точностью фиксирует семантическую структуру слова kök:

1. Kök — это видимый лазурный свод:

«Kök qabarï — небесный купол, небесная твердь, вознесенная над землей».

2. Kök — это первородный цвет: лазурь, синева, цвет чистой воды и ясного дня.

3. Kök — это корень, глубинное родовое происхождение (ср. современное көк / төркін — исток, ствол, родовая глубина).

Комментируя случаи, когда кочевые тюрки применяли эпитет teŋri к исполинским горам или грандиозным вековым деревьям, Кашгари делает глубокое богословское замечание: тюрки называют их так не потому, что считают само дерево или скалу Богом-Творцом, но потому, что созерцают в их мощи и непоколебимости явленный след божественного величия (teŋrikän). Это форма благоговения перед творением, отражающим величие своего Создателя.

В рунических текстах орхонских каганов и енисейских памятников видимое небо предстает не как хаотическая пустота, а как строго организованная, кристаллическая система координат.

Осевым центром видимого неба для всех кочевых народов Евразии являлась неподвижная Полярная звезда, именовавшаяся в древнетюркских текстах Altan Qasïq («Золотой Кол»), а в более поздних традициях степных и лесостепных тюрков — Temir Qazyq / Тимерҡаҙыҡ / Темир казык («Железный Кол»).

В мифопоэтической и практической астрономии Степи Полярная звезда мыслилась как космическая коновязь, вбитая верховным Небом в самую макушку мирового купола:

К этой неподвижной коновязи невидимой небесной уздой привязаны созвездия;

Две яркие околополярные звезды созвездия Малой Медведицы осмыслялись как два священных небесных коня — белый и сивый (Aqbozat и Kökbozat / башк. Аҡбуҙат менән Күкбуҙат);

Созвездие Большой Медведицы — Jeti Qaraqçï / Жетіқарақшы («Семь разбойников») — мыслилось как семерка преследователей, кружащих ночь за ночью вокруг коновязи, пытаясь настичь и похитить священных коней.

Эта астрономическая модель имела первостепенное практическое и сакральное значение:

Практически: Полярная звезда служила абсолютным навигационным ориентиром в бескрайних ночных переходах по пустыням и степям;

Сакрально: Вход в войлочную юрту кочевника всегда ориентировался строго на юг либо восток, так что задняя, самая

почетная стена шатра (төр / төр) оказывалась обращенной на север — под незримое покровительство неподвижной Небесной Оси.

Дневное светило — Солнце (Kün) — почиталось как зримое око Тенгри, источник живительного тепла, созидающего растительный и животный мир. Как мы видели из свидетельств Сыма Цяня об императорах хунну, утренний поклон солнцу был первым священным долгом правителя.

Ночное светило — Луна (Ау) — мыслилось как хранительница времени, сокровенных циклов женского плодородия и ритмов кочевания. Фазы луны определяли сроки созыва курултаев, заключения мирных договоров и перекочевок на новые пастбища.

Уникальный архаический пласт представлений о многоярусности видимого и невидимого неба сохранился на северо-восточной периферии тюркского мира — в якутском героическом эпосе Олонхо («Ньургун Боотур Стремительный», зафиксированном П. А. Ойунским):

1. Үөһээ Дойду (Верхний Мир):

Небо в Олонхо делится на девять концентрических ярусов (халлаан). Каждый ярус обладает собственной плотностью, цветом и населен благими духами — божествами Айыы.

2. Үрүҥ Айыы Тойон (Белый Творец-Господин):

На самом высшем, девятом ярусе, в ослепительном молочно-белом сиянии восседает верховный демиург — Белый Творец Юрюнг Айыы Тойон. Он невидим для смертных глаз, пребывает в абсолютном покое и гармонии, не вмешиваясь в повседневную суету, но поддерживая само бытие мироздания.

3. Белый конь как символ Небесного Света:

В жертву Юрюнг Айыы Тойону и светлым духам Айыы никогда не приносили кровных жертв с насилием. Единственным истинным даром Небу являлся обряд Ысыах — кропление перебродившим кобыльим молоком (кумысом) в сторону восхода солнца и посвящение Небу живого белого скакуна (ытык ат), на которого после обряда никто не смел садиться верхом.

Этот северо-восточный реликт сохранил то же глубинное понимание, что и орхонские стелы: верховное Небо — это сфера белого света, созидания и жизни, абсолютно противоположная мраку, скверне и распаду.

В живой этнографической памяти тюркских народов — казахов, киргизов, башкир, татар, хакасов и саха — различие между материальным физическим небом и предвечным Создателем сохранялось с безупречной ясностью вплоть до Новейшего времени.

В казахском языке видимое физическое небо обозначается словом Аспан (восходящим к древнеиранскому āsmān через шелкопутные контакты) либо автохтонным термином Көк (лазурный свод, зенит).

При этом Всевышний Творец именуется исключительно Тәңір (или народным Құдай). В казахской речи невозможно услышать оборот: «Пошел дождь из Тенгри» или «На Тенгри набежали тучи». Дождь идет с неба (аспаннан / көктен жаңбыр жауды), тучи заволакивают небосвод (аспанды бұлт торлады). Но когда человеку требуется восстановить попранную правду или воззвать к высшей совести, он говорит:

«Тәңір көріп тұр!» — «Тенгри видит все содеянное!»

«Тәңірге тапсырдым» — «Вверяю суд Небесному Владыке».

Видимое небо — это место действия атмосферных явлений; Тенгри — духовный Гарант мирового равновесия.

В башкирской традиции, детально документированной Ф. Г. Хисамитдиновой и Р. Г. Кузеевым, слово Күк означает физическую высь, лазурь, небосвод. В обрядовой практике моления на шиханах старейшины обращались к Богу формулой:

«И, Күктәге Оло Тәңре!» — «О, пребывающий в Небесах Великий Тенгри!»

Священный купол неба признается престолом и обиталищем Творца, но не Самим Творцом. Небосвод — это священный шатер, раскинутый над человеческим родом, внутри которого горит огонь жизни.

В созерцании природы Неба переплетаются два глубоких религиозно-философских взгляда. Для древнего номада видимый физический купол был не мертвой материей, а одушевленной космической целостностью. В то же время в эпитафиях Небо выступает как высший разумный субъект: оно соизволяет, дарует жизненные силы, ведает сроками человеческого бытия и карает вероломство. Видимое небо и невидимый Творец пребывали в неразрывном священном единстве.

Французский исследователь Жан-Поль Ру в труде «Религия тюрок и монголов» (1984 г.) утверждал, что для архаического сознания кочевника не существовало разделения на дух и материю. Небо, по Ру, было «живым организмом», а Тенгри являлся не трансцендентным духом за пределами космоса, а одушевленной космической целостностью. Лишь под воздействием мировых религий тюрки якобы начали отделять Бога от физического купола.

Сергей Григорьевич Кляшторный убедительно возражал концепции Ру, опираясь на синтаксический анализ древнетюркских эпитафий. В надписях Кюль-тегина и Бильге-кагана Небо выступает как субъект воли: оно «дарует силу» (küç bertük üçün), «ведает сроками времени» (Öd Teŋri yasar), «карает предателей» и «гневается». Неодушевленная или чисто натурфилософская стихия не может обладать гневом, справедливостью и нравственным выбором. Уже в VIII веке образ Тенгри обладал чертами высочайшей духовной разумности.

Синтез этих подходов приводит к выводу: древнетюркское мировоззрение представляло собой органический панэнтеизм. Небо физическое являлось видимым покровом, телом и явлением (теофанией) невидимого Тенгри. Кочевник благоговел перед лазурным куполом именно потому, что через него открывался непостижимый Свет Творца.

Онтологическая архитектоника тюркской традиции раскрывается не в механических схемах, а в строгой восходящей иерархии созерцания. В ней нет разрыва между физическим миром и духом, но есть ясная градация бытийной глубины.

Начальной ступенью выступает видимый атмосферный свод — Көк / Аспан. Это зримый покров вселенной, сменяемость света и тьмы, движение облаков и ветров, животворящая влага весенних дождей, пробуждающая степной ландшафт. Для номада эта лазурная чаша священна уже потому, что она поддерживает дыхание биосферы, являясь непосредственным источником земной жизни.

Второй ступенью становится сакральная геометрия светил — небесная ось мира. В неподвижном сиянии Алтын Казыка (Полярной звезды) кочевник прозревает вечный центр вращения

мироздания. Звезды вокруг него — не хаотичные искры, а табуны небесных коней и стражи космического равновесия. На этом уровне Небо предстает как совершенный ритм, дарующий ориентиры пути, смену календарных сезонов и меру пространства.

Наконец, предельной и всеобъемлющей вершиной созерцания является Тенгри как надмирное, трансцендентное Первоначало. Пребывая над сотворенным куполом, Он наполняет его Своим незримым присутствием. Тенгри — не физическое вещество неба, но Источник самого Бытия, Держатель высшего нравственного порядка (Törö), Дарователь животворящей благодати (Qut) и нелицеприятный Владыка священного времени (Öd). Мир предстает как живой шатер, в котором физическая лазурь служит зримой завесой предвечной Тайны.

Различение видимого небосвода и трансцендентного Тенгри перестает быть фактом академической археологии, когда мы обращаемся к трагедии человека современной эпохи.

Современная цивилизация оказалась пленницей плоской горизонтали. Человек замкнут в геометрии искусственных помещений, автомобильных магистралей и мерцающих экранов; его зрение отучено от простора, а сознание лишено переживания вертикали. В этой сугубо горизонтальной суете неизбежно рождается экзистенциальная слепота: забывая о Небе над головой, человек теряет подлинный масштаб собственного бытия и воображает себя единоличным хозяином мира.

Взгляд в зенит, сохраненный тюркской традицией, совершает онтологический переворот в душе. Предстоя перед открытым простором, человек внезапно осознает, что над его тревогами и страстями раскинут вечный купол Правды. Принцип совести перестает быть абстрактным правилом: степное сознание живет

знанием того, что всякое земное дело совершается перед всевидящим оком Создателя («Тәңір көріп тұр!»), от которого невозможно утаить кривду.

Из этого благоговения перед лазурной высью рождается и подлинное экологическое сознание. Небо — не бездонный резервуар для промышленных выбросов, а священный покров жизни. Попрание чистоты воздуха и разрушение климатического баланса в оптике традиции есть святотатственное восстание против Тёрё — грех, за которым неотвратимо следует отнятие небесной благодати. Восстановить живую связь с Небом — значит вернуть человеку его первозданное достоинство: предстоять миру свободно, твердо и с чистым сердцем.

Если Небо — это Отец, дарующий закон, время и благодать власти, то кто принимает этот небесный свет и воплощает его в живом теле степи? Какова сакральная природа Бурой Земли и текущих по ней вод, почитавшихся древними тюрками как священное божество Ыдук Йер-Суб (Ïduq Yêr-Sub)? Почему осквернение земли, замутнение родников и распашка пастбищ воспринимались в кочевой культуре как тягчайшее преступление против мироздания?

❖ ❖ ❖

- **Найди свой «Железный Кол» (Темір Қазық): как номады находили путь по Полярной звезде, так и ты найди в душе неподвижную ось правды, вокруг которой вращается твоя жизнь.**
- **Живи по космическим часам: уважай смену времён года, встречай восход солнца и провожай закат луны. Человек, живущий в ритме неба, не знает душевного истощения.**

• Учись у ночного неба тишине: когда в сердце поднимается тревога, выйди под звёзды. Их спокойный, вечный свет вернёт тебе внутреннюю тишину и ясность ума.

ГЛАВА

10

СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ-ВОДА

ОДУХОТВОРЕННЫЙ МИР И БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

𐱅𐰇𐰃·𐰴𐰋𐰋·𐰋𐰋 𐰋𐱅𐰋𐰴·𐰋𐰋𐰇𐰇 𐰋𐰋𐱃𐰋𐰴·𐰋𐰋𐰃	*«Священная Земля-Вода отцов наших так повелела: “Да не исчезнет вовеки тюркский народ, да пребудет эль его вечно под открытым Небом!”»* ——— *(Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 11, 732 г.)*

Врелигиозно-философской мысли тюркских народов пространственный универсум никогда не воспринимался как нейтральная материальная протяженность, геометрическая пустота или сырьевой склад, предназначенный для хищнического исчерпания. Наряду с верховным Небом-Тенгри фундаментальной сакральной силой мироздания выступала Священная Земля-Вода (Ïduq Yêr-Sub).

В оседло-земледельческих цивилизациях древности и средневековья земля неизбежно приватизировалась, дробилась на межи, распахивалась плугом и подвергалась кардинальной геометрической трансформации. Для кочевника-скотовода степной ландшафт оставался целостным, первозданным телом планеты.

Земля мыслилась не как неодушевленный объект права собственности, а как одушевленная, благодатная лоно-матерь — Жер-Ана / Ер-Инə, чьи травы вскармливают скот, чьи родники поят людей и чьи недра хранят покой предков. Нарушение целостности

этого тела, бессмысленное осквернение источников или разрушение пастбищ расценивалось традицией не просто как хозяйственный ущерб, а как тягчайшее космическое преступление против сакрального порядка.

В монументальных надписях Второго Тюркского каганата категория Земли-Воды занимает совершенно особое место. Она фигурирует не как пассивная территория государства, а как полноправный субъект сакральной воли, участвующий в решении исторических судеб эля.

В строке 38 памятника мудрому советнику каганата Тоньюкуку победа тюркского войска над превосходящими силами коалиции врагов прямо приписывается совокупному действию трех высших сил:

𐰋𐱅𐱃·𐰃𐰇𐰋𐰽 𐱅𐰃𐰆·𐰴𐱃𐱅·𐰇𐰋 𐰃𐰇𐰇𐱅·𐱃𐱅𐰴	*«Teŋri, Umay, ïduq Yēr-Sub basa bērti erinç...»* ——— *(«Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...»).*

Здесь Ïduq Yêr-Sub поставлена в один ряд с Творцом-Тенгри и богиней плодородия Умай. Это не метафора патриотизма, а признание того, что сама земля, ее горы, ущелья, переправы и реки обладают собственной метафизической субъектностью. Земля защищает тех, кто живет по закону предков (törö), и губит тех, кто нарушает клятвы.

В памятниках Кюль-тегину (КТм 3–4) и Бильге-кагану (БКм 4) формулируется главный геополитический и духовный завет древнетюркской государственности:

«Ötükän yïš olursar, beŋgü il tuta olurtačïsen... Ötükän yerdä yïduq yoq ermiş...»

«Если ты пребываешь в священных лесистых горах Отюкен, ты будешь вечно держать государство... В земле Отюкен нет скверны, в ней пребывает благодать...»).

Слово yïš в древнетюркском языке означает высокогорную лесистую местность, горную чернь с реликтовыми кедровыми и лиственными лесами Хангайского хребта. Отюкен мыслился не просто как удобное естественное укрепление; это была пуповина мира, сакральный центр каганата, где связь между Небом и Землей была наиболее прямой и чистой. Уход кагана из Отюкена на равнины Китая или в далекие чужие оазисы воспринимался как духовная измена корням, влекущая неминуемый распад государства.

Византийский историк и дипломат Менандр Протектор, описывая посольство Земарха ко двору тюркского кагана Истеми (Дизавула) в 568 году в предгорьях Тянь-Шаня, сохранил поразительное свидетельство о религиозной практике тюрок:

«Они благоговейно чтут огонь, поют хвалу воде и земле, но поклоняются и называют Богом единственно Творца Неба и Земли, принося Ему в жертву лошадей, волов и овец».»

Менандр зафиксировал точнейшую теологическую иерархию, полностью совпадающую с данными орхонских памятников:

Верховный Творец — Тенгри — почитается абсолютным владыкой бытия;

Земля, Вода и Огонь почитаются как священные, первозданные стихии тварного космоса, через которые проявляется божественная жизнь.

Слово Ïduq в древнетюркском лексиконе (ДТС, с. 203) представляет собой одну из важнейших религиозно-правовых категорий.

Глагольная основа ïd- означает «посылать, отпускать, освобождать». Буквально ïduq — это то, что отпущено на волю Бога, изъято из мирского, утилитарного оборота и посвящено высшим силам:

1. Ïduq mal (посвященный скот):

Животное (чаще всего белый конь или бык), посвященное Тенгри или духам гор, метилось особым знаком. На нем запрещалось возить грузы, его шерсть не стригли, его молоко не доили для продажи, и его категорически запрещалось забивать на мясо. Оно свободно паслось до естественной смерти.

2. Ïduq Yêr-Sub (священная земля и вода):

Определенные урочища, истоки рек, рощи и горные вершины признавались заповедными зонами. В них запрещалась охота в период размножения зверей, запрещалась рубка живых деревьев, запрещалось осквернение почвы нечистотами. Понятие ïduq служило фундаментом для древнейшей системы заповедников и природоохранных зон Евразии.

Выдающимся памятником степной экологической философии является древнейший башкирский кубаир «Урал-батыр», истоки которого восходят к эпохе бронзы и раннего железа.

Сюжетная кульминация эпоса строится вокруг поиска батыром источника бессмертия — Йәншишмә (Живой воды). Пройдя сквозь нечеловеческие испытания, одолев демонические силы подводного и подземного миров (дэвов и змея Кахкаху), Урал-батыр добывает кувшин с живой водой. Однако вместо того, чтобы выпить ее

самому и обрести личное эгоистическое бессмертие, герой совершает беспрецедентный поступок:

«Если я один буду жить вечно — какая польза миру?»

«Пусть вечно живет Земля, пусть вечно цветут травы,»

Пусть вечно текут чистые реки для людей и зверей!..»

Урал-батыр набирает в рот живую воду и кропит ею окружающие горы, иссохшие долины и степи. Земля оживает, покрывается вечной зеленью, а сам батыр принимает смертный удел. После физической кончины его могучее тело превращается в Уральский горный хребет, реки становятся его жилами, а сердце — жемчужным озером.

В эпосе выражен предельный закон кочевого биоцентризма: жизнь целого биогеоценоза неизмеримо выше жизни отдельной человеческой особи. Человек призван служить хранителям природы, а не ее тираном.

В традиционной культуре тюркских народов экологическая этика была оформлена в строжайшую систему поведенческих запретов (тыйым / тыйыу) и священных обрядовых практик бережного отношения к природе.

В казахском обычном праве и бытовом воспитании существовал нерушимый кодекс бережного отношения к ландшафту:

1. Культ истоков («Бұлақ көрсең — көзін аш»):

Народная мудрость «Увидишь родник — расчисти его исток» требовала от каждого путника ухода за источниками. Замутнение питьевого ключа, стирка белья или мытье посуды непосредственно в источнике считались тяжелым грехом (обал / кие). Воду черпали посудой и отходили на расстояние.

2. Запрет на ранение почвы («Жерді орынсыз қазба»):

Запрещалось бесцельно ковырять землю ножом, копьем или палкой. Считалось, что бессмысленное ранение дерна приносит несчастье скоту. Земля воспринималась как живая кожа, которую нельзя резать без крайней необходимости.

3. Концепт «Кие» (сакральное возмездие природы):

Казахский концепт кие обозначает имманентную святость определенных птиц (лебедь — аққу, филин — үкі) и животных. Убийство лебедя считалось неминуемой причиной гибели рода охотника. Природа обладала правом на самозащиту.

Ежегодный весенний праздник пробуждения Земли-Воды — Ҡарғатуй — проводился башкирами на священных холмах и полянах.

Женщины, старики и дети выходили на природу, варили в огромных котлах обрядовую кашу из злаков и после совместной трапезы раскладывали остатки каши на камнях и ветвях деревьев, угощая первых прилетевших перелетных птиц — грачей:

«Ашығыҙ тәмле булһын, ергә йәм килһен, һыуға йән килһен!»

«Да будет сладка ваша пища, да придет на землю краса, да оживут чистые воды!»).

Птицы осмыслялись как живые посланники Неба к Земле, знаменующие победу тепла над зимним оцепенением. Обряд восстанавливал круговорот благодати между небом, земной почвой, птицами и человеком.

Кочевое природопользование Великой Степи поражает своей органичной гармонией: жизнь человека двигалась в унисон с ритмами дыхания ландшафта, где сезонные кочевья (қыстау, көктеу, жайлау, күзеу) позволяли степи непрестанно обновляться.

Священная Земля-Вода (Ыдук Йер-Суб) осмыслялась как живая одухотворенная плоть родины и хранительница мира предков.

Лев Николаевич Гумилев в труде «Древние тюрки» и «Этногенез и биосфера Земли» подчеркивал, что кочевые сообщества Великой Степи находились в состоянии поразительного динамического равновесия со своим вмещающим ландшафтом. Сезонная смена пастбищ (зимовка — қыстау, весеннее пастбище — көктеу, летовище — жайлау, осеннее — күзеу) была выстроена таким образом, чтобы травяной покров успевал полностью восстановиться. Кочевник не истощал степь, он двигался вместе с ритмами ее дыхания.

С. Г. Кляшторный доказал, что Ïduq Yêr-Sub в пантеоне Тюркского каганата представляла собой не просто географическое понятие, а самостоятельное верховное божество земно-водного плодородия, защитницу родины и хранительницу границ отечества.

В степной теологии отношения между тремя главными началами бытия образуют не механическую схему, а неразрывный, трепетный жизненный континуум.

На горнем полюсе пребывает Көк Тенгри — верховный Отец, непостижимый Свет и созидательный Дух. От Него исходит предвечный Закон (Törö), животворящая благодать власти и рода (Qut), а также мера качественного времени (Öd). Но этот небесный импульс не зависает в пустоте. На дольнем полюсе ему навстречу раскрывается Ыдук Йер-Суб — священная Мать, живое тело Земли и текучих Вод. Земля дарует смертному человеку его телесный состав, питает сочными травами табуны, утоляет жажду хрустальными истоками рек и принимает в конце пути бренные кости в свое материнское лоно.

Между этими двумя космическими полюсами помещен Киши оглы (Kişi oγlï) — сын человеческий. Его положение уникально: он не является самовластным тираном природы, но и не низведен до уровня бессловесного животного. Человек поставлен в средоточие мира как сознательный медиатор и хранитель равновесия. Его долг перед Небом — жить в чистоте помыслов и незапятнанной чести (arïγ bolmaq); его долг перед Землей — не причинять ей бессмысленной боли, оберегать ее заповедные урочища и передать цветущий ландшафт потомкам. Равновесие мира держится на том, насколько прямо человек держит эту ось совести.

Главная болезнь современной цивилизации заключается в гордыне хищнического антропоцентризма. Человек вообразил себя единоличным хозяином вселенной, для которого природа — лишь инертное сырье для биржевых спекуляций и технологического передела. В противоположность этому безумию тюркская традиция напоминает: Земля и Воды обладают собственной, изначальной сакральностью. Они священны сами по себе, независимо от человеческой корысти. Всякая цивилизация, строящая свое временное процветание на поругании почвы и отравлении источников, подрубает ствол собственного бытия и неизбежно низвергается в небытие по непреложному закону вселенского суда.

Возрождение категории Ыдук (Ïduq) — абсолютной священной заповедности — становится категорическим императивом для выживания человечества. Как древний номад запрещал себе обнажать лезвие ножа у истока ключа и не смел перепахивать ковыльную целину, так и современный мир обязан изъять из зоны рыночной эксплуатации легкие планеты, горные хребты и океанские глубины. Ступая по земле, человеку надлежит помнить: он идет не по мертвой грязи, а по праху отцов и по живому телу

Великой Матери, дарующей хлеб и дыхание. Истинная зрелость духа измеряется не тоннами извлеченной руды, а способностью благоговейно хранить земную чистоту.

Кто такая богиня Умай (Umay), чье имя рядом с Небом и Землей высечено на орхонских памятниках? Почему она изображалась с золотыми волосами и чашей жизни в руках, как ее культ переплавился в казахскую традицию «Ұмай Ана» и башкирскую «Май-инә», и почему без женской ипостаси божественного тюркская вселенная была бы неполной?

❖ ❖ ❖

• **Почитай Землю-Воду (Йер-Суб) как живую мать: никогда не бросай мусор в реку, не ломай ветвей без нужды и не оскверняй родников. Земля помнит доброту и щедро отвечает любовью.**

• **Соблюдай закон меры: бери от природы ровно столько, сколько необходимо для жизни. Алчность —** это восстание против космического порядка, ведущее к саморазрушению.

• **Очищай истоки: если видишь засорённый родник —** расчисти его русло. В народе говорят: «Увидишь родник — открой ему взор». В этом — живое служение миру.

ГЛАВА

11

УМАЙ

МАТЕРИНСКОЕ НАЧАЛО, ЗАЩИТА КОЛЫБЕЛИ И ОЧАГА

𐰺𐰋𐰣·𐰋𐰇·𐰃𐰺𐰽 𐱅𐰽𐰼·𐰽𐰽𐱅𐰇𐰾𐰽 𐰇𐰾𐰋𐰇·𐰾𐰣𐰣·𐰺𐰾𐰇𐰾	*«Umay teg ögüm qatun qutïŋa inim Köl Tégin er at boldï...»* ——— *(Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 31, 732 г.)*

Висториографии кочевых обществ Евразии долгое время господствовал односторонний стереотип: кочевая степь воспринималась исключительно как суровый, замкнутый мир воинов-всадников, где безраздельно властвовал патриархальный закон меча, а женщине отводилась сугубо служебная роль хранительницы очага и продолжательницы рода.

Однако анализ древнетюркского пантеона полностью разрушает эту схему.

На высшей ступени сакральной иерархии Второго Тюркского каганата, непосредственно рядом с верховным Творцом-Тенгри, зафиксировано персонифицированное женское божество высшего ранга — богиня Умай (Umay).

Традиция кочевников не знала презрения к женскому началу. Если Небо выступало источником закона, космического времени и военной силы (küç), то Умай являлась подательницей самой

витальной субстанции бытия — плодоносящего материнского лона, защиты новорожденных, здоровья детей, домашнего мира и сакрального продолжения рода. Без женской благодати Умай мужчина не мог обрести силу батыра, а каган не имел права править народом.

Древнейшие достоверные свидетельства о богине Умай запечатлены на мраморных стелах каганата, что свидетельствует о ее высоком государственном статусе.

В строке 31 Большой надписи в честь Кюль-тегина его царственный брат Бильге-каган произносит глубокие слова:

«Umay teg ögüm qatun qutïŋa inim Köl Tégin er at boldï...»

«Благодаря благодати [кут] моей матери-катун, подобной богине Умай, мой младший брат Кюль-тегин обрел взрослое мужское имя...»).

Этот пассаж раскрывает фундаментальную теологическую концепцию:

1. Катун как земное воплощение богини:

Мать правящих каганов — катун (царица) — уподобляется самой богине Умай. Ее власть в ставке кочевников не была номинальной; она обладала собственным сакральным покровом — Qatun Qutï (женской благодатью Неба).

2. Обретение богатырского имени:

В традиции номадов наречение взрослым мужским именем (er at) знаменовало переход юноши в статус полноправного воина эля. Этот переход был невозможен без благословения матери и заступничества Умай. Именно женская сила охраняла дыхание ребенка в опасные годы младенчества, позволяя ему возрасти до богатырского подвига.

В надписи мудрого советника Тоньюкука (строка 38) образ Умай выходит далеко за пределы сугубо детской люльки:

𐰇𐰼𐰃·𐰚𐰇𐰋 𐰽𐰚𐰆·𐰃𐰃𐰅·𐰇𐰉 𐰚𐰋𐰇𐰴·𐱃𐱅𐰃	*«Teŋri, Umay, ïduq Yēr-Sub basa bērti erinç...»* ——— *(«Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...»).*

Здесь Умай выступает небесной соратницей эля в решающий момент битвы. Она оберегает жизнь воинов, отводит смертоносные стрелы и защищает родовое древо народа от истребления.

Словарь великого караханидского энциклопедиста XI века Махмуда аль-Кашгари («Диван лугат ат-турк») сохранил важнейшую дефиницию термина:

«Umay: Детское место (послед, плацента), выходящее вслед за рождением младенца. Тюрки говорят: "Umayqa tapïnsa, oγul bulur" — "Если воздать почтение Умай, родится сын". Женщины обращаются к ней с мольбой о благополучном разрешении от бремени и здоровье потомства».»

Филологические исследования Дж. Клаусона и В. М. Наделяева вскрывают глубинную семантическую связь:

Корень \uma- в алтайских языках связан со значениями «надеяться, уповать, опекать, защищать от холода и тьмы»;

В древнетюркском языке корень Ög поразительно соединяет два значения:

ög — это «мать» (ögüm — моя мать);

ög — это «разум, мудрость, рассудок, память» (öglüg — разумный, сознательный; ögrän- — учиться, познавать).

В миропонимании степи сознание, разум и мудрость передаются человеку не через абстрактное теоретизирование, а через тепло материнской груди, колыбельные напевы и благословение Умай. Мать — это первый учитель рассудка.

В башкирском кубаире «Урал-батыр» и продолжающем его эпосе «Акбузат» богиня Умай предстает в величественном образе Хумай (Һомай) — небесной птицы-девы, дочери владыки небесного мира Самрау и Солнца.

1. Образ девы-лебедя:

Хумай способна сбрасывать лебединое оперение и представать перед батыром в образе прекрасной златокудрой девы. Этот мотив восходит к древнейшим сако-скифским и гуннским представлениям о лебеде как священной солярной птице Неба.

2. Вручение богатырских регалий:

Именно Хумай избирает Урал-батыра за его честность и чистоту помыслов. Она вручает ему волшебного крылатого коня — тулпара Акбузата, булатный меч, сокрушающий скалы, и открывает тайну источника бессмертия. Без любви и мудрости Хумай батыр оставался бы просто могучим воином; через союз с ней он становится спасителем человеческого рода.

3. Родоначальница племен:

От союза батыра и Хумай рождаются богатыри Идель, Яик, Нугуш, давшие имена великим рекам Южного Урала. Культ женщины в эпосе предстает как животворящий исток самой национальной истории.

В живом быту казахов, башкир, алтайцев, тувинцев и хакасов образ Умай сохранил удивительную монолитность сквозь века.

В казахской традиционной семье богиня почиталась под именем Ұмай Ана — добрая, лучезарная седовласая мать-заступница:

1. Повивальная формула («Кіндік шеше»):

Когда повивальная бабка (кіндік шеше) принимала новорожденного и перерезала пуповину, а затем укладывала младенца спать или гладила его при недомогании, она обязательно произносила древнейшую формулу отречения от своего эго:

«Менің қолым емес, Ұмай Ананың қолы!»

«Не моя бренная рука врачует, но святая рука Матери Умай!»).

2. Улыбка спящего младенца:

Если грудной ребенок во сне вздрагивал или плакал, мать говорила: «Умай Ана отошла от колыбели»; если же малыш во сне улыбался и двигал ручками, в ауле говорили: «Ұмай Ана ойнатып жатыр» — «Это Мать Умай играет с младенцем, смешит его и охраняет от дурного глаза».

3. Чин укладывания в люльку («Бесікке салу»):

Колыбель (бесік) у кочевников почиталась святыней рода. Ее окуривали дымом священной арчи (адыраспан), к дуге привязывали коготь беркута или перья филина, а под подушку клали серебряные украшения как солярный знак чистоты Умай. Пустую люльку строго запрещалось качать: это считалось дурным предзнаменованием, призывающим пустоту и беду.

В традиционном башкирском быту, подробно изученном Ф. Г. Хисамитдиновой, существовал архаический обряд Ҡот ҡойоу (отливание / возвращение кута):

Если ребенок сильно испугался, терял сон или чахнул, считалось, что от страха его нежная душа-благодать (ҡот) выскочила из тела и спряталась в углу шатра или у очага.

Пожилая знахарка (ҡотсо) с молитвами к Небу и Матери Умай плавила в ковше свинец или олово и выливала его в чашу с родниковой водой над головой ребенка. По застывшей форме металла определяли причину испуга, а воду брызгали на лицо дитяти со словами:

«Ҡотом, ҡайт! Инәм Май ҡулы менән ҡайтар!»

«Вернись, благодатная сила кут! Вернись рукою Матери Май!»).

Ребенок возвращался под благодатный покров божества, обретая мир и здоровье.

В народном почитании Умай соединились все уровни священного покрова: от общекосмической женской ипостаси плодородия, стоящей рядом с Тенгри на великих монументах каганата, до тихой ласки хранительницы домашнего очага, оберегающей сон младенца в колыбели.

Леонид Павлович Потапов на основе алтайских и тувинских шаманистских записей XIX–XX веков пытался доказать, что Умай изначально была лишь мелким семейным духом-покровителем рожениц и деревянных куколок-оберегов, а в каганате ее культ был искусственно возвышен правящей элитой.

С. Г. Кляшторный убедительно показал историческую некорректность сведения великого божества к позднейшим пережиткам эпохи упадка. В официальных памятниках VIII века Умай упомянута рядом с Тенгри и Йер-Суб. Никакой второстепенный дух или «семейный амулет» не мог быть высечен на триумфальных монументах великой империи. Умай являлась общеимперским божеством плодородия и высшей женской ипостасью мира, чей культ лишь в поздние века при распаде государственности сузился до границ семейной юрты.

Теологический статус Умай утверждает глубочайшую истину степной философии: мироздание держится не на подавлении или слепой конкуренции противоположностей, а на их священном, благословенном созвучии.

В духовном космосе Евразии мужское начало, воплощенное в Тенгри, олицетворяет горний свет, справедливость, непогрешимый закон Тёрё, воинскую доблесть и распределение сроков времени. Это вертикаль порядка и долга. Женское же начало, персонифицированное в Умай, представляет собой животворящее лоно бытия, благословение деторождения, ласку материнского крова и охрану колыбели. Закон, лишенный милосердия и тепла, вырождается в безжалостную тиранию; милосердие, лишенное закона и твердой правды, распадается в бесформенный хаос. Лишь в неразрывном союзе Тенгри и Умай достигается подлинный лад вселенского правления.

Отсюда берет начало и сакральный матрицентризм кочевого очага. В то время как мужской долг обращен вовне — на охрану пастбищ, защиту границ эля и несение воинской службы, — внутреннее пространство юрты безраздельно освящено благодатью Умай. Мать выступает жрицей очага и первородительницей рода. В традиционном обычном праве степи нанесение оскорбления матери, попрание ее благословения или насилие над женщиной квалифицировалось как духовное самоубийство семьи, влекущее необратимое осквернение крови и утрату родовой благодати.

Современный мир переживает глубочайшую трагедию отчуждения. Институт семьи сотрясается эгоизмом, а отношения между мужчиной и женщиной низводятся до уровня рыночных контрактов и взаимных претензий. В этой расколотой реальности образ Умай возвращает культуре память об изначальной чистоте

любви, взаимного благоговения и разделенной священной ответственности за продолжение жизни. Мужчина и женщина предстают не враждующими конкурентами, а равночестными хранителями вселенского ковчега бытия.

Не менее пронзителен степной завет защиты колыбели. В техногенную эпоху младенец с первых дней жизни оказывается беззащитен перед шумом информационной агрессии и холодом урбанистической среды. Древний культ колыбели, осененной невидимыми крыльями Умай, напоминает: начало человеческого пути требует тишины, благоговейного тепла и безусловной материнской любви. Истинная человечность не возникает сама по себе — она выпестывается у колыбели под тихий напев колыбельной песни. Воспитание чистого душой потомства есть не приватное бытовое занятие, а высочайшее космическое служение, без которого бессмысленны любые технологические и политические триумфы.

Куда уходит жизненная сила батыра, покинувшего этот подсолнечный мир? Как души ушедших отцов и матерей продолжают незримо присутствовать в жизни рода, направляя руку воина и оберегая скот? Что скрывается за древнейшим институтом почитания предков — культом Аруахов (Aruaq / Ata-baba), шежере семи колен и каменными стражами степи?

❖ ❖ ❖

- **Береги колыбель и матерей: образ Матери Умай напоминает, что жизнь начинается с нежности и тепла. Почитай мать, оберегай беременную женщину и согревай любовью дитя.**

- **Храни мир в семье: женщина —** душа шанырака. Если в доме звучит ласковое слово и царит покой, благодать Умай освятит потомство здоровьем и радостью.
- **Будь проводником милосердия: когда ты защищаешь слабого или помогаешь больному ребёнку, рука Умай незримо действует через твоё сердце.**

ГЛАВА

12

ПРЕДКИ И ПАМЯТЬ РОДА

ЗОВ АРУАХОВ, ТРИЗНА И ЗАВЕТ ОТЦОВ

𐰇𐰃𐰋𐰇·𐰺𐰋𐰆𐰋·𐰋𐰇 𐰴·𐰋𐰴𐰆𐰍𐰴𐰃𐰍 𐰓𐰋𐰉·𐰴𐰍𐰃	*«Kişi oγlïnta üze ečüm apam Bumïn qaγan, İstemi qaγan olurmïş. Olurupan türk bodunïŋ ilin törösin tuta bērmiş, eti bērmiş...»* ——— *(Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 1, 732 г.)*

Культ предков является становым хребтом социальной структуры, правосознания и религиозной этики кочевых народов Евразии. В мировоззрении номада грань между видимым миром живых (Орто Дойду / Жалған дүние) и сокровенным миром ушедших отцов (Келмеске кеткендер) никогда не была глухой непроницаемой стеной.

Уход человека из земной жизни не означал его растворения в небытии или бесследного исчезновения. Покинув плотскую оболочку, благородный муж, батыр, мудрый бий или многодетная мать переходили в высшее состояние духовных хранителей рода — Аруаков (Аруақ / Арбак / Ата-баба).

Предок продолжал незримо присутствовать в жизни своего кочевья: он ободрял воинов в яростных схватках, оберегал табуны от зимнего джута, благословлял колыбель новорожденного и жестоко наказывал потомков за забвение закона чести (намыс) и

попрание обычая отцов (төрө). Вся жизнь степного общества была пронизана предстоянием перед безмолвным судом предков.

В орхонских и енисейских памятниках культ предков образует легитимирующий фундамент государственности. Вся Большая надпись Кюль-тегина и стела Бильге-кагана выстроены как строгий и благоговейный отчет правящего владыки перед духами отцов-основателей эля:

«Kişi oγlïnta üze ečüm apam Bumïn qaγan, İstemi qaγan olurmïş...»

«Над сынами человеческими воссели мои предки [деды и отцы: ečüm apam] Бумын-каган и Истеми-каган; воссев, они устроили государство и законы тюркского народа...»).

Парная формула Ečüm apam (мои деды и отцы) обозначает сакральную генеалогическую вертикаль. Власть кагана признавалась народом легитимной не в силу произвола или богатства, а постольку, поскольку он продолжал дело Бумына и Истеми, сохраняя установленные ими законы Тёрё.

Поминальный комплекс в урочище Кошо-Цайдам (Монголия), исследованный экспедициями Н. М. Ядринцева, В. В. Радлова и современных археологов, представлял собой грандиозный архитектурный ансамбль:

Окруженный рвом глинобитный храм (барк), внутри которого стояли портретные мраморные изваяния самого Кюль-тегина и его супруги;

Огромная резная черепаха, несущая гранитную стелу с руническим текстом;

Длинная вереница вертикально врытых необработанных камней — балбалов (balbal), тянувшаяся на восток на сотни метров.

В строке 25 той же надписи читаем:

«Baza qaγanïγ balbal tikdim...» — «Я поставил предводителя враждебных племен Баз-кагана балбалом [поминальным стражем]».»

Балбал в древнетюркском погребальном ритуале символизировал поверженного в честном бою врага, чья жизненная сила в загробном мире подчинялась духу павшего витязя, служа свидетельством его воинской доблести (erdäm).

В китайской династийной хронике «Чжоу шу» (гл. 50) сохранилось детальное описание тюркского похоронного чина середины VI века:

«Поставив тело умершего в шатре, сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец перед шатром. Затем верхом на конях семь раз объезжают вокруг шатра и перед каждым кругом надрезают ножом свои лица, плача и причитая так, что кровь и слезы текут вместе. Совершив это семь раз, останавливаются...»

В назначенный день берут коня, на котором ездил покойный, и его личные вещи и сжигают их вместе с ним на костре; пепел же собирают и хоронят в кургане... На могиле ставят камень с высеченным на нем описанием его подвигов и числом убитых им врагов...».

Византийский историк Менандр Протектор описывает аналогичный ритуал траура, свидетелем которого стали послы империи во главе с Валентином при дворе тюркского царевича Турксанфа в 576 году: византийцев обязали сойти с коней и надрезать себе щеки в знак скорби по умершему кагану Истеми.

В этом ритуале кровь, текущая из надрезанных щек воинов, знаменовала предельную меру скорби: с потерей великого отца род

плачет не просто водой слез, но самой субстанцией жизни — кровью. Сожжение личного скакуна обеспечивало батыру верного спутника для перехода через небесные пространства.

Выдающимся памятником степной похоронной памяти является эпизод «Көкөтөйдүн ашы» (Великая тризна по хану Кокетею) в кыргызском эпосе «Манас» (записанном В. В. Радловым и Ч. Ч. Валихановым):

1. Сакральный смысл степного Аша:

Поминальная тризна (Аш) у кочевников никогда не была унылым отпеванием. Это было всенародное торжество жизни, торжество преодоления смерти через сплочение всех родов и племен. На поминальный пир Кокетея собираются десятки тысяч всадников со всех концов Евразии.

2. Ритуал кормления предков («Жыт чыгаруу»):

Прежде чем гости прикасались к пище, в огромных казанах вытапливали конский жир и жарили обрядовые хлебцы. Считалось, что бестелесные духи Аруаков не вкушают материальной плоти мяса; они насыщаются тончайшим ароматом, горячим запахом кипящего жира (иіс / жыт). Благодарный дух, насытившись, ниспосылает на пирующих благословение (бата).

3. Космические состязания ради славы умершего:

Центром тризны становилась грандиозная скачка на длинные дистанции — Чоң Байге — и богатырские поединки на пиках (эр-сайыш). Победа батыра на поминальных играх посвящалась духу усопшего хана, вознося его славу до самого Неба.

В живой этнографической практике тюркских народов культ предков институционализировался в священный закон родословия

семи поколений — Шежіре / Шәжәрә / Санжыра (Жеті ата / Ете быуын / Жети ата).

Каждый мальчик в степи обязан был с раннего детства твердо знать имена своих прямых предков по мужской линии до седьмого колена:

1. Бала (сын);
2. Әке (отец);
3. Ата (дед);
4. Арғы ата (прадед);
5. Баба (прапрадед);
6. Түп ата (родоначальник ветви);
7. Тек (исток, корень рода).

Человек, не знавший своих семи предков, именовался презрительным словом мәңгүрт / жетесіз (лишенный корней, беспамятный раб).

Знание семи колен выполняло две жизненно важные функции:

Генетическая чистота: До седьмого колена внутри одного рода категорически запрещались браки. Нарушение этого правила рассматривалось как тягчайший грех кровосмешения (қан бұзу), навлекающий проклятие Аруаков и вырождение потомства.

Социальная солидарность: Всякий сородич в пределах семи колен признавался братом, обязанным защищать честь родича, делить с ним скот при джуте и нести солидарную ответственность перед судом биев.

В народном сознании казахов Аруак — это не грозное привидение, а любящий и справедливый защитник.

В момент смертельной опасности, перед лицом вражеской конницы, воин бросался в атаку не с абстрактным криком, а с родовым кличем — Ураном (Ұран), выкрикивая имя прославленного предка: «Алаш!», «Абылай!», «Қабанбай!», «Бөгенбай!». Верили, что в миг выкрика урана дух предка встает за правым плечом батыра, придавая его копью сокрушающую мощь.

По четвергам и пятницам в аулах и селениях тюркских народов совершался древний обряд поминовения усопших: у казахов и киргизов он закрепился под именем Жеті шелпек (или Тоғыз тоқаш), у башкир и татар — как Еҫ сығарыу (ис чыгару) с выпеканием май икмәге и оладий. Хозяйка выпекала в раскаленном кипящем масле круглые, как солнце, лепешки, и благоуханный пар шел к небесам: верили, что духи предков насыщаются этим тонким запахом очага, пока собравшиеся старейшины возносят молитвы об ушедших отцах.

Почитание предков (аруахов) в степи развито в высшей степени. Аруах — это живая совесть народа. Степной человек мог нарушить формальный приказ, но никогда не смел солгать перед могилой отцов. Возведение монументальных стел и ведение родовых шежере служило священным долгом памяти, удостоверявшим права рода на землю и соединявшим земное бытие с вечностью.

В фундаментальном исследовании «Следы шаманства у киргизов» (1861 г.) Валиханов писал:

«Почитание предков (аруахов) у казахов развито в высшей степени. Аруах — это совесть народа. Степной кочевник может нарушить приказ чиновника или судьи, но он никогда не посмеет солгать, если его заставят поклясться могилой предка или призвать в свидетели имя своего отца. Культ аруахов воспитывал в народе чувство рыцарской чести и бесстрашия перед лицом смерти».

С. Г. Кляшторный показал, что возведение монументальных поминальных комплексов в каганате было формой общественного договора: каган служил народу, а народ навечно закреплял его подвиг в граните.

Раиль Гумерович Кузеев в труде «Происхождение башкирского народа» доказал, что башкирские родовые шежере и тамги на скалах являлись не просто семейными списками, а публично-правовыми документами, удостоверявшими вечные права рода на свои кочевья, реки и шиханы.

❖ ❖ ❖

Анализ эпиграфики, шежере и обрядовой практики вскрывает уникальную тюркскую философию бессмертия. Здесь человек никогда не мыслит себя изолированной монадой, брошенной в холодную пустоту космоса.

Бытие раскрывается как живой, пульсирующий поток поколений. В высшем измерении пребывают Келмеске кеткендер — мир вечных духов предков (Аруақтар). Они перешагнули черту бренности, став бесплотными стражами чести, заступниками перед Небом и незримыми судьями живой совести. В земном срединном измерении — Жалған дүние — разворачивается текущий век живых сородичей. Это круг семи колен (Жеті ата), поле ежедневного нравственного выбора, сохранения огня очага и претворения закона Тёрё. Наконец, третий горизонт устремлен в грядущее — Келешек, к еще не рожденным потомкам, ради благословения которых сегодня сберегается родная земля и чистота имени.

Смертный человек в этой традиции выступает живым священным мостом времен. Его индивидуальная биологическая

краткость преодолевается включенностью в бессмертное русло рода. За спиной каждого степняка незримо стоят века памяти и подвигов его отцов; перед его взором простирается ответственность за судьбу сыновей и внуков. Физическое тело неизбежно растворится в бурой земле (yaγïz yer), но доброе имя (жақсы ат) и мужественный подвиг (erdäm) побеждают тление. Предок жив, пока звучит его имя в памяти живых; единственной же подлинной смертью признавалось забвение.

Современный человек, оторванный от родовых корней и лишенный памяти о предках, легко превращается в беззащитный, манипулируемый объект отчуждения — в того самого исторического беспамятного раба (мәңгүрт), о котором с болью предупреждали степные мудрецы. Возвращение к глубине шежере возвращает личности утраченную онтологическую опору: человек вновь обретает внутренний стержень, понимая, что за ним стоят поколения мужественных людей, преодолевших холод, голод, войны и лишения ради того, чтобы сегодня жизнь продолжалась.

Память об отцах воздвигает несокрушимый барьер против нравственного падения. Всякий раз, совершая поступок, человек традиции соизмеряет его с невидимым присутствием предков: «Не устыдятся ли меня мои отцы? Смогу ли я передать детям незапятнанную честь?». Эта внутренняя совестливость сильнее внешних надзирателей и полицейских запретов. Она побеждает и экзистенциальный ужас перед небытием: жизнь, прожитая в правде и верности роду, не исчезает в черной дыре времени, но вливается в вечную родовую память народа под лазурным куполом Неба.

Где именно совершались великие моления? Какова была сакральная топография степных святилищ — горных вершин, перевалов с каменными насыпями Обо (Ova / Oboo), священных

водных источников и жертвенных костров? Почему огонь почитался как очистительная стихия, отгоняющая скверну, и почему перед очагом юрты кочевник преклонял колени так же благоговейно, как перед престолом правителя?

❖ ❖ ❖

- **Помни зов Аруахов: души праведных предков не умерли, они пребывают в свете и молятся за нас. Вспоминай их с благодарностью, рассказывай детям об их честной жизни.**
- **Не позорь своё родовое древо: совершая любой поступок, спроси себя: «Одобрили бы это мои деды? Не покраснели бы они за меня?». Это лучший предохранитель совести.**
- **Посещай могилы отцов: приди к вечному кургану или надгробному камню, поклонись земле, поправь оградку и помолчи. В этой тишине ты обретёшь нерушимую духовную силу.**

ГЛАВА

13

СВЯТЫНИ СТЕПИ

СВЯЩЕННЫЕ ГОРЫ, ЦЕЛЕБНЫЕ ВОДЫ И ДУХ ОГНЯ

ᚹᚱᛇ·ᚨᛏᛋᚺ ᛟᚨᚩ·ᚥᛇᛊ·ᛏᚹ ᚨᚺᛏᛟ·ᛇᛊᚥ	*«Волхвы зажгли ветви ладана и кедра и заставили послов пройти между двумя высокими огнями. Тюрки свято верят, что огонь очищает все вещи и что пламя уничтожает любые злые умыслы и скверну...»* ——— *(Менандр Протектор, «История», посольство Земарха к тюркскому кагану Дизавулу, 568 г.)*

Вкочевой цивилизации Евразии феномен храма никогда не был связан с возведением замкнутых каменных зданий, базилик или искусственных капищ. Степь не знала тесных интерьеров, отделявших молящегося человека от дыхания внешнего мира.

Местом богопочитания, диалога с Создателем и встречи со священным служила сама первозданная земля под открытым куполом Неба.

Сакральными центрами степного космоса выступали естественные природные вертикали и геоморфологические узлы:

Величественные горные вершины — мировая ось (Axis Mundi), соединяющая три яруса бытия;

Первородные пещеры — хтонические лона возрождения предков;

Вековые священные деревья и рощи — медиаторы жизненной силы;

Бьющие из глубин земли целебные минеральные ключи — арасаны (arasan);

Ритуальные насыпи на перевалах — оба (ova / oboo);

Живой огонь домашнего очага — От-Ана (Ot-Ana) — земное отражение небесного солярного огня.

Гора в мировоззрении тюрков почиталась не просто как возвышенность рельефа, а как престол Неба на Земле, ближайшая точка соприкосновения человеческого духа с божественным светом.

В китайских династийных хрониках «Чжоу шу» (гл. 50) и «Суй шу» (гл. 84) зафиксирован строгий государственный распорядок религиозных молений тюркских каганов VI века:

«Ежегодно верховный правитель во главе старейшин и знатных родов приносит жертвы в пещере предков на Алтае... А в середине пятого месяца [в день летнего солнцестояния] знатные тюрки собираются у реки и молятся верховному Богу Неба. На священной горе Бодэншан [Богдо-ула / массив Отюкен] обитает верховный дух земли; народ чтит эту гору с великим трепетом; на ней строго возбраняется рубить живые деревья и охотиться на зверей».»

В этом сообщении зафиксирован совершенный пространственный дуализм:

Пещера предков (üŋür): Материнское, сокровенное начало, где, согласно династийному мифу, волчица вскормила первопредка рода Ашина. Это место памяти о хтоническом зарождении племени.

Вершина горы Бодэншан: Мужская солярная вертикаль, где приносились всенародные бескровные жертвы Небу и Священной

Земле-Воде. Запрет рубки леса и охоты на горе подтверждает статус ïduq — полной заповедности святилища.

В самом географическом сердце Казахской степи, в Сарыарке, высится горный массив Улытау («Великие горы»).

На протяжении многих веков Улытау являлся сакральной столицей степной демократии:

Именно к вершинам Улытау сходились представители всех казахских родов для созыва великих курултаев;

На плоских гранитных плитах у подножия гор приносилась всенародная присяга новоизбранным правителям, которых поднимали к Небу на белой кошме;

Здесь высекались на скалах родовые гербы-тамги (таңба), закреплявшие братский союз племен;

В урочищах Улытау были воздвигнуты мавзолеи хана Джучи (старшего сына Чингисхана) и легендарного праотца казахов Алаша-хана.

Гора Улытау функционировала как символ политического и духовного единства народа.

На Южном Урале аналогом священных горных алтарей выступали уникальные коралловые рифовые останцы древнего океана — башкирские шиханы (Торатау, Юрактау, Куштау).

Одиночный шихан Торатау почитался башкирским племенем юрматы как сакральный центр земли. Согласно полевым исследованиям С. И. Руденко и Р. Г. Кузеева:

На плоской вершине Торатау в день весеннего равноденствия старейшины родов совершали всенародный обряд Теләк — воздевали руки к Небу с мольбой о ниспослании дождя и мира;

На священной горе категорически запрещалось вести хозяйственные работы, добывать камень железом или осквернять почву нечистотами;

Шихан воспринимался как живая коновязь земли, удерживающая космическое равновесие всего Уральского края.

Дерево в тюркской космологии почиталось как земной образ Мирового Древа (Бай-Терек / Бәйтерек), чьи корни уходят в нижний мир, ствол держит человеческий мир, а крона упирается в лазурь Неба.

В армянской хронике епископа Мовсеса Каганкатваци «История страны Алуанк» (VII в.) сохранилось бесценное свидетельство о культе священного дерева у прикаспийских гуннов (савиров) Дагестана:

«Они посвящали деревья своим божествам; среди них высился исполинский вековой дуб, почитавшийся спасителем страны и подателем жизни. К этому священному древу вожди приводили отборных коней: окропив ствол жертвенной кровью, голову и кожу коня вывешивали на ветвях, обращаясь с мольбой к Небу и владыке грома Тенгри-хану...».»

В этом обряде дерево выступало космической лестницей: повешенная на верхних ветвях шкура жертвенного белого коня символически возносилась к небесным чертогам. Дерево являлось естественным алтарем, связывающим смертного человека с беспредельным Небом.

Каждый путник, пересекавший горные хребты Алтая, Тянь-Шаня, Саян или Тарбагатая, встречал на седловинах перевалов пирамидальные конические насыпи из диких камней — Оба (Ova / Oboo / Обаа).

Культ Оба представляет собой древнейшую общекочевую практику почитания духов перевалов и границ:

1. Камень как личная лепта:

Всякий всадник, поднимаясь на трудный перевал, обязан был спешиться, поднять с дороги камень и положить его на вершину насыпи. Этот жест знаменовал очищение от тягот пути и благодарность священной горе за безопасный переход.

2. Запрет пустоты:

Пройти мимо Оба, не положив камня или не повязав на растущую рядом березу или лиственницу белую матерчатую ленту (ялама / чалама), считалось дерзким святотатством, навлекающим камнепад или внезапную бурю.

3. Всенародное значение памятника:

Оба росла десятилетиями и веками усилиями тысяч безвестных путников, превращаясь в грандиозный коллективный монумент благоговения перед мощью горного перевала.

Водные источники в засушливых степях и полупустынях Евразии почитались величайшим даром Матери-Земли:

1. Концепт «Арасан» (Arasan):

Горячие и холодные радоновые, серные и минеральные источники, бьющие в ущельях Тянь-Шаня, Алтая и Джунгарии, именовались арасанами (др.-тюрк. arasan — священная исцеляющая влага).

2. Этика святого источника:

Возле арасанов запрещалось громко кричать, сквернословить, стирать одежду или сбрасывать отходы. Воду черпали чистой посудой с благоговейным шепотом: «Дертке дауа, жанға шипа

болсын!» («Да будет исцелением для тела и отрадой для души!»). Родник признавался священным роддомом Земли-Воды (Ïduq Yêr-Sub).

Среди всех стихий тварного космоса особое место занимал Огонь (Ot). Огонь мыслился как земная частица животворящего солнечного света, сошедшая на землю для согревания юрты и защиты рода от тьмы и скверны.

Свидетельства византийца Менандра Протектора (568 г.) и францисканского монаха Гильома де Рубрука (1253 г.) фиксируют нерушимость обряда огневого очищения на протяжении семи столетий:

Ни один чужеземный посол, купец или знатный гость не имел права приблизиться к шатру кагана или хана без предварительного прохождения между двумя высокими ритуальными кострами;

Сквозь огонь проносили все дипломатические дары, оружие и одежду;

Считалось, что чистый огонь выжигает любые яды, уничтожает злые замыслы, зависть и колдовство, позволяя человеку предстать пред правителем с чистым сердцем.

В традиционном быту тюркских кочевников и земледельцев священный очаг юрты и дома являлся сакральным сердцем всего жизненного пространства:

1. Персонификация «От-Ана» (Мать-Огонь):

Огонь очага воспринимался как живое, одушевленное женское божество, оберегающее семью.

2. Строжайшие табу очага:

Категорически запрещалось плевать в огонь: считалось, что плюнувший в огонь навлекает язвы на свои губы и слепоту на глаза;

Запрещалось лить на огонь сырую грязную воду или бросать в него мусор, кости и тухлятину;

Запрещалось перешагивать через очаг или тыкать в пламя лезвием ножа;

Огонь гасили, лишь благоговейно присыпая угли чистой золой.

3. Обряд приобщения невестки («Отқа май құю»):

Когда молодая невестка впервые переступала порог дома мужа, старейшие матери рода подводили ее к очагу. Невестка благоговейно опускалась на колени и лила в огонь растопленный бараний жир. Пламя с гулом взметалось вверх, и женщины восклицали:

«От-Ана, жарылқа! Шаңырағың биік болсын, босағаң берік болсын!»

«Мать-Огонь, благослови! Да будет высок твой шанырак, да будет крепким твой порог!»).

Через огонь невестка принималась в священную родовую общину предков мужа.

Святилища Степи — одинокие скалы, целебные истоки и священные вершины — почитались как места иерофании, где горний мир естественным образом соприкасается с земным. Человек приходил сюда не для показных обрядов, а для тихого молитвенного диалога с Создателем лицом к лицу.

Мирча Элиаде в труде «Священное и мирское» показал, что для традиционного человека сакральное пространство не конструируется искусственно, а «открывается» в природе. Гора,

священное дерево или источник священны не по причине их утилитарной пользы, а потому, что они являются точками прорыва трансцендентного в материальный мир.

Археологические исследования С. Г. Кляшторного и А. Х. Маргулана:

Академик Алькей Маргулан на материалах святилищ Центрального Казахстана доказал, что наскальные рисунки урочища Тамгалы и мегалитические комплексы Бегазы-Дандыбая представляют собой грандиозные древнейшие святилища и священные места под открытым небом, где ритуал был синхронизирован с движением звезд и солнца.

❖ ❖ ❖

Сакральная география степи выстраивалась не как искусственная постройка из мертвого камня, а как живой, пульсирующий организм открытого мира. Храмом номада была сама земля под сводом небес, где каждый локус обладал своей уникальной онтологической функцией.

На высшей вертикали пребывают священные горы и шиханы — древний Бодэншан, священный Отюкен, Улытау и Торатау. Вершина горы — это место предельного истончения границы между дольним и горним мирами, священное место всенародного предстояния перед Единым Небом-Тенгри. Сюда не приходят ради мелких корыстных просьб; здесь правители и старейшины родов совершали бескровную молитву о мире для всей земли, испрашивая благословение дождя и крепость народного единства.

На срединных путях кочевий сакральным центром становились перевалы, каменные насыпи Оба и вековые одинокие деревья — степные Байтереки. Это локусы духовной медиации и памяти пути,

где путник останавливал бег коня, чтобы сотворить тихую молитву благодарения, оставить белый камень на кургане и вновь ощутить себя странником в беспредельной вселенной.

Наконец, в глубине повседневного бытия сакральное пространство свертывалось в круг священного очага юрты и прохладу живого родника (Арасана). Очаг, одушевленный присутствием Матери-Огня (От-Ана), выступал не просто источником тепла, но неугасимым сердцем рода, соединяющим ушедших предков с новорожденными младенцами. Родник же возвращал телу чистоту первозданной влаги Земли-Воды. Так великий простор Степи оказывался пронизан невидимой сетью святости — от заоблачной гранитной вершины до уголька в домашней золе.

Философия степных природных святилищ звучит сегодня как мощный духовный щит против разрушительного наступления потребительской цивилизации, превращающей планету в бездушный карьер.

Природный храм степи не знает конфессионального эгоизма, кастовых барьеров и коммерческой корысти. Его невозможно приватизировать, купить за деньги или запереть на замок. Поднявшись на горную вершину или опустившись на колени перед чистым родником, каждый человек — нищий пастух или могущественный владыка — предстает пред мирозданием в своей изначальной наготе и простоте, как свободное дитя вечного Неба и священной Земли.

❖ ❖ ❖

• **Относись к священным местам с благоговением: вершины гор, вековые деревья и чистые источники —** это природные

алтари Творца. Приходи туда без шума, с чистыми мыслями и открытым сердцем.

- **Почитай священный огонь (От): огонь —** земное око солнца. Не оскверняй пламя злобой и бранью, пусть твой очаг будет символом тепла и гостеприимства.

- **Ищи святость в простоте: тебе не нужны золотые капища. Истинный храм окружает тебя повсюду —** в шелесте трав, в синеве неба и в чистоте ключевой воды.

ГЛАВА

14

СТРОЕНИЕ МИРА

ТРИ ЦАРСТВА ВСЕЛЕННОЙ И МИРОВОЕ ДРЕВО

ᕝᔅᔾ·ᑦᕝᕚ·ᔨᑦ ᔨᔾᑦᕚ·ᕐᑦᓴ·ᑕᔨᕝ ᔨᑦᕋᓴ·ᕐᑦᕐ	*«Үс дойду... Үөһээ Дойду — үрүҥ айыылар уйалара; Орто Дойду — киһи-аймах олоҕо; Аллараа Дойду — хараҥа абааһылар сирдэрэ...» «А пронизывает все три мира великое древо Аал Луук Мас...»* ——— *(Якутский героический эпос Олонхо, «Ньургун Боотур Стремительный»)*

Космологическая картина мира тюркских народов Евразии представляет собой строгую, кристально ясную и соподчиненную систему бытия. Пространственный универсум здесь никогда не мыслился как хаотическое скопление стихийных сил или бесформенная бездна.

В основе традиционной космологии лежит трехчастная вертикальная модель Вселенной, органично пронизанная стержнем Мирового Древа (Бай-Терек / Бәйтерек / Аал Луук Мас):

1. Верхний мир (Үөһээ Дойду / Жоғарғы дүние): Царство непреходящего небесного света, обитель Творца-Тенгри, богини Умай и светлых созидательных духов;

2. Срединный мир (Орто Дойду / Орта дүние / Жалған дүние): Земное подсолнечное пространство, где живут «сыны

человеческие» (kişi oγlï), пасутся табуны, цветут степные травы и возводятся родовые очаги;

3. Нижний мир (Аллараа Дойду / Төменгі дүние / Тамаг): Хтоническая сфера недр, подземных вод, холода и завершения земных сроков жизни, находящаяся под надзором владыки смерти Эрлика.

В историографии XIX–XX веков эта космология нередко подвергалась искусственной вульгаризации: исследователи либо механически накладывали на нее чуждую оппозицию «Рай vs Ад», либо сводили образ Эрлика к карикатурному черту поздних шаманских сказок. Однако подлинные древнейшие источники — от руники Орхона и гадательной книги «Irk Bitig» до эпических поэм Олонхо и «Урал-батыр» — раскрывают совершенно иную, глубоко философскую картину космического равновесия.

В первой строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.) запечатлена исходная космогоническая матрица традиции:

𐰸𐰇𐰼𐰴·𐱅𐰋𐱃·𐰇𐰋𐰋 𐰇𐰋·𐰋𐰼𐰋𐰃·𐰇𐰋𐰼 𐰼𐰼𐰇·𐰋𐰋𐱅𐰇·𐰃𐰼𐰼𐰇𐰼𐰇	*«Üze kök teŋri, asra yaγïz yer qïlïntuqda, ekin ara kişi oγlï qïlïnmïş...»* ——— *(«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие...»).*

В этом предельно сжатом руническом манифесте сформулирован священный смысл человека:

Небо (Kök Teŋri) и Земля (Yaγïz Yer) образуют первичные полярности космоса — духовную высь и материальную опору;

Человечество (kişi oγlï) помещено ровно между ними (ekin ara) не случайно. Человек — это срединное мыслящее звено вселенной, призванное соединять правду Неба с плодородием Земли.

Наиболее детальное и грандиозное поэтическое описание трехъярусного космоса сохранилось в якутском эпосе Олонхо («Ньургун Боотур Стремительный»), зафиксировавшем архаический общекочевой пласт I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.:

Верхний мир состоит из девяти концентрических небесных ярусов. Это пространство вечного белого сияния, где не бывает ни зимы, ни засухи, ни тления.

На вершине девятого яруса восседает благой демиург Юрюнг Айыы Тойон;

Там обитают светлые божества Айыы, являющиеся родоначальниками людей и покровителями плодородия;

Из Верхнего мира на землю нисходит благодать жизни — небесный Кут (Qut / Сүр), воплощающийся в душах новорожденных детей и приплоде жеребят.

Средний мир — это наша солнечная Земля, сотворенная прекрасной, изобильной, но хрупкой и уязвимой.

Жители Среднего мира именуются поэтической формулой: «аймах-айыы, люди с поводьями за спиной» — существа, наделенные свободной волей и разумом, обязанные сами выбирать между добром и злом;

Жизнь человека протекает в непрестанном труде и борьбе за сохранение очага, уход за скотом и защиту слабых;

Средний мир открыт влияниям сверху и снизу: благодать Неба питает его, но снизу поднимаются хтонические силы распада.

Нижний мир — это подземная ледяная или смоляная бездна, лишенная солнечного тепла.

Там обитают свирепые одноглазые демоны абаасы (abaahï), олицетворяющие энтропию, слепую ярость разрушения, эпидемии и физическую гибель;

Прорыв абаасы в Срединный мир вызывает войны, бедствия и раздоры;

Защитником людей выступает небесный богатырь — Ньургун Боотур, спускающийся из Верхнего мира, чтобы сокрушить демонов и восстановить попранный мировой порядок.

Все три яруса мироздания не изолированы друг от друга: их пронизывает, соединяет и удерживает единая органическая ось — Мировое Древо.

1. Аал Луук Мас (Великое Исполинское Древо Олонхо):

Корни этого священного древа уходят в самые глубокие бездны преисподней, связывая и сковывая силы хаоса. Его могучий ствол вздымается сквозь весь Срединный мир, служа космической опорой человечеству. Вершина и ветви Аал Луук Мас упираются в лазурные чертоги девятого неба, где из листьев сочится целебная животворная роса — сок жизни (илгэ), питающий землю.

2. Бәйтерек в казахской мифопоэтике:

В казахской традиции Мировое Древо предстает как исполинский тополь Бәйтерек («Мать-Древо»), растущий на краю света у подножия священной горы.

В пышной кроне Байтерека вьет гнездо сказочная солнечная птица Самрук (Самұрық), откладывающая золотое яйцо — дневное солнце;

В корнях древа, в темных водах подземного океана, живет гигантский дракон Айдахар, который каждый вечер стремится проглотить солнце, повергая мир во мрак;

Каждое утро птица Самрук возрождает светило вновь, знаменуя вечную победу жизни и света над распадом. Батыр Ер-Тостик, совершая путешествие сквозь чрево нижнего мира, спасает птенцов Самрук, убивает дракона и на крыльях великой птицы возносится обратно в мир живых людей.

Одной из самых захватывающих проблем тюркской теологии является фигура правителя нижнего яруса — Эрлика (Erlig qan).

1. Архаический пласт: Эрлик как справедливый судья загробного мира:

В древнетюркских текстах (рунической книге притч «Irk Bitig» IX в., древнеуйгурских фрагментах) имя Эрлик происходит от основы erlik (мужество, зрелость, достоинство) и соотносится с понятием неумолимого закона смерти. Эрлик — это не «абсолютное зло», не древнем сатана. Он — грозный и беспристрастный судья, хранитель законов подземного мира, принимающий души умерших и отмеряющий им воздаяние за земные грехи. Смерть в этой оптике — не трагедия, а естественный космический предел («Kişi oγlï qop ölgeli törümiş» — «Сыны человеческие все рождены, чтобы умереть»).

2. Позднейшая фольклорная демонизация:

Лишь в XVIII–XIX веках под воздействием внешних дуалистических влияний в шаманском фольклоре Саяно-Алтая образ Эрлика приобрел черты уродливого противника демиурга Ульгеня, строящего козни и насылающего нечисть. В изначальной же традиционной системе Эрлик являлся законным правителем нижнего царства, признающим верховенство Неба-Тенгри.

В башкирском эпосе «Урал-батыр» архитектоника трех миров предстает в строгом эпическом противостоянии:

Высший небесный чертог: Царство птичьего владыки Самрау, где царит мир, бессмертие и солярный свет. Самрау воплощает высшую справедливость, но не вмешивается прямо в земные битвы;

Срединный мир Урала: Земля людей, за свободу и чистоту которой сражается Урал-батыр, очищая ее от насилия и зла;

Подземно-подводное царство Шульгена: Мрачные озерные пучины и бездны, куда заточен падший брат батыра — Шульген, объединившийся с чудовищными дэвами и змеями. Вода в эпосе выступает диалектической стихией: животворная чистая проточная вода (Йәншишмә) несет жизнь, тогда как стоячая озерная глубь Шульгена олицетворяет хаос и смерть.

Трехчастная архитектоника Вселенной отражает строгую этическую картину бытия: светлый Верхний Мир созидания и мудрости, Срединный Мир человеческого подвига и испытаний, и глубины Нижнего Мира, напоминающие о суровой неизбежности воздаяния за нарушение вселенского Закона.

В классическом труде «Шаманизм: архаические техники экстаза» Элиаде выделил алтайско-тюркскую вертикальную модель как совершенный мировой образец космологической целостности. Мировое древо выполняет функцию оси соединения: через ствол древа шаман или батыр совершает экстатическое путешествие на небеса за благословением либо спускается в преисподнюю для спасения похищенной души сородича.

Иннокентий Васильевич Пухов доказал, что якутское Олонхо сохранило в изоляции бассейна Лены древнейшие черты общекочевого эпоса хуннской и тюркской эпохи, избежав позднейших искажений.

С. Г. Кляшторный подтвердил, что трехчастная космология была общепринятым каноном мировоззрения древнетюркских элей.

Из трехъярусного строения космоса вырастает глубочайшая религиозно-философская концепция предназначения человека. Вселенная предстает не нагромождением случайных элементов, а живым Древом Бытия, где каждая сфера исполняет свое непреложное призвание.

В высшем ярусе — Верхнем Мире света и непреходящей гармонии — пребывает предвечный Тенгри в союзе с жизнедательной Умай. Это неиссякаемый Источник космического Закона (Törö), духовной благодати (Qut) и высшего смысла существования. На противоположном полюсе простирается Нижний Мир — холодные недра, поглощающие плотский тлен, обитель неизбежного физического предела. Традиция не демонизирует нижнюю глубину как абсолютное метафизическое зло: корни Мирового Древа должны уходить в темную толщу земли, чтобы крона могла цвести в лазури. Нижний мир — это необходимый закон круговорота материи и предел бренности.

Но сердцевиной этой космической драмы является Срединный Мир (Орта дүние), доверенный человеку (Kişi oγlï). Человек выступает здесь живым священным катехоном — удерживающим стражем вселенского лада. Земной мир держится на его плечах. Если люди предаются корысти, предают данное слово (ант), проливают невинную кровь и разрушают священную Землю-Воду, невидимая грань между ярусами истончается — и энтропия нижнего хаоса захлестывает степи и города. И напротив, праведная жизнь по совести, верность памяти отцов и чистота помыслов низводят благодать Верхнего Мира на землю, утверждая торжество жизни.

Человек эпохи позднего модерна оказался заперт в душной, одномерной горизонтали быта и бесконечного потребления. Он забыл о чистом Небе над головой и одновременно пытается спрятаться от неизбежной мысли о смерти, вытесняя память о конечности земного срока в иллюзорный мир развлечений. Тюркская модель мира взламывает эту одномерную ловушку. Она возвращает сознанию мужественную полноту: человек осознает себя стоящим между вечностью созидающего Духа и тайной физического конца.

Образ Мирового Древа Байтерек учит глубочайшей экологии духа. Невозможно спасти ветви, уничтожая ствол; нельзя отравить корни, не обрекая на гибель всю крону. Забота о природе, чистота помыслов, справедливость в обществе и верность долгу образуют неразрывный союз. Мужественное знание того, что земной век краток и отмерен волей Неба, избавляет личность от мелочного страха и малодушия: человек призван жить по правде не ради посмертных наград или из панического страха наказания, а потому, что только достойная жизнь оставляет незапятнанный свет в памяти Срединного мира.

Какая сила удерживает эти три яруса в вечном нерушимом равновесии? Что не позволяет небесному куполу обрушиться на землю, а хтоническому хаосу затопить мир людей? Каков тот фундаментальный Космический Закон, которому подчиняются и боги, и каганы, и простой воин, и звезды на небесном своде?

❖ ❖ ❖

- **Помни о трёх мирах: твоё тело живёт в Срединном мире, корни твоих сил уходят в земную глубь, а взор и дух устремлены к Верхнему Небесному миру Тенгри.**

- **Будь Мировым Древом (Байтерек): пускай корни глубоко в родную почву и традиции, а крону раскрывай навстречу солнцу и высшему свету познания.**
- **Храни гармонию уровней: не погружайся целиком в материальную суету, но и не улетай в бесплодные иллюзии. Истинный путь номада —** твердо стоять на земле, глядя в Небо.

ГЛАВА

15

ВСЕЛЕНСКИЙ ЗАКОН ТЁРЁ

НЕБО, ГОСУДАРЬ И НАРОД

𐰴𐰇𐰚𐰋𐰍·𐰃𐰍·𐰚𐰋𐰍 𐰆𐰋𐰴𐰇𐰇𐰋𐰍·𐰇 𐰇𐰋𐰍·𐰴𐰃𐰋𐰇	*«Türk bodunïŋ ilin törösin tuta bērmiş, ite bērmiş... Türk bodun üçün tün udïmadïm, küntüz olurmadïm... Toruγ bodunïγ semirtdim, yalaŋ bodunïγ tonluγ, çïγañ bodunïγ bay qïldïm...» Ради тюркского народа я не спал ночей и не сидел [без дела] днем... Я поднял истощенный народ, нагой народ снабдил одеждой, бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным!»)* ——— *(Памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, 732–735 гг.)*

Закон Тёрё (Törö) подводит нерушимый священный фундамент под всё социальное, этическое и государственное бытие кочевых народов Евразии. Это не писаный кодекс земных властителей, а объективный космический порядок, данный свыше, перед лицом которого равны и простой пастух, и венценосный каган.

В историософии Нового времени в отношении восточных кочевых империй долгое время господствовал миф о «дикой азиатской деспотии». Утверждалось, будто степная держава держалась исключительно на грубом насилии конной орды, слепом терроре предводителей и полном бесправии рядовых кочевников перед лицом самовластного хана.

Однако прямое обращение к эпиграфическим источникам Второго Тюркского каганата, уйгурским и караханидским манускриптам, памятникам права дунайских болгар, сводам Великой Ясы и обычному праву казахов, киргизов, башкир и ногайцев открывает диаметрально противоположную реальность.

Власть в тюркской традиции никогда не была произволом тирана. Она мыслилась как строжайшее священное и правовое служение, неразрывно включенное в сакральную триаду:

«ТЕНГРИ (НЕБО) — КАГАН (ПРАВИТЕЛЬ) — ЭЛЬ (НАРОД).»

Высшей ценностью, регулирующей эту триаду и стоящей неизмеримо выше любого смертного владыки, являлся Вселенский Космический Закон — Тёрё (Törö / Törü).

В первой же строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.) учреждение государственности формулируется через неразрывную связь двух понятий — El (государство, союз свободных племен) и Törö (закон, космический порядок):

«...Olurupan türk bodunïŋ ilin törösin tuta bērmiş, ite bērmiş...»

«...Воссев на престол, они держали и устраивали государство [эль] и закон [тёрё] тюркского народа...»).

В этой формуле глагол tuta bērmiş означает «держать, сохранять в руках, беречь от распада», а глагол ite bērmiş — «устроять, приводить в согласие, гармонизировать».

Понятие Тёрё в мировоззрении номада не было простым административным указом правителя. Это священный уклад, дарованный самим Небом при сотворении мира. Задача кагана заключалась не в том, чтобы изобретать законы по своему капризу, а в том, чтобы быть верным стражем Тёрё, следить за его неукоснительным соблюдением всеми родами и сословиями.

В строках эпитафии Бильге-кагана находит выражение беспрецедентный для древнего мира манифест ответственности власти перед народом:

«Türk bodun üçün tün udïmadïm, küntüz olurmadïm...»

«Ради тюркского народа я не спал ночей и не сидел без дела днем...»).

Правитель отчитывается перед высшим Небом и перед собранием соплеменников не величием дворцов, не золотой добычей и не числом невольников. Единственным критерием оправдания каганской власти признается реальное благополучие простых людей:

Поднятие упавшего духом народа (toruγ bodunïγ semirtdim);

Защита нагих и бедных (yalaŋ bodunïγ tonluγ, çïγañ bodunïγ bay qïldïm);

Сохранение мира и умножение потомства.

Если правитель допускал обнищание народа, несправедливый суд или втягивал страну в авантюрные разорительные войны, Небо отзывало свой мандат.

В Малой надписи Кюль-тегина (КТм 9–10) прямо указывается первопричина исторических трагедий:

ᎯᏥᏗᏂ·ᏘᏐᏘᏂ·ᏐᏁ ᎿᏁᏣᏐᏤ·ᏗᏂᏁ·ᎿᏁᏣᏐᏤ ᏐᏁ·ᏗᏐᏐᏁᏤ·ᏘᏐᏘᏂ	*«Törösin ïçγïn 衝 ïş bodunïγ... Teŋri yarlïqaduqïn üçün...»* ——— *(«Народ, утративший свой Закон [тёрё], пренебрегший заветом отцов, Небо повергло в ничтожество; правителей лишило каганатов, а государство отдало в чужие руки...»).*

Катастрофа утраты независимости и попадания под полувековое иго Танской империи (630–680 гг.) осмысляется тюркскими мудрецами не просто как военное поражение, а как прямое

следствие морального распада элиты, предавшей Тёрё ради китайского шелка, титулов и роскоши. Небо покарало народ за измену правде.

Выдающимся памятником средневековой тюркской философии права является дидактическая поэма Юсуфа Хасс Хаджиба Баласагуни «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание»):

Центральный философский конфликт поэмы раскрывается через диалог двух главных персонажей:

Кюнтогды-каган («Восходящее Солнце»): Олицетворяет Справедливость и Закон (Törö / Kөnilik);

Айтолды-визирь («Полная Луна»): Олицетворяет Власть, Счастье и Благодать (Qut).

Баласагуни формулирует непреложный закон:

«Törö birle el bek, qutï artar künde,»

«Törö bussa begler, yiter qut bu künde...»

«(«Законом крепка держава, и благодать [кут] ее возрастает с каждым днем;»

Но если правители разрушат Закон [тёрё], в тот же день благодать покинет их...»).

Справедливый Закон уподобляется солнцу: подобно тому, как солнечный луч одинаково согревает и вельможу, и нищего пастуха, не делая различий между сословиями, так и Тёрё должно быть абсолютно беспристрастным. Власть (Кут) слепа, переменчива и капризна, как фазы луны; устойчивость и бессмертие государству дает только непоколебимый Закон Тёрё.

Среди кочевых народов Центральной Азии на протяжении тысячелетий бытовала нерушимая пословица:

«El qalur, törö qalmaz» / «Ел қалар, төрө қалмас»

«Государство может пасть, но Закон нерушим»).

Этот афоризм фиксирует высшую форму степного конституционализма:

Ханства, империи, правящие династии и государственные границы бренны. Они возникают, достигают зенита и исчезают в песках истории под воздействием смены эпох;

Но моральный закон справедливости, родовая честь, верность данному слову и обычай предков пребывают вечно. Народ, потерявший правителя, способен воссоздать государство заново, если он сохранил верность Тёрё; но народ, утративший Тёрё, обречен на окончательное историческое небытие.

В эпоху Нового времени институты степной демократии и верховенства Тёрё воплотились в уникальных формах народного самоуправления кочевых и полукочевых тюркских обществ — суде биев, советах старейшин (аксакалов) и народных сходах (Курултай, Йыйын).

В обычном праве казахов, кодифицированном при хане Тауке при участии великих биев трех жузов — Толе би, Казыбек би и Айтеке би, власть хана была строго ограничена институтом судебной власти:

1. Бий как голос совести и Тёрё:

Бием невозможно было стать по наследству или по назначению хана. Статус бия даровался народом исключительно за безупречную честность, глубокое знание законов предков и ораторский дар.

2. Приоритет суда над ханской волей:

Если хан совершал несправедливость, потерпевший обращался к бию. В казахском праве существовало нерушимое правило: «Ханда

қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары бар» («У хана может быть ум сорока мужей, но у бия — совесть сорока поколений»). Решение бия, скрепленное клятвой перед Небом, было обязательно для исполнения ханом.

3. Бескровное правосудие:

Степной суд не знал тюрем и калечащих наказаний. Главным принципом было возмещение ущерба, примирение враждующих родов через выплату виры (құн) и восстановление родового согласия.

В общественном строе башкир верховным органом власти являлся Йыйын — народный сход старейшин и свободных общинников:

Решения о границах родовых земель, распределении пастбищ, союзах с соседями и избрании предводителей принимались исключительно общим согласием общины;

Ханские наместники или царские воеводы не имели права вмешиваться во внутреннее устройство башкирской общины;

Закон предков (Түрә) гарантировал святость вотчинного права на землю: земля принадлежала роду на вечные времена, и отнять ее силой считалось тягчайшим преступлением против воли Неба.

Природа степной власти не знала деспотического произвола. Власть кагана или хана держалась на общем согласии свободных людей общины, на авторитете совета старейшин и безусловном подчинении священному Закону Тёрё.

Василий Владимирович Бартольд показал, что тюркский каганат представлял собой сложную конфедерацию родов и племен, объединенных на принципах военной демократии. Власть кагана

держалась не на бюрократическом аппарате, а на авторитете воинской славы и способности сохранять мир между родами.

Сергей Григорьевич Кляшторный детально исследовал социально-правовую терминологию рунических стел. Он доказал, что формула «Teŋridä bolmïş» («рожденный/утвержденный в Небе») налагала на кагана не абсолютную власть, а абсолютную подотчетность Небу. Каган не обожествлялся; он признавался смертным наместником Неба, чья жизнь и власть находились в руках Тенгри до тех пор, пока он верно служил элю.

❖ ❖ ❖

Венчающий вывод всей теологии и космологии Второй Книги кристаллизуется в нерушимую сакральную триаду степной государственности, где власть, закон и единый народ образуют священное нерушимое целое.

На высшей ступени этой онтологической иерархии пребывает Тенгри — верховный Творец, мерило истины и нелицеприятный Судия. От Него исходит предвечный, объективный Закон мироздания — Тёрё (Törö), и даруется животворящая благодать власти — Кут (Qut). Закон Тёрё не изобретается капризом правителя; он предвечен, как само вращение небесного купола, и объективен, как смена времен года.

В средоточии земного бытия поставлен Каган / Хан — не самовластный деспот, но смертный служитель и блюститель Тёрё, пастырь своего народа. Его предназначение исключительно жертвенно: хранить единство державы, вершить неподкупный суд биев, защищать вдов и сирот, обогащать неимущих и сберегать пастбища от разорения. Власть дана кагану не как личное достояние, а как испытание совести: пока он правит по правде, Небо

удерживает над ним благодать Кут; как только он впадает в корысть и гордыню, Небо отзывает Свой мандат, обращая вчерашнего владыку в прах.

Основой же земного мира выступает Эль / Бодун — единый народ, союз свободных родов и общин. Долг народа перед Тёрё — хранить верность клятве (ант), проявлять доблесть в ратном труде и беречь честь своих отцов. Эль свободен и непобедим ровно постольку, поскольку пребывает внутри священного закона. Если государь попирает Тёрё, Эль имеет сакральное право и обязанность восстановить поруганную справедливость, избрав нового предводителя, угодного Небу. Это была совершенная, опередившая века модель сакрального правового государства, в которой правде подчинялись и пастух, и венценосец.

Древняя философия Тёрё формулирует кардинальные выводы для политической мысли современности, блуждающей между авторитаризмом и анархией.

Степной завет «Ил кетсе де, төрө қалсын» — «Держава может пасть, но Закон нерушим» — утверждает абсолютный примат непреложного Права над сиюминутной политической конъюнктурой. Никакие соображения государственной целесообразности, партийные амбиции или произвол правящих элит не могут стоять выше высшей Справедливости и достоинства человека. Государство, разрушающее закон ради удержания власти узкой клики, неизбежно обрекает себя на крах: лишаясь правды, оно лишается небесного благословения.

Не менее высок нравственный императив служения. Слова надписи в честь Кюль-тегина — «Ради своего тюркского народа я не спал ночей и не отдыхал днем, проливал красную кровь и трудился до черного пота, нагой народ одел, бедный народ сделал богатым»

— должны быть высечены на совести каждого современного государственного деятеля. Власть — не кормушка для личного обогащения, а тяжелейшее духовное бремя. Истинный лидер измеряется не блеском своей свиты, а благосостоянием самых беззащитных слоев общества.

Наконец, принцип Тёрё утверждает нерушимую солидарность соплеменников. Судьба родины не может быть передоверена слепой воле одного правителя. Каждый сородич, каждый гражданин несет личную нравственную ответственность за судьбу своего народа. Гражданское безразличие, трусость и молчание перед лицом беззакония делают народ соучастником преступления. Быть верным Тёрё — значит обладать мужеством отстаивать правду, защищать родную землю и не склонять головы перед кривдой.

Так завершается осмысление великого космического круга: от предвечного сияния Неба-Тенгри и сакральной чистоты Земли-Воды до материнского покрова Умай, немеркнущей памяти предков и Вселенского Закона Тёрё. Великий космос сотворен и приведен в равновесие. Теперь в это одухотворенное пространство мироздания входит сам Человек — сын Неба и Земли, призванный нести в своей груди огонь совести, дыхание жизни и таинство священного Кута.

❖ ❖ ❖

- **Помни закон Тёрё: Закон выше любого смертного властителя. Справедливость и правда —** основа мира, без них государство превращается в разбойничий стан.
- **Власть есть служение: если тебе доверено руководить людьми или семьёй, помни, что ты —** слуга Закона, а не

капризный господин. Твоя обязанность — защищать и кормить слабых.

- **Не преступай предела: всякое беззаконие, совершённое ради корысти, разрушает благодать (Кут) и возвращается бедой на голову нарушителя.**

КНИГА III

ЧЕЛОВЕК В МИРОЗДАНИИ: АНТРОПОЛОГИЯ

ГЛАВА

16

ЧЕЛОВЕК МЕЖ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

ПРИЗВАНИЕ И МЕСТО ВО ВСЕЛЕННОЙ

𐱃𐰺𐰚·𐰴𐰇𐰋𐰇·𐰚 𐰇𐰇𐰃·𐱃𐰇𐰇𐰋𐰇 𐰴𐰺𐰋·𐰚𐰇𐰋	*«Сын человеческий рождён меж Небом и Землёй не для гордыни, но для чести. Мудрый муж познаёт меру и живёт пред лицом Единого Неба...»* ——— *(Степная этическая традиция; Махмуд ал-Кашгари, XI в.)*

Земное бытие человека в оптике степных мудрецов раскрывается как великое предстоя́ние меж двумя священными безднами — лазурным куполом Неба-Тенгри и материнским лоном Земли-Воды. Человек (Kişi oγlï) поставлен в самую сердцевину Вселенной, чтобы быть живым хранителем меры, совести и космического лада.

Каково подлинное место человека в открытом степном космосе? Кем он мыслил себя под бескрайним шатром лазурного зенита?

В новоевропейской философии и публицистике степной человек на протяжении столетий оценивался сквозь призму двух взаимоисключающих искажений:

1. Редукция к слепому фатализму: Представление о кочевнике как о пассивной песчинке в бескрайней степи, полностью

раздавленной стихиями природы и безропотно подчиняющейся жестокому року;

2. Модернизаторская романтизация: Неотенгрианский миф конца XX века, изображающий древнего номада как «абсолютно свободного титана», стоящего вне законов, родового долга и священных табу.

Обе эти конструкции рассыпаются при первом же обращении к синхронным памятникам тюркской традиции.

Древнетюркская мысль строилась не вокруг изолированного эгоцентрического индивида и не на трагической ближневосточной концепции «грехопадения плоти». В ее центре стояло строго определенное, ответственное и почетное онтологическое положение: человек как срединное мыслящее звено Вселенной, помещенное между Небом и Землей для поддержания мирового порядка.

Фундаментальный антропологический статус человека сформулирован в первой строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.):

𐰇𐰼𐰋𐰚·𐰋𐰇𐰋·𐰼𐰃𐰇 𐰼𐰋·𐰃𐰋𐰆·𐰼𐰋𐰋 𐰼𐰋𐱅·𐰇𐰇𐰋𐰀·𐰴𐰀𐰼𐰀𐰀	*«Üze kök teŋri, asra yaγïz yer qïlïntuqda, ekin ara kişi oγlï qïlïnmïş. Kişi oγlïnta üze eçüm apam Bumïn qaγan İstemi qaγan olurmïş...»* ———— *(«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган...»).*

В этой сжатой рунической формуле заложены ключевые смыслы тюркского видения природы человека:

В древнетюркском языке лексема Kişi обозначает разумное человеческое существо, личность в ее сопоставлении с животным миром (yïlqï) и бесплотными духами (iyä).

Словосочетание Kişi oγlï («дитя человеческое, сын человека») указывает не на единичного изолированного эгоиста, а на весь человеческий род во всей полноте его поколенческой связи. Быть «сыном человеческим» — значит сознавать себя порождением непрерывной цепи отцов и матерей, несущим ответственность перед грядущим потомством.

Идиома Ekin ara (между двумя, посередине) определяет метафизический локус человека:

Вверху пребывает Голубое Небо (Kök Teŋri) — источник духа, света, закона и качественного времени;

Внизу простирается Бурая Земля (Yaγïz Yer) — источник плоти, питающих трав, проточных вод и телесного покоя;

Посередине помещен Человек (Kişi oγlï).

Человек — не властелин природы, призванный покорять и ломать ее хребет, но и не раб стихий. Он — живой медиатор, мыслящий мост мироздания. Своим разумом, справедливостью и словом человек соединяет правду горнего мира с жизнью дольней земли.

В эпитафии Бильге-кагана (строка 10) сформулирован непреложный онтологический закон смертности:

𐰋𐱃𐰆·𐰃𐰔𐰇𐰴·𐰠𐰃 𐰘𐰔𐱅·𐰃𐰃𐰋𐰺·𐰇𐱅𐰘 𐰋𐰃𐰠𐰃𐰔𐰴·𐰃𐰔𐰋𐰃	*«Öd Teŋri yasar, kişi oγlï qop ölgeli törümiş.»* ——— *(«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть»).*

Смерть в миропонимании кочевника не является возмездием за первородный грех, проклятием падшей материи или случайной трагедией. Глагол törümiş происходит от основы törö- (возникать по вселенскому закону, рождаться в согласии с предустановленным порядком).

Человек рожден смертным изначально. Его физический век ограничен сроком (öd), отмеренным Небесным Владыкой. Вечны Небо и Земля; человек же — путник в подсолнечном мире.

Эта истина не порождала у степняка отчаяния или уныния. Напротив, осознание краткости земного срока наполняло каждый прожитый день предельной этической плотностью: пока бьется сердце, воин и труженик обязаны совершить достойные дела (erdäm) и оставить о себе незапятнанное, светлое имя (edgü at).

В словаре Махмуда аль-Кашгари («Диван лугат ат-турк», 1074 г.) и поэме Юсуфа Баласагуни («Кутадгу Билиг», 1069 г.) раскрывается богатство древнетюркской терминологии для обозначения человека:

1. Yalŋuq (Смертный человек):

Этимологически термин восходит к корню \yalŋ- (ошибаться, оступаться, быть несовершенным) либо к корню yalŋïz (одинокий, единичный, беззащитный).

Человек в статусе yalŋuq — это существо хрупкое, подверженное слабостям, ошибкам и страстям, нуждающееся в мудром наставлении, законе Тёрё и защите рода.

2. Kişi (Личность, достойный муж):

В противоположность уязвимому состоянию yalŋuq, понятие kişi обозначает человека, преодолевшего слабости, обуздавшего эгоизм и вставшего на путь мудрости, верности слову и справедливости.

Баласагуни в строфах 148–151 «Кутадгу Билиг» пишет:

«Ağïrladï yalŋuq qïlïp biliglig,»

«Uquş berdi köŋlek közi körgülig...»

«(«Создатель возвеличил смертного человека, одарив его знанием;»

Он наделил его разумом и пониманием, дабы очи сердца его были зрячи...»).

Человек возвышается над остальным животным миром не клыками и когтями, а разумом (uquş), знанием (bilig) и совестливым зрением сердца (köŋül).

В эпическом наследии тюркских народов человек предстает не пассивным созерцателем, а деятельным борцом за сохранение гармонии Вселенной:

В древнейшем башкирском эпосе «Урал-батыр» статус человека раскрывается через преодоление эгоизма:

Батыр добывает кувшин с Живой водой бессмертия (Йәншишмә);

Перед ним встает выбор: выпить воду самому и стать бессмертным полубогом, либо отдать ее земле;

Урал-батыр без колебаний кропит водой горы, пересохшие русла рек и степи, восклицая: «Пусть живет вечно Земля, пусть вечно цветут травы, пусть не иссякают реки для людей и зверей!».

Человек добровольно принимает физическую смерть, чтобы даровать вечную жизнь экосистеме своего отечества. Это высший триумф степной антропологии служения.

В огузском эпосе «Китаби дедем Коркут» человек именуется Адамоглу (Adamoğlu) или Эр (Er):

Богатырь Дели Думрул бросает вызов грозному ангелу смерти Азраилу, защищая жизнь сородича;

Но в момент наивысшего испытания он смиряет свою ярость перед волей Единого Прекрасного Бога (Görklü Tanrı);

Достоинство человека проявляется не в бессмысленном бунте против законов природы, а в готовности отдать жизнь за отца, мать и возлюбленную.

Древнетюркская концепция Kişi oγlï («Сын человеческий») непрерывно развивалась в духовной культуре тюркоязычных народов, превратившись в развитую систему нравственной философии Человека Достоинства.

В казахском мировоззрении руническая формула сохранилась буквально: Адам баласы (дитя человеческое):

1. Срединный баланс бытия:

Старинная пословица гласит:

«Аспан биік, жер қатты, ортасында адам тәтті»

(«Небо высоко, земля тверда, а посередине сладок человек»).

Человек признается драгоценной сердцевиной бытия, соединяющей строгость горнего закона с материнским теплом почвы.

2. Этика Жырау (XV–XVIII вв.):

В поэтическом наследии Доспамбета-жырау, Шалкииза и Бухар-жырау подлинный человек измеряется понятиями Ар-намыс (честь и совесть) и Ерлік (доблесть). Потеря совести (ұятсыздық) и малодушие (қорқақтық) рассматривались как нравственная смерть, за которой неизбежно следовал распад личности.

3. Вершина учения Абая: «Толық адам» (Целостный человек):

Великий казахский мыслитель Абай Кунанбаев развил традиционную степную антропологию в целостное учение о совершенном человеке. По Абаю, подлинным человеком (Толық адам) становится лишь тот, в ком гармонично соединены три силы души:

Ыстық қайрат (горячая воля, энергия действия);

Нұрлы ақыл (светлый разум, проницательность);

Жылы жүрек (теплое сердце, милосердие и совесть).

Если разум холоден без сердца, он превращается в жестокое коварство; если воля слепа без разума, она становится разрушительным буйством. Лишь под водительством теплого сердца воля и разум возводят человека на ступень истинной человечности (Адамгершілік).

В башкирской традиционной этике, детально изученной этнографами, категория Кешелеклелек (человечность, благородство) выступает главным жизненным мерилом:

Человек (кеше) обязан постоянно доказывать свой статус добрыми поступками по отношению к сородичам, уважением к старшим и бережным отношением к природе;

Причинение бессмысленного вреда живому дереву, птице или зверю считалось тяжким грехом (яҙыҡ / обал), разрушающим родовую благодать (ҡот);

Быть человеком — значит быть надежным оплотом для своей семьи, своего рода и своей земли.

Статус человека в тюркской традиции исполнен высокого достоинства. Человек рожден свободным сыном Неба и Земли. Его плоть священна как творение природы, а дух чист как небесный

дар. Зло не заложено в материи — оно рождается из гордыни, нарушения меры и попрания совести.

Сергей Григорьевич Кляшторный доказал, что космогоническая заставка орхонских памятников — это не литературная метафора, а фундамент государственной теологии: Небо правит свыше, Земля питает снизу, а каган управляет людьми посередине по прямому поручению Тенгри. Человек в этой системе — не безликая масса, а партнер власти, ради блага которого создано государство.

Антропологический дуализм Жана-Поля Ру:

Жан-Поль Ру подчеркивал, что тюркская антропология свободна от чувства греховности плоти. Тело человека, порожденное Землей-Водой, священно; дух, ниспосланный Небом, чист. Зло возникает не из материи, а из нарушения баланса, измены слову и попрания Тёрё.

Лев Николаевич Гумилев показал, что степной кочевник обладал уникальным чувством сопричастности вмещающему ландшафту. Человек не мыслил себя вне ритмов степи, смены времен года и жизни своих табунов.

❖ ❖ ❖

Синтез эпиграфики Орхона, поэтического наследия степных жырау и нравственного учения Абая позволяет раскрыть подлинную тюркскую философию человеческого бытия. Человек мыслится здесь не как случайная песчинка в равнодушном космосе, а как сознательное средоточие и страж мирового лада.

Бытие человека раскрывается в трех взаимосвязанных онтологических измерениях. По вертикали духа он предстоит перед трансцендентным Тенгри. Это измерение совести, чистых помыслов (arïγ bolmaq) и абсолютной цены произнесенного слова: никакие соображения земной выгоды не могут оправдать попрания клятвы

(ант), ибо Небо видит сокровенные глубины сердца. По срединной оси разворачивается личный нравственный и ратный труд самого Киши оглы (Kişi oγlï) — сына человеческого, призванного соединять горний небесный свет с теплом земной жизни, подчиняя холодный расчет рассудка мудрости любящего сердца. По горизонтали же человек неразрывно вплетен в живое тело Земли-Воды и священную ткань рода семи поколений: он не одинок, но обязан защищать родные кочевья, беречь очаг и передать потомкам чистое имя.

Древняя формула «Ekin ara kişi oγlï qïlïnmïş» («Между обоими были сотворены сыны человеческие») звучит сегодня спасительным манифестом против главного недуга современной эпохи — трагического расчеловечивания.

Не менее целительно мужественное отношение номада к неизбежному пределу земного срока. Формула Бильге-кагана о том, что сыны человеческие «рождены, чтобы умереть» (ölgeli törümiş), освобождает душу от липкого, парализующего страха небытия. Достоинство личности заключается не в трусливой попытке продлить биологическое увядание любой ценой, но в том, чтобы прожить свой земной век прямо, не уронив чести (ар-намыс), и уйти в вечность с легким сердцем.

Венцом этой антропологии выступает учение Абая о Целостном Человеке (Толық адам), берущее истоки в древнетюркской интуиции бытия. Интеллект, лишенный милосердия, порождает лишь изощренное коварство и разрушительные технологии; слепая воля без разума обращается в безумную жестокость. Лишь в созвучии светлого ума (нұрлы ақыл), несокрушимой воли (ыстық қайрат) и теплого совестливого сердца (жылы жүрек) рождается подлинная человечность (адамгершілік). Только такой целостный

человек способен удержать хрупкое равновесие земного мира от окончательного распада.

Из каких духовных начал состоит человеческая личность в оптике степных мудрецов? Что такое жизненное дыхание Тын (Tyn), духовная тень-двойник Сюр (Sür) и небесная благодать Кут (Qut)? Как эти тонкие субстанции взаимодействуют с физическим телом человека и что происходит с ними в момент великого перехода за черту земного бытия?

❖ ❖ ❖

- **Осознай своё достоинство: ты поставлен Небом между лазурным шатром и бурой землёй. В тебе горит искра разума и совести —** будь достоин этого высокого призвания.
- **Не будь паразитом на теле мира: всё, к чему ты прикасаешься, должно становиться чище и краше. Твори добро своими руками.**
- **Держи равновесие: будь мужествен перед лицом невзгод и скромен в дни удачи. Равновесие духа —** главное оружие степного мудреца.

ГЛАВА

17

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ, НЕЗРИМЫЙ ОБРАЗ И ДАР БЛАГОДАТИ

𐰚𐰇𐰚𐰞·𐰃𐰇𐰔·𐰚𐰞𐰋𐰇 𐰋𐰋𐰃·𐰠𐰋𐰃·𐰇𐰇𐰃𐰇 𐰋𐰇𐰠𐰞·𐰋𐰇·𐰚𐰞𐰇𐰞	*«Tïnï bar erse tirig̃ bolur... Teŋri qut berdi... Er süri bar...»* *Небо даровало благодать [кут]... У мужа есть грозная воля и сила духа [сүр]...»)* ——— *(Махмуд аль-Кашгари, «Диван лугат ат-турк», 1074 г.)*

Представление о человеческой душе в религиозно-философской мысли тюркских народов коренным образом отличается от платонической, патристической или позднесхоластической модели единой, неделимой и неизменной субстанции.

Тюркская антропология оперирует плюралистической, динамической концепцией человеческой сущности. Человек здесь мыслится не как механическое соединение «греховного глиняного сосуда» и «плененной бессмертной искры», а как гармоничный оркестр нескольких взаимосвязанных жизненных сил. Каждое из этих начал имеет собственное происхождение, выполняет уникальную задачу в организме при жизни и совершает свой особый путь после физического ухода человека.

В аутентичных текстах и живой этнографии фиксируются три фундаментальные субстанции:

1. Тын (Tïn / Тыын) — витальное дыхание жизни, физиологическая теплота и биологическое бытие, связывающее человека со всеми дышащими существами биосферы;

2. Сүр (Sür / Сүлде / Һөлдә) — волевой и нравственный стержень личности, психическая тяжесть характера, достоинство взгляда, харизма мужества и верность чести;

3. Кут (Qut / Ҡот) — сакральная божественная искра, семя жизненного изобилия, счастья и творческой полноты, ниспосылаемое верховным Небом-Тенгри и оберегаемое богиней Умай.

У тюркоязычного народа саха (якутов), сохранившего в изоляции бассейна Лены древнейшие пласты общетюркской архаики, эта интуиция развернута в стройную триаду: Ийэ-кут (мать-душа), Буор-кут (земляная душа) и Салгын-кут (воздушная душа).

Древнейшие памятники письменности Второго Тюркского каганата и енисейских кыргызов (VIII в.) фиксируют эти категории с хирургической филологической строгостью.

В древнетюркском лексиконе корень Tïn (ДТС, с. 563) означает не просто физический воздух, а именно дыхание жизни:

Все живые существа мира делятся на две категории: неодушевленные предметы и tïnlïγlar (буквально: «обладающие дыханием, дышащие существа»);

В енисейских эпитафиях наступление физической смерти фиксируется устойчивым оборотом:

«Tïnï üzüldi...» — «Дыхание его оборвалось, нить дыхания пресеклась».

Человек жив до тех пор, пока воздух Неба входит в его легкие и выходит наружу. Остановка дыхания возвращает заемную воздушную стихию в общее пространство космоса.

В надписях в честь мудрого советника Тоньюкука и эпитафиях Тувы лексема Sür обозначает внутреннюю мощь, от которой зависит исход исторических сражений:

Sür — это духовная несгибаемость воина, способность выдержать натиск превосходящих сил врага;

Понятие sür тесно связано с монголо-тюркским концептом Сүлде (Sülde) — боевым духом знамени (туг / байрақ). Войско, утратившее свой сүр, теряет волю к сопротивлению и обращается в паническое бегство, даже обладая численным перевесом. Это харизматическая энергия достоинства, которая лучится из глаз мужественного батыра.

В словаре «Диван лугат ат-турк» Махмуд аль-Кашгари приводит ключевые поговорки и дефиниции, свидетельствующие о глубоком понимании природы души:

1. О дыхании (Т. I, с. 340):

«Tïn: Дыхание, дух, жизнь. Тюрки говорят: "Tïnï bar erse tiriğ bolur" — "Покуда есть дыхание в груди, человек жив"».

2. О благодати Кут (Т. I, с. 285):

«Qut: Счастье, божественная благодать, величие, высокий сан, сокровенная жизненная сила. Древнее выражение: "Teŋri qut berdi" — "Небо ниспослало благодать/кут"».

3. О силе духа Сүр (Т. I, с. 328):

«Sür: Грозный вид, величие, внушающее трепет врагам и почтение друзьям. Выражение: "Er süri bar" — "У этого мужа есть грозная воля, достоинство и внутренняя крепость"».

Кашгари четко разделяет: дыхание тын может быть у любого животного; сүр есть свойство зрелой волевой личности; кут — это дар Неба праведным правителям и созидательным труженикам.

Уникальное развернутое учение о множественности духовных субстанций человека зафиксировано в якутской эпической традиции классиками тюркологии — А. Е. Кулаковским, Г. В. Ксенофонтовым и П. А. Ойунским. В эпосе Олонхо человеческое естество предстает не монолитным или механическим сгустком, а тонкой иерархией трех взаимодополняющих начал.

Высшим началом выступает Ийэ-кут («Мать-душа») — божественная духовная искра, ниспосылаемая Творцом Юрюнг Айыы Тойоном через небесную богиню Айыысыт (северную ипостась Умай). Ийэ-кут опускается в мир подобно чистой капле небесной росы на темя будущего отца и через семя вверяется лону матери. Это нетленное ядро совести, генетическая память рода, связь с горним миром и высшее онтологическое «Я» человека, не подвластное физическому тлению.

Второй ипостасью является Салгын-кут («Воздушная душа»), входящая в младенца с первым вдохом воздуха и первым криком при рождении. Она ведает сферой интеллекта, остротой ума, речью, эмоциями и душевной восприимчивостью. Салгын-кут связывает человека с атмосферой и ветрами Срединного мира; она наиболее чутка к внешним воздействиям, и в часы тяжелой болезни или потрясения может временно истончаться.

Наконец, материальным фундаментом служит Буор-кут («Земляная душа»), созидаемая из солей, минералов и соков

священной Земли-Матери. Она строит телесный остов — кости, жилы, мускулы и теплоту крови, отвечая за физическую стойкость кочевника, его способность противостоять арктической стуже, переносить лишения походов и сберегать жизненную силу. В гармоничном единстве этих трех начал человек саха и утверждается как достойное чадо под солнечным куполом.

После физической кончины эти три начала совершают разный путь: Буор-кут уходит в землю и превращается в прах; Салгын-кут рассеивается в атмосфере; Ийэ-кут возвращается в небесную обитель предков, ожидая нового воплощения в детях рода.

В традиционном мировоззрении тюркских народов множественность жизненных сил воплотилась в конкретных институтах целительства, защиты душевного равновесия и духовной психогигиены.

В казахском фольклоре и народной антропологии:

1. Шыбын жан (душа-мушка): Метафорическое обозначение хрупкости физиологического дыхания. Жизнь человека трепещет в груди, как маленькая мушка; в момент смерти говорят: «Шыбын жаны шырқырап шықты» («Хрупкая душа с трепетом вылетела из тела»).

2. Сұс (Сүр): Внутренняя харизма и строгость лица. О батыре или авторитетном бие говорят: «Оның сұсы бар» — «Его взгляд полон внутренней тяжести и достоинства». Человек, лишенный сұс, становится легковесным, суетливым и теряет уважение соплеменников.

3. Құт: Священная субстанция изобилия и мира, обитающая в шаныраке дома. Осквернение очага бранью или предательством изгоняет құт, обрекая дом на запустение.

В башкирской этнографии, документированной Ф. Г. Хисамитдиновой и Р. Г. Кузеевым:

Йән: Личное сознание, душа, мысль;

Ҡот: Родовая жизненная сила, витальный покров здоровья.

Если ребенок или взрослый пережил сильный испуг, наводнение или нападение хищника, башкиры говорили: «Ҡото осто» — «Его кут улетел от ужаса». Человек впадал в апатию, терял аппетит и чахнул.

Для спасения больного совершался древнейший обряд Ҡот ҡойоу (отливание кута): знахарка с молитвами Небу и Матери Умай плавила свинец над чашей с родниковой водой над головой испуганного, окропляя его лицо и призывая жизненную силу вернуться в тело. Обряд наглядно доказывает: в тюркской картине мира душа не заперта намертво в черепной коробке, она находится в живом динамическом обмене с космосом.

Особый свет на природу души проливает погребальная формула орхонских и енисейских стел. О смерти кагана, принца или витязя никогда не говорили словом «умер» (öldi): в камне высекалось величественное:

«Uča bardï...» — «Улетел [в образе сокола / птицы]».»

В представлении древних тюрков высшее духовное ядро человека (Кут / Ийэ-кут) уподоблялось крылатому существу — ловчему соколу, кречету или лебедю.

Земное тело воспринималось как гнездо или рукавица охотника, на которой птица-душа сидит до назначенного Небом срока. Когда срок завершается, птица расправляет крылья и улетает в беспредельный лазурный простор Неба. Этот образ породил обычай украшать воинские шлемы и девичьи головные уборы (бөрік)

перьями филина (үкі) как священным знаком крылатой природы человеческого духа.

Таинство человеческой души в традиции раскрывается как непрерывный динамический поток жизненной энергии. Дыхание жизни объединяет человека с одухотворенным космосом, а крылатая природа духа устремлена в беспредельный лазурный простор Неба.

Французский исследователь показал, что для алтайских народов жизнь — это не статическое состояние, а непрерывный динамический процесс циркуляции энергии. Дыхание тын объединяет человека со всем живым миром природы, стирая границу между биологией и духовностью.

Николай Алексеевич Алексеев в монографии «Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири» (1984 г.) доказал генетическое родство сахаской триады душ с древнетюркскими понятиями tïn, sür, özüt. Это доказывает существование единой общетюркской антропологической системы задолго до разделения племен.

Синтез древнетюркской руники, эпической традиции Олонхо и живой казахско-башкирской этнографии позволяет раскрыть целостную архитектонику человеческого существа как гармоничное единство тонких начал.

На высшей ступени сияет Кут (в якутской традиции — Ийэ-кут) — сакральная искра нетварного небесного света, ниспосылаемая Тенгри и Умай. Это сокровенный источник родовой совести, нравственного достоинства и бессмертия. Кут связывает смертного человека с предвечной правдой бытия. На среднем ярусе действует Сүр (Сюр), сливающийся с интеллектуальной энергией воздуха (Салгын-кут). Это волевой стержень личности, харизма мужества,

твердость взгляда, ясность рассудка и способность преодолевать тяготы судьбы. Наконец, материальным и витальным подножием служит Тын (Tïn) — священный ритм дыхания, неразрывный с телесным остовом Земли (Буор-кут). Тын одушевляет плоть, направляет бег крови и поддерживает тепло жизни.

Человек здоров, непобедим и счастлив лишь тогда, когда между этими тремя субстанциями царит абсолютный лад. В оптике степной философии болезнь или слабость никогда не сводились лишь к физическому сбою органов: измена совести и отступление от закона предков гасят благодать Кут; малодушие, трусость и конформизм ломают волевой хребет Сюр; и лишь вслед за этим обрывается хрупкая нить дыхания Тын. Исцеление человека всегда требует восстановления его духовной вертикали пред лицом Неба.

Древнетюркская плюралистическая модель души обладает поразительной объяснительной силой в диалоге с глубоким кризисом современного научного знания и душевного здоровья человека.

Европейская цивилизация Нового времени загнала себя в тупик декартовского раскола, механически разделив человека на неодушевленный «биологический механизм» и оторванную от плоти «абстрактную психику». Результатом стала эпидемия неврозов, душевной пустоты и психосоматических недугов. Тюркская традиция предлагает принципиально иной путь: дыхание плоти (тын), воля и мужество духа (сүр) и высшая небесная благодать совести (кут) являются не изолированными отсеками, а непрерывной симфонией жизни. Невозможно врачевать тело, игнорируя духовное призвание личности.

Не менее спасителен степной образ вселенского дыхания. Осознание того, что витальное дыхание тын роднит человека со

степным ветром, колыханием полыни, бегом благородного скакуна и парением орла в поднебесье, рождает глубочайшее экологическое благоговение. Мы дышим единым дыханием космоса, и осквернять этот воздух жадностью или ядом — значит осквернять собственную душу.

В эпоху всеобщей унификации, конформизма и изощренных манипуляций сознанием человеку жизненно необходим несломленный внутренний стержень — древний Сүр. Это способность смотреть прямо в глаза вызовам эпохи, не склоняться перед ложью и сохранять рыцарскую честь своего человеческого звания.

❖ ❖ ❖

- **Береги дыхание жизни (Тын): жизнь священна в каждом живом существе. Не отнимай жизни без крайней нужды и благоговейного испрашивания прощения.**
- **Очищай своё внутреннее «Я» (Оз): не позволяй зависти, унынию и злобе отравлять твою душу. Чистая душа легка, как птица, и способна лететь к свету.**
- **Укрепляй благодать (Кут): благодать растёт от добрых дел, искренней улыбки и честного труда. Дари радость другим —** и твой собственный дух окрепнет.

ГЛАВА

18

БЛАГОДАТЬ КУТ

НЕБЕСНЫЙ ДАР, ЖИЗНЕННАЯ СИЛА И ВЕЛИЧИЕ ДУХА

𐰋𐰃𐰼·𐰇𐰼𐰇𐰴 𐱃𐰇𐰼𐰋·𐰇𐰴𐰋 𐰆𐱃𐰃·𐰔𐰋𐰃	*«По соизволению Неба и благодаря тому, что Небо ниспослало благодать [кут], воссел я каганом. Неимущий народ сделал я богатым, малочисленный народ сделал многочисленным...»* ——— *(Памятник в честь Кюль-тегина / Бильге-кагана, 732–735 гг.)*

Среди всех понятий религиозно-философского, этического и социально-политического наследия тюркских народов категория Кут (Qut / Ҡот) занимает абсолютно исключительное, осевое положение.

Будучи одновременно онтологическим принципом, антропологической субстанцией и фундаментом степного публичного права, Кут обозначает:

Ниспосылаемую верховным Небом-Тенгри благодать;

Животворящую искру витальной энергии;

Сакральное счастье, удачу и творческое горение;

Харизму легитимного государственного правления;

Семейный мир, здоровье детей и материальное изобилие юрты.

Священный дар благодати — Кут — никогда не являлся слепой собственностью правителя или безликим магическим флюидом.

Кут этичен: он пребывает лишь там, где царствует справедливость, совесть и забота о народе, и немедленно покидает того, кто впадает в гордыню и жестокость.

1. Узкодинастическое сужение: Попытка свести Кут исключительно к праву каганского рода на престол («харизме Чингизидов или Ашина»), игнорируя то, что Кут присутствует в сердце каждого праведного пастуха, матери и в самом очаге кочевника;

2. Анимистическое примитивизирование: Сведение Кута к безликому «магическому флюиду» или фетишу, в отрыве от его строжайшей зависимости от соблюдения Вселенского Закона Тёрё и нравственной чистоты.

Подлинный анализ источников свидетельствует: Кут — это этически чувствительная благодать. Он не дается в слепую пожизненную собственность. Кут нисходит туда, где царствует правда, и немедленно покидает того, кто впадает в гордыню, ложь и жестокость.

В монументальных рунических манифестах долины Орхона термин Кут выступает в двух неразрывных измерениях:

В строке 9 Малой надписи Бильге-кагана государь прямо связывает свое восшествие на престол с наличием благодати:

ᎯᏗᏥᏦᏥ·ᎵᏦ·ᏥᏦᏥᏦ ᏣᎯᏗᏘᏥᏦᏥᏦ·ᏔᏥᏦᏥᏦ·ᏔᏥᏦᏥᏦ·Ꮤ

1. Teŋri yarlïqadï — Небо соизволило (выразило волю);

2. Qut berti — Небо ниспослало благодать (сакральный мандат);

3. Küç berti — Небо даровало силу (воинскую мощь и дееспособность).

Если каган терял связь с правдой, Небо отзывало Кут (qutsuz bolmaq — стать лишенным кута), войско терпело поражение, а народ свергал недостойного правителя.

В строке 31 Большой надписи в честь Кюль-тегина зафиксировано второе, сокровенное измерение категории:

«Umay teg ögüm qatun qutïŋa inim Köl Tégin er at boldï...»

«Благодаря благодати [кут] моей матери-катун, подобной богине Умай, мой младший брат Кюль-тегин обрел взрослое мужское имя...»).

Здесь Кут — это не грозная сила войны, а животворящее тепло материнского благословения, опекаемое небесной хранительницей колыбели Умай. Без материнского Кута ребенок не может выжить в суровой степи и стать зрелым воином.

Вершиной теоретического осмысления концепта стала поэма великого караханидского мыслителя Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание» / «Знание, дарующее Кут»).

Центральный образ второй главы поэмы — визирь Айтолды («Полнолуние»), который является живой поэтической аллегорией самого Кута.

Беседуя с царем Кюнтогды (олицетворением Справедливости и Закона Тёрё), Айтолды раскрывает парадоксальную природу благодати:

1. Непостоянство и подвижность:

Кут подобен круглому серебряному шару, катящемуся по наклонной плоскости, или беглой дикой птице. Он не привязан ни к чьей плоти. Он приходит внезапно и столь же стремительно улетает;

2. Смертоносность Кута без Разума:

Если Кут опускается на невежественного, алчного и жестокого человека, он сводит его с ума. Богатство и власть без совести превращаются в разрушительный яд;

3. Примат Тёрё над Кутом:

Лишь там, где царит непоколебимый Закон Справедливости (Könilik), Кут пускает корни и преображается в устойчивое, многовековое благоденствие государства.

Баласагуни формулирует чеканную максиму (строфа 673):

«Qutï kelse yalŋuqqa bilgi artar,»

«Bilig birle barça tilekler yeter...»

«(«Когда нисходит Кут на смертного человека, возрастает его мудрость;»

А через мудрость и верность закону достигаются все благие чаяния...»).

В народной культуре казахов древний концепт сохранился с поразительной пластической яркостью:

В казахском сознании благодать мыслится как небесная птица света.

Когда в ауле рождаются здоровые дети, скот благополучно переживает суровую зиму, а стада тучнеют, в народе радостно восклицают:

«Үйге құт қонды!» — «В наш дом опустился Кут!».»

Универсальное благопожелание при рождении ребенка, постройке нового дома или заключении брака звучит как:

«Құтты болсын!» — «Да пребудет это благословенным и исполненным Кута!».»

Священный закон степного гостеприимства напрямую выведен из метафизики Кута. Казахская пословица гласит:

«Қонақпен бірге құт кіреді»

«Вместе с путником, переступившим порог, в юрту входит благодать Неба»).

Считалось, что под видом уставшего странника дом может посетить сам благой дух-хранитель степи — Кыдыр-ата (Қыдыр баба). Отказать страннику в ночлеге, пожалеть для него лучшую пищу или встретить его с хмурым лицом означало совершить грех святотатства, прогнать Кут и обречь свой шанырак на запустение и бесплодие.

В кочевом быту существовала строгая система запретов, оберегавших родовую благодать:

После захода солнца категорически запрещалось выносить из юрты горящие угли, золу очага, соль и сито;

Запрещалось отдавать чужим людям закваску для кумыса (ашытқы) и первое ведро весеннего кобыльего молока (уыз);

Верили, что вместе с этими первыми плодами труда из дома может утечь его внутренняя субстанция изобилия.

В традиционном укладе башкирского народа концепт Ҡот представляет собой краеугольный камень народной психологии и медицины:

1. Благопожелание изобилия:

Формула «Ҡотло булһын!» сопровождает все радостные события семьи;

2. Связь с волосами младенца:

Считалось, что первые утробные волосы ребенка (ҡарын сәсе) несут в себе концентрированный ҡот. Их срезали с благоговейными молитвами, зашивали в треугольный кожаный амулет и вешали над изголовьем люльки;

3. Обряд «Ҡот саҡырыу» (Призывание благодати):

Если семью преследовали болезни скота, раздоры и бедность, старейшая бабушка рода обходила войлочный шатер с деревянным ковшом, наполненным зерном и маслом, тихо напевая древнее заклинание:

«Ҡотом, ҡайт! Ҡотло йортҡа бәрәкәт ҡайт!» («Вернись, благодать Кут! Вернись изобилие в наш благословенный дом!»).

Благодать воспринималась как живая, чуткая сущность, которая не переносит ругани, злобы и сквернословия.

Категория Кута охватывает всю полноту бытия: это и государственная харизма служения, и семейное благополучие в юрте, и внутренняя сила праведного человека, живущего по правде пред Богом.

Василий Владимирович Бартольд показал, что тюркский концепт Кут обладал такой колоссальной мировоззренческой силой, что в эпоху проникновения новых книжных учений в Центральную Азию он не исчез, а органично соединился с понятием благодати (береке), обогатив его степным содержанием.

Сергей Григорьевич Кляшторный доказал, что обладание Кутом в древнетюркском государстве было не пустой формальностью, а публичным договором: если каган нарушал баланс между родами

или допускал голод, курултай имел законное право лишить его престола, так как Небо явным образом отобрало у него Кут.

Антропологический анализ Жана-Поля Ру:

Жан-Поль Ру подчеркивал материально-духовный синкретизм категории: Кут — это одновременно и высший небесный свет, и вполне осязаемое плодородие кобылиц, чистота колодцев и здоровье первенца.

Метафизика Кута в тюркской традиции представляет собой строгий и трепетный круговорот священной энергии, исключающий любые иллюзии личного самовластия.

Источником Кута выступает трансцендентный Көк Тенгри в союзе с материнской благодатью Умай. Ни один смертный — будь то могущественный каган, богатейший бай или непобедимый батыр — не способен захватить Кут силой меча, купить его за золото или унаследовать как частное имущество. Кут ниспосылается исключительно как небесное доверие и онтологический кредит, вверяемый человеку, семье или целому элю для умножения жизни и правды.

Человек, его шанырак и государство являются лишь временными вместилищами благодати. Удержать Кут возможно единственным путем — непрестанным претворением Закона Тёрё, совестливым трудом, милосердием и широтой щедрой души. В народном сознании степи Кут наделен характером пугливой небесной птицы (құт — құс тәрізді): он с радостью гнездится под куполом юрты, где царят мир, согласие между супругами, уважение к сединам отцов и где всякий странник находит радушный дастархан. Но стоит проникнуть под свод дома гордыне, скупости, зависти, брани или клятвопреступлению, как покров благодати мгновенно тает. Человек или род становится «лишенным Кута»

(qutsuz bolmaq), после чего даже несметные стада и сундуки с сокровищами обращаются в тлен и прах.

Современный человек склонен приписывать любое финансовое преуспеяние исключительно собственной изворотливости и деловой хватке, впадая в циничное презрение к неудачливым и слабым. Степная интуиция Кута сокрушает эту гордыню в самом зародыше. Всякий талант, высокое общественное положение, богатство и жизненная удача — это не твоя частная собственность, а священный залог Неба, данный тебе как испытание на верность людям. Забывать об этом, гордиться богатством перед нищим и чахнуть над златом — значит добровольно подписывать себе смертный приговор, отвращая от себя Небесного Дарователя.

Подлинным законом процветания традиция объявляет бескорыстную щедрость. Чем больше человек отдает в мир — делясь хлебом с голодным, поддерживая сироту, созидая вокруг себя пространство тепла и доверия, — тем полноводнее вливается в его очаг благословение Неба. И напротив, страх расстаться с лишней монетой иссушает сердце, превращая жизнь в бессмысленное прозябание. Сохранить Кут в современном доме — значит очистить его от яда склок, бережно хранить любовь к детям, согревать душевной благодарностью родителей и помнить, что истинное сокровище человека измеряется не счетом в банке, а светом совести, который он оставляет после себя.

❖ ❖ ❖

- **Помни, что Кут даётся во временное пользование: богатство, здоровье и удача —** не повод для гордости, а испытание твоей верности добру.

- **Не теряй благодать через скверну: грубость, обман и предательство мгновенно разрушают Кут. Береги чистоту помыслов (arïγ bolmaq).**
- **Делись благодатью: пригласи соседа к трапезе, помоги сироте, ободри отчаявшегося. Разделённая благодать умножается стократ.**

ГЛАВА

19

СУДЬБА И ВРЕМЯ

СРОКИ ЖИЗНИ ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕЧНОГО НЕБА

𐰋𐱅𐰃·𐰇𐰚𐰋𐰼·𐰓𐰍 𐱃𐰇𐱅·𐰇𐰇𐰔𐰀·𐰃𐱅𐰍 𐰇𐰇𐰓𐰇𐰇𐰼·𐰇𐰇𐰇𐰇	*«Öd Teŋri yasar, kişi oγlï qop ölgeli törümiş...»* ——— *(Памятник в честь Бильге-кагана, большая надпись, строка 10, 735 г.)*

Проблема времени, судьбы и человеческого предела составляет один из самых глубоких, мужественных и драматических узлов тюркского религиозно-философского сознания.

На каменной стеле Бильге-кагана высечена чеканная формула, концентрирующая номадическую онтологию темпоральности: Небо распоряжается временем, а смертный человек рожден в этот подсолнечный мир на строго отмеренный срок.

В колониальном востоковедении XIX века долгое время господствовал поверхностный стереотип о «пассивном фатализме кочевников». Утверждалось, будто безоговорочная вера в судьбу парализовала волю степняка, превращая его в безразличного созерцателя исторического процесса.

Однако подлинные источники — от рунических поминальных текстов на Орхоне и Енисее до суровой поэзии степных жырау и эпоса Деде Коркута — свидетельствуют о прямо противоположном.

Тюркская концепция судьбы никогда не вела к капитуляции или апатии. Она порождала беспрецедентную этику героического бесстрашия. Знание того, что час смерти определен Небом с самого рождения, избавляло воина от парализующего страха перед вражескими клинками, побуждая прожить отмеренный отрезок времени с максимальным достоинством и честью.

Филигранный филологический анализ строки 10 памятника Бильге-кагану (выполненный И. В. Кормушиным и С. Г. Кляшторным) вскрывает глубинную архитектуру мысли:

В древнетюркском языке корень Öd (ДТС, с. 379) обозначает не абстрактную механическую длительность часового механизма. Öd — это:

Срок, пора, сезон, эпоха;

Созревание плода, время цветения трав, время перекочевки;

Отмеренный человеку биологический отрезок жизни.

Время в степи мыслилось не как мертвая стрела, летящая в пустоте, а как циклическое, живое дыхание самого космоса.

Глагол yasa- несет основополагающее значение: «приводить в порядок, устанавливать меру, распределять по закону, творить форму».

Формула «Öd Teŋri yasar» означает: Небо не просто наблюдает за ходом времени, Небо распределяет сроки жизни. Небо ставит рубеж земному пути каждого живого существа.

Смертность человека формулируется словом törümiş — причастием от корня törö- (закон, космический уклад). Человек смертен не из-за грехопадения и не по слепой случайности: смертность заложена в сам замысел сотворения Вселенной.

Примирение с этой неизбежностью признавалось признаком высшей зрелости духа.

На берегах Енисея и в долинах Тувы обнаружены сотни рунических эпитафий древнетюркских батыров (VII–X вв.), открывающих пронзительную человеческую сторону переживания времени.

Почти каждая енисейская надпись содержит скорбную формулу расставания с миром:

«Künke, ayqa, ilime toymadïm... Ödke toymadïm... Adrïldïm...»

«Я не насытился солнцем, не насытился луной, не насытился моим родным народом... Я не насытился временем жизни... Я отделился...»).

В этой формуле нет панического ужаса перед загробными муками, но есть безмерная, чистая любовь к земному солнечному бытию. Воин скорбит о том, что время его жизни угасло слишком быстро, что он вынужден покинуть своих сыновей, своих быстроногих коней и просторы родины. Но он уходит без ропота, покоряясь верховному закону Неба.

В словаре «Диван лугат ат-турк» великий лексикограф фиксирует народные пословицы, отражающие неумолимый бег эпох:

1. О неизбежности ухода (Т. I, с. 84):

«Öd keçär kişi tuymas, yalŋuq oγlï meŋgü qalmas...»

(«Время проходит — человек не замечает; сын человеческий вечно на земле не останется...»).

2. Понятие «Ödlek» (Колесо времен, судьба):

Кашгари приводит древние стихи, где персонифицированное время Ödlek уподобляется стремительному стрелку, чьи стрелы дней невозможно перехватить на лету. Судьба расточает молодость и силы мужей, напоминая о бренности земной славы.

В огузском эпосе «Китаби дедем Коркут» мудрый старец и певец Коркут открывает каждую главу величественным размышлением о природе времени и смерти:

«Gelimli-gidimli dünyə, son ucu ölümli dünyə!»

«Əzəl yazılanı pozmaq olmaz, əcəl gəlicək qurtulmaq olmaz!..»

«(«Приходящий и уходящий мир! Мир, чей неизбежный венчающий конец — смерть!»

«Того, что начертано извечно, стереть нельзя;»

Когда наступает назначенный смертный срок [əҗəл], спасения нет!..»).

Коркут учит воинов не прятаться от опасности. Если человеку суждено пасть в бою — никакие каменные крепости не спасут его; если же смертный час еще не пробил — стрелы врага пролетят мимо. Знание этого превращает батыра в абсолютного хозяина своего страха.

В живой этнографической традиции тюркских народов древняя теология времени воплотилась в системе мудрых пословиц, поэзии жырау и сэсэнов, а также в круговом двенадцатилетнем календарном цикле Мүшел (Мөсөл).

В казахском мировоззрении бытует нерушимый правовой и экзистенциальный афоризм:

«Жазмыштан озмыш жоқ»

«От предначертанной судьбы невозможно убежать»).

Сроки земной жизни мыслятся как начертанные Небом на челе человека в миг его первого крика — Маңдай жазуы.

Однако эта предначертанность рождает не пассивность, а предельную отвагу. Знаменитый воин и поэт XVI века Доспамбет-жырау провозглашает:

«Ажал жетпей өлмек жоқ!»

«Покуда не настал назначенный смертный час — ты не умрешь!»).

Воин идет в атаку сквозь град стрел с абсолютным спокойствием: его жизнь держит само Небо.

Земное бытие поэтически именуется Жалған дүние (бренный, переменчивый, иллюзорный мир). Жизнь уподобляется мгновенной стоянке каравана: сегодня юрты раскинуты на зеленом джайляу, завтра кочевье сворачивается и уходит за перевал. Эта мимолетность обязывает человека оставить о себе добрую память.

В традиционной степной культуре жизнь человека измерялась не десятилетиями, а двенадцатилетними животными циклами — Мүшел / Мөсәл:

Рубежные годы (13, 25, 37, 49, 61, 73 года) почитались опасными критическими порогами перераспределения жизненной энергии;

В год мүшел человек проявлял крайнюю осторожность, не пускался в дальние авантюрные походы и обязательно совершал обряд очищения — раздавал сакральный дар (мүшел садақасы), отдавая бедным свою лучшую одежду или любимого коня;

Человек демонстрировал смирение перед Законом космического времени, благодаря Небо за благополучно прожитый цикл.

В башкирском языке формула звучит столь же чеканно:

«Яҙмыштан уҙмыш юҡ»

«От предначертанной судьбы нет опережения»).

В башкирских кубаирах («Урал-батыр», «Кузыйкурпяч и Маянхылу») герой принимает свою трагическую долю без ропота. Достоинство человека измеряется не тем, сколько лет он прожил на свете, а тем, как он их прожил: изменил ли он роду, дрогнул ли перед врагом или сохранил чистоту сердца.

В академической тюркологии вопрос о фатализме кочевников породил глубокую научную полемику:

Критика стереотипа фатализма (В. В. Радлов, Е. Д. Турсунов):

Василий Васильевич Радлов отмечал, что кочевое мироощущение проникнуто удивительным жизнелюбием и энергией действия. Едигей Турсунов доказал, что вера в предопределение в степном эпосе функционировала как психологический щит: батыр не терзался сомнениями и рефлексией, он целиком отдавался ратному служению, зная, что исход битвы находится в руках высших сил.

Игорь Валентинович Кормушин показал, что формула «Öd Teŋri yasar» утверждает рациональный космический порядок: мир не брошен на произвол слепого хаоса. Времена года сменяются закономерно, светила движутся по неизменным орбитам, и человеческая жизнь включена в эту величественную симфонию вселенского порядка.

❖ ❖ ❖

Сопоставление рунической эпиграфики, степного фольклора и нравственной мысли позволяет раскрыть строгую диалектику предопределения и свободы воли в тюркском миросозерцании.

Здесь нет ни слепого механического фатализма, парализующего волю, ни бунтующего богоборческого волюнтаризма.

Суверенитет Неба утверждает объективные онтологические границы земного бытия. Формула «Öd Teŋri yasar» («Временем верховодит Небо») напоминает: человек не властен над часом своего появления на свет, не властен над выбором эпохи и народа, в котором ему суждено родиться, и не может отодвинуть предначертанный Небом предел своего земного срока. Небо расстилает полотно времени, очерчивая неизбежные рамки смертного бытия (ölgeli törümiş).

Однако внутри этих космических границ человеку вверена абсолютная моральная свобода. Небо не предопределяет того, станет ли человек подлецом или благородным батыром, предаст ли он клятву (ант) ради спасения бренной плоти или пожертвует жизнью ради чести своего рода. Человек тюркской традиции абсолютно свободен в избрании пути правды или кривды. Если границы времени принадлежат Тенгри, то наполнение этого времени подвигом (erdäm) или позором всецело лежит на совести самого сына человеческого. Именно за этот свободный нравственный выбор человек несет безответную подотчетность перед всевидящим оком Неба и судом грядущих поколений.

Современный человек изнурен неврозом тотального контроля. Пытаясь подчинить себе будущее через биржевые расчеты, страховые полисы и технологические манипуляции, он лишь глубже проваливается в пучину панического страха перед непредвиденным. Степной завет о Небесном Владыке времени дарует душе целительный покой: вселенная не брошена в хаос слепых случайностей. Принятие высшей меры бытия возвращает человеку внутреннее равновесие: мудрый не тратит душевные

силы на бесплодную панику перед неизбежным, но целиком сосредотачивается на том, что находится в его власти — на честном исполнении своего долга здесь и сейчас.

❖ ❖ ❖

- **Принимай неизбежное без ропота: помни завет «Öd Teŋri yasar» (Временем верховодит Небо). Человек не властен над часом рождения и ухода, но властен над чистотой своего пути.**
- **Наполняй время смыслом: не откладывай добро на призрачное «потом». Делай то, что велит совесть, прямо здесь и сейчас.**
- **Преодолей страх перед будущим: доверься мудрости Неба. Если твои намерения чисты, никакой злой рок не сокрушит твоей внутренней крепости.**

ГЛАВА

20

ЖИЗНЬ ПОД СОЛНЦЕМ

РАДОСТЬ ЗЕМНОГО БЫТИЯ И ПОЛНОТА ДНЕЙ

𐰋𐰃𐰇·𐰇𐰋·𐰋𐰋𐰇𐰃𐰴𐰋 𐰴𐰋𐰆𐰋𐰇𐰃·𐰴𐰋𐰃𐰇 𐰋𐰋𐰋𐰇𐰇𐰇𐰃𐰋	*«Altï otuz yaşïma... Elime, bodunïma toymadïm! Kök teŋridä künke, ayqa adrïldïm!... Qadashïm-a, oyma-a, bökmädim!...» С солнцем и луной на Синем Небе я разлучился!... О мои сородичи, о мое стойбище — я вами не насладился!...»)* ——— *(Енисейская руническая эпитафия с реки Уюк-Тарлак, памятник Е 1, VIII–IX вв.)*

Тюркское религиозное мировоззрение фундаментально и бескомпромиссно жизнеутверждающе.

Для степняка зримый мир, согретый дневным светилом — «Подсолнечный мир» (Kün altïnta / Күн асты) — никогда не был падшим, нечистым или проклятым. Напротив, это было сотворенное Творцом прекрасное лоно, наполненное благоуханием цветущего ковыля, свежим степным ветром, топотом быстроногих коней, звоном оружия и радостью семейного очага.

Центральным свидетельством этой уникальной «мудрости жизнелюбия и благодарности» выступает монументальный корпус енисейских эпитафий Саяно-Алтая (более ста пятидесяти каменных стел).

В этих надписях нет раболепного страха перед загробными пытками, нет уныния и презрения к плоти. Они представляют собой величественный, мужественный и пронзительный гимн оставленной земной жизни: батыры оплакивают то, что они «не насытились» (toymadïm) солнцем, луной, любимыми женами, верными боевыми соратниками и просторами родного эля.

В Большой надписи в честь Кюль-тегина (строка 2) границы ойкумены очерчиваются движением солнца:

«İligerü kün toγsïqqa, birigerü kün ortusïŋaru, qurïγaru kün batsïqïŋa, yïrïγaru tün ortusïŋaru... bunça bodun... barça maŋa körür. Kün altïnta...»

«Вперед — до восхода солнца, вправо — до полудня, назад — до заката солнца, влево — до полуночи... столько народов я подчинил... Под солнцем устроил я их мирную жизнь»).

Идиома Kün altïnta («под солнцем», «в подсолнечном мире») выступает в тюркской мысли синонимом земного бытия во всей его полноте. Солнце — зримое око Неба, дарующее свет и тепло. Все, что согрето солнцем, достойно благоговения, защиты и созидательного труда.

В эпитафиях долин рек Уюк, Барык, Элегес и Чаа-Холь (Тува и Хакасия) повторяется сакральная формула, поразившая первых исследователей руники — В. В. Радлова, С. Е. Малова и И. В. Кормушина:

В древнетюркском языке toy- означает не просто утоление физиологического голода. Это переживание полноты счастья, достижение предела жизненного упоения (ДТС, с. 570):

Памятник Е 1 (Уюк-Тарлак):

«Elime, bodunïma toymadïm!... Künke, ayqa toymadïm!...» — «Я не насытился моим народом! Я не насытился солнцем и луной!»;

Памятник E 10 (Элегес):

«Altun kergüme, künike toymadïm!... Er erdemim üçün bökmädim!...» — «Моим золотым шатром, моим солнечным светом я не насытился! Моей мужской доблестью [эрдем] я не успел насладиться!».

Смерть обрывает человеческий век, но воин уходит, признавая: жизнь была бесконечно сладка и прекрасна. Ненасыщенность бытием (toymadïm) — это высшая благодарность человека Небу за дарованное счастье дышать и побеждать.

Параллельный глагол bök- выражает исчерпание радости до дна. Формула «Bökmädim» («я не пресытился») утверждает: красотой степного мира невозможно пресытиться. Сколько бы лет ни прожил батыр — двадцать шесть или шестьдесят, — окружающий мир всегда оставался для него свежим, удивительным и благодатным.

В словаре «Диван лугат ат-турк» (1074 г.) Махмуд аль-Кашгари фиксирует народную мудрость, объясняющую природу этой ненасыщенности:

«Köz toysa da köŋül toymas...»

«Глаз может насытиться зрением, но душа [сердце] ненасытна к красоте мира...»).

Здесь вскрывается духовная глубина степной антропологии: жажда жизни у тюрка была не жадностью чрева, а неутолимой любовью сердца к живому мирозданию.

В огузском героическом эпосе «Китаби дедем Коркут» любовь к подсолнечному миру выражается в стихии богатырского празднества и щедрости:

1. Великий пир мужей (Той):

Каждая сага Коркута завершается всеобщим праздничным пиром:

«Белые шатры раскинуты на зеленых лугах, варятся котлы сочного мяса, пенится кумыс в бурдюках, звучат струны кобыза...»;

2. Щедрость властителя:

Хан Баяндур устраивает пир не для самолюбования: он приказывает зарезать тысячи жеребцов, овнов и верблюдов, чтобы накормить весь народ от знатного бека до бездомного пастуха. Радость жизни признается истинной лишь тогда, когда она разделена со всем родом.

В традиционной культуре тюркских народов жизнеутверждающая биоэтика радости развилась в целостную, оптимистичную систему миросозерцания.

В казахском самосознании подсолнечный мир осмысляется через категорию Дүние қызығы (радости, сияние и красоты земного бытия):

1. Три драгоценности степняка:

Счастье кочевника выражалось триадой:

Жүйрік ат (быстроногий крылатый скакун);

Қыран бүркіт (зоркий беркут на охоте);

Сұлу жар (верная и прекрасная спутница жизни).

2. Философия благодарения («Шүкіршілік»):

Казахская традиция строго предписывала начинать каждое утро со слов радости:

«Атқан таңға, шыққан күнге шүкір!» («Благодарение восходящей заре и встающему солнцу!»).

Хандра, беспричинное уныние и жалобы на тяготы жизни считались тяжким нравственным пороком, оскорбляющим щедрость Творца.

3. Обрядовые праздники жизни («Той»):

Каждая веха человеческого пути отмечалась праздником: рождение ребенка (шілдехана), разрезание пут первенца (тұсаукесер), первая посадка мальчика в седло (ашамайға отырғызу). Эти обряды собирали сотни сородичей, утверждая торжество продолжения жизни над пустотой небытия.

4. Поэзия погребального плача («Жоқтау»):

Даже в поминальных плачах жоктау, исполнявшихся женщинами у изголовья усопшего, удивительным образом воскресали мотивы енисейских стел. В них подробно перечислялись все земные подвиги батыра, его меткие выстрелы, его щедрые пиры и забота о сородичах. Жоктау был не плачем отчаяния, а торжественным признанием величия честно прожитой жизни.

В башкирской традиционной этике фундаментальным императивом является понятие Йәшәү ҡәҙерен белеү — «знать подлинную цену земной жизни»:

Человек обязан трепетно оберегать свое тело, чистоту родников и здоровье близких, не оскверняя дни злобой и завистью;

Башкирские протяжные песни (оҙон көй) воспевают красоту утренней росы на травах Южного Урала, шум волн Агидели и синеву неба над шиханами как прямое откровение божественной благодати.

В академическом востоковедении феномен енисейских надписей произвел подлинный переворот:

Открытия С. Е. Малова:

Сергей Ефимович Малов в фундаментальном труде «Енисейская письменность тюрков» (1952 г.) показал, что в этих лаконичных рунических строках бьется живое, теплое и глубоко человечное сердце древнего воина, любившего своих детей, свой народ и свою землю.

Игорь Валентинович Кормушин провел скрупулезный текстологический анализ десятков памятников бассейна Енисея и доказал, что формула «Künke, ayqa, ilime toymadïm» образует самостоятельный, неповторимый жанр древнетюркской лирики — элегию прощания с подсолнечным миром, не имеющую аналогов в других мировых культурах.

Л. Н. Гумилев отмечал, что поразительная историческая стойкость тюркских элей объяснялась их органическим слиянием с вмещающим ландшафтом: степь не была чужбиной, она была родным домом, за красоту которого шли на смерть с улыбкой.

❖ ❖ ❖

Философский анализ традиции раскрывает уникальную степную метафизику подсолнечного мира, чуждую как мрачному аскетическому бегству от материи, так и бездумному потребительскому гедонизму.

Подсолнечный мир — Күн астында (Kün altïnta) — мыслится как священный, совершенный дар Неба и Земли. Телесная жизнь человека, шелест трав на пастбище, стук копыт скакунов и ласковое тепло солнца не несут на себе печати греховности. Плоть священна, ибо она соткана из недр Бурой Земли; радость дыхания чиста, ибо она ниспослана верховным Тенгри. Традиция не призывает человека умерщвлять свои природные силы: напротив, полнота

бытия заключается в способности глубоко, трепетно и благодарно насыщаться радостью земной жизни (toymaq / bökmek).

Однако эта радость подсолнечного мира в оптике номада неразрывно сопряжена с доблестью (erdäm). Наслаждаться покоем юрты, вкушать прохладный кумыс на весеннем тое и слушать переливы домбры имеет нравственное право лишь тот, кто готов в любой час подняться по боевому клику урана на защиту своего эля. Земная радость освящается жертвенной готовностью оберегать слабых. И когда наступает предначертанный Небом час расставания (adrïlmaq), мудрый степняк оглядывается на прожитые годы не с рабским ропотом или ужасом, а с благородной печалью рыцаря, покидающего прекрасный пир жизни: его тело упокоится в родной земле, душа улетит птицей к предкам, а на вечном камне стелы останется сиять незапятнанное доброе имя.

Память о краткости подсолнечного срока учит преодолевать главную болезнь современности — бесконечное откладывание подлинной жизни на призрачное «завтра». Мы откладываем любовь, прощение, заботу о родителях и верность правде, воображая, что наш век бесконечен. Но степная философия напоминает: каждый восход солнца уникален, каждый вздох воздуха неповторим. Жить под солнцем достойно — значит превратить каждый отпущенный день в акт созидания добра, щедрости и верности совести. Истинная радость не бывает эгоистичной: согревая теплом своего очага ближних и защищая справедливость на родной земле, человек побеждает тлен и оставляет неизгладимый след в вечной памяти народа.

❖ ❖ ❖

- **Радуйся каждому дню под солнцем (Кюн асты): бытие прекрасно. Наслаждайся запахом ветра, вкусом хлеба, смехом родных и красотой степи.**
- **Помни древний вздох «Тоймадым»: не пресыщайся жизнью, сохраняй в сердце детское удивление перед чудом творения.**
- **Освящай радость доблестью (Эрдем): празднуй жизнь достойно, будь щедр и готов в любой час встать на защиту родного очага.**

ГЛАВА

21

ТАИНСТВО ИСХОДА

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ДУШИ И ВЕРНОСТЬ КОНЯ

𐰴𐰇𐰋𐰏𐰋:𐰃𐰋:𐰋𐰃𐰋 𐰚𐰴𐰆𐰇𐰋𐰋𐰋:𐰉 𐰇𐰋𐰍:𐰴𐰃𐰋𐰇	*«Kül tegin qoyn yïlqa yeti yigirmike uča bardï... Qanïm qayan uča bardï...» Мой отец-каган улетел...»)* ——— *(Большая надпись в честь Кюль-тегина, 732 г.; Стела Бильге-кагана, 735 г.)*

Физическая смерть человека в тюркском миропонимании никогда не мыслилась как окончательная аннигиляция личности, как падение в инфернальное небытие или как постыдный финал биологического распада.

Степная цивилизация выработала строгую, возвышенную и мужественную концепцию посмертного перехода: смерть понималась как «Великая кочевка» (Көшу) — переход из временного земного подсолнечного мира (Жалған дүние) в вечную обитель предков (Бақи дүние / Аруақтар елі), а также как благородная разлука (adrïlmaq) бессмертного духа с тленной плотью.

Осевым выражением этого перехода в древнетюркских рунических текстах VIII века выступает священная формула:

«Uča bardï» — «Он взмыл ввысь, улетел соколом / птицей».»

О государях, батырах, мудрых советниках и верных матерях традиция категорически запрещала говорить грубое «он умер» или «он погиб».

Человек чести не погибает — его высшая духовная искра (Кут / Ийэ-кут) расправляет крылья и устремляется в беспредельную высь Голубого Неба к своему Создателю. Тело возвращается в лоно породившей его Бурой Земли, а верный боевой конь становится священным проводником (проводник душом), несущим дух всадника через рубежи миров.

В орхонских монументальных надписях в честь Кюль-тегина (строки 16, 25) и Бильге-кагана (строка 10) глагольная конструкция отлета птицы строго нормативна:

Глагол uç- (летать, парить, взмывать на крыльях; ДТС, с. 604) соединяется с вспомогательным глаголом движения bar- (идти, удаляться). Буквальное значение конструкции — «улетая, удалился; воспарив, ушел».

Этот образ глубоко укоренен в соколиной и беркутиной охоте номадов:

Человеческая душа уподобляется белому ловчему соколу (ақ сұңқар), сидящему на кожаной перчатке охотника-Творца;

Земная жизнь — это время охоты в подсолнечном мире;

В назначенный Небом час путы перерезаются, сокол взмывает в зенит и улетает в горние просторы.

В казахском языке эта формула пережила тысячелетия в поэтических плачах:

«Ақ сұңқары қолынан ұшты...» — «Его белый сокол упорхнул с руки...».»

В енисейских надписях (памятники Е 45, Е 48) смерть выражается глаголом adrïl- (отделяться, разлучаться; ДТС, с. 20):

«Künke, ayqa, yerime adrïldïm...»

«С солнцем, с луной, с моей священной землей я разлучился...»).

Смерть — это не конец связи, а временная пространственная разлука. Воин разлучается с видимым миром, но оставляет свое нерушимое имя в памяти сородичей и на граните вечного камня (Beŋgü Taş).

Погребальный ритуал древних тюрок поражал внешних наблюдателей своей всенародной мощью, трагическим величием и бесстрашием перед лицом смерти.

Византийский дипломат Менандр Протектор оставил уникальное описание похорон великого тюркского кагана Истеми (Дизавула), свидетелями которых стали послы императора во главе с Валентином:

«Царевич Турксанф, сын почившего кагана, встретил римских послов в глубоком трауре. По древнему тюркскому обычаю, послы должны были сойти с коней, войти в погребальный шатер и надрезать себе ножами лица, дабы кровь смешалась со слезами.»

Затем вокруг шатра на бешеном скаку семь раз объезжали всадники, оглашая степь погребальным пением... По завершении семи кругов перед шатром были закланы любимые боевые кони кагана и сожжены на ритуальном огне...».

Кровь, текущая по щекам воинов, свидетельствовала: ушел не просто родственник — ушла опора государства. Род плачет не бессильной водой слез, а драгоценной жизненной субстанцией крови.

Секретарь багдадского посольства Ахмад ибн Фадлан в своем знаменитом отчете описал погребение знатного кочевника у огузов в прикаспийских степях:

«Когда умирает у них знатный муж, они выкапывают для него в земле большую просторную яму наподобие дома. Они облекают его в шелковую куртку, опоясывают воинским поясом, кладут в руки лук со стрелами, а перед ним ставят деревянный кубок с кумысом.»

«Затем берут его верховых коней — сотню или две сотни — и приносят их в жертву, съедая мясо на поминальном пиру, а головы, кожу и копыта коней развешивают на высоких шестах над курганом.»

И говорят они: "Это его кони, на которых он поедет в небесные чертоги Неба. Конь домчит его до его золотого шатра на том свете..."».

В погребальном комплексе кочевников Евразии верховой конь занимал центральное культовое место:

1. Археология царских курганов:

Раскопки монументальных курганов ранних кочевников в урочище Пазырык (исследованные С. И. Руденко) и Берель в Казахстане (исследованные З. Самашевым) открыли непотревоженные погребения знатных вождей IV–III веков до н. э. Рядом с саркофагом батыра в вечной мерзлоте лежали скелеты верховых коней в богатейшем парадном уборе: деревянные маски с рогами горных козерогов, расшитые войлочные чепраки, позолоченная сбруя.

2. Функция проводник душа:

Конь почитался солярным животным, порожденным стихией небесного огня и ветра. В пространстве между мирами

простираются бездны, огненные реки и ледяные ущелья, непреодолимые для бестелесного духа человека. Лишь верный боевой скакун — тулпар — способен перепрыгнуть через космическую бездну и доставить душу батыра к престолу предков.

В традиционном быту тюркских народов древняя танатология сохранила свои базовые институты верности памяти, обогатившись высокой нравственной и духовной глубиной.

В казахской народной культуре зафиксированы поразительные параллели с орхонской эпохой:

1. Сакральный глагол «Қайтыс болу»:

В казахском языке смерть выражается благоговейным оборотом:

«Ол қайтыс болды» — буквально: «Он совершил возвращение».

Человек не исчезает, он возвращается к Первоисточнику — к Создателю-Тенгри, от которого некогда получил в дар дыхание и жизнь;

2. Обряд посвящения коня («Тұл ат»):

После смерти главы рода его любимого верхового коня объявляли неприкосновенным (тұл): ему обрезали гриву и хвост, снимали седло и запрещали кому-либо садиться на него верхом в течение целого года. В годовщину кончины на великих поминках (Ас) коня торжественно приносили в жертву для поминальной трапезы соплеменников, веря, что в этот миг дух скакуна соединяется с духом хозяина в мире Аруаков;

3. Опережение времени («Дүниеден озу»):

О смерти старца говорили: «Дүниеден озды» — «Он опередил этот земной караван, первым пришел к вечному перевалу».

В башкирской народной традиции, исследованной Р. Г. Кузеевым и Ф. Г. Хисамитдиновой:

Существовало стойкое верование, что в течение сорока дней после кончины душа человека пребывает возле родного очага в облике невидимой птицы или бабочки, садящейся на шежере или ветви священной березы;

О праведном человеке с благоговением говорят: «Йәне ҡош булып күккә осто» («Его душа птицей взмыла в Небо»);

Память об усопшем скрепляется общей поминальной трапезой и раздачей милостыни, обеспечивающей душе легкий переход в мир предков.

Погребальный обряд древних степняков был не бессмысленным уничтожением богатств, а глубоко продуманной великим таинством снаряжения героя в вечный путь, где верный конь выступал священным проводником души в заоблачные чертоги предков.

Василий Васильевич Радлов сопоставил материалы раскопок на Алтае с текстами китайских летописей династий Тан и Суй, доказав, что конский погребальный ритуал номадов являлся не бессмысленным истреблением скота, а глубоко продуманной священным ритуалом снаряжения героя в вечный поход.

Сергей Иванович Руденко на материалах Пазырыка и башкирских этнографических экспедиций доказал непрерывность культа коня-проводник душа на протяжении двух с половиной тысяч лет от скифо-сакской эпохи до башкирского эпоса «Акбузат».

Жан-Поль Ру в фундаментальной монографии «Смерть у древних и средневековых алтайских народов» (1963 г.) показал, что формула «uča bardï» отражает веру в возвращение небесной световой

субстанции человека к верховному Небесному Отцу. Смерть у тюрок не имела хтонического ужаса — она была возвращением к свету.

Синтез рунической эпиграфики Орхона и Енисея, материалов скифо-сакской археологии и живого степного погребального канона раскрывает строгую и светлую метафизику посмертного преображения человека. Смерть здесь никогда не мыслилась как провал в темное, бессмысленное небытие или кара за грехи плоти.

В миг физической кончины происходит неизбежная разлука начал (tïnï üzüldi — «оборвалось земное дыхание»). Тленное тело, сотворенное из персти и солей, без ропота возвращается в материнское лоно Бурой Земли (yaγïz yer), обретая вечный покой в курганной насыпи. Но высшая духовная искра человека — его благодать совести и нетленное естество — свободна от тления. Преодоление рубежа между мирами требует верного медиатора: посвященный конь-проводник душ (Тұл ат / Тулпар), погребенный рядом с батыром или ритуально отпущенный на волю, переносит дух усопшего через бездну пространства.

Финальным актом этого великого перекочевья становится взлет души — священная формула «Уча барды» (uča bardï): «улетел птицей». Душа человека, очищенная честно прожитым веком, устремляется в лазурную высь, возвращаясь к Небесному Источнику — Тенгри, и входит в священный сияющий сонм первопредков (Аруақтар). Ушедший предок не исчезает: он переходит в иное бытийное качество, становясь невидимым небесным стражем своего очага и заступником родного народа.

Древняя тюркская танатология звучит глубоким освобождающим словом для современной цивилизации, пораженной глубочайшим экзистенциальным неврозом — паническим животным страхом перед смертью.

Современный человек изгнал тему смерти из публичного пространства, стыдливо пряча ее за больничными ширмами и пытаясь заглушить мысль о неизбежном потребительским шумом. Но вытесненный страх возвращается в виде скрытой тревоги, депрессии и малодушия. Степная традиция возвращает человеку мужество прямого взгляда: смерть есть естественное «Возвращение к Истоку» (Қайтыс болу). Уйти из подсолнечного мира так же естественно, как опуститься ночи после пылающего полдня. Человек, знающий, что его душа призвана взлететь птицей к Небу, встречает свой предначертанный час со спокойным, рыцарским величием.

Культура степи чужда малодушного отчаяния и надрывных истерик. Проводы ушедшего батыра или матери рода — это священный чин благодарности за прожитую жизнь, за переданную мудрость и подвиг чести. Поминальная тризна обращается в торжество нерушимой связи поколений.

И наконец, образ соколиного отлета души ставит перед каждым живущим бескомпромиссный нравственный вопрос: каков будет мой собственный взлет? Взлетит ли моя душа легким, свободным белым соколом незапятнанной совести и верности долгу, или рухнет вниз тяжелым камнем под грузом корысти, предательства, трусости и стяжательства? Так тайна смерти превращается в высшее зеркало жизни: помнить о взлете — значит прожить каждый день на земле с безупречным достоинством.

❖ ❖ ❖

• Смотри на смерть как на Великое Перекочёвье (Көшу): тело возвращается земле, а душа улетает птицей (uça bardï) в лазурные чертоги Неба.

• Живи так, чтобы не бояться смертного часа: чистая совесть делает переход лёгким и светлым. Тот, кто никого не обманул и творил добро, уходит в покое.

• Храни верность до конца: как богатырский конь верно следует за своим хозяином, так и ты будь верен друзьям, семье и долгу до последнего вздоха.

ГЛАВА

22

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

ВЕЧНЫЙ КАМЕНЬ И БЕССМЕРТИЕ ИМЕНИ

𐰆𐰃𐰋𐰆·𐰴𐰋𐰇𐰋·𐰋𐰆 𐰆·𐰋𐰆𐰇𐰃𐰋𐰇 𐰓𐰋𐰇·𐰇𐰃𐰇	*«Teŋri yarlïqaduqïn üçün... Beŋgü taş toqïtdïm... Körür biligig bunça bitidim. Bu bitigimin körüp ança biliŋ!... Beŋgü taş tikidim...» Видящее знание я здесь написал. Взирая на эти письмена мои, знайте правду!... Вечный Камень я воздвиг...»)* ——— *(Памятник в честь Кюль-тегина, малая надпись, строки 11–13, 732 г.)*

Одной из самых поразительных черт духовной цивилизации древних кочевников Евразии является ее неукротимая страсть к исторической памяти, непрерывности традиции и бессмертию доброго имени.

В оседло-земледельческих империях древности память доверялась папирусу, шелку, глиняным табличкам или кирпичным стенам городов. Но в условиях открытых степных просторов, где города разрушались войнами, а рукописи гибли в пламени пожарищ, тюркские мудрецы и правители нашли иной, предельно долговечный способ диалога сквозь века: высекание рунических манифестов на нерушимых гранитных и мраморных монолитах — «Вечных камнях» (Beŋgü Taş).

Параллельно с монументальным камнем развивался величайший народный институт устной генеалогии — Шежіре / Шәжәрә (родословные древа) и священный закон знания семи предков (Жеті ата / Ете быуын).

Забвение предков в степи приравнивалось к выпадению из человеческого достоинства («Жеті атасын білмеген — жетесіз мәңгүрт» — «Кто не помнит семи отцов, тот беспамятный раб, лишенный разума»). Камень хранил государственную правду для всего народа; Шежере хранило чистоту крови и честь каждого отдельного рода.

В строках 11–13 Малой надписи Кюль-тегина в долине реки Орхон (Монголия) термин Beŋgü Taş формулируется не как частная надгробная плита, а как публичный историософский завет:

В древнетюркском языке лексема beŋgü (ДТС, с. 384; EDT, p. 350) означает «вечный, непреходящий, бессмертный»:

Beŋgü Teŋri — Вечное Небо, абсолютное Первоначало;

Beŋgü Taş — Вечный Камень, воплощенная в граните память;

Beŋgü İl — Вечное Государство, идеал нерушимого союза родов под властью Вселенского Закона Тёрё.

Камень ставился на перекрестке степных путей не для того, чтобы усладить тщеславие правителя при жизни. Он ставился как обращение к грядущим потомкам (soŋra bodun): каган признавал свою смертность, но передавал высеченное на камне «видящее знание» (körür bilig) сквозь века.

Комплекс Кюль-тегина и Бильге-кагана представлял собой шедевр мемориального зодчества:

В центре святилища высилась мраморная стела, покоящаяся на спине гигантской каменной черепахи (тас бақа) — древнейшего символа устойчивости Вселенной и непоколебимой земной тверди;

На верхушке стелы был выбит родовый герб династии Ашина — священный знак горного козерога (таукекі/теке) и фигуры драконов Неба;

Четыре грани монолита были сплошь покрыты строками орхонского алфавита. Гранит стал живой книгой степи.

В эпитафиях Саяно-Алтая (памятники E 28, E 30) монументальный камень выполняет глубоко личностную задачу:

«Er atïm İrkeş ermiş... Men beŋgü taşïg tikdim, erdemim üçün!...»

«Взрослое мужское имя мое было Иркеш... Я воздвиг вечный камень за мою воинскую доблесть и добродетель!»).

В древнетюркской этике имя не давалось просто так при рождении. Младенец носил детское домашнее прозвище. Подлинное мужское имя — Эр ат (Er at) — воин завоевывал в бою, на охоте или в мудром совете («At qazanmaq» — снискать себе имя).

Высечение имени на вечном камне знаменовало триумф человеческого духа над небытием. Плоть истлеет, но имя батыра, его меткость, его щедрость и верность роду навечно впечатаны в гранит.

Если рунические стелы фиксировали государственную историю эля, то институт Шежіре / Шәжәрә хранил сокровенную генетическую и историческую память семей.

В казахском обычном праве закон «Жеті ата» был нерушимым конституционным принципом:

1. Бала (сын);

2. Әке (отец);

3. Ата (дед);

4. Арғы ата (прадед);

5. Баба (прапрадед);

6. Түп ата (родоначальник ветви);

7. Тек (корень, исток).

С пятилетнего возраста мальчик заучивал наизусть имена своих семи предков по мужской линии, их боевые кличи (ұран), родовые тамги и деяния.

Знание семи колен решало две фундаментальные задачи:

Абсолютная защита генофонда: До седьмого колена внутри рода строжайше воспрещались браки. Кровосмешение каралось изгнанием и проклятием Аруаков. Это сформировало удивительную биологическую крепость и выносливость кочевого народа;

Социальное братство: Всякий соплеменник в пределах семи колен признавался прямым братом. Отказать ему в крове, защите или помощи при джуте считалось позором для всего рода.

В башкирской традиционной культуре, детально исследованной Р. Г. Кузеевым в монументальном труде «Происхождение башкирского народа» (1974 г.), каждый род (ырыу) обладал четырьмя нерушимыми сакральными символами, зафиксированными в родовых шежере:

1. Тамға (Тамга): Родовой герб, высекавшийся на межевых камнях, деревьях и скалах Урала для обозначения вотчинных прав на землю;

2. Оран (Боевой клич): Имя легендарного батыра-первопредка, призываемое в час смертельной опасности;

3. Ҡош (Священная птица-тотем): Беркут, сокол, кречет или лебедь, олицетворявшие крылатый дух племени;

4. Ағас (Священное дерево): Лиственница, дуб, береза или сосна, выступавшие локальным образом Мирового Древа.

Срубить родовое дерево соседа или подделать тамгу признавалось тягчайшим преступлением, навлекавшим на виновного суровое возмездие суда старейшин.

Прямым историческим продолжением орхонских и енисейских «Вечных камней» стали монументальные каменные стелы Западного и Центрального Казахстана — Кулпытасы (Құлпытас).

В некрополях плато Устюрт, полуострова Мангышлак и долин рек Эмба и Сагыз (некрополи Сисем-ата, Шопан-ата, Караман-ата):

На вертикальных известняковых плитах высотой до трех метров народные мастера высекали арабской графикой на казахском языке полные родословия усопших батыров;

На гранях стел с ювелирной точностью изображались родовые тамги (адайская стрела — жебе, табынская ковш-тамга, шомыш-тамга), а также личное оружие героя: сабля, копье, щит, лук в колчане и верховой конь;

Кулпытас выступал открытой каменной книгой степи: путник, остановившись в некрополе, мог без труда прочесть историю поколений и подвиги предков.

Феномен степной эпиграфики получил высочайшую оценку в мировой академической мысли:

Открытия В. В. Радлова и В. Томсена:

Дешифровка руники в 1893 году Вильгельмом Томсеном и первые переводы Василия Васильевича Радлова доказали, что кочевники Евразии обладали развитой собственной

письменностью, глубочайшим историческим самосознанием и непревзойденной ораторской культурой.

Сергей Григорьевич Кляшторный ввел в научный оборот понятие «историософия Beŋgü Taş». Он показал, что древнетюркские авторы (каган Бильге, принц Кюль-тегин, мудрец Тоньюкук) мыслили масштабами тысячелетий. Они воздвигали камни не ради сиюминутной пропаганды, а ради спасения народа от исторического забвения и утраты государственного суверенитета.

Раиль Гумерович Кузеев на основе сопоставления сотен башкирских шежере с архивными документами доказал, что родословные кочевников обладают математической и хронологической достоверностью, восходя к реальным историческим событиям золотоордынской и каганатской эпох.

Анализ традиции позволяет раскрыть фундаментальную диалектику преодоления неумолимого бега времени. В степной культуре бессмертие не искали в призрачном физическом бегстве от смерти — его созидали через союз двух великих ветвей памяти: монументального гранита и живого трепета человеческого сердца.

Первой ветвью выступает Бенгю Таш (Beŋgü Taş) — Вечный Камень. Слово, высеченное резцом в диком граните орхонской стелы, бросает прямой вызов энтропии тысячелетий. Камень удерживает историческое бытие всего народа: пока стоит рунический памятник, потомки помнят заветы отцов-основателей державы, их мужество, ошибки, цену пролитой крови и священные законы Тёрё. Камень обращается сквозь века к еще не рожденным поколениям: «Слушайте слово мое, сыны тюркские!».

Второй же ветвью, не менее прочной, чем гранит, является Шежере / Жетi ата — живая память крови и любви, передаваемая из уст в уста у ночного очага. Если стела хранит государственную

правду эля, то шежере держит нравственную чистоту семьи. До тех пор, пока мальчик твердо помнит имена семи своих прямых дедов, его род защищен от духовного вырождения, беспамятства и позорного рабства.

В точке пересечения Вечного Камня и Живого Шежере рождается тюркское понимание вечности — бессмертие доброго имени («Edgü at»). Человек побеждает смерть не золотом и не пирамидами гробниц, а тем следом правды и добра, который запечатлен в сердцах его соплеменников.

Человек, оторванный от родословных корней, не помнящий имен своих предков и не знающий трагедий своей земли, превращается в сухое, жалкое перекати-поле. Любой шквал чужой пропаганды, любая рыночная манипуляция легко кружит и ломает такого беспамятного раба (жетесіз / мәңгүрт). Память о семи предках возвращает личности несокрушимый духовный костяк: осознавая себя звеном в многовековой цепи поколений, человек обретает неподдельное внутреннее достоинство, которое невозможно растоптать или купить.

Память шежере налагает глубочайшую этическую ответственность за каждый совершенный поступок. Совершая жизненный выбор, человек знает: его имя войдет в родословное древо его детей и внуков. Стыд перед потомками — оставить им в наследство запятнанное имя труса, предателя или стяжателя — сильнее любого уголовного кодекса.

И наконец, рунический монолит ставит перед каждым современником предельный вопрос: каков будет твой личный «Вечный Камень»? Растворится ли твой земной век в пустом потребительском чаду, оставив после себя лишь горы мусора, или ты сможешь высечь в вечности благородный след — честно

воспитанных сыновей и дочерей, посаженные рощи, защищенную правду и созидательный труд на благо родного народа? Помнить о Вечном Камне — значит жить так, чтобы твое имя с гордостью произносили благодарные потомки.

❖ ❖ ❖

- **Строй свой «Вечный Камень» (Бэнгю таш): не надейся на мраморные монументы. Твой вечный камень —** это благодарность людей, которым ты помог в беде.
- **Храни родовую память: передавай детям рассказы о мужестве предков. Пока жива память —** предки незримо охраняют твой дом.
- **Заботься о Добром Имени (Эдгу ат): имя переживёт твоё тело. Оставь потомкам имя, которое они будут произносить с гордостью и теплотой.**

ГЛАВА

23

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ СВОИХ

ЕДИНСТВО РОДА, ВЗАИМОПОМОЩЬ И ВЕРНОСТЬ НАРОДУ

𐱃𐰇𐰚𐰺𐰋·𐰋𐰋·𐰚𐰺𐰋 𐰴𐱅𐱃𐰇𐰚𐰺𐰋·𐰶 𐰇𐰺𐱅·𐱃𐰋𐰺𐰇	*«Türk bodunï üçün tün udïmadïm, küntüz olurmadïm... Qanïm qaγan birle qïzïl qanïmïn tökdim, qara terimin yügüttim, işig küçig birtim... Türk bodunïn atï küsi yoq bolmazun teyin... İlig qazγandïm!...» Вместе с моим отцом-каганом я проливал свою алую кровь, трудился до черного пота, отдавал всю свою силу и службу... Дабы не исчезло имя и слава тюркского народа, я завоевал и устроил государство!...»)* ——— *(Памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, 732–735 гг.)*

Завершающий горизонт тюркской антропологии обращен к социальному бытию личности, к взаимоотношениям человека со своим родом, общиной и государством.

В философии Нового времени утвердилась модель «атомизированного индивида» — изолированного эгоиста, ведущего войну всех против всех и вступающего в общество лишь ради защиты частной собственности через юридический контракт.

Для кочевой и полукочевой цивилизации Евразии подобный изолированный индивид был физически и духовно невозможен. Человек, выброшенный из рода или противопоставивший себя

общине, был обречен на мгновенную гибель в суровом климате степи от холода, бескормицы или нападения врагов.

Степная традиция выработала великую философию коммунитарного персонализма. Человек мыслил себя не как оторванный осколок, а как живая клетка единого одухотворенного целого:

Семьи и очага;

Рода (Uruq / Qadaş / Ырыу);

Племенного союза и народа (Bodun);

Государства (El / İl).

Личность в тюркском мировоззрении не подавлялась общиной, но находила в ней свое высшее оправдание. Человек становился батыром, мыслителем или поэтом не ради самовлюбленной гордыни, а ради того, чтобы послужить своему народу (bodun üçün), защитить кочевья слабых и сохранить жизнь эля перед лицом Неба.

В монументальных надписях в честь Кюль-тегина (строки 26–27) и Бильге-кагана (строка 22) служение народу возведено в статус высшей священной заповеди степной государственности:

«Türk bodunï üçün tün udïmadïm, küntüz olurmadïm...»

«Ради тюркского народа я не спал ночей, не сидел без дела днем...»).

В этой формуле заключен революционный принцип степной демократии:

Каган существует ради народа, а не народ ради прихотей кагана;

Государь и принцы отдают свою силу, проливают «алую кровь» и трудятся «до черного пота» (qara terimin yügüttim), не требуя за это слепого раболепия;

Высшей целью власти провозглашается конкретная забота о соплеменниках:

«Čïγań bodunïg bay qïldïm, az bodunïg üküş qïldïm...» — «Бедный народ я сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным, голодных накормил, нагих одел».

Если власть забывала этот завет и начинала угнетать свой народ, Небо отзывало благодать (Кут), а народ поднимался на восстание и сменял правителя.

В средневековом трактате «Кутадгу Билиг» (1069 г.) Юсуф Баласагуни посвящает целые разделы социальной этике взаимопомощи:

«Kişilik kereklig kişike munu,»

«Kişisiz tiriglik ne tatγï anïŋ?»

«Kişi bol kişiŋe asïγ qïl arïg,»

«Asïγsïz kişini kişi sanmaγïl!...»

«(«Вот что истинно необходимо для человека — человечность!»

«Какая сладость в жизни, если ты оторван от людей?»

«Будь человеком, приноси чистую пользу своим ближним;»

А того, кто не приносит пользы людям, и человеком не считай!...»).

Баласагуни формулирует предельный критерий человечности: индивид, живущий исключительно ради своего брюха и кармана, бесполезный для общины, вычеркивается из числа людей. Подлинная личность измеряется объемом добра, принесенного обществу.

В народной жизни казахов принципы солидарности были институционализированы в нерушимые многовековые обычаи, спасавшие степь от социальных катастроф:

Если семье требовалось поставить новый деревянный сруб или глинобитную зимовку (там соғу), вырыть колодец в безводных песках Кызылкумов, перекочевать через бурный разлив реки или скосить сено для овдовевшей матери, старейшина аула объявлял Асар:

На зов откликались все трудоспособные мужчины и женщины аула;

Никому не платили денег: работа совершалась абсолютно безвозмездно из чувства родовой чести;

За один-два дня всем миром дом был построен, а колодец вырыт;

Завершался труд общей трапезой за щедрым дастарханом, где старейшины благословляли участников (бата).

Отказ участвовать в асаре без уважительной причины навлекал на человека несмываемый позор (ұят) и презрение сородичей.

Степная пословица гласит:

«Көп көтерген жүктің салмағы жоқ»

«Ноша, поднятая всем народом, не имеет тяжести»).

Если степной кочевник терял скот от зимнего джута, бескормицы или пожара, он не превращался в нищего бродягу:

Совет старейшин рода объявлял сбор скота — Жылу жинау;

Каждая юрта, в зависимости от достатка, выделяла пострадавшей семье по две-три овцы, кобылу или верблюда;

Через несколько дней пострадавший получал стадо, достаточное для продолжения самостоятельного хозяйствования.

Институт Жылу исключал появление в степи класса бесправных пауперов и нищих: общество страховало каждого сородича.

В казахском обычном праве «Жеті Жарғы» суд биев (Толе би, Казыбек би, Айтеке би) ставил своей целью не жестокую месть или заточение преступника в тюрьму, а восстановление мира между родами (бітім):

Если происходило убийство или увечье, бии обязывали род виновного выплатить соразмерную виру — құн (скотом);

После выплаты виры главы двух родов братались перед лицом Неба, ломали над огнем белую трость (ақтабан сындыру) и садились за общий дастархан. Вражда прекращалась навсегда.

В традиционном укладе башкирского народа, всесторонне исследованном Н. В. Бикбулатовым и Р. Г. Кузеевым, общинная взаимопомощь приняла форму поэтичных и священных трудовых праздников:

Лексема Өмə восходит к древнетюркскому корню \üm- (объединяться, складывать усилия):

1. Бура өмəhe (Рубка сруба):

Мужчины деревни собирались для безвозмездной заготовки бревен и сборки нового дома для молодой крестьянской семьи;

2. Ҡаҙ өмəhe (Гусиный праздник):

Осенний общинный праздник девушек и женщин по обработке птицы. Сопровождался пением древних протяжных напевов (оҙон көй), играми на курае и смотринами невест;

3. Бесəн өмəhe (Сенокос):

Коллективная помощь старикам, сиротам и солдаткам, оставшимся без мужских рук. Сено косили общими силами за

несколько часов, спасая скот немощных односельчан от зимнего голода.

Высшим органом управления башкирской волости являлся Йыйын — всенародный сход свободных вотчинников:

Решения о границах земель, заключении союзов, отправке ополчения и распределении пастбищ принимались старейшинами родов (аҡһаҡалдар) исключительно на основе консенсуса;

Любая попытка феодала или внешнего чиновника нарушить волю Йыйына наталкивалась на глухое и несокрушимое сопротивление;

Отщепенец, дерзнувший нарушить общее решение общины, подвергался изгнанию (ҡыуыу) и лишался родового звания.

Социальный строй степных обществ держался на принципах братства и взаимной выручки. Институты Асара и Өмә были духовным оплотом выживания народа, где каждый ощущал себя частью единого живого тела общины.

Критика мифа о восточном деспотизме (В. В. Бартольд, С. Г. Кляшторный):

Академик Василий Владимирович Бартольд доказал, что власть кочевых каганов и ханов принципиально отличалась от деспотий Древнего Востока. Кочевое общество держалось на консенсусе вооруженных свободных скотоводов. С. Г. Кляшторный показал, что союз племен Bodun обладал собственным священным правом голоса, а каган был подотчетен закону Тёрё.

Николай Васильевич Бикбулатов на колоссальном этнографическом материале продемонстрировал, что институт взаимопомощи өмә был главным механизмом социокультурного

выживания башкирского этноса в условиях колониального давления и природных невзгод.

❖ ❖ ❖

Синтез орхонских памятников, институтов степного права и вековых народных обычаев раскрывает уникальную формулу общественной гармонии в тюркской традиции. Общество предстает здесь не казармой тоталитарного принуждения и не рыночным хаосом враждующих индивидов, а живым, сплоченным родовым организмом.

В основе этого миропорядка положена свободная человеческая личность — Киши оглы (Kişi oγlï), наделенная разумом, совестью и волей. Личность в кочевой культуре никогда не была бессловесным рабом государства или винтиком бюрократической машины: ее достоинство измерялось способностью к самостоятельному нравственному поступку и бескорыстному служению ближним («Asïγ qïlmaq» — «приносить пользу соплеменникам»).

Вторым кругом гармонии выступает Община и Род, скрепленные священными институтами братской взаимопомощи — Асаром, Өмә и Жылу. Отношения между людьми в степи строились не на законах ростовщичества, торгашества и взаимной эксплуатации, а на принципах священного дара, сострадания и круговой поруки чести. Погорельцу всем миром ставили новую юрту и выделяли скот; сирота не знала приютов, становясь родным дитятей для всего аула.

Венчающим же куполом общежития являлся Эль и Бодун — великое союзное государство свободных родов («Beŋgü İl»). Государство существовало не ради обогащения правителей, а ради сбережения народа (Bodun üçün). Каган признавался легитимным лишь постольку, поскольку защищал слабых и правил по закону

Тёрё. Главным же регулятором поступков был не страх перед царскими палачами, а внутренний стыд (Ұят / Оят) перед всевидящим Небом, судом биев и памятью предков.

Человек, запершийся в бронированной скорлупе своего индивидуального комфорта, равнодушный к слезам соседа и живущий по принципу «моя хата с краю», неизбежно деградирует и теряет человеческий облик. Древнетюркский завет «Асыг кыл» возвращает душе вкус к подлинному бытию: человек счастлив ровно настолько, насколько он способен разделить боль другого и принести свет добра в жизнь окружающих.

Живые институты Асара и Өмә несут в себе готовую модель возрождения гражданского общества. Не дожидаясь бюрократических циркуляров, люди способны объединяться во имя общего дела — оберегать родовые святыни, благоустраивать родную землю, спасать погибающие реки и протягивать руку помощи попавшим в беду. Это экономика совести и бескорыстного дара.

И наконец, степной кодекс предъявляет суровый счет правящим элитам. Политики, мыслители и предприниматели современности должны помнить завет, выбитый на орхонских камнях: подлинное величие лидера измеряется не дворцами и не миллиардными счетами, а тем, сколько голодных ты накормил, сколько несправедливостей ты исправил и сколько чести ты сберег для своего народа. Быть человеком — значит быть опорой для других.

❖ ❖ ❖

• Один в поле не воин (Жалғыз жүріп жол таппас): держись своего народа и рода. Одиночество сушит душу, а взаимная поддержка дарует силу скалы.

- **Соблюдай закон взаимовыручки (Асар / Өме): помогай соседу строить дом, собирать урожай или преодолевать беду. Общее дело сплачивает сердца.**
- **Будь предан общему благу: благополучие народа выше личной выгоды. Когда народ силён и мирен —** мирно и счастливо каждое семейство.

КНИГА IV

УСТОИ И ПУТЬ: НРАВСТВЕННЫЙ КОДЕКС

ГЛАВА

24

ЧИСТОТА ПОМЫСЛОВ И ГРЕХ

РАЗЛИЧЕНИЕ ДОБРА И ЗЛА В СТЕПНОЙ МУДРОСТИ

𐰓𐰴𐰼·𐰇𐰃𐰚𐰇𐰞·𐰚𐰺𐰃𐰔 𐰸𐰋𐰴𐰸𐰋𐰔𐰚𐰔·𐰼 𐰓𐰴𐰼·𐰚𐰋·𐰴𐰇𐰚𐰇𐰞	*«Könilik arïglïq kerek er qutï, Arïgsïz yorïsa tözilmez etöz. Yazuk qïlma, yalŋuq, arïg tut özüŋ, Arïg erke tegrür bu Teŋri sözüg...» если ходить в нечистоте — рушится само естество. Не совершай промаха, смертный, держи душу чистой; лишь чистому сердцем открывается вещее слово Неба...»)* ——— *(Юсуф Баласагуни, «Благодатное знание», XI в.)*

Вбескрайнем пространстве открытого степного мира вопрос о добре и зле никогда не ставился как отвлечённая схоластическая загадка. Кочевник не знал книжного умозрения о метафизическом противоборстве двух равновеликих божеств — доброго света и всесильного мрака, как не знал он и фатального учения о первородном проклятии плоти. Мироздание, распростёртое между лазурным куполом Неба и бурым материнским лоном Земли, мыслилось благим, упорядоченным и исполненным священной гармонии.

Первоначальным состоянием Вселенной в степной религиозной интуиции является Arïg (Арыг) — незамутнённая чистота, прозрачность и праведность. Это прозрачность горного родника, не осквернённого илом; это свежесть утреннего степного воздуха до первого дыхания пыльной бури; это первозданная верность

человека космическому ладу. Быть чистым — значит пребывать в согласии с Небесным Законом, сохранять прямоту своего внутреннего естества и беречь дар благодати (Кут). Чистота в степи — не стерильность запертой комнаты; это звонкая ясность горнего зенита, в котором всякая вещь явлена в своей подлинной мере.

Противоположностью этой изначальной чистоты выступает не вечный мятежный сатана, а Yazuk (Язук) — кривизна, промах, нарушение соразмерности и осквернение лада. Глубочайшая философская тайна древнетюркского языка раскрывается в самом корне этого понятия: глагол yaz- восходит к древнейшей стрелковой метафоре кочевника — промахнуться мимо цели, выпустить стрелу криво, сбиться с верного пути в ночной метели.

Грех в тюркском понимании — это не неискупимая порча человеческой природы, за которую смертный обречён на вечный ад. Грех — это ошибка навигатора духа, трагический промах стрелка, забывшего о неподвижной Полярной звезде совести. Стрела сорвалась с тетивы и ушла в сторону от Неба; тропа искривилась; чистая вода родника замутнена неосторожным или злым движением ноги. Но раз грех есть отклонение и промах, человек не раздавлен безысходностью: промахнувшийся путник обязан осознать свой ложный шаг, натянуть лук заново, возместить причинённый урон и вернуться на прямой путь правды (Könilik).

В древнейшем памятнике степного покаяния — древнетюркском свитке «Хуастуанифт», рождённом в оазисах Турфана и впитавшем язык орхонской руники, звучит молитвенный вздох, выражающий сокровенную тоску души по утраченной чистоте:

ᐳᐟᓴ·ᓯᕝᐟᕝᕕᐟᕝ·ᕝᐟᕝᕝᓵ ᓯᓴᕝ·ᕝᐟᕝᓴᐟᕝᐳᓯᐟ	*«Teŋri yirinte arïg dindarlarqa... yazuq yaztïmïz erse... manastar xirz-a! Yazukïmïznï boşunu ötünürmen: Teŋrim, yazukda arïg qïl!»*

𐰋𐰇𐰚𐰸·𐰃𐰋𐰸	———— *(«Если пред чистыми праведниками на земле Небесного Владыки согрешили мы грехом-промахом... отпусти нам вину! Молим об освобождении от оков проступка: о моё Небо, очисти душу от скверны греха!»)*

Обратите внимание на поразительную языковую формулу: yazuq yazmaq — согрешить грехом, сделать промах мимо правды. И рядом с ней — мольба: arïg qïl — «соделай чистым». Чистота здесь видится как возвращение к естеству, омовение лица от дорожной грязи.

Человек согрешает не тогда, когда он слаб телом, а тогда, когда его помыслы искривляются корыстью. Древнеуйгурская сутра «Алтун Яруг» («Золотой Блеск») провозглашает закон триединой чистоты:

«Üç türlüg qïlïnçïn: köŋülin, sözin, etözin arïg bolmaq kereklig. Arïgsïz qïlïnçïg yïp, arïg yola kirmek yorïqï...»

«Тремя родами деяний надлежит человеку блюсти чистоту: сердцем и мыслью своей, словом своим и телом своим. Оставив нечистые дела, ступай по чистому пути бытия...»).

Мысль, слово и поступок — три ступени единой лестницы. Нечистая мысль, закравшаяся в сердце (köŋül), отравляет произносимое слово; лживое слово неизбежно оборачивается преступным деянием. И наоборот: чистота ума порождает светлую речь, а праведная речь защищает руки от грабежа и насилия.

В лексиконе великого филолога караханидской эпохи Махмуда ал-Кашгари слово Arïg определяется не только как прозрачность и святость, но и как высшее достоинство человеческого рода: Arïg kişi — муж безупречной, прозрачной совести, в чьём сердце нет двойного дна, лицемерия и зависти. А о неизбежности человеческих слабостей народная мудрость, сохранённая в его словаре, говорит с благородным сочувствием: «Yazmas atïm bolmas, yaŋïlmas bilge

bolmas» — «Не бывает меткого стрелка, чья стрела хоть раз не ушла бы мимо цели; не бывает мудреца, чей разум хоть раз не споткнулся бы о сомнение».

Падение не окончательно, покуда живо стремление выпрямить искривлённое. Настоящее зло начинается там, где человек перестаёт стыдиться своего промаха и возводит кривду в закон.

Степная жизнь под открытым Небом не терпела лицемерия и скрытности. Юрта не имела глухих каменных стен и железных замков; на бескрайнем пастбище каждый поступок человека был виден сородичам от восхода до заката, а тайное неизбежно становилось явным пред взором духов предков и Небесного Ока.

В этом открытом мире сложилось непреложное разделение всего сущего на Адал (дозволенное, чистое, праведное) и Арам (нечистое, осквернённое, добытое неправдой).

Адал — это благодать, сотворённая честным трудом, пролитым потом, верным служением и добрым словом. «Адал мал» — это конь, взращённый с жеребёнка собственными заботами, овечья отара, убережённая от волков в зимнюю стужу. В представлении степняка праведный достаток несёт в себе животворящую силу: пища, приготовленная из честно добытого, исцеляет тело, дарует мир очагу и обеспечивает здоровье потомству.

Напротив, Арам — это всё то, что вырвано у мира насилием, воровством, предательством, обманом сироты или слезами беззащитного. Степная народная философия беспощадна к стяжательству: богатство, нажитое неправедным путём, считается ядовитым огнём, который непременно испепелит весь шанырак:

«Арамнан келген — арамға кетер» — «Пришедшее скверной уйдёт в скверну, увлекая за собой счастье дома». Человек может

обмануть хана, может утаить ворованный скот от бия, но он не может обмануть Небо. Небо отнимает благодать (Кут) у дома, вкусившего арам: в таком роду вырождаются дети, скот вымирает в первый же морозный джут, а имя стяжателя покрывается вечным позором.

Высшим нравственным открытием степной религиозной философии является категория Обал (Убал) — благоговейный трепет перед неприкосновенностью жизни во всех её проявлениях.

Обал — это не просто запрет на преступление; это метафизическое сострадание к творению. Это острая сердечная боль при виде того, как бессмысленно, безжалостно или расточительно разрушается дар жизни.

В традиционном тюркском доме ребёнка с первых шагов учили видеть невидимые нити обала и совести, пронизывающие Вселенную:

Наступить ногой на рассыпанную по кошме соль или бросить под ноги кусок хлеба — тяжкий обал: пища создана солнечным светом и трудом Земли, топтать её — значит навлекать голод на своих детей;

Ударить лошадь или собаку по голове, пнуть ягнёнка — невыразимый обал: бессловесное животное вверено человеку как священный аманат Неба, оно не может пожаловаться в земной суд, но его немая боль вопиет прямо к Тенгри;

Сорвать цветущий тюльпан на весеннем пастбище ради пустой забавы, сломать ветвь молодого карагача у колодца, разорить гнездо ласточки под стропилами юрты — тяжкий обал: ты оборвал дыхание цветка, ты разрушил жилище птицы, которая молится о дожде;

Вылить грязную воду в текущий прозрачный ручей или оставить сор на месте стоянки — святотатственный обал: вода и земля священны (Ыдук Йер-Суб), их осквернение сушит источники и насылает мор.

Человек, в чьём сердце живёт чувство обала, никогда не станет хищником по отношению к миру. Он берёт от природы лишь то, что необходимо для продолжения жизни его детей, и берёт с тихой молитвой благодарности, испрашивая прощения у живой степи за сорванную травинку или заколотого барана. Нанесение обала — это нанесение раны самой ткани мироздания. За разорванную гармонию Небо воздаёт неотвратимым возмездием: тот, кто безжалостно глумился над слабым и живым, сам закончит дни в немощи и одиночестве, лишённый утешения.

В цивилизациях, основанных на страхе перед внешним насилием, главным регулятором поведения служит тюрьма, палач или полицейский надзор. Человек воздерживается от злодеяния лишь до тех пор, пока видит над собой поднятую дубинку закона. Но стоит убрать стражника — и плотина рушится.

Тюркский кочевник жил в пространстве, где не было тюремных стен и сыщиков. Единственным абсолютным и неподкупным судьёй каждого вздоха являлся Ар-ұят — совесть и стыд пред лицом Неба и духов предков.

В казахском самосознании чеканно выкована максима степного рыцарства:

«Өлімнен ұят күшті!»

«Стыд сильнее смерти!»).

Физическая гибель — это естественный и неизбежный закон для всякого, рождённого на земле («Kişi oγlï qop ölgeli törümiş» — «Все

сыны человеческие рождены, чтобы улетучиться птицей смерти»). Но потеря чести, позор трусости, клятвопреступление или предательство рода — это гибель духовная, за которой следует проклятие памяти. Человек, покрывший себя несмываемым позором, становился отверженным при жизни: с ним не делили трапезу, его сыновьям отказывали в сватовстве, а на похоронах над его телом молчали домбры сэсэнов.

Башкирский эпос «Урал-батыр» открывает эту же предельную этическую истину. Когда перед батыром встаёт выбор — выпить живую воду из целебного родника (Йәншишмә), обрести вечное бессмертие для себя одного и уподобиться эгоистичному божеству, либо окропить этой водой пересохшую, страдающую землю предков, — он без колебаний отдаёт воду степи и горам. Урал-батыр умирает как смертный муж, но его самоотречение дарует жизнь народу и рекам. Личное бессмертие, купленное ценой забвения долга перед сородичами и природой, отвергается как высший грех самовлюблённости.

Поскольку тюркская этика не знала догмата о безнадёжной греховности человека, в ней не было места унынию и мрачному самоедству. Если ты совершил проступок (yazuq), если оступился на тропе жизни — исцеление лежит не в самобичевании и не в бегстве от мира. Исцеление требует мужественного действия по выправлению кривды.

Осквернил колодец — вычисти его со дна до прозрачного камня, чтобы путник напился студёной воды. Обидел сородича — приди к его очагу, поклонись сединам и возмести нанесённый ущерб лучшим жеребцом из табуна. Нарушил межу пастбища — уступи траву соседу и созови старейшин на справедливый суд.

В башкирской традиционной этике понятие праведного поступка кристаллизовалось в категории Сауап (Созидательное добро). Посадить дерево на голой поляне, расчистить заилившийся родник в ущелье, перевести немощного старца через весеннюю реку, приютить сироту и согреть путника у ночного костра — вот подлинное служение Небесному Властелину. Каждое такое деяние возвращает миру утраченный лад и смывает след былого промаха.

Человек в степной религиозной философии — это стрелок, держащий в руках лук собственной судьбы. Мишень ясна — это лазурная высота Неба, чистота помыслов (Arïg) и верность правде предков. От тебя зависит, как натянута тетива воли, чист ли наконечник стрелы и не дрогнет ли рука в миг испытания. Твой путь — это путь непрестанного духовного бодрствования под вечным и милосердным Небом, где всякий искренний шаг к добру наполняет сердце чистой радостью бытия.

❖ ❖ ❖

- **Помни: зло (buz) —** это духовная грязь, а добро (arïγ) — чистота родника. Очищай сердце от корысти и зависти так же бережно, как омываешь руки родниковой водой.
- **Не держи в мыслях лукавства: даже если никто не видит твоего тайного греха, Небо видит всё до глубины сокровенного. Чистая совесть —** твой лучший щит.
- **Исправляй ошибки добрыми делами: если оступился —** не впадай в уныние, восстанови справедливость, возмести ущерб и верни мир своей душе.

ГЛАВА

25

ЧЕСТЬ И ДОБРОЕ ИМЯ

СОВЕСТЬ БАТЫРА И НЕЗАПЯТНАННАЯ СЛАВА

𐰇𐰺𐰋𐰇·𐰴𐰚𐰋𐰼·𐰺𐰇 𐰆·𐰆𐰆𐰃𐰚𐰇𐰋 𐰓𐰃𐰆·𐱃𐱅𐱃𐰇	*«Kişi öldi erse atï qalur kör,» «Atï qalsa edgü özi ölmez ol.» «Yavuz at kötürme, ay tüzün kişi,» «Yavuz at bedütmez, tükerür işi...» «(«Когда умирает смертный — взгляни, остаётся лишь имя его!» «Если осталось доброе имя — сам он не умер вовек!» «Не носи дурного имени, о благородный муж:» «дурное имя не возвысит тебя, оно обратит в прах все твои труды...»)»* ——— *(Юсуф Баласагуни, «Благодатное знание», XI в.)*

Вдуховной вселенной тюркского кочевника человеческое бытие никогда не измерялось количеством прожитых зим или числом тучных овец в загоне. Физическое существование, сама биологическая жизнь признавалась драгоценным даром Неба, но над ней царила высшая инстанция, придающая жизни смысл и подлинное оправдание. Этой инстанцией была Честь (Ар-намыс).

Чеканная казахская пословица, передававшаяся из уст в уста от отца к сыну у ночных степных костров, формулирует абсолютную аксиологическую вертикаль традиции:

«Мал сағы — жан садағасы, жан сағы — ар садағасы!»

«(«Скот и богатство жертвуются ради спасения души и жизни;»

но сама жизнь без колебаний приносится в жертву ради спасения чести!»).

В этой формуле сокрыта вся степная этика. Человек, потерявший табуны в зимний джут, остаётся человеком: сородичи помогут ему подняться, соберут братскую помощь (Асар / Өмә), Небо пошлёт новый приплод. Но человек, предавший друга, бежавший в страхе с поля битвы, осквернивший доверие слабого или поправший данную клятву, теряет человеческий лик. Его плоть продолжает дышать, но в глазах сородичей он уже мёртв. Он превратился в тень, в пустоцвет, в ходячую скверну, чьё позорное пятно ложится несмываемой тяжестью на семь поколений его потомков.

Вглядитесь в холодный, обветренный гранит енисейских стел — надгробных памятников батыров Тувы, Хакасии и Минусинской котловины. В этих строках, высеченных рунами в VIII–X веках, ушедший воин не молит богов о пощаде, не трепещет перед загробными муками и не хвалится накопленным золотом. Он говорит со своими потомками голосом мужественного спокойствия:

«Er atïm üçün, erdemim üçün beŋgü taş tikdim... Yörügüm edgü ermiş, atïm sanïm bar ermiş. Elçi bodunqa kün tugurdum, edgü atïm qaldï...»

«Ради моего мужского имени, ради моей доблести я воздвиг вечный камень... Помыслы мои были чисты, доброе имя моё и слава утвердились среди людей. Для родного эля я зажигал солнце правды, и доброе имя моё осталось в веках...»).

Здесь приоткрывается тайна степного понимания бессмертия. Смертен каждый рождённый женщиной: «Öd Teŋri yasar, kişi oγlï qop ölgeli törümiş» («Временем верховодит Небо; все сыны человеческие рождены, чтобы умереть»). Но смерть тела — это не поражение. Поражением является забвение и бесчестие.

Единственное, что способно перешагнуть через порог неизбежного распада плоти — это Edgü at (Доброе имя). Имя праведника и храбреца становится частью священной родовой памяти, превращается в путеводную звезду для внуков и правнуков. Пока народ помнит имя батыра, пока жырау поют о его справедливости и щедрости, воин жив в сиянии Вечного Неба.

В степи имя не давалось даром. Новорождённый мальчик получал лишь младенческое прозвище. Своё подлинное, зрелое мужское имя — Er at — юноша обязан был заслужить личным поступком. Он должен был защитить отару от стаи волков, спасти соплеменника из ледяного половодья или проявить хладнокровие перед лицом вражеских стрел. Мужское имя утверждалось старейшинами рода на курултае как свидетельство того, что отрок стал мужем, обладающим Erdem (доблестью и добродетелью).

В обществе, лишённом бюрократических канцелярий и надзирателей, порядок и мир держались на тончайшей, но несокрушимой силе — на категории Ұят (Стыд / Совесть).

В словаре Махмуда ал-Кашгари приводится грозное предостережение степной мудрости:

«Uyat bilmes yalŋuqtan yïraq qaç!»

«Беги без оглядки от человека, который потерял стыд!»).

Почему бесстыдный человек внушал кочевникам такой ужас? Потому что стыд (ұят) — это живое чувство предстояния перед Высшим. Человек, знающий стыд, не способен на подлость даже в глухой ночной тишине, наедине с собой, ибо он знает: Небо видит каждый тайный помысел, а духи предков (Аруахи) слышат шорох его сердца. Тот же, кто потерял стыд, разорвал связь с Небом. У него

нет внутреннего мерила; от него можно ожидать любого вероломства, удара в спину, измены за горсть серебра.

В казахском традиционном воспитании слова «Ұят болады!» («Это стыдно! Позор падёт на наш шанырак!») обладали силой абсолютного запрета. Ребёнка не пугали призраками; ему внушали трепет перед позором. Честь отдельного человека была неразрывна с честью его рода: «Ер намысы — ел намысы» («Честь батыра — это честь всего народа»). Если сын совершал недостойный поступок, отец опускал глаза перед аксакалами, а весь аул чувствовал себя уязвлённым.

Именно поэтому великий казахский мыслитель Шакарим Кудайбердиев в начале XX столетия вывел своё знаменитое учение о «Ар ілімі» (Науке Совести). Шакарим утверждал: никакие внешние законы, никакие научные открытия и технические машины не спасут человечество от самоуничтожения, если в душе человека угаснет врождённое чувство совести — триединство Стыда (Ұят), Справедливости (Ынсап) и Чести (Ар). Совесть — это не социальное изобретение; это отблеск небесного света, заложенный в сердце каждого смертного.

В башкирской духовной традиции завет верности чести кристаллизовался в понятии Намыҫ. Выступая в поход на защиту родного Урала, башкирский воин приносил клятву:

«Ир намыҫын һатмаҫ, илен дошманға бирмәҫ!»

«Муж чести своей не продаст, родной земли чужаку на поругание не отдаст!»).

Хранителями этой священной рыцарской бескомпромиссности выступали сэсэны — народные поэты-философы. В кубаирах Хабрау, Казтугана, Акмуллы и стихах батыра Салавата Юлаева

звучит беспощадный суд над малодушием и предательством. Сэсэн не заискивал перед ханами и воеводами. Его слово, рождённое под открытым куполом Неба, было острее клинка. Лицемерие, чинопочитание, продажность объявлялись духовной проказой. Человек без чести уподоблялся сухой траве, которую всякий ветер носит по пыльной дороге.

Огузский эпический цикл «Китаб-и Дедем Коркут» доносит до нас тот же несокрушимый закон степного рыцарства: доблестный муж (Alp er) выходит на смертный бой не ради грабежа или наживы. Он обнажает меч ради того, чтобы уберечь от бесчестия белые юрты матерей, защитить колыбель младенца и не допустить позора своего знамени. Победа без чести признавалась горшим поражением; смерть в верности слову — высшим торжеством духа.

Земной путь человека короток, как полет пущенной стрелы. Проходят десятилетия, истлевают богатые шелка, рассыпаются в прах ханские шатры, а табуны, некогда наполнявшие степь своим ржанием, сменяются новыми поколениями скота. Что остаётся от смертного под вечным лазурным куполом?

Остаётся след его поступков. Остаётся память о том, как он встречал странника, делил ли последний кусок с голодным, выпрямлял ли кривду, умел ли держать слово перед лицом опасности.

Доброе имя (Edgü at) — это мост, переброшенный через бездну небытия. Стяжавший доброе имя не умер: его память сияет в благословениях старейшин, его имя произносят потомки, призывая дух предка в трудный час. Тот же, кто прожил жизнь в алчности, позоре и лжи, исчезает без следа, словно грязная пена на весеннем ручье.

Традиция ставит перед каждым из нас предельный, строгий вопрос: с каким именем ты предстанешь пред лицом Неба, когда оборвётся нить твоего земного дыхания? Будет ли это имя благословением для твоих детей, или оно станет бременем стыда, от которого они будут прятать взоры? Честь — это дыхание вечности в бренной груди человека; и сберечь её незапятнанной — единственный подлинный подвиг земного странствия.

❖ ❖ ❖

- **Береги честь смолоду: честь —** это не горделивое тщеславие, а неподкупная верность внутреннему нравственному закону.
- **Доброе имя (Эдгу ат) дороже золота: золото можно потерять и заработать вновь, но запятнанную честь не отмыть всеми сокровищами мира.**
- **Уважай честь других людей: не злословь за спиной, не унижай слабого и не клевещи. Тот, кто посягает на чужую честь, разрушает свою собственную.**

ГЛАВА

26

СЛОВО И КЛЯТВА

СВЯЩЕННЫЙ ОБЕТ НА ЖЕЛЕЗЕ И ОГНЕ

𐰸𐰇𐰆·𐰇𐱃𐰋·𐰆𐰸 𐰇·𐱃𐰆𐰃·𐰺 𐰇𐰃𐰇𐰋·𐰸𐰇𐰋	*«Türkler ant içkende temür çïqarurlar, kılıçnı qoyurlar: “Kök temür kirgey, qanïmïz suv bolgay!” teyürler...»* *(«Когда тюрки дают клятву, они обнажают железо...»)* ——— *(Махмуд ал-Кашгари, «Диван лугат ат-турк», XI в.)*

Вмире кочевой цивилизации слово человека обладало весом физической реальности. Оно не растворялось бесследно в воздухе и не было легковесным звуком, который можно забрать назад или перетолковать лукавым умом. Слово, рождённое в сердце и сорвавшееся с уст, воспринималось как стрела, пущенная в мироздание: её полёт необратим, её острие разит насмерть либо утверждает жизнь.

В степи, где не существовало бюрократических канцелярий, гербовой бумаги и нотариальных контор, вся ткань человеческого общежития — от дружбы двух пастухов до союзов великих держав — держалась на единственной абсолютной опоре. Этой опорой было Священное Слово — Клятва (Ant / And / Серт).

Чеканная максима номадов гласит:

«Ердің екі сөйлегені — өлгені!»

«Если муж нарушил своё слово и заговорил двояко — он умер!»).

Двоедушие, отказ от обета, вертлявость мысли признавались худшей формой духовного разложения. Человек, однажды изменивший слову, переставал существовать как личность. Степь не прощала клятвопреступников: перед ними закрывались двери юрт, их скот не пускали на водопой, а на великих курултаях их голос приравнивался к пустому шуму ветра. Клятва была мостом между временной человеческой волей и вечной правдой Неба.

Глубочайшая древность института клятвы запечатлена в самом языке. По-тюркски принести клятву — это не просто «сказать» или «пообещать»; это «выпить клятву» (Ant içmek / Ант ішу).

Эта словесная формула хранит память о священном ритуале побратимства и союза, восходящем к скифо-хуннской архаике и эпохе Первого Тюркского каганата. Очевидцы — от китайских летописцев эпохи Суй и Тан до византийских послов и арабских путешественников — с трепетом описывали это таинство.

Два мужа, решившие связать свои судьбы священным узлом побратимства (Анда / Qadaş), выходили под открытое небо на вершину кургана или берег священной реки. Они обнажали боевые клинки, надрезали пальцы или запястья и сцеживали капли своей живой крови в золотой кубок с кумысом или вином. Опустив в чашу концы клинков, они вместе поднимали кубок к солнцу, произнося сокровенные обеты, и по очереди испивали его до дна.

В этом акте преодолевалась замкнутость индивидуального бытия. Кровь побратима входила в твои жилы; отныне его дыхание становилось твоим дыханием, его горе — твоим горем, его враги — твоими врагами. Стать анда означало стать ближе единоутробного брата. В эпосе «Манас», в сказаниях о Чингисхане и Джамухе, в огузской «Книге Коркута» предательство побратима, с кем испита

клятва, рисуется как неслыханное, космическое святотатство, за которым следует немедленная гибель всего предательского рода.

Почему тюркская клятва неразрывно связана с обнажённым оружием? Ответ кроется в священном понимании природы металла.

Железо (Temür) для древних кочевников Алтая не было просто утилитарным сырьём. В священных преданиях предки тюрок были кузнецами, ковавшими сталь в неприступных ущельях Алтайских гор. Метеоритное железо, падающее с неба в огненных всполохах, мыслилось как живая, карающая плоть самого Тенгри. Клинок из синей стали — Көк темір — обладал собственной духовной волей. Меч не терпел лжи; он был проводником небесной справедливости на земле.

В словаре Махмуда ал-Кашгари зафиксировано грозное заклятие, произносившееся при возложении руки на обнажённый клинок:

«Kök temür qanïqsun!»

«Да насытится синее железо моей кровью, если я изменю слову своему!»).

Это не было пустой риторической угрозой. Человек призывал саму сталь стать его судьёй и палачом. Верили: если клятвопреступник обнажит этот меч в бою, оружие непременно вырвется из его руки, развернётся и поразит его собственную грудь. Синяя сталь карает того, кто сделал её свидетельницей обмана.

В степном суде биев у казахов и на родовых сходах башкир даже в позднейшие века сохранялся обряд очистительной присяги на клинке: «Қылыш сүю» (Поцелуй клинка). Обвиняемый в преступлении, если не было свидетелей, припадал устами к лезвию обнажённой сабли пред лицом старейшин и восклицал: «Көк сұңгінің жүзімен ант етемін! Егер сөзім жалған болса, Тәңір атсын,

көк темірдің қарғысы атсын!» («Острием стали клянусь! Если слово моё криво — пусть испепелит меня Небо, пусть разит проклятие синего железа!»). После такого поцелуя сомнения отпадали: никто в здравом уме не смел поцеловать клинок во лжи, зная, что кара настигнет его потомство до седьмого колена.

Что происходит, когда слово попрано? В степной историософии нарушение клятвы рассматривалось как причина гибели великих царств и армий.

На стеле мудрого советника Тоньюкука (начало VIII века) прямо зафиксирована метафизическая причина поражения врагов каганата:

𐰔𐰚𐰃·𐰴𐱅𐰇𐰋·𐰇𐰇𐰋 𐰴𐰋𐰋·𐰇𐰇𐰋𐰺𐰃𐰇𐰇 𐱅𐰇𐰋𐰋·𐰇𐱅𐰋	*«Tabγaç bodun antïn buzdï, süsintä yablaq boldï... Teŋri ança temiş erinç: "Men qan bertim, qanïŋïn qodup içikdiŋ!" teyin...»* ——— *(«Народ табгачей нарушил священную клятву свою, и войско их обратилось в прах... Небо тогда произнесло свой приговор: "Я даровало тебе государя по правде, ты же предал слово своё и склонился перед ложью!" — и покарало их поражением...»).*

Здесь нет слепой случайности войны. Войско терпит крах не от численного перевеса врага, а потому, что его полководцы стали Antïn buzgïç — разрушителями клятвы. Разрушив клятву, они разорвали связь с Небом. Небо отзывает благодать (Кут), духи предков отворачивают свои лики, и сталь в руках воинов становится бессильной, как сухой камыш.

Поэт и мыслитель Юсуф Баласагуни в «Благодатном знании» обращается к правителям и согражданам с предостережением, звучащим через столетия:

«Держи слово твердо, не оскверняй уст ложью;»

«нарушив клятву, не надейся укрыть свой грех в тени!»

«Знамение подлинного человека — в непоколебимой прямоте;»

лишь муж, стоящий на своём слове, обретает неиссякаемый Кут Неба...».

В общетюркской народной этической философии нерушимая верность данному слову кристаллизовалась в священной категории Серт (Серд).

Серт — это внутренний мужской зарок, обет чести, который батыр даёт перед лицом опасности, покидая родной аул. Батыр может умереть в чужих песках от жажды, может пасть под ударами сотен врагов, но он не может нарушить серт. В казахском героическом эпосе («Алпамыс», «Кобыланды», «Ер Таргын») нарушение обета верности возлюбленной или соратнику приравнивается к духовному падению.

Мудрость жырау учила: человек без слова — это человек без лица. Можно простить незнание, можно простить телесную немощь, но невозможно восстановить доверие к тому, чьё слово колеблется вместе с выгодой.

В наш век, когда договоры перечёркиваются росчерком пера, когда слова обесценились до пустого сотрясения цифрового эфира, древняя степная интуиция Анта напоминает о священной природе языка. Слово — это не разменная монета. Слово — это залог твоего человеческого достоинства. Дать слово — значит положить свою душу на весы Неба. И счастлив тот, чьё слово твердо, как синяя алтайская сталь, и чьё сердце не знает кривды.

❖ ❖ ❖

- **Держи данное слово тверже стали: клятва (Ант) —** это священный союз твоей души с Небом. Лучше умереть, чем стать клятвопреступником.
- **Не бросай слов на ветер: взвешивай каждое обещание. Если не уверен, что сможешь исполнить, имей мужество честно отказать.**
- **Будь верен друзьям и союзам: доверие строится годами, а рушится одним предательским словом. Верность —** печать благородного мужа.

ГЛАВА

27

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД НЕБОМ

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ ПЕРЕД НАРОДОМ И ПОТОМКАМИ

𐱃𐰇𐰇𐰋𐰍:𐰉𐰍:𐰇𐰋𐰍 𐰓𐱅𐰇𐰃𐰇𐰇𐰋:𐰚 𐰆𐰋𐰍:𐱃𐰉𐰇𐰃	*«Türk bodunï üçün tün udïmadïm, küntüz olurmadïm... Qara terimin tökdüm, qızıl qanımın aqqızdım; İşig küçig birtim... İgdir bodunïg qop qobratdïm, čïγań bodunïg bay qïldïm, Az bodunïg üküş qïldïm...»* Черный пот свой проливал я до капли, красную кровь отдавал на ратных путях; Всю силу свою и службу положил я перед алтарем служения... Рассеянный и смятенный народ собрал воедино, неимущих сделал богатыми, Малочисленный народ соделал великим и могучим...») ——— *(Большая надпись в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, VIII в.)*

Встепной религиозно-философской мысли феномен верховной власти был начисто лишен соблазна восточной тирании. Кочевой мир, распахнутый между лазурным куполом Неба и бурым материнским лоном Земли, никогда не признавал за монархом обожествленного права на произвол, слепое насилие или ненасытное личное обогащение. Каган, хан или бий не являлся хозяином чужих жизней; трон кочевника был не троном патриархального деспота, опирающегося на глухие стены

подземелий и цепи рабов, а священным престолом ответственного служения.

Власть осмыслялась как Аманат — высший залог, доверенный Небесным Творцом и вверенный молитвами предков человеку для защиты слабого и спасения народа от гибели. Тот, кто держит в руках бразды правления, принимает на себя не привилегию безнаказанности, а крест непрестанной духовной и телесной тревоги.

Рунические стелы долины Орхона донесли до нас чеканное исповедание древних каганов, звучащее не как высокомерный указ повелителя, а как открытый публичный отчет пред лицом нации:

«Türk bodun üçün tün udïmadïm, küntüz olurmadïm... qara terimin yügüttim, işig küçig birtim...»

«Ради тюркского народа я не смыкал глаз ночами, не знал праздного покоя днями... я трудился до черного пота и отдал всю силу души своей!»).

В этом поразительном признании заключена главная метафизическая формула кочевой государственности: государь существует для народа, а не народ для услаждения государя. Он ложится спать позже последнего пастуха в степи и просыпается раньше рассветного луча, ибо если правитель предастся лености или самодовольству — в шатры кочевников немедленно проникнут враги, раздоры и голод.

Вся полнота власти правителя в степи обусловлена единственным истоком — милостью и согласием Вечного Неба (Teŋri yarlïqazu). Однако в отличие от феодального принципа европейского божественного права государей, провозглашавшего

абсолютную непогрешимость коронованной особы, тюркский небесный мандат был динамичен, требователен и обратим.

Небо наделяет избранника благодатью — священной субстанцией Кут (Qut). Но Кут — это не неизгладимая печать, которую невозможно стереть, и не пожизненная собственность вождя. Кут — это дыхание горней правды, которое пребывает в человеке лишь до тех пор, пока его помыслы прямы, а деяния справедливы.

Надпись Бильге-кагана сурово обнажает неизбежный закон космического воздаяния правителю, возгордившемуся властью:

𐰃𐰇𐰾𐰋·𐰋𐰋𐰋·𐰋𐰋 𐰋𐰋𐰇𐰋·𐰃𐰋𐰋·𐰋𐰋𐰇𐰋 𐰋𐰋·𐰃𐰋𐰋𐰋𐰇·𐰋𐰋𐰋	*«Biligsiz qaγan olurtumïş erinç, yablaq qaγan olurtumïş erinç... Begleri bodunï tüzsüz üçün... Teŋri ança temiş: "Qan bertim, töröŋin qodup içikdiŋ!" teyin Teŋri öltürti...»* ——— *(«Неразумные каганы садились на трон, дурные правители садились... Из-за того, что вельможи и народ утратили внутренний лад и предали закон... Небо изрекло свой приговор: "Я даровало тебе государя, ты же презрел священный Тёрё и покорился скверне!" — и Небо покарало их гибелью...»).*

В этой историософской концепции падение государств и крушение династий объясняются не слепой игрой военных случайностей, а нравственным предательством правящей элиты. Если каган отворачивается от закона совести, если суды становятся продажными, а беки начинают грабить сирот и притеснять вдов — тонкая ткань благодати разрывается. Небо «отзывает» Кут назад, в зенит. И как только Кут покидает правителя, его меч становится бессильным, советы мудрецов обращаются в прах, народная любовь сменяется презрением, а вчера еще несокрушимая империя рассеивается в пространстве, подобно дыму степного костра.

Через три столетия после орхонских памятников философ и поэт караханидского расцвета Юсуф Баласагуни в своем бессмертном трактате «Благодатное знание» возвел эту этику ответственности правителя на непревзойденную высоту философского обобщения.

Обращаясь к правителям, Баласагуни устами справедливого эмира Кюнтогды («Восходящее Солнце», олицетворяющего закон и правду) формулирует непреложный экономический и духовный императив власти:

𐰇𐰴𐰃·𐰇𐰚𐰋𐰇·𐰋𐰋𐰃 𐰋𐰃𐰋𐰚𐰇𐰋·𐰃 𐰇𐰴𐰃·𐰋𐰇·𐰴𐰇𐰋𐰇	*«Kerek ilig erse bodun qadyurur, Bodun bay bolursa ilig bay bolur. Könilik bile tut bu bodun közüŋ, Yarutqay bu Teŋri qutïnïŋ yüzüŋ!» если богат народ — богат и могуществен правитель! Взирай на подданных оком нелицеприятной правды, и тогда само Небо озарит лик твой сиянием благодати!»).* ——— *(«Правителю надлежит непрестанно болеть душой о народе своем:*

Подлинным критерием успешности и благочестия власти признается не блеск ханских шатров, не количество золотой утвари и не страх, внушаемый соседям, а благополучие самого бедного пастуха в кочевьях. В древнетюркской формуле «čïγań bodunïg bay qïldïm» («неимущих сделал богатыми») заключен приговор любой паразитической элите. Государство живо не тогда, когда роскошествует верхушка, а тогда, когда защищен последний обездоленный житель степи.

Баласагуни предостерегает властителя:

«Богатство правителя, собранное слезами угнетенных, оборачивается ядом. Если правитель несправедлив — увядают сады, высыхают колодцы, скот перестает плодиться, а народ

рассеивается во тьме. Правь так, чтобы ни один волк алчности не дерзнул растерзать овцу справедливости!».»

Степная религиозная этика не оставила священную ответственность власти безоружной перед лицом человеческих страстей. В традиционном тюркском обществе были выработаны уникальные социальные и правовые институты, удерживавшие элиту в границах правды.

Первым из них являлся Курултай у тюрко-монгольских народов и Йыйын у башкир — всенародный съезд старейшин, батыров, биев и свободных глав родов. Власть никогда не переходила автоматически по слепому праву первородства. Трон кагана или хана не наследовался как бездушная вещь. Чтобы стать правителем, претендент должен был предстать перед кругом равных старейшин и доказать свою духовную и ратную состоятельность — мудрость (Bilge), мужество (Alp) и верность небесному закону (Erdem).

Кульминацией признания народом нового вождя был обряд поднятия на белом войлоке (Ақ киізге көтеру). Четыре самых почитаемых аксакала и бия четырех сторон степи поднимали избранника на белоснежной кошме высоко к Небу, являя его взору Тенгри и соплеменников. Но этот обряд нес в себе не славословие, а грозное предостережение. Перед тем как посадить хана на престол, старейшины говорили ему в лицо:

«Смотри на эту белую кошму: она чиста, как утренний снег, и тонка, как степной ковыль. Пока ты правишь по правде Неба и бережешь свой народ — эта кошма возносит тебя к славе. Но если ты осквернишь совесть кривдой, если забудешь сирот и впадешь в чванство — этот войлок сожмется под тобою, и ты низвергнешься в дорожную пыль, всеми проклятый и забытый!».»

Белый войлок служил символом прозрачной чистоты совести (Arïg). Правитель помнил: его возвысили не железные штыки, а воля народа, доверившего ему свою судьбу.

Вторым несокрушимым щитом правды был институт Тура билік — независимый степной суд биев. Бий не получал жалованья от правителя, не имел постоянной стражи и не зависел от прихоти хана. Его единственной силой было безупречное знание священного обычая и кристальная честность, признанная всем народом.

В казахском обычном праве запечатлена пословица, выражающая неразрывную связь правителя и подданных:

«Хан — басы, қараша — қасы: қас кетсе, бас қалар ма?»

«Хан — голова, но простой люд — брови: если выпадут брови, что станется с головой?!»).

Голова не может презирать брови, защищающие очи от пота и пыли; хан не может существовать без народа. Если хан совершал преступление, попирал закон или обижал сородичей, бии открыто судили его на общем сходе. Перед законом Тёрё перед лицом Неба все были равны — и последний сирота, и чингизид на белом коне.

Наряду с биями глашатаями небесной правды выступали жырау и сэсэны — священные певцы-провидцы. Жырау считались находящимися под прямым покровительством Тенгри и духов предков (Аруах), поэтому их уста были неприкосновенны. Они говорили верховным правителям жестокую, нелицеприятную правду прямо в глаза.

Когда всесильный Абылай-хан, опьяненный блеском военных побед, проявил гордыню и высокомерие, мудрый Бухар-жырау обратился к нему не с рабской лестью, а с грозным укором, потрясшим степь:

«Ей, Абылай, сен менің сөзімді тыңдамасаң, көшіп кетермін де елімді алып кетермін!.. Мен айтпасам, кім айтар сенің мініңді?! Тәңір берген бағыңды көтере алмай, қарашаңды қор қылма!»

«О Абылай, если ты не внемлешь моим вещим словам, я сниму свои роды и уведу их прочь за горизонт!.. Если я не скажу тебе правду в лицо — кто обличит твои пороки?! Не упивайся дарованной Небом удачей и не смей унижать свой бедный народ!»).

Ни один хан не смел казнить жырау за правдивое слово. Пролить кровь поэта означало навлечь на ханский род несмываемое проклятие Неба и лишиться Кута навсегда.

Если же правитель окончательно терял человеческий облик, отказывался слушать биев и попирал законы Тёрё, у кочевого народа оставался последний, абсолютный и сокрушительный довод, неведомый оседлым деспотиям. Этим доводом было Право на откочевку (Көшу құқығы).

Кочевника невозможно было запереть в крепости или привязать к пашне. Степь была безгранична. Если правитель становился тираном и угнетателем, аулы однажды ночью бесшумно снимали войлочные шатры, навьючивали верблюдов, сгоняли табуны и уходили за сотни верст на вольные пастбища под покровительство другого, справедливого хана.

Именно так в середине XV века родилось само Казахское ханство: великие султаны Керей и Жанибек, возмущенные жестокостью и усобицами хана Абулхаира, увели роды Дешт-и Кипчака в долины Чу и Таласа, провозгласив торжество правды над самодурством. Хан, от которого откочевал народ, просыпался наутро посреди пустой, безмолвной степи. Его казна обесценивалась, войско исчезало, а сам он превращался в жалкого странника, покинутого милостью Тенгри.

Она напоминает современному человеку о непреложных законах бытия:

1. Власть — это не привилегия, а жертвенная вахта. Тот, кто берется вести за собой других, обязан забыть о собственном покое, трудясь до «черного пота» ради общего блага.

2. Нравственный мандат первичен перед формальным статусом. Кресло руководителя, золотые погоны или министерский портфель не дают подлинного авторитета. Авторитет рождается лишь из справедливости (Könilik), скромности и заботы о слабых.

3. Небо неподкупно. Можно обмануть земные законы, можно подкупить чиновников и заглушить голоса несогласных, но невозможно обмануть вечную ткань мироздания. Власть, замешанная на лжи, слезах и грабеже, неизбежно несет в себе семена собственного крушения.

4. Священный долг интеллигенции и мыслителей — говорить правду. Подобно древним жырау и биям, духовные лидеры общества обязаны быть голосом совести народа, напоминая властителям о преходящности земного могущества и вечности высшего Небесного Суда.

Служение народу пред лицом Неба — таков вечный закон, начертанный на орхонских камнях и сохраненный в живом сердце степной традиции.

❖ ❖ ❖

- **Осознавай бремя ответственности: каждый твой выбор отзывается в судьбе твоих детей и родной земли.**
- **Отвечай за тех, кто от тебя зависит: заботься о родителях, воспитывай детей в труде и чести, оберегай слабых сородичей.**

- **Помни высший суд: никакая земная хитрость не укроет неправду от недремлющего Ока Тенгри. Живи так, чтобы честно смотреть в глаза Небу.**

ГЛАВА

28

МУЖЕСТВО И ДОБЛЕСТЬ

ПУТЬ АЛЫП И БОГАТЫРСКОЕ БЛАГОРОДСТВО

𐰆𐰃𐰃𐰆·𐰴𐰇𐰋𐰴·𐰃𐰆𐰆 𐰇·𐰇𐰇𐰚𐰓𐰇𐰋 𐰺𐰋𐱅·𐱃𐰚𐰇	*«Alp Er Toŋa öldi mü? Isiz ajun qaldï mu? Ödlek öçin aldı mu? Emdi yürek yırtılur!.. Er erdemim üçün bökmädim... Teŋri küç bertük üçün qaŋïm qaγan süsi böri teg ermiş...» Опустел ли без него этот скорбный мир? Взяло ли время свой безжалостный реванш? Ныне от горя надрывается сердце!.. Воинской доблестью и подвигом я не насытил душу свою... Ибо Небо даровало святую силу, и воинство отца моего кагана уподобилось волкам...»)* ——— *(Махмуд ал-Кашгари; Енисейские руны; Памятник Кюль-тегину, VIII–XI вв.)*

Врасхожих представлениях обывателя образ древнего кочевника веками искажался кривым зеркалом чужеродного страха. Степного воина рисовали либо диким полузверем, охваченным слепой жаждой грабежа и крови, либо стихийным разрушителем цивилизаций. Однако древнейшие памятники кочевой мысли — орхонские стелы, саянские эпитафии, поэмы караханидских мудрецов и величавый свод героического эпоса — открывают нам прямо противоположную духовную реальность.

Воинская стихия номада покоилась на глубочайшем религиозно-этическом фундаменте. Тюркская цивилизация знала непреложную

истину: сила сама по себе, лишенная духовного стержня и высшего закона, слепа, бесплодна и отвратительна. Она уподобляется бессмысленному степному бурану, ломающему юрты и губящему табуны.

Истинный воин тюркского мира — это не берсерк, упивающийся безумием убийства. Это Алп (Alp) — духовный витязь, благородный страж вселенского лада, хранитель священного закона Тёрё и защитник слабого. А его путь — это Эрдем (Erdem): целостная система мужского духовного и воинского совершенствования, где безупречная храбрость неотделима от чистоты совести, верности слову и благоговейного смирения пред Небом.

Чеканная руническая формула на стеле Кюль-тегина раскрывает источник непобедимости:

𐰇𐰼𐰞𐰃:𐱅𐰼𐰇:𐰞𐰼𐰇𐰼 𐰉𐰼𐰋:𐰃𐰼𐰋:𐰋𐰼𐱅𐰼 𐰼𐰃𐰃:𐰋𐰋:𐰞𐰼𐰃	*«Teŋri küç bertük üçün qaŋïm qayan süsi böri teg ermiş, yayïsi qoy teg ermiş...»* ——— *(«Ибо Небо даровало священную силу, войско отца моего кагана стало подобно волкам, а враги его — подобны овцам...»).*

Священная сила (Küç) не дается насильнику или хищнику. Она нисходит из бездонного лазурного зенита лишь на того, чьи помыслы прямы, кто поднял копье не ради грабежа, а во имя защиты родного очага, могил предков и жизни беззащитных соплеменников.

Глубочайшая философия заключена в самом этимоне древнетюркского слова Erdem. Рожденное от первоосновы er — мужчина, муж, человек чести, — это понятие вмещало в себя неизмеримо больше, чем просто физическую мощь или ловкость в обращении с клинком.

Эрдем — это совокупность высших достоинств, оправдывающих рождение мужчины на земле. Это доблесть, сопряженная с великодушием; это ратное искусство, укрощенное разумом; это стойкость духа, не сгибающаяся ни перед ледяным дыханием зимнего джута, ни перед превосходящими силами врага.

В надписях верховий Енисея, оставленных гордыми кыргызскими витязями на диких скалах Саян, сквозь века проступает пронзительная исповедальная грусть:

«Er erdemim üçün bökmädim... Otuz yaşïma alp er atïm üçün elimge tegdüküm... Altun keshikim boguma bayladïm, elime qanïmadïm...»

«Ратной доблестью и плодами мужского достоинства я не насытился в этом кратком мире... В тридцать лет ради честного имени витязя я верой и правдой служил родному элю... Золотой колчан привязал я к поясу, но не успел насладиться покоем родной земли...»).

В этих эпитафиях нет животного ликования победителя. В них звучит высокая песнь самопожертвования. Воин гордится не числом пролитой вражеской крови, а тем, что заслужил право на Er atï — священное имя взрослого мужа. В степной традиции ребенок получал лишь домашнее, охранительное имя-прозвище; подлинное же имя, под которым он предстанет пред духами предков и ликом Тенгри, муж должен был завоевать личным подвигом самоотречения, спасением родичей или подвигом чести. До тех пор, пока человек не явил эрдем, он оставался духовно незрелым подростком, сколько бы лет ему ни минуло.

Символом степного воина с хуннских и тюркских времен являлся небесный волк — Көк Бөрі. Но в чем заключался сокровенный религиозный смысл этого тотема? Почему именно волк, а не

могучий медведь или свирепый тигр стал знаменем каганских дружин?

Степная традиция видела в волке уникальное метафизическое существо:

1. Волк не знает рабства. Его невозможно приручить, посадить на цепь или заставить выступать ради забавы толпы. Он выбирает смерть вместо неволи.

2. Волк живет верностью стае. В волчьей стае царит строжайшая внутренняя этика: стая никогда не бросает покалеченных собратьев, волк бережет волчицу до конца дней, а вожак идет в бой первым и последним отступает, прикрывая отход молодняка.

3. Волк нападает молниеносно и прямо. Он не знает подлости гиены, не питается падалью и презирает трусливую возню.

Каганская гвардия, носившая имя Börі sü (воинство волков) и знамена с золотой волчьей головой, воспитывалась в абсолютной верности этому символу. Быть подобным волку означало обладать не знающим усталости телом, острым ночным взором, способностью ориентироваться по звездам в снежной буре и непоколебимым бесстрашием перед лицом превосходящей опасности.

Но волчья ярость имела строгий предел: она обращалась исключительно против внешнего врага, дерзнувшего посягнуть на суверенитет эля. Внутри же своего народа волк становился верным псом-хранителем, трепетно оберегающим покой мирных аулов.

В огузском эпосе «Книга моего деда Коркута», в казахских поэмах о батырах и башкирских кубаирах выкристаллизован строжайший свод ратных законов, опередивший кодексы европейского средневекового рыцарства на многие столетия:

Запрет на удар исподтишка: Истинный витязь никогда не нападал на врага спящим, безоружным или сзади. Удар в спину признавался несмываемым позором, оскверняющим родовую тамгу до десятого колена. Батыр обязан был окликнуть противника, дать ему возможность вскочить в седло и обнажить клинок.

Неприкосновенность слабого: Меч батыра не имел права коснуться женщины, ребенка, старца и мирного пастуха, не державшего в руках лука. В эпических сказаниях витязь, поднявший руку на беззащитного, немедленно терял свою сакральную силу и погибал от первой же шальной стрелы, пронзенный гневом Умай и Тенгри.

Равноправие оружия: Перед поединком витязи уравнивали условия боя: если у одного ломалось копье — второй бросал свое на землю и обнажал саблю; если враг падал с коня — батыр спешивался, чтобы исход схватки зависел лишь от чистоты сердца и крепости руки.

Институт единоборства (Жекпе-жек): Перед тем как столкнутся тысячи конников, лучшие батыры с обеих сторон выезжали на середину ристалища. Этот поединок был не просто состязанием ловкости — это была духовная ордалия, вопрошание Небес. Победитель поединка часто решал исход противостояния без бессмысленной резни: побежденная сторона признавала волю Тенгри и отступала с поля боя.

В казахской степи институт батырства кристаллизовался в священную формулу:

«Батыр — ел қорғаны!»

«Батыр — несокрушимый щит народа своего!»).

Батыр не был наемником на жалованье. Он не присягал бездушной короне или государственному аппарату; он присягал родной земле (Жер-Су) и духам предков (Аруах). Институт батыров был высшим меритократическим лифтом кочевого мира: беднейший юноша из безвестного аула, обладавший пылающим огнем мужества (Жігер / Қайрат) и честным сердцем, силой своего подвига становился общенародным вождем, перед которым склоняли головы всесильные ханы и султаны.

В башкирской традиции воинская доблесть обрела форму Яугирлек — священного долга защиты родины и родовой земли от порабощения. Величайший памятник духа — кубаир «Урал-батыр» — ставит мужество на предельный метафизический пьедестал:

«Если ты силен — не угнетай слабого;»

«если ты батыр — сразись со смертью ради жизни других;»

пусть клинок твой рубит зло, но сердце остается чистым родником...».

Батыры Урала — Алдар, Батырша, Каранай, Салават — были не просто воителями. Они соединяли в себе ярость меча с экстатическим даром поэта и сэсэна. Их песни, сложенные в седле перед лицом смертной сечи, учили народ главному: свобода и честь стоят дороже физического дыхания.

Степная религиозная мысль не убаюкивала воина иллюзиями о плотском спасении. В рунических текстах с леденящим спокойствием констатируется неизбежный удел всякой земной плоти:

𐰸𐰚𐰇·𐰃𐰏𐰸𐰋·𐱅𐰃 𐰴𐰀𐰚·𐰃𐰀𐰇𐰺·𐰸𐰚	*«Kişi oγlï qop ölgeli törümiş... Öd Teŋri yasar, kişi oγlï qop ölgeli törümiş...»* ——— *(«Все сыны человеческие рождены, чтобы уйти во тьму*

ᛋᛚᛒᛗᛏᛚᚴ·ᛚᛉᛊᛉᛗ	*смерти... Лишь Вечное Время творит Небо, а сыны человеческие рождены смертными...»).*

Смерть неизбежна. Рано или поздно плоть обратится в прах, а кости побелеют в полыни под холодными ветрами. Но именно это трагическое знание делало тюркское мужество абсолютным.

Если смерть неотвратима, то единственный выбор, оставленный человеку Небом, — это выбор того, как именно встретить свой последний час. Умереть в теплой постели от старческой немощи, дрожа за каждый лишний вздох, считалось для витязя печальным уделом. Упасть грудью вперед на ратном поле, защитив родной аул, прикрыв собой друга и не уронив чести знамени — означало совершить прорыв в вечность.

Погибший за правду батыр не исчезал в небытии. Его душа улетала вольной птицей к лазурному престолу Тенгри (Uça bardï), а имя его высекалось на вечном граните рунической стелы (Bengü taş), оставаясь неугасимым маяком для сотен грядущих поколений.

Так степная этика мужества связывает воедино силу руки и чистоту сердца. Настоящий алп познается не в слепой ярости разрушения, а в способности обуздать собственный гнев, встать на защиту слабого и не поступиться совестью ни при каких угрозах.

Свобода воина раскрывается здесь не в своеволии, а в добровольной готовности нести бремя защиты своего народа и родной земли. Погибший за правду батыр уходит птицей к Небу, оставляя потомкам вечный ориентир: достоинство человека измеряется не тем, сколько он подчинил своей силе, а тем, сколько правды и верности он сумел защитить.

❖ ❖ ❖

- **Истинное мужество (Эрдем) рождается из любви, а не из жестокости: воин обнажает меч не ради разрушения, а ради защиты мира и слабого.**
- **Побеждай свои страхи: благородный дух познается в испытаниях. Не отступай перед трудностями, и Небо дарует тебе силу.**
- **Будь великодушен к побеждённым: месть и жестокость унижают победителя. Истинный батыр побеждает благородством сердца.**

ГЛАВА

29

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ

СУД ПО СОВЕСТИ И ЗАЩИТА СЛАБОГО

𐰴𐰼·𐰇𐰺𐰚𐰴·𐰺𐰼𐰽 𐰽𐰺𐰼𐰽𐰼𐰽·𐰼 𐰴𐰼·𐰚𐰺·𐰴	*«Könilik adaqïn qatïg bastïm men,» «Törö birle elni tüzep kestim men.» «Könilik kerek ol kişike başï,» «Könilik közi körür er köŋli yaşı...» «Kün-toγdï ilig kör könilik özi,» «Tüz ol köni ol bu ayïtmïş sözi...» «(«Я твердо оперся на священные стопы Справедливости,» «На основе вечного закона Тёрё устроил и рассудил я эту землю.» «Справедливость необходима человеку превыше земного дыхания;» «Лишь око правды видит сокровенные слезы человеческого сердца!..» «Взгляни: правитель Кюнтогды — это само воплощение Солнечной Правды;» «Прямо, чисто и ровно его благословенное слово...»)»* ——— *(Юсуф Баласагуни, «Благодатное знание», XI в.)*

Вбескрайнем пространстве кочевого мира справедливость никогда не мыслилась как мертвое книжное крючкотворство, изощренная судебная казуистика или бездушный полицейский трибунал. Для степного мыслителя справедливость являлась первичным онтологическим законом равновесия Вселенной,

земным отражением совершенного лада, царящего между лазурным куполом Неба и бурым материнским лоном Земли.

В караханидском шедевре XI века «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») философ и поэт Юсуф Баласагуни персонифицирует высший закон государства в образе государя Кюнтогды («Восходящее Солнце»). Имя правителя выбрано не случайно: оно несет в себе глубочайшее теологическое откровение.

Когда визирь вопрошает владыку о тайне его судебного престола, Кюнтогды отвечает великой аллегорией:

«Взгляни на солнце на небесах: оно встает над миром, не делая различий между царем и нищим, между могучим воином и бессильной вдовой. Солнечный луч согревает цветок в ущелье точно так же, как и золотой шатер хана. Солнце не знает пристрастия, оно не уменьшает своего сияния ради знатного и не отворачивает лика от безвестного странника. Такова и Справедливость — Könilik: она пряма, ровна и чиста, как полуденный свет».»

Слово Köni в древнетюркском языке восходит к древнейшему образу стрелы и натянутой тетивы: оно означает абсолютную прямоту, отсутствие искривления, незамутненную честность и внутреннюю верность истине. Противоположностью ему служит Egiri — кривизна, лукавство, кривотолки и изворотливость корыстного ума. Справедливость — это выпрямление того, что изогнулось под грузом человеческих страстей. Если суд крив — искривляется весь космос: мутнеют реки, иссякают пастбища, а Небо отзывает свою животворящую благодать (Кут).

Европейские послы, купцы и ученые, проникавшие в глубины Дешт-и Кипчака и на просторы Южного Урала, с изумлением констатировали поразительный социальный и моральный

феномен: в огромном кочевом мире на протяжении тысячелетий не существовало тюрем, застенков, кандалов и палачей.

В цивилизациях оседлых империй правосудие строилось на идее устрашения и возмездия: преступника изолировали в каменных мешках, подвергали изощренным пыткам, клеймили каленым железом или лишали жизни на эшафотах ради острастки толпы. Кочевой мир отвергал эту систему как бесплодную и бесчеловечную.

Запереть человека в темницу в представлении номада означало совершить грех против самой природы: живое дыхание создано для вольного степного ветра. Но главное — тюрьма не исцеляет рану, нанесенную обществу; она не возвращает украденного и не воскрешает погибшего.

Степное правосудие было по своей сути восстановительным (реституционным). Целью суда было не уничтожение или физическое калечение согрешившего, а восстановление нарушенного лада между родами и людьми.

Если совершалось убийство или увечье, наказанием служила выплата искупительной виры — Құн (Qun), измерявшейся табунами отборных коней и отарами овец. Род преступника обязан был возместить материальную и родовую брешь, нанесенную семье пострадавшего, дабы сироты и вдова не остались без пропитания. Если совершалось воровство — похититель возвращал украденное сторицей (айып). Преступление било по карману и чести всего рода виновника, что порождало высочайшую круговую поруку: каждый сородич зорко следил за тем, чтобы среди близких не завелся клятвопреступник или конокрад.

Вершиной степной судебной этики стал институт Биев у казахов и родовых сходов Йыйын у башкир.

Бий не был государственным чиновником, назначенным сверху высочайшим указом. Он не опирался на полки стражников и не получал казённого жалованья. Звание бия невозможно было купить за золото или унаследовать от отца. Авторитет судьи держался на единственной несокрушимой основе — на его безупречной совести, знании древних традиций Тёрё и даре пророческого, неоспоримого слова.

В степном правосудии господствовала чеканная этическая максима, высеченная в сердце народной памяти:

«Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ!»

«У справедливого бия нет родни, а у того, кто судит по родству — нет совести и веры!»).

Если бий в ходе тяжбы хоть на волосок склонялся в пользу своего сына, брата или богатого сородича вопреки очевидной правде бедного сироты — его судьба была решена. Он мгновенно и навсегда лишался права вершить суд. Народ просто переставал обращаться к нему за разрешением споров, и вчерашний вершитель судеб превращался в презираемого изгоя, запятнавшего имя своего рода.

Судебный процесс происходил под открытым Небом, на глазах у сотен людей. Бий сидел с обнаженной головой, положив перед собой сухую ветвь или трость. Процесс представлял собой высочайшее состязание красноречия и логики — Сөз сайысы. Истец и ответчик излагали свои доводы в стихотворной, афористичной форме, оперируя прецедентами великих предков: Майкы-бия, Толе-бия, Казыбек-бия, Айтеке-бия. Слово лилось прямо, обнажая сокровенные пружины поступков, а народ вокруг внимал каждому звуку.

Кульминацией суда был сакральный жест завершения тяжбы: бий брал в руки белую трость и с сухим треском переламывал ее надвое (Ақтаяқ сындыру). Этот звук возвещал: спор умер, дело закрыто навсегда, и никто на земле не смеет возобновлять вражду.

В отличие от западного судебного процесса, где всегда есть торжествующий победитель и озлобленный проигравший, степной суд стремился к высшей цели — духовному примирению (Бітім).

После того как вина была доказана и размер куна определен, начиналось главное таинство степной этики. Пострадавшая сторона не должна была добивать поверженного врага. Напротив, древний закон предписывал явить царственное великодушие (Кешірімділік):

«Алдыңа келсе — атаңның құнын кеш!»

«Если виновный пришел к твоему порогу с повинной головой — прости ему даже кровь отца своего!»).

Великие бии умели найти такие слова, которые растапливали лед взаимной ненависти. Потерпевший род нередко добровольно прощал треть или половину причитающегося куна, видя искреннее раскаяние согрешившего.

Затем совершался древнейший обряд примирения: старейшины враждующих родов вынимали из колчанов боевые стрелы и вместе переламывали их пополам на глазах у всего народа. Из одного котла варилось ритуальное мясо, и бывшие смертные враги преломляли хлеб и вкушали пищу с одного блюда. С этого мгновения кровная месть считалась смытой и проклятой. Тот, кто дерзнул бы вспомнить старую обиду после обряда бітім, признавался вероломным преступником пред Небом и людьми.

На Южном Урале, в башкирских кочевьях и лесных волостях, идея справедливости неразрывно соединялась с институтом родового схода — Йыйын.

Йыйын собирался на вершинах священных гор или на просторных полянах у вековых родовых деревьев. Правосудие на Йыйыне осуществлялось не единоличным судьей, а советом аксакалов, представлявших все ветви рода.

Главным принципом башкирского обычного права было единодушие (консенсус). Приговор не выносился простым механическим большинством голосов. Если хотя бы один уважаемый старец сомневался в виновности подсудимого или считал наложенную виру чрезмерной, старейшины продолжали совет часами, а порой и днями, терпеливо вслушиваясь в аргументы друг друга, пока истина не становилась прозрачной и бесспорной для всех.

Решение Йыйына о границах вотчинных земель, о наказании вора или о помощи погорельцам скреплялось совместной молитвой к Небесному Владыке. Нарушить решение Йыйына считалось святотатством, влекущим за собой изгнание из общины и проклятие духов предков (Ырыу ҡарғышы).

1. Буква закона мертва без совести. Никакие электронные реестры, изощренные кодексы и многочисленные суды не способны защитить общество от распада, если судьи лишены внутренней честности (Ар-намыс) и судят по звонку сильных мира сего.

2. Правда не имеет национальности и родства. Принцип «Тура биде туған жоқ» — единственный надежный щит против разъедающей племенной солидарности, коррупции и кланового покровительства.

3. Цель правосудия — мир, а не умножение зла. Наказание, которое лишь озлобляет человека и выбрасывает его на обочину жизни, плодит новых чудовищ. Подлинное правосудие должно открывать путь к искуплению вины, восстановлению дружбы и возрождению человеческого достоинства.

Справедливость, сияющая подобно восходящему солнцу Кюнтогды, и великодушие, преломляющее стрелы вражды, — вот два крыла, на которых веками держался и будет держаться вольный степной мир.

❖ ❖ ❖

- **Суди по справедливости (Тёрё): не делай различия между богатым и бедным, другом и чужаком. Перед высшим судом все равны.**
- **Сочетай строгость с милосердием: справедливость без доброты превращается в жестокость. Дай человеку шанс осознать и искупить вину.**
- **Защищай сироту и вдову: забота о тех, за кого некому заступиться, —** высшая обязанность каждого честного человека.

ГЛАВА

30

ПОЧИТАНИЕ СТАРШИХ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТЦОВ И МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

𐰇𐰼𐰴·𐰼𐰋·𐰃𐰇𐰾 𐰆𐰾𐱅·𐰆𐰾𐰆𐰋𐰾𐰴 𐰋𐰴𐰼𐰋·𐰴𐰴𐰇·𐰇𐰴𐰋𐰴	*«Umay teg ögüm qatun qutïŋa inim Kül tegin er at aldï... İnili eçili yaŋïlduqïn üçün, begli bodunlï tüzsüz üçün Türk bodun illedük ilin yïçγïnu ïdmïş... Ataŋnï anaŋnï aγïr tut mudam, Anïŋ rızasïn al, ay erler sarï! Atanïŋ alγïşï tüzer yollarnï, Ananïŋ aq süti qorïr ellerni...» Но когда младшие восстали против старших, когда беги и народ утратили согласие — погубил тюркский народ созданное им государство... Всегда благоговейно почитай отца и мать, стяжай их святое благословение, о благородный муж! Отцовское благопожелание выправляет жизненные пути; Белое молоко матери хранит народы от гибели...»)* ——— *(Большая надпись в честь Кюль-тегина, VIII в.; Юсуф Баласагуни, «Благодатное знание», XI в.)*

Вмиросозерцании степного человека личность никогда не мыслилась как изолированный, одинокий атом, случайно заброшенный в холодную пустоту бытия. Кочевник ощущал себя живым, трепетным звеном в грандиозной священной цепи поколений, восходящей к первопредкам и устремленной в бесконечную даль потомков.

Эта священная вертикаль держалась на непререкаемом принципе Aqa-ini (Ага-ини) — гармоническом союзе старших и младших. В рунических надписях эпохи каганатов благоденствие державы описывается как идеальное согласие возрастов:

«Aqa-ini tüz ermiş, oγlï ataŋïn teg bolmïş...»

«Старшие братья чтили младших, младшие благоговели перед старшими, и сыновья следовали пути отцов...»).

И напротив: крушение великих кочевых империй в историософии номадов объясняется не внезапным истощением пастбищ или натиском чужеземных армий, а внутренней духовной катастрофой — восстанием младших против старших (inili eçili yaŋïlmaq), надменным отрицанием родительского авторитета и забвением заветов предков. Когда младший начинает с презрением смотреть на седины отца, когда юноша ставит свой незрелый эгоизм выше мудрости дедов — ткань общественного лада рвется, и на землю нисходит тьма смуты.

В традиционной семье отец (Ata) выступал не просто главой домашнего хозяйства, но священным земным наместником Отца-Неба (Көк Тәңірі). Если Небо расстилает над миром лазурный покров защиты и оплодотворяет степь весенними дождями, то отец воздвигает шанырак юрты, охраняет родовые пастбища и передает детям святыню мужской чести.

Авторитет отца в степи был абсолютен, но этот авторитет питался не животным страхом детей перед физической расправой, а благоговейным сыновним почитанием (Құрмет). Ослушаться воли отца, повысить голос в его присутствии или пройти перед ним, заслонив солнечный свет, считалось несмываемым грехом и позором.

Отец передавал сыну не просто материальное наследство — коней, лук и войлочные кошмы. Он передавал ему Тёрё — священный жизненный уклад, правила чести, память о семи коленах предков (Жеті ата) и искусство побеждать трудности. Юноша, знающий своих предков до седьмого колена, обретал несокрушимые метафизические корни: он помнил, что за его плечами стоят сотни праведных жизней, и он не имеет права запятнать их память малодушием или подлостью.

Если отец сопрягался с горней вертикалью Неба, то мать (Ög / Ana) олицетворяла собой священное, плодородящее, милосердное лоно Матери-Земли (Йер-Суб) и божественную покровительницу колыбели Умай.

В надписи в честь Кюль-тегина царственный полководец с благоговейным трепетом провозглашает:

«Umay teg ögüm qatun qutïŋa inim Kül tegin er at aldï...»

«Ради благодати матери моей, подобной богине Умай, младший брат мой заслужил звание витязя!»).

Здесь мать прямо сопоставляется с богиней плодородия и семейного очага. Считалось, что через мать на детей изливается особая охранительная сила — Qatun qutï (Благодать катун). Без материнской молитвы воин беззащитен в бою; стрелы врагов пробивают его кольчугу, а конь спотыкается на ровном месте.

В огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» звучит потрясающая по силе богословская максима степи:

«Ana haqqï — Tanrı haqqï!»

«Священное право матери — это право Самого Небесного Творца!»).

Обидеть мать, пролить ее слезы или оставить ее на старости лет в одиночестве считалось тягчайшим святотатством, равным хуле на самого Бога. Материнское молоко почиталось как священная субстанция правды — Ананың ақ сүті (Белое молоко матери). Перед лицом смертной опасности или при разрешении тяжелейших родовых споров сын припадал к коленям матери со словами: «Ана сүтіңді разы ет!» («Матушка, благослови и прости ради белого молока твоего!»). Если мать отворачивала лицо и говорила: «Ақ сүтімді саған көкке саудым!» («Отвергаю тебя, да будет не впрок тебе моё белое молоко!») — человек считался духовно мертвым.

В кочевом социуме старшая женщина рода — Бәйбіше у казахов, Инәй у башкир — обладала колоссальным нравственным весом. Ни один совет старейшин, ни один поход батыров не начинался без ее мудрого совета и напутствия. Она хранила огонь очага, благословляла молодых невесток и была верховной хранительницей родового мира.

Понятие старости в степной цивилизации было начисто лишено трагизма бесполезности или социальной заброшенности. В то время как оседлые цивилизации нередко видели в дряхлеющем человеке лишь обузу для хозяйства, кочевники окружали седины ореолом священного трепета.

Старец рода — Ақсақал (Белобородый) — почитался как живая библиотека и духовный наставник племени. В культуре, где история, обычай и мудрость передавались из уст в уста, аксакал являлся носителем бесценных знаний:

Он держал в памяти границы пастбищ, водопоев и древних кочевых троп;

Он помнил родословные шежере, связывающие воедино тысячи сородичей;

Он знал прецеденты степного правосудия и поэтические формулы примирения;

Он читал язык звезд, ветров и трав, предупреждая народ о приближении зимнего джута или засухи.

В пространстве юрты аксакалу отводилось самое почетное, сакральное место напротив входа — Төр (Tör). Ни один молодой джигит, сколь бы знатен и богат он ни был, не смел занять место выше старца или перебить его мерную речь. При трапезе старейшине преподносилась голова жертвенного барана (Бас тарту) — знак признания его главенства над родом.

В башкирской традиции этот культ воплотился в категории Ололарҙы ололау — безусловном возвеличении старших. Совет аксакалов волости обладал непререкаемой властью: его решения по земельным спорам, бракам и миру исполнялись свято и беспрекословно.

Высшим духовным актом межпоколенческой связи в степи являлось стяжание благословения — Бата алу / Теләк.

Бата — это не просто вежливое пожелание удачи. В степной религиозной философии Ақ бата — это могучий поток сакральной благодати (Кут), передаваемый от старца, стоящего на пороге вечности, к молодому человеку, вступающему на путь свершений.

Казахская народная мудрость гласит:

«Жаңбырмен жер көгерер, батамен ел көгерер!»

«(«От небесного дождя зеленеет земля, от благословения старцев расцветает народ!»).»

«Алтын алма, бата ал: алтын тозар, бата озар!»

«Не гонись за золотом — стяжай благословение: золото обратится в прах, а благословение пребудет вовек!»).

Отправляясь в дальний поход, выступая на судебный поединок, начиная строительство зимовки или вступая в брак, юноша специально седлал коня и объезжал мудрейших старцев степи, чтобы услышать их напутственное слово.

Обряд благословения совершался торжественно и благоговейно. Старец и все присутствующие раскрывали ладони перед лицом, образуя форму раскрытой книги или чаши, готовой принять небесную росу. Звучали ритмичные, чеканные строки благопожелания, призывающие милость Неба, чистоту совести, изобилие скота и победу над невзгодами. В завершение старец проводил ладонями по лицу (Бет сипау), как бы омывая чело невидимым горним светом, и произносил: «Тәңір жарылқасын!» («Да озарит тебя Небо Своею благодатью!»).

Противоположностью благословения был леденящий ужас родительского проклятия — Қарғыс. Тот, кто довел отца или мать до черного отчаяния, кто услышал вслед проклятие седин, считался обреченным: земля не держала его, потомство его вырождалось, а в час смерти его душа не находила покоя между небом и землей.

Почитание старших в степной традиции — это не внешнее послушание и не формальный этикет. Это живое признание того, что человек не начинает мир с себя самого. Он входит в жизнь как должник, принявший дар плоти, языка, дыхания и отеческого завета.

Священный союз старших и младших, материнское белое молоко и отцовское благословение ақ бата образуют ковчег родовой памяти. Тот, кто бережет немощь состарившихся родителей и внимает их мудрости, обретает прочную опору: его дом храним благодатью, а его собственные дети пойдут дорогой чести и правды.

❖ ❖ ❖

- **Почитай седины родителей: благословение отца и молитва матери (бата) —** несокрушимый покров, хранящий тебя на всех путях жизни.
- **Слушай мудрость старших: в опыте стариков запечатлены уроки веков. Не пренебрегай их тихим словом ради юношеской гордыни.**
- **Окружи старость заботой: придёт день, когда и твои силы угаснут. Как ты относишься к своим родителям, так твои дети отнесутся к тебе.**

ГЛАВА

31

ДЕТИ КАК ДАР НЕБА

СВЯТОСТЬ КОЛЫБЕЛИ И ВОСПИТАНИЕ ЧЕСТИ

𐰋𐰇𐰴·𐰇𐰋·𐰃𐰋𐰲 𐰋𐰲𐰉·𐰔𐰲𐰋𐰃𐰇𐰴 𐰋𐰴𐰇𐰋·𐰴𐰴𐰋·𐰋𐰴𐰋𐰴	*«Urï oγlïŋïn qul bolmazun teyin, Qïz oγlïŋïn küŋ bolmazun teyin... İlig qazγandïm, törög itdim! Umayqa tapïnsa oγul bulur... Oγul qïz törise sevinçlik kerek, Anï edgü terbiye birle bezek! Kişilik ögret sen, bilig birle tüz...» Дабы чистые дочери твои не стали бесправными рабынями — Устроил я государство, утвердил священный закон Тёрё!.. Кто благоговейно чтит Умай — обретет благословенное дитя... Когда родится сын или дочь — да пребудет в шатрах великая радость! Но укрась душу ребенка добрым наставлением; Научи его человечности и озари светом разума...»)* ——— *(Большая надпись в честь Кюль-тегина, VIII в.; Махмуд ал-Кашгари, Юсуф Баласагуни, XI в.)*

Рождение ребенка в степи никогда не считалось слепой биологической случайностью или «собственностью» родителей, с которой можно поступать по произволу. Младенец — это Тәңір сыйы — священный дар Вечного Синего Неба, вверенный роду как величайший залог доверия и продолжения космической жизни.

Бездетность в степи осмыслялась как тягчайшее духовное сиротство, как грозный знак того, что благодать (Кут) отлетела от очага. Если юрта оставалась безмолвной, если в ней не звенел

серебряный смех ребенка, кочевник не замыкался в унынии: муж и жена отправлялись в дальние паломничества к священным пещерам, к истокам горных рек и древним мазарам праведников. Там они приносили в жертву белого барана и всю ночь под открытым небом молили Небесного Творца и владычицу земного плодородия Умай о ниспослании семени жизни.

В поэме великого Юсуфа Баласагуни рождение ребенка уподобляется весеннему цветению степи:

«Oγul qïz törise sevinçlik kerek...»

«Когда на свет является сын или дочь — великое ликование должно наполнить грудь человека!»).

Но за этой радостью немедленно следует духовный императив: дитя дано не для праздной гордыни, а для воспитания в нем Kişilik — подлинной человечности, совестливости и правды.

С первых секунд появления на свет младенец вверялся под прямое небесное покровительство богини-матери Умай (Umay Ana).

Умай в степной теологии — не грозная богиня преисподней, а лучезарная, вечно юная защитница матерей, рожениц и младенцев. В словаре Махмуда ал-Кашгари приведена священная формула кочевников: «Umayqa tapïnsa oγul bulur» («Кто благоговейно чтит Умай — обретет благословенное дитя»).

Колыбель — Бесік у казахов, Бишек у башкир — почиталась как сакральный алтарь домашнего храма. Ее не покупали на базаре у безвестных ремесленников; ее передавали из рода в род, от прабабушки к внучке. Продать или осквернить родовую колыбель считалось тягчайшим святотатством, влекущим за собой угасание рода.

Деревянный бесик был вершиной народной кочевой мудрости:

В суровых условиях кочевки он защищал неокрепшее тело ребенка от толчков, холода и пыли;

Тщательно продуманное устройство обеспечивало младенцу идеальную чистоту и сухость;

Ребенка качали под мерное пение колыбельной (Әлди / Бәпек), в которой мать призывала благословение Неба, здоровье и ратную доблесть.

Над бесиком зажигали священный огонь из ветвей артыша (можжевельника), очищая пространство от нечистых духов. К изголовью привязывали коготь беркута — символ зоркости и бесстрашия, серебряную бляшку — знак лунной чистоты, и волчий амулет, дабы дитя росло с железным сердцем степного волка. Когда ребенок во сне улыбался, мать знала: в этот миг с ним играет сама богиня Умай, нашептывая ему тайны небесной гармонии.

Первые сорок дней жизни ребенка признавались временем великой тайны, когда душа младенца еще балансирует между миром духов и плотским бытием. В это время малыш беззащитен, его кости мягки, а дыхание тонко.

Весь этот период в юрте не гасили священного огня. Родственники собирались на праздник Шілдехана — ночное бдение у колыбели, сопровождавшееся песнями, благопожеланиями и игрой на домбре. Радость и бодрствование общины отгоняли от шанырака любые тени зла.

На сороковой день совершалось сакральное таинство очищения — Қырқынан шығару. Младенца купали в чистой родниковой воде, на дно чаши бросали серебряные кольца и монеты со словами: «Күмістей таза, асылдай ардақты болсын!» («Да пребудет жизнь его чистой, как серебро, и благородной, как чистое золото!»).

Затем самый мудрый и уважаемый старец аула шептал в правое ухо младенца его нареченное имя, трижды произнося священный боевой клич предков. С этого часа ребенок становился полноправным членом рода, принявшим на себя эстафету поколений.

Когда дитя начинало подниматься на ножки и делало свои первые неуверенные шаги, степная традиция совершала один из самых поэтичных и глубоких обрядов — Тұсаукесер (Разрезание пут).

Ножки малыша перевязывали символической веревочкой, сплетенной из черно-белых шерстяных нитей — Ала жіп (Пестрая нить). В этом простом символе скрывалась великая этическая тайна:

1. Пестрая нить напоминала о том, что человеческая жизнь состоит из чередования света и тени, радости и невзгод, и муж обязан встречать и то, и другое с мужественным спокойствием;

2. Но главное — она воплощала нерушимый запрет на чужое: «Ала жіпті аттама!» («Никогда не переступай пестрой нити — не посягай на чужое добро, не бери чужого коня, не завидуй чужому счастью!»).

Право перерезать путы предоставлялось самому честному, энергичному, доброму и быстроногому человеку аула — батыру, сэсэнке или благородному труженику. Веря в закон благодатного сопричастия, кочевники знали: ребенок унаследует душевные свойства того, кто первым освободил его стопы для свободного бега.

Взмах острого клинка рассекал путы, старец подхватывал ребенка за ручки и вел по белоснежной войлочной дорожке

(Ақжол), а женщины осыпали его сладким шашу из курта и баурсаков, восклицая:

«Қаз-қаз, балам, қаз балам,»

«Қадамыңа жаз балам!»

«Тай-тай балам, тай балам,»

«Тақымыңды жаз, балам!..»

«Шагай смелей, дитя моё, расправляй крылья! Пусть путь твой будет прямым, а конь — верным!»).

Тюркская педагогическая традиция поражала путешественников своим глубочайшим гуманизмом и полным отсутствием рабской муштры. В кочевой и полукочевой степи детей воспитывали по неписаному золотому правилу трех возрастов:

«Бес жасқа дейін — патшаңдай күт;»

«Он бес жасқа дейін — құлыңдай жұмса;»

«Он бестен кейін — досыңдай сыйла!»

«(«До пяти лет окружай дитя безусловной царственной любовью;»

«С пяти до пятнадцати лет учи его труду, выносливости и дисциплине;»

А после пятнадцати лет общайся с ним как с равным и верным другом!»).

Ребенка до пяти лет никогда не наказывали физически. Ударить младенца по лицу или голове считалось святотатством: верили, что на челе невинного дитяти покоится небесный луч Кута. Если ребенок капризничал, его внимание мягко переключали на птицу в небе, на жеребенка в загоне или поучительную сказку о батырах.

Но с пяти лет начиналась суровая мужская выучка. Мальчика сажали на верхового коня в специальное детское седло (Ашамай), вручали ему маленький роговой лук и учили ухаживать за ягнятами. Он не должен был бояться холода, дождя и степного ветра. К десяти годам степной отрок виртуозно держался в седле без стремян, читал следы зверей в зарослях ковыля и знал имена предков до седьмого колена.

А к пятнадцати годам юноша проходил обряд инициации: ему опоясывали пояс боевым клинком, вручали верного тулпара, и отныне отец обращался к нему как к взрослому воину, советуясь с ним на равных перед лицом сородичей.

Особое, рыцарское отношение в степи окружало дочерей. В патриархальном кочевом мире девочка никогда не была бесправной рабыней.

Степная этика провозглашала:

«Қыз — өріс, қыз — қонақ!»

«Дочь — это расширение родовых горизонтов, дочь — это священный гость в отчем доме!»).

Зная, что дочь со временем выйдет замуж и уйдет в другой род, родители окружали ее особой нежностью. Ей отводили лучшее место в юрте, шили нарядные платья из шелка и бархата, украшали шапочку перьями филина (Үкі) — священным оберегом от дурного глаза.

Степная девушка пользовалась исключительной внутренней свободой: она не носила глухих покрывал, закрывающих лицо, скакала на коне наравне с юношами, участвовала в поэтических состязаниях (Айтыс) и имела право голоса при выборе жениха. В эпосах и преданиях степные девы — Кортка, Гулбаршин, Агидель —

предстают не покорными затворницами, а мудрыми советчицами своих мужей-батыров, способными натянуть тугой лук и спасти родной очаг в годину бедствий.

Дитя, пришедшее в мир под знаком небесной благодати, вручено семье не в безраздельную собственность, а как священное доверие Неба.

Воспитать отрока — значит не просто накормить и снарядить его в путь, но передать ему внутренний компас совести, приучить к честному труду, верности слову и любви к родной земле. Пока качается колыбель под благословением Умай и звучит материнская колыбельная песнь, степной мир обновляется, утверждая победу жизни над забвением и тленом.

❖ ❖ ❖

- **Принимай детей как священный дар Неба: ребёнок приходит в мир с чистой благодатью (Кут). Твой долг —** сберечь эту чистоту.
- **Воспитывай примером, а не криком: дети повторяют не твои поучения, а твои поступки. Будь тем, на кого они смогут равняться с гордостью.**
- **Учи ребёнка труду и уважению к природе: с ранних лет приучай его сажать деревья, беречь воду и уважать старших.**

ГЛАВА

32

ГОСТЬ НА ПОРОГЕ

СВЯЩЕННЫЙ ЗАКОН ХЛЕБОСОЛЬСТВА И ЗАЩИТА СТРАННИКА

𐱅𐰺𐰼𐱅·𐰸𐰃𐰇𐰋·𐰼𐰺𐱅 𐰆·𐰔𐰆𐰴𐰇𐰴𐰋 𐰓𐰺𐰉·𐰴𐰃𐰴𐰇	*«Qonaq kelse qut keler...» «Qonaq gelmeyen qara evler yığılsa yeg!» «Qonaqa aş vermeyen qatun qurusun!..» «Könilik arïglïq kerek er qutï,» «Tuz-ötmek haqïn bil, ay bilge erlik...» «(«С приходом гостя в юрту нисходит священная благодать Кут...» «Пусть рухнет черное жилище, чей порог не переступает нога путника!» «Да иссохнет та женщина, что жалеет чашу с молоком для странника!..» «Правдивость и чистота созидают счастье мужа;» «Свято блюди завет разделенной соли и хлеба, о мудрый витязь...»)»* ——— *(Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Огузский эпос «Книга Коркута», XV в.; Юсуф Баласагуни)*

Вбезбрежных просторах Великой Степи, где горизонт уходит в бесконечность, а расстояния между колодцами и кочевьями измерялись многими днями тяжелого пути, институт гостеприимства никогда не был поверхностным бытовым этикетом или праздным застольем. Это был фундаментальный религиозно-правовой и космический закон выживания человеческого рода.

В религиозной интуиции номадов корень понятия Qonaq (Гость) неразрывно связан с глаголом qon- — опускаться птицей на ветвь, разбивать лагерь, снисходить благословением с горних высот.

Человек не является вечным собственником земли, по которой ступает:

«Kün altïnta bir qonaq...»

«Под лазурным куполом Неба всякий сын человеческий — лишь временный путник и гость...»).

Истинный Хозяин пастбищ, рек, табунов и самого человеческого дыхания — Вечное Небо (Көк Тәңірі). Богатство, скот и войлочный шатер дарованы смертному лишь на краткий срок земной жизни. И когда к твоему порогу на закате солнца подъезжает усталый путник, он приходит не как попрошайка. Он приходит как посланец Небесного Творца — Тәңір қонағы.

Отказать путнику в ночлеге, пожалеть для него тепло очага, чашу студеного кумыса или кусок вареного мяса в представлении кочевника означало совершить тягчайшее духовное святотатство. Это было равносильно тому, чтобы захлопнуть дверь перед лицом самого Тенгри, дерзко заявив, что ты не нуждаешься в небесной милости.

В лексиконе Махмуда ал-Кашгари зафиксирована чеканная степная истина, пережившая тысячелетие:

«Qonaq kelse — qut keler!»

«Когда в дом входит гость — вместе с ним порог переступает благодать Кут!»).

В самосознании тюркских народов путник почитался как небесное благословение, а не как обуза. Хозяин юрты искренне благодарил гостя за то, что тот осчастливил его очаг своим визитом. Верили: вместе с путником в жилище входит благодать Всевышнего, очищающая пространство от морока болезней, зависти и дурного глаза.

Более того, в народном воображении жила сокровенная мистическая вера: под видом безвестного, утомленного дорогой старца в пыльной дорожной одежде в юрту может явиться сам святой покровитель степных просторов — Қыдыр-ата (Хызр). Если хозяин проявит скупость или высокомерие, Кыдыр отвернется, и дом покинут счастье и достаток. Но если путника встретят с царственным радушием, отдадут ему лучшее место и последнее ребро ягненка — старец перед утренним рассветом раскроет ладони и осенит шанырак неиссякаемым благословением.

Отсюда родилась чеканная пословица степного великодушия:

«Қырықтың бірі — Қыдыр!»

«Один из сорока встреченных тобою странников — непременно святой Кыдыр: почитай же каждого гостя так, будто перед тобою сам вестник вечности!»).

Чужеземные послы и путешественники, попадавшие в глубь Евразии, оставляли единодушные свидетельства о феноменальной широте степного сердца, разительно контрастировавшей с жестокими порядками средневековой Европы и Азии.

В VI веке византийский дипломат Менандр Протектор с изумлением описывал, как тюркские вожди встретили посольство императора: римлян провели между двумя священными очистительными кострами, дабы нейтрализовать любые дурные чары и подозрения, после чего распахнули перед ними шелковые шатры, осыпали подарками и посадили за царственный стол на равных правах с великими беками каганата.

В 922 году секретарь багдадского халифа Ахмад Ибн Фадлан, пересекавший суровые степи Приаралья, записал поразительный закон огузского гостеприимства:

«Если чужеземец остановится у огуза, тот принимает его со всем радушием, закалывает для него отборного барана и ставит перед ним кумыс... И если гость скажет огузу: "Одолжи мне твоих коней и верблюдов для дальнейшего пути", тот снаряжает караван, не требуя ни расписки, ни залога... А если кто-либо дерзнет ограбить этого гостя на степной дороге, хозяин юрты поднимает в седло весь свой род и мстит обидчикам со словами: "Этот человек доверил свое дыхание нашему очагу!"».»

А в XIII веке францисканский монах Гильом де Рубрук, отправленный к монгольским ханам, свидетельствовал:

«К какой бы юрте мы ни подъезжали — к богатому ли шатру нойона или к беднейшей кочевой повозке, — навстречу нам тотчас выходили люди с чашами кумыса и вареным мясом. Никто ни разу не спросил, кто мы, из какой страны и какой веры, покуда мы не насытились и не согрелись... Отказать страннику в пище считается у них величайшим несмываемым позором перед Богом».»

Степное гостеприимство не было лишь благодушным порывом настроения; оно обладало силой писаного конституционного закона степи.

В казахском традиционном кодексе «Жеті Жарғы» хана Тауке был юридически закреплен институт Қонақақы (Священное право гостя). Любой путник, оказавшийся в степи на закате дня, имел законное право постучать камчой о войлок любой юрты и потребовать Қонақасы (Угощение гостя).

Хозяин обязан был:

1. Привязать коня путника, расседлать его, напоить и задать лучшего овса;

2. Ввести гостя в юрту, усадить на самое почетное место — Төр;

3. Подать свежее питье, усадить за почетную трапезу и окружить странника теплом родного очага;

4. Предоставить теплую постель из мягких лисьих и волчьих кошм;

5. Не задавать гостю вопросов о цели его поездки, роде и имени до тех пор, пока тот не утолит голод, не отдохнет и сам не начнет беседу.

Если же хозяин аула проявлял постыдную скупость, захлопывал полог или отказывал в мясе, путник имел право на рассвете отправиться к ближайшему бию. Суд биев был скор и беспощаден: за нарушение закона гостеприимства со скупца взыскивался штраф — Ат-шапан айыбы (отборный верховой конь и роскошный чапан), которые передавались обиженному страннику. Имя скупца клеймилось позором на всю степь, и сородичи стыдились родства с ним.

Особой метафизической силой обладал институт Дәм-тұз (Вкушение соли и пищи).

В степи, раздираемой родовыми спорами и набегами (барымтой), гостеприимство служило мощнейшим предохранителем от тотального взаимного истребления. Даже если в юрту входил кровный враг, преследуемый погоней или заблудившийся в буране, обычай требовал усадить его за дастархан.

Как только враг отведал щепоть соли и преломил хлеб под шаныраком хозяина, вступал в силу абсолютный закон священного перемирия:

«Дәм-тұз атсын!»

«Пусть покарает святая соль того, кто дерзнет поднять руку на сотрапезника!»).

Хозяин дома становился гарантом безопасности своего недруга на все время его пребывания под крышей и на расстояние одного дневного конного перехода от аула. Нарушить этот закон, нанести удар гостю в спину после совместной трапезы считалось грехом, за который род виновника проклинали духи предков до седьмого колена.

В башкирской традиции гостеприимство — Ҡунаҡсыллыҡ — воплощалось в формуле «Асыҡ йөҙ — татлы һүҙ» («Открытое лицо и сердечное слово»). Башкир выставлял перед гостем драгоценный бортевой мед, корот и каймак, отдавая последнее, ибо верил: дом, отдающий щедро, никогда не оскудеет, ибо щедрость притягивает благословение Небес.

Степной обычай гостеприимства снимает страх перед чужим и превращает безграничные пространства в пространство доверия. Всякий путник, переступивший порог с миром, признается вестником Неба, а отказ в крове и пище считается непростительным позором.

Через закон конакасы степной человек утверждает простую истину: мир держится не подозрительностью и враждой, а щедростью сердца и верностью закону братства всех людей под единым высоким Небом.

❖ ❖ ❖

- **Чти гостя как посланника свыше: «Қонақ —** Тәңірдің елшісі» (Гость — вестник Тенгри). Встречай путника с открытым сердцем и чистой трапезой.
- **Делись тем, что имеешь: гостеприимство —** это не роскошь стола, а теплота твоей души. Даже чашка свежего чая, поданная с любовью, умножает благодать в доме.

- **Защищай того, кто переступил твой порог: пока странник под твоим кровом, ты отвечаешь за его безопасность перед Небом и людьми.**

ГЛАВА

33

В ЛАДУ С ПРИРОДОЙ

БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ЗЕМЛЕЙ-ВОДОЙ И ЗАКОН МЕРЫ

ᎿᏛᎥᏛᎿ·ᏓᏗᏋᏂ·ᎥᏛᎿ ᎠᐧᐤᎠᏉᏗᏉᏗᏓ ᏯᎸᏕᐧᏥᏗᏉᏒ	*«Türk teŋrisi, türk üduq yeri-subï ança etmiş: Türk bodun yoq bolmazun teyin, bodun bolçun teyin... On türlüg tïnlïγlarqa... yer-suvqa yazuq yaztïmïz erse... Teŋrim, yazukda arïg qïl!.. Гүзәл тәбиғәт мәңге йәшәһен, йылғалар челтерәп аҡһын, Ер йөҙө сәскә аҡһын!..» («Вверху Небо тюрков и внизу Священная Земля-Вода тюрков изрекли сокровенное Слово: Да не исчезнет вольный тюркский народ, да пребудет он единым народом!.. Если пред всеми одушевленными тварями земными, крылатыми в небесах и рыбами в водах, Если пред ликом священной Земли-Воды совершили мы грех нанесения урона — О Небо моё, очисти душу от скверны проступка!.. Какая польза, если бессмертным в этом мире останусь я один?! Пусть вечно живет прекрасная живая природа, пусть звенят хрустальные реки, Пусть цветет и дышит священная земля!..»)* ——— *(Большая надпись Кюль-тегина, VIII в.; Древнетюркская молитва покаяния; Башкирский эпос «Урал-батыр»)*

Взападной новоевропейской картине мира природа веками осмыслялась как бездушная механическая фабрика, как склад «сырья и ресурсов», отданных на беспощадную эксплуатацию человеку — ненасытному царю и повелителю. Землю рыли

шахтами, леса вырубали под корень, реки отравляли нечистотами, оправдывая насилие соображениями сиюминутной наживы.

Степная религиозная философия знала прямо противоположную истину. Для кочевника мироздание никогда не было мертвой материей. Пространство, распростертое между лазурным куполом Неба и бурым материнским лоном Земли, являлось священным живым храмом, исполненным трепета, разума и тайны.

В древнейших рунических стелах рядом с Вечным Небом (Көк Тәңірі) благоговейно призывается равновеликая божественная сущность — Ïduq Yêr-Sub (Священная Земля-Вода):

ᒥᒍᒐᓵ·ᓘᒥᓘ·ᑉᓗᒥᒥ ᒍᒋᑊ·ᓗᒍᒋᑕ·ᑉᓘᒋ ᐧᒍᒋᑉ·ᒥᒥᓘᒍ·ᐊᒐᒍᒐᒍᒐᒍ	*«Üze Teŋri, asra yaγïz Yer qïlïnduqda, ekin ara kişi oγlï qïlïnmïş...»* ——— *(«Когда вверху возникло лазурное Небо, а внизу распростерлась бурая Земля — между ними сотворен был сын человеческий...»).*

Сын человеческий сотворен между ними, а не над ними. Человек — не самовластный хозяин космоса; он всего лишь младший обитатель Срединного мира, сотворенный из праха земли и одухотворенный горним дыханием Неба (Тын).

Слово Ïduq в древнетюркском языке означает не просто «чистый» — оно означает табуированный, посвященный Богу, неприкосновенный для эгоистического разрушения. Земля и текущие по ней воды священны сами по себе, независимо от человеческой пользы. Всякая гора, ущелье, речной перекат и вековое одинокое дерево в степи обладают собственной душой-хранителем (Ия / Ээзи / Ҡот). Посягнуть на них с корыстным топором или грязным помыслом означало объявить войну самому мирозданию.

В одном из самых потрясающих духовных памятников Центральной Азии — древнетюркском древнетюркском тексте покаяния «Хуастуанифт» (VIII–IX вв.), дошедшем на шелковых свитках Турфана, — звучит молитва, равной которой не знала европейская средневековая теология.

Человек исповедуется не в нарушении схоластических догматов, а в грехе против природы и живых существ:

«On türlüg tïnlïγlarqa: tört adaqlïγ yerdekilerge, qanatlïγ kökdekilerge, suvdaqï balïqlarqa, bavrïn yorïγlï yer astïndaqï qurt-qoŋuzqa... yerge-suvqa yazuq yaztïmïz erse... boşanurmen!»

«Если пред десятью родами одушевленных созданий: четвероногими на траве, крылатыми птицами в поднебесье, рыбами в глубинах рек, ползающими в бурой земле червями и жуками... если пред священной Землей и Водой мы совершили грех, причинив им страдание, сорвав былинку без нужды, замутив ручей или отняв жизнь ради забавы — молим об очищении и прощении души!»).

Здесь степная религиозная мысль поднимается на недосягаемую высоту сострадательного биоцентризма: даже червь под камнем и рыба в прозрачном омуте признаются братьями человека по единому божественному дыханию жизни. Убить живое существо без крайней необходимости утоления голода считалось преступлением, оставляющим черную печать на совести.

Вода в аридных просторах Степи почиталась как драгоценнейшая кровь Матери-Земли. Осквернить текущий источник для кочевника было равносильно тому, чтобы отравить грудь родной матери.

В 922 году арабский путешественник Ахмад Ибн Фадлан, наблюдавший нравы огузских племен, записал с великим изумлением:

«Они благоговейно оберегают чистоту воды... Если чужеземец вздумает вылить помои в реку, постирать белье в проточной воде или осквернить исток колодца, огузы немедленно хватают святотатца, отбирают у него коня и одежду и налагают тяжелый штраф, говоря: "Ты навел порчу на священную реку! Из-за твоего нечестия Небо разгневается, пересохнут наши пастбища и начнется падеж скота!"».»

Тюрк никогда не мыл жирную посуду прямо в реке. Воду зачерпывали деревянным ведром и относили на почтительное расстояние от берега, чтобы земля успела профильтровать нечистоты сквозь песчаный фильтр. Родники и колодцы обкладывали белым камнем, закрывали деревянными крышками от пыли и степного ветра, а старейшины учили детей с первых лет:

«Судың да сұрауы бар!»

«И за каждую каплю пролитой зря воды придется держать строгий ответ пред Небом!»).

В казахской традиции расчистить забившийся илом степной источник почиталось как высшее богоугодное дело: «Бұлақ көрсең — көзін аш!» («Увидишь родник — немедленно освободи его живые очи!»). Человек, напоивший пустой ручей, стяжал благословение духов на многие годы вперед.

В кочевом обществе охрана природы держалась не на егерях с ружьями и не на казенных штрафах. Ее несокрушимой стражей являлась система священных понятий Кие и Тиым (Сакральные табу).

Кие — это невидимая, трепетная благодатная сила, заложенная Творцом в каждое существо. Если человек грубо, цинично и бессмысленно растаптывает эту благодать, вступает в действие закон неотвратимого космического возмездия: «Киесі атады!» («Святыня разит виновного смертью!»).

Священный лебедь (Аққу): Убить белого лебедя на степном озере считалось тягчайшим преступлением. Лебедь мыслился как тотемная птица чистоты и девичьей души. Считалось, что охотник, поднявший ружье на лебедя, потеряет всех своих детей, а род его угаснет в муках.

Табу на ранение Земли: Запрещалось бесцельно бить палкой по земле, втыкать в нее ножи или вырывать траву с корнем: «Жерді сабама — анаңды сабағанмен бірдей» («Не смей бить землю — это все равно что поднять руку на родившую тебя мать!»). Степь воспринималась как живая плоть, чувствующая боль.

Охотничья мера: Охотник-мерген никогда не стрелял в вожака стаи, не трогал стельную самку сайгака или маралиху с детенышем. Взять больше, чем необходимо для котла в шатре, считалось позорной жадностью, за которую духи тайги и степи отнимали у стрелка меткость глаза и навлекали слепоту.

В башкирском национальном эпосе «Урал-батыр» экологическая этика тюрок обретает непревзойденный философский апогей.

Пройдя сквозь бесчисленные испытания, одолев подземных чудовищ мрака, батыр Урал добывает чашу со священной Живой водой (Йәншишмә / Тере һыу), дарующей вечное личное бессмертие тому, кто ее изведает.

Перед героем встает предельный экзистенциальный выбор: выпить воду самому, уподобившись самодовольному вечному

идолу, либо отдать ее страдающему миру. Урал без колебаний совершает подвиг самоотречения. Он не делает ни единого глотка. Подняв чашу к Небу, он разбрызгивает Живую воду по пересохшим долинам, скалам и истокам ручьев, восклицая:

«Мин үҙем генә мәңге йәшәһәм — ни файҙа?! Гүзәл тәбиғәт мәңге йәшәһен, йылғалар челтерәп аҡһын, ер йөҙө сәскә атһын!..»

«Какая польза человеку, если бессмертным в пустом величии останется он один?! Пусть вечно живет прекрасная живая природа, пусть звенят хрустальные реки, пусть цветет и благоухает родная земля!»).

Урал-батыр умирает как смертный сын земли, но его плоть становится Уральскими горами, кровь — реками Агидель и Яик, а дыхание — благодатным степным ветром. В этом мифе запечатлена глубочайшая экологическая истина: жизнь отдельного человека преходяща, но его высший долг — послужить вечности и неувядающей красоте вмещающего природного космоса.

Священная Земля-Вода Йер-Суб не прощает хищнического высокомерия. Человек в степной традиции никогда не мыслил себя хозяином, поставленным властвовать над природой; он сознавал себя ее чутким и бережным соучастником.

Понятие обала — запрета на бессмысленное причинение вреда любому живому существу или природному источнику — очерчивает границу человеческой совести. Жить по традиции — значит брать ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни, расчищать заросшие ключи, беречь травяной покров и помнить: земля оставлена нам на сбережение нашими предками, чтобы мы передали ее цветущей своим потомкам.

❖ ❖ ❖

- **Будь в ладу с Землёй-Водой (Йер-Суб): природа не немая мастерская, а живой, одухотворённый дом. Ступай по земле с благоговением.**
- **Не нарушай закона священной меры: не лови больше рыбы, чем нужно на обед, не срывай лишних цветов, не оскверняй лесов и степей.**
- **Живи в круговороте сезонов: чувствуй дыхание весны, тепло лета, щедрость осени и покой зимы. Гармония с природой дарует здоровье телу и мир душе.**

ГЛАВА

34

УМЕРЕННОСТЬ И ДОВОЛЬСТВО

ПРЕОДОЛЕНИЕ АЛЧНОСТИ В СТЕПНОЙ ЭТИКЕ

𐰇𐰺𐰋𐰇·𐰃𐰇𐰋𐰃·𐰺𐰇𐰇 𐰆·𐰋𐰆𐰚𐰇𐰴𐰋 𐰓𐰋𐰆·𐰴𐰇𐰚𐰺	*«Suq er közi toymas bu dünyə malïn, Neçe yïγsa artar anïŋ suqluγï... Qana'at kerek erke baylïq bu ol, Qana'atsïz erke tügendi yol. Bu mal qulï bolma, malïŋnï qul et, Kişilik bile sen bu dünyəde öt!.. Čïγań bodunïg bay qïldïm, az bodunïg üküş qïldïm...» Сколько бы ни стяжал он — лишь разгорается язва его алчности!.. Умеренность необходима человеку — ибо в ней сокрыто истинное богатство; Для раба же ненасытности закрываются все благие пути. Не будь рабом богатства — сделай земные блага своими покорными слугами, И пройди сквозь этот мир с незапятнанным достоинством человека!.. Бедный, неимущий народ соделал я богатым, малочисленный народ возвеличил...»)* ——— *(Юсуф Баласагуни, «Благодатное знание», XI в.; Большая надпись в честь Кюль-тегина, VIII в.)*

Встепном религиозно-философском миропонимании отношение к материальным благам было свободно как от ханжеского восхваления нищеты, так и от слепого поклонения золотому идолу. Кочевник никогда не проповедовал бегства от мира в пещеры

аскетов: степь требовала сильных, деятельных рук, тучных стад и надежного оружия.

Материальный достаток — Baylïq — почитался как благословенный плод честного труда и воинской доблести. Обильные отары овец, табуны быстроногих аргамаков и белоснежные шатры обеспечивали независимость рода, позволяли достойно встречать гостей и снаряжать батыров в походы на защиту рубежей отечества.

Однако в тот самый миг, когда скот и серебро из средств поддержания жизни превращались в самоцель, когда человек начинал измерять свое достоинство количеством сундуков и презрением к бедному соседу, — вступал в силу суровый духовный приговор. Стяжательство, накопительство и алчность признавались самой позорной душевной болезнью, превращающей вольного сына степей в презираемого раба праха:

«Bu mal qulï bolma, malïŋnï qul et!»

«Не смей становиться рабом своего скота и золота — сделай их своими верными слугами!»).

Богатство в степи имело право на существование лишь до тех пор, пока оно было щедрым, подвижным и обращенным к благу народа. Тот, кто запирал зерно и серебро на замок, в глазах кочевников уподоблялся безумцу, пьющему соленую морскую воду: чем больше он пьет, тем сильнее раздирает его смертельная жажда.

Осевым понятием степной экономической этики является Qana'at (Канагат) — благородная умеренность, способность довольствоваться необходимым и властвовать над ненасытными капризами плоти.

В караханидском памятнике «Кутадгу Билиг» мыслитель Юсуф Баласагуни раскрывает страшную метафизическую природу человеческой жадности (Suqlïq / Ашкөздік):

«Açköz közin tofraq toydurur...»

«Ненасытное око алчного скупца способна наполнить и успокоить лишь горсть могильной земли...»).

Скупец беден даже тогда, когда владеет тысячами верблюдов, ибо его терзает страх потери и зависть к чужому добру. Напротив, человек, обладающий даром канагата, истинно богат, даже сидя на простой войлочной кошме с деревянной пиалой кумыса, ибо его дух свободен от цепей зависти.

Казахская народная мудрость чеканно зафиксировала эту истину:

«Қанағат қарын тойғызар, қанағатсыз жалғыз атын сойғызар!»

«Умеренность насытит душу и тело, а ненасытная жадность заставит глупца зарезать последнего верхового коня!»).

Умеренность — это не слабость и не пассивность перед лишениями. Это высшее проявление мужской воли и духовной силы. Тот, кто сумел обуздать свое ненасытное животное эго (Нәпсі), победил самого грозного врага во Вселенной. Степные батыры знали: легко поразить врага копьем на поле брани, но неизмеримо труднее победить дракона алчности, гнездящегося в собственном сердце.

Сам образ жизни в Великой Степи служил безжалостным и великим учителем смирения. Кочевое хозяйство подчинялось ритмам живого космоса.

В народе веками передавалась чеканная формула:

«Мал — бір жұттық, батыр — бір оқтық, білім — мәңгілік!»

«Скот и богатство могут погибнуть за одну ночь джута; батыр может пасть от одной вражеской стрелы; лишь знание, честь и доброе имя пребудут вовек!»).

Один внезапный зимний буран с ледяным дождем — джут (Жұт) — мог за несколько часов сковать ледяной коркой пастбища на сотни верст вокруг, превратив тысячные табуны гордого бая в окоченевшие туши. И наутро вчерашний богач просыпался нищим пастухом, вынужденным просить приюта у своих соплеменников.

Эта постоянная близость стихийной катастрофы выбивала почву из-под чванства и сословного высокомерия. Кичиться количеством скота в степи считалось признаком скудоумия. Кочевник помнил: скот принадлежит не ему, а Земле и Небу. Небо дало — Небо взяло. Истинное сокровище человека заключается не в четвероногих, а в том, скольким людям он успел сделать добро, пока был богат.

В миросозерцании тюркских народов понятие истинного достатка неотделимо от категории благодати — Береке / Бәрәкәт / Берекет.

Береке — это таинственная духовная субстанция, божественное присутствие благодати (Кут) в плодах человеческого труда. Береке невозможно измерить тоннами или цифрами.

Пища, добытая праведным потом (Адал мал), пусть это всего лишь кусок лепешки и глоток молока, несет в себе неиссякаемое здоровье, мир и радость для детей;

Напротив, богатство, нажитое грабежом, обманом сирот, слезами вдов или пристрастным судом (Арам), начисто лишено береке. Оно подобно пожирающему огню: сколько бы золота ни скапливалось в сундуках хищника, его дом сотрясают болезни, раздоры сыновей, позор и безумие.

В башкирской традиционной этике эта мысль выражена пословицей:

«Байлыҡ бер айлыҡ, яҡшы исем — мәңгелек!»

«Богатство дается на месяц, а честное имя и праведный след остаются на века!»).

Народное право степи знало великий обычай взаимопомощи — Жылу у казахов и Өмә у башкир. Если у бедняка погибал скот от мороза или сгорал шанырак, сородичи не оставляли его на произвол судьбы. Каждый аул выделял по овце, кобыле и войлоку, собирая погорельцу новое хозяйство. Жадный богач, отказавшийся выделить свою долю в жылу, подвергался всенародному проклятию (Қарғыс) и исключался из круга доверия.

Величайшим свидетельством философского презрения тюркской элиты к стяжательству является древний огузский и степной обряд, зафиксированный в «Книге Коркута» — Обряд разграбления ханского шатра (Хан талау).

Каждые три года великий правитель огузов, хан Салор-Казан, созывал пир для всего народа. По окончании пиршества хан брал за руку любимую жену Бурла-хатун и добровольно выходил из своего великолепного шатра, оставляя все свои сокровища — золотые кубки, шелковые ковры, оружие и утварь — на полное разграбление простым воинам и беднякам:

«Пусть народ берет всё, что видит глаз! Ибо истинный вождь должен быть чист от привязанности к праху земному! Власть кагана держится не на сундуках с сокровищами, а на любви и преданности свободных сердец!».»

Этот священный ритуал наглядно демонстрировал: правитель не копит богатств для себя. Он — лишь канал, через который

небесная благодать изливается на народ. В древнетюркской надписи Кюль-тегина критерий величия сформулирован с предельной ясностью:

«Čïγań bodunïg bay qïldïm...»

«Я не себя сделал богатым — я неимущий народ мой сделал сытым и могучим!»).

В XIX–XX веках эта вековая степная этика была возведена на вершину религиозно-философской рефлексии гениями казахского духа — Абаем Кунанбаевым и Шакаримом Кудайбердиевым.

В «Словах назидания» Абай с беспощадной честностью обличает тех соплеменников, чья жизнь превратилась в бессмысленную погоню за скотом ради бахвальства и пустой власти:

«Они думают лишь о том, как бы умножить отары, чтобы потом хвастаться перед соседями или купить похвалу льстецов... Но скот уйдет в землю, а с чем ты предстанешь перед Вечным Судом?! Ищи не скота — ищи подлинного человеческого достоинства (Адам бол)!».»

Его ученик и духовный преемник Шакарим в своем трактате «Три истины» и учении о Совести (Ар ілімі) доказывал, что корень всех зол на земле — это безудержное потакание животным похотям эго (Нәпсі). Лишь тот народ и тот человек способен спасти свою душу, кто противопоставит алчности три несокрушимых столпа: Честный Труд, Справедливый Разум и Священную Умеренность (Қанағат).

1. Освобождение от диктата вещей. Человек должен вспомнить: подлинное счастье измеряется не маркой автомобиля, не квадратными метрами особняка и не миллионами на счетах. Счастье рождается из мира в душе, чистой совести и любви близких.

2. Преодоление алчности ради будущего Земли. Ненасытный аппетит человечества пожирает ресурсы планеты быстрее, чем она способна их восстанавливать. Этика Qana'at — единственный путь избежать экологического коллапса.

3. Мерило человечности — щедрость. В час ухода из этого мира человек не сможет взять с собой ни единой монеты. Единственное, что останется в вечности пред ликом Вечного Неба, — это свет добрых дел, память о накормленном сироте и сохраненная честь незапятнанного имени.

Умеренность — щит души, щедрость — ее крылья. Таков непреложный завет степных мудрецов, проверенный ветрами тысячелетий.

❖ ❖ ❖

- **Укрощай ненасытную алчность: богатство —** это слуга человека, но горе тому, кто сделал его своим господином.
- **Будь доволен малым (Қанағат): умеренность освобождает душу от зависти и суеты. Истинно богат не тот, у кого много, а тот, кому достаточно.**
- **Делись достатком с нуждающимися: излишек, отданный во благо, очищает имущество и возвращается стократной радостью.**

ГЛАВА

35

СЛУЖЕНИЕ ЗАКОНУ

ПРЕДЕЛЫ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВДЫ

𐰋𐰴𐰚𐰇·𐰃𐰇 𐰋𐱅𐰴𐰚·𐰃𐰇𐰋 𐰃𐰋𐰇𐰋·𐰃𐰇𐰋	*«Эль может исчезнуть, но Закон Тёрё не исчезнет вовек! Ибо Тёрё установлено Самим Небом ради правды и мира между людьми...»* ———— *(Древнетюркская правовая максима; Юсуф Баласагуни, «Кутадгу Билиг», XI в.)*

Завершающий горизонт всей религиозно-философской и этической мысли кочевой цивилизации открывается в фундаментальной, всеобъемлющей категории Тёрё (Törö / Törü). В этом понятии степной дух достиг предела своей государственно-правовой и метафизической зрелости.

В представлении тюркского мыслителя Закон онтологически первичен по отношению к государству и неизмеримо выше любого смертного властителя. Государственные образования, династии, союзы племен и военные ставки возникают во времени и исчезают под ветрами эпох. Но вечный морально-правовой порядок — Тёрё — пребывает вечно, ибо он сотворен одновременно с Небом и Землей.

В словаре великого Махмуда ал-Кашгари запечатлена бессмертная формула степного конституционализма, пережившая крушение десятков царств:

«El qalur, törö qalmaz!»

«Государство может пасть и рассеяться, но священный Закон Тёрё нерушим!»).

В этой чеканной истине кроется радикальное отличие тюркской философии права от оседлого культа абсолютизма. Если восточный деспот утверждал: «Государство — это я, и закон исходит из моего произвола», то тюркский каган смиренно склонял голову перед вечным камнем: правитель — не творец закона, а лишь его благоговейный служитель и временный страж.

Надпись на орхонской стеле раскрывает эту мысль со строгой точностью:

«...türk bodunïŋ ilin, törözin tuta bermiş, eti bermiş...»

«...они бережно держали и сохраняли закон Тёрё тюркского народа...»).

Глагол tuta bermiş не означает «выдумывать» или «навязывать сверху». Он означает поддерживать, нести в руках, оберегать от искривления. Тёрё дан свыше как священное равновесие космоса. И правитель, дерзнувший искривить Тёрё ради своей прихоти, подписывает смертный приговор не только себе, но и всему своему царству.

Власть в кочевом мире никогда не была абсолютной монополией правящего рода. Политическое бытие Степи покоилось на динамическом, исполненном взаимного трепета равновесии великой священной триады:

1. Вечное Небо (Kök Teŋri) — единственный и абсолютный источник высшей справедливости, истины и благодати (Кут);

2. Каган (Слуга закона) — избранный муж, наделенный небесным мандатом служения для спасения народа от голода, рабства и истребления;

3. Эль / Бодун (Народ) — суверенное сообщество вольных людей, объединенных вокруг родовых очагов и священного закона чести.

Каган получал право на власть не по слепой прихоти рождения, а через сакральное испытание. В династийной хронике «Чжоу шу» до нас дошло потрясающее описание древнейшего обряда интронизации кагана, напоминавшего будущему государю о хрупкости земного величия:

«Когда избирают нового кагана, высшие старейшины родов и князья сажают его на белоснежный войлок и девять раз обносят по солнцу... Затем сажают на боевого коня и затягивают шелковый шнур на шее так, что он едва не задыхается; ослабив шнур, его в трепете спрашивают: "Сколько лет ты будешь служить каганом?". Очнувшись, он называет число, и народ верит, что его устами говорит само Небо. Но если он нарушит закон совести или превысит меру правды — совет родов смещает его без пощады».»

Власть давалась с петлей на шее. Правитель с первой секунды воцарения помнил: его шея находится в руках закона.

В караханидской философской поэме Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание» (XI в.) эта древняя интуиция обрела классическое метафизическое обоснование:

«Törö birle ilig bedür kök tege,»

«Törösiz yorïsa tüşer ol yerge.»

«Könilik törö ol iligiŋ tirgeki,»

«Ÿïqïlsa törö kör bu ilniŋ yörügi!..»

«(«Законом Тёрё возносится правитель к сияющему зениту Неба;»

«Если же он блуждает во тьме беззакония — падает в дорожный прах!»

«Праведный Тёрё — единственный несущий столб державы;»

Если этот столп подточен ложью — рушится весь шанырак бытия!»).

Баласагуни предупреждает владык: царство держится не на острых копьях и не на золотой казне. Железное войско может завоевать чужие земли, но удержать мир способна лишь кристальная правда закона. Если в государстве суд продажен, если сильный безнаказанно грабит слабого, а правитель глух к слезам народа — Небо отзывает свою благодать. И тогда вчера еще непобедимая империя рассыпается, как высохшая глина.

Степной мир не знал европейских парламентов с их партийной грызней, но он создал уникальную систему конституционных противовесов, исключавшую возможность превращения вождя в безумного тирана:

1. Всенародный сход (Курултай / Йыйын): Престолонаследие никогда не было автоматическим. Курултай батыров, биев и глав родов имел право отвергнуть законного сына хана, если тот был глуп, труслив или жесток, и возвести на трон достойнейшего.

2. Ритуал Белой Кошмы (Ақ киізге көтеру): Поднимая хана на белом войлоке, старейшины напоминали: войлок чист, пока чиста душа государя. Если хан обагрит руки неправедной кровью, кошма выдергивается из-под его ног.

3. Право откочевки (Көшу құқығы): Предельный аргумент кочевой свободы. Кочевника невозможно было закрепостить,

обложить непосильной данью или запереть в границах. Если правитель становился тираном, роды снимали юрты и уходили в другие степи. Тиран оставался в пустом пространстве в окружении безмолвных барханов.

4. Священный иммунитет правдивого слова: Великая степная максима гласит: «Бас кеспек болса да, тіл кеспек жоқ!» («Голову с плеч снять можно, но отрубить правдивый язык — нельзя!»). Степные поэты-жырау и сэсэны говорили в глаза ханам жестокую правду. Хан, дерзнувший казнить поэта за критику, считался проклятым, и от него отворачивались воины.

В эпоху Казахского ханства институт Тёрё кристаллизовался в феномене Тура билік — суде биев.

Чингизидов, правивших улусами, называли төре именно потому, что их изначальной функцией было поддержание космического закона и третейское судейство. Однако народная мудрость проводила жесткую грань между династической властью и народной совестью:

«Төреге жүгінбе — биге жүгін!»

«Не ищи правды у султана — ищи правды у мудрого бия: суд султана может ослепить власть и выгода, суд бия опирается на чистоту совести!»).

Великие бии — Толе би, Казыбек би, Айтеке би — создали знаменитый кодекс «Жеті Жарғы», в котором закрепили верховенство народного права над ханским указом:

Толе би учил: «В руках справедливого судьи покоятся небесные весы: он не взирает на богатство и ханский сан, он взвешивает лишь правду Неба»;

Казыбек би провозглашал вольное достоинство: «Біз қазақ деген мал баққан елміз, бірақ ешкімге құл болмаған елміз!» («Мы — народ пастухов, но рабами мы не были ни перед кем на земле!»);

Айтеке би чеканил формулу жертвенного служения: «Өмірім — халықтікі, өлімім ғана — өзімдікі» («Моя жизнь принадлежит народу, лишь смерть принадлежит мне одному»).

На Южном Урале дух Тёрё сохранялся в институте волостного самоуправления — Йыйын.

Каждый свободный вотчинник имел на сходе право голоса (Ауаз биреү). Ни одно решение о земле, защите лесов или налогах не вступало в силу без согласия общины. Когда колониальные воеводы пытались навязать произвол, башкирские старшины напоминали в царских столицах: союз с державой был заключен на условиях нерушимости башкирского Тёрё — вотчинного права и свободы веры. И покуда этот договор свят — народ верен клятве; но нарушение Тёрё освобождает народ от повиновения.

«Государство может пасть, но закон-тёрё пребудет вовек». В этой древней максиме выражена зрелая политическая мудрость Степи: власть оправдана лишь до тех пор, пока она служит правде, защищает мир народа и хранит справедливость.

Благодать кут покидает того правителя, чье сердце ослеплено гордыней и жаждой личной наживы. Народ имеет право и священную обязанность судить о власти по плодам ее служения. Истинный государь — не господин над подданными, а первый слуга Закона, отвечающий за каждый шаг перед народом на курултае и перед недремлющим Оком Вечного Неба.

❖ ❖ ❖

• Помни: верховенство Закона (Тёрё) выше ханской прихоти. Никакое высокое положение не даёт права нарушать правду.

• Служи правде, а не силе: если закон несправедлив, народ беднеет и разрушается. Истинная власть созидает мир и согласие.

• Будь верен долгу служения: если тебе вверена власть над людьми, помни, что ты ответишь за каждый шаг перед народом и перед Небом.

КНИГА V

ОБЫЧАИ И ЖИЗНЬ: ОБРЯДОВЫЙ СТРОЙ

ГЛАВА

36

ВСТРЕЧА НОВОЙ ЖИЗНИ

ОБРЯДЫ КОЛЫБЕЛИ И МАТЕРИНСКИЙ ПОКРОВ УМАЙ

𐰇𐰼𐰴·𐰼𐰋·𐰴𐰇𐰇 𐰇𐰃𐰆·𐰃𐰃𐰇𐰋𐰃𐰺 𐰋𐰃𐰼𐰋·𐰺𐰴𐰇·𐰇𐰃𐰋𐰃	*«Umay teg ögüm qatun qutïŋa inim Kül tegin er at aldï... Umayqa tapïnsa oγul bulur; Beşik içre bala qutï ornar... Алас, алас, әр пәледен қалас!..» («Благодатью матери моей катун, подобной богине Умай, младший брат мой Кюль-тегин обрел мужское имя... Кто благоговейно чтит Умай — обретет благословенное дитя; Внутри священной колыбели укореняется благодать младенца... Не моя смертная рука врачует — рука матери Умай касается чела! Очистись огнем, очистись дымом — да сгинет всякая беда и немощь!..»)* ——— *(Большая надпись в честь Кюль-тегина, VIII в.; Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Степная формула повитух)*

Появление на свет нового человека под войлочным шатром никогда не сводилось к голой физиологии плоти. Рождение дитяти осмыслялось как великое и трепетное космическое событие — опаснейший онтологический переход бессмертной искры духа из трансцендентного мира Вечного Неба и обители предков в плотный, хрупкий и исполненный испытаний мир земного бытия.

Душа младенца не возникает из небытия. Она нисходит с лазурного купола Тенгри в виде тончайшего светоносного семени жизни (Құт), оплодотворяя материнское лоно. Но этот переход

полон предельной уязвимости. Новорожденный еще не укоренен в земной стихии: его дыхание (Тын) тонко, как паутинка ковыля, кости мягки, а очи видят невидимых духов иного мира.

Поэтому весь родильный обрядовый цикл в степи был выстроен как непрерывное священное действо охранения. Это была духовная крепость, воздвигаемая вокруг роженицы и младенца любовью семьи, мудростью повитух и защитной силой сакральных стихий — Огня, Серебра и Дерева.

Главной покровительницей матери и младенца на этом опасном пороге веков выступает божественная женская ипостась тюркского космоса — Умай (Umay Ana).

В надписи в честь полководца Кюль-тегина царственный каган благоговейно связывает величие своего брата именно с этой небесной благодатью:

«Umay teg ögüm qatun qutïŋa inim Kül tegin er at aldï...»

«Благодатью матери моей, подобной богине Умай, брат мой вырос непобедимым витязем!»).

В степной теологии Умай — не отвлеченный миф, а живая, сострадательная материнская любовь Неба. Когда у женщины в юрте начинались родовые схватки, старая повитуха, переступая порог шатра, произносила древнейшую формулу самоотречения:

«Менің қолым емес — Ұмай ананың қолы!»

«Не моя бренная рука касается лона — сама святая Мать Умай принимает дитя!»).

Повитуха осознавала себя лишь послушным земным орудием богини. Верили, что невидимая Умай незримо стоит у изголовья роженицы, расправляя над шанырaком белоснежные лебяжьи

крылья, отгоняя злых духов тьмы (Албасты) и облегчая родовые муки.

Рядом с кровной матерью в этот миг рождалась вторая священная опора жизни — Кіндік шеше (Пуповинная мать). Женщина с безупречной нравственной репутацией, чей нрав славился кротостью, умом и добротой, перерезала пуповину новорожденного чистым кремневым или серебряным клинком. Тюрки свято верили в закон духовного сопричастия: благородные черты характера пуповинной матери переходят на дитя. Всю последующую жизнь ребенок почитал киндик шеше наравне с родной матерью, а джигит перед первым военным походом испрашивал ее материнского благословения.

Первые сорок дней после рождения признавались временем священного карантина. Это был период, когда душа ребенка постепенно свыкалась с весом земной плоти.

В эти дни на младенца надевали особую первую одежду — Ит-көйлек (Собачью рубашку). Она шилась из мягкого, выношенного ситца или льна, без единого узелка, швов наружу и без воротника, чтобы грубая нить не поранила нежную шею. Рубашка несла глубочайший символический смысл. Собака (Төбет) в древнетюркской мифологии почиталась как верный страж, стоящий на меже между миром живых и царством теней. На сороковой день эту первую рубашечку снимали, заворачивали в нее сладкие баурсаки и привязывали к шее степного волкодава, пуская его бежать по аулу. Дети с веселым смехом догоняли собаку, забирали лакомства, а пес уносил прочь любые детские немощи и хвори, передавая малышу свою железную выносливость, острое обоняние и собачью верность родной земле.

Первые трое суток после родов в юрте никогда не гас огонь. Молодежь аула собиралась на праздник Шілдехана. В юрте не спали до рассвета: играли на домбре, пели ликующие песни, читали сказания о батырах. Радостное бодрствование общины служило надежным щитом: считалось, что темные духи болезней бессильны там, где звучит смех, звенит струна и пылает очистительное пламя очага.

Когда первые испытания были позади, наступал день совершения одного из самых торжественных семейных обрядов — Бесікке салу (Укладывание в священную колыбель).

Колыбель — Бесік — в кочевой культуре была не просто предметом домашнего обихода; она представляла собой архитектурный микрокосм Вселенной. Изогнутая дуга колыбели символизировала свод Неба, деревянная основа — материнскую Землю, а мерное покачивание воспроизводило вечный круговорот светил.

Прежде чем положить дитя в бесик, пространство юрты подвергалось обряду огненного очищения — Аластау. Старейшая женщина рода зажигала ветвь священного горного можжевельника (Артыш / Арша) и медленно обносила тлеющий, благоухающий дым вокруг колыбели, изголовья и постели матери, напевая заговорную формулу:

«Алас, алас, пәледен қалас!»

«Көзі жаманның көзінен сақта,»

«Сөзі жаманның сөзінен сақта!..»

«(«Огнем очищаю, дымом освящаю, от всякой беды избавляю!»

«Сохрани дитя от завистливого ока,»

Убереги от злого и кривого слова!..»).

Дым арчи обладал не только мощными антисептическими свойствами, убивая невидимую заразу, но и мистической силой: древние верили, что нечистая сила не выносит священного запаха высокогорного можжевельника.

Затем совершался обряд Тыштырма: в отверстие колыбели сквозь дно с шумом сбрасывали конфеты, сушеный курт и серебряные монетки, которые со смехом расхватывали дети. И лишь после этого благочестивая, многодетная бабушка рода с молитвой к Умай бережно опускала младенца на мягкую постель из ягнячьей шерсти, укрывая его верблюжьим одеяльцем и привязывая широкими ткаными лентами чести.

Кульминацией сорокадневного охранительного круга являлся обряд Қырқынан шығару (Выведение из сорока дней).

Для мальчика этот обряд нередко совершали на тридцать седьмой или тридцать девятый день — «чтобы был быстрым, удалым и опережал время», а для девочки — на сороковой или сорок первый — «чтобы была рассудительной, кроткой и домовитой».

В центр юрты ставилась большая деревянная чаша с чистой родниковой водой. В эту купель женщины аула наливали ровно сорок ложек парного кобыльего или овечьего молока — символа изобилия и материнской чистоты. Но главным таинством было погружение на дно чаши сорока серебряных предметов: старинных монет, массивных перстней, браслетов и бляшек.

Серебро (Күміс) в степной религиозной символике сопрягалось со светом Луны и чистотой богини Умай. Серебро не ржавеет, не принимает грязи и убивает яды. Омывая тело младенца этой серебряной водой, старейшины произносили благословение:

«Отыз омыртқаң жылдам бекісін,»

«Қырық қабырғаң тез қатсын!»

«Күмістей таза, асылдай ардақты бол!»

«(«Пусть тридцать позвонков твоих укрепятся волей,»

«Пусть сорок ребер твоих одеваются силой!»

«Будь чистым пред Небом, как это серебро,»

И благородным пред народом, как драгоценная сталь!»).

После купания драгоценные серебряные перстни и монеты из купели разбирали молодые женщины и невестки аула. Каждая прятала серебряное колечко на груди как священный талисман, веря, что прикосновение к детской благодати вскоре дарует чадо и ее собственному очагу.

Завершался обряд первой стрижкой утробных волос (Қарын шаш). Нежные волосики аккуратно срезали и зашивали в треугольный кожаный амулет — Тұмар, привязывая его к колыбели. С этого дня карантин снимался: младенец больше не считался бессильным пришельцем — он признавался полноправным гражданином Степи, вольным сыном своего рода.

В башкирских кочевьях и лесных волостях Южного Урала этот сакральный цикл бережно сохранялся в обычаях Бәпәй сәйе (Младенческий чай) и Бишек туйы (Праздник колыбели).

Башкирские женщины собирались у молодой матери, принося в дар мед с вековых бортей, свежее масло и белые шерстяные платки. Колыбель в башкирском доме также окружалась трепетной защитой: под матрас мальчику клали маленький охотничий нож или точильный камень, чтобы дух его был тверд, как уральский гранит, а девочке — веретено и серебряную наперстянку, дабы руки ее были искусны в прядении тончайших пуховых шалей.

Бабушка запевала старинную колыбельную, в которой слышались отголоски древнего кубаира:

«Һәүкә-һәүкә, бәпәйем,»

«Ай кеүек балҡып үсһен,»

«Урал тауындай терәк булһын!..»

«(«Баю-бай, мое ясное дитя,»

«Расти лучезарным, подобно полной луне,»

Будь несокрушимой опорой народу, подобно седым Уральским горам!..»).

1. Безусловная ценность первых дней жизни. Ребенок, встреченный в этом мире тишиной, теплом, благоговейным пением колыбельной и чистым прикосновением любви, получает мощнейший психологический иммунитет на всю жизнь. Он вырастает свободным от глубинного страха и агрессии.

2. Материнство как соработничество с вечностью. Рождение ребенка — это не досадный перерыв в карьере, а величайшее таинство продолжения жизни. Защита материнского покоя — первейшая обязанность зрелого и ответственного общества.

3. Сила родового круга. Институт пуповинных матерей и совместных семейных обрядов напоминает: ребенок принадлежит не только родителям. Он — надежда и опора всего народа.

Пока над степью плывет тихая колыбельная песнь, пока белая колыбель качается под присмотром милосердной Матери Умай — народ не утратит своей жизненной силы и благословения Вечного Неба.

❖ ❖ ❖

- **Освящай приход новой жизни: обряды бесікке салу (укладывание в колыбель) и тұсаукесер (разрезание пут) соединяют дитя с защитой Умай и благословением рода.**
- **Окуривай колыбель священной арчой (Алас): очищай пространство детства от дурного глаза, тревог и болезней.**
- **Благословляй первые шаги ребёнка: пусть его путь по родной земле будет твёрдым, честным и радостным.**

ГЛАВА

37

СВЯЩЕННОЕ ЖИЛИЩЕ

ЮРТА КАК ОБРАЗ ВСЕЛЕННОЙ И ТЕПЛО ОЧАГА

𐰃𐰇𐰋·𐰇𐰋·𐰴𐰃𐰃 𐰔𐰃𐰍·𐰃𐰃𐰔𐰋𐰚𐰋 𐰋𐰋𐰇𐰋·𐰋𐰋𐰔·𐰃𐰋𐰋	*«Kölgeçesi uluγ turaq eviŋ yıqılmasun!» «Ağ-banlu otauıŋ сөнмесүн!» «Оçaqta yanan otuŋ өчмесүн!..» «Оçaq tütüni kökge barïr;» «Kün nurï tündükdin tüşer...» «Bosaγanï baspa, er atïn sorma,» «Törge keçken erge qut qonar...» «(«Да не обрушится твой высокий просторный шатер, осеняющий степь мирной тенью!» «Да не угаснет огонь в твоем священном очаге!» «Да пребудет нерушимым и благословенным твой белый порог!..» «Дым родного очага восходит прямо к престолу Неба;» «Солнечный луч нисходит сквозь шанырак на кошму...» «Не наступай на священный порог, не расспрашивай путника с порога,» «Ибо на мужа, севшего на почетном месте Тёр, изливается благодать Кут...»)»* ——— *(Огузский эпос «Книга Коркута», XV в.; Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Степные назидания)*

Втрадиционном миропонимании кочевника войлочное жилище — Kegiz ev / Киіз үй / Тирмә — никогда не было всего лишь утилитарным разборным шатром для защиты от снежной пурги или иссушающего зноя. Для степного человека юрта являлась завершенной, одухотворенной моделью Вселенной в миниатюре. В

ее круглой, совершенной форме и внутреннем строе материализовалась вся священная космогония Великой Степи.

У юрты нет прямых углов, порождающих в душе ощущение тупика и тревоги. Ее круглое основание повторяет бесконечную линию горизонта, распахнутого во все четыре стороны света; купольные жерди (уық / уқ) взмывают вверх подобно солнечным лучам, а венчающий купол деревянный круг — Шаңырақ / Түндүк — образует открытое окно в бесконечный лазурный зенит Вечного Неба (Көк Тәңірі).

Юрта — это походный храм под открытыми небесами, дышащий в унисон со стихиями. Через решетчатые стены (кереге) и войлок внутрь жилища проникает дыхание степных трав и шелест ковыля. В полдень солнечный луч, проходя сквозь крестовину шанырака, ложится на определенную головку кереге, служа хозяевам безошибочными солнечными часами. Ночью же сквозь дымоход кочевник со своей постели созерцает неподвижную ось мироздания — Полярную звезду (Алтын Қазық / Железный кол), вокруг которой совершают свой вечный хоровод созвездия Семи Старцев (Жетіқарақшы). Человек в юрте никогда не чувствует себя оторванным от космоса: он засыпает и просыпается в самом сердце мирового лада.

Высшей святыней тюркского жилища признавался Шаңырақ. Вытесанный искусными мастерами из прочного степного карагача или березы, он не менялся десятилетиями и передавался из поколения в поколение, покрываясь благородной бронзовой патиной от дыма очага.

Шанырак символизировал непрерывность семейной жизни и само бессмертие рода:

«Шаңырағың биік болсын, керегең кең болсын!»

«Да будет высок твой шанырак, да расширятся решетчатые стены твоего очага!»).

В казахском самосознании дом отца, где оставался старинный шанырак предков, благоговейно именовался Қара шаңырақ (Корневой шанырак). Он наследовался не старшими сыновьями, уходившими со своими долями скота в отдельные аулы, а младшим сыном — Кенже, хранителем очага. Даже если этот младший сын был еще отроком, седовласые братья и могучие батыры рода, переступая порог отчего дома, склоняли перед ним головы с почтением, ибо в отчем шанываке пребывал родоначальный Кут предков (Аруах).

Осквернить шанырак — бросить в него камень, поднять в юрте ссору, сквернословить или обнажить клинок — считалось тягчайшим святотатством. Если человек в гневе начинал повышать голос, старейшины осаживали его грозным окриком: «Шаңыраққа қара!» («Взгляни на святой шанырак — побойся Неба!»). Рухнувший шанырак в народной поэзии означал окончательную гибель семьи и угасание мужской линии рода.

В геометрическом и сакральном центре юрты, строго под зенитом шанырака, располагался Очаг — Oçaq / Ошақ.

Очаг — это земной алтарь, соединяющий обитателей шатра с горним миром. Дым очага поднимается прямо к созвездиям, унося к Небесному Владыке сокровенные молитвы и вздохи людей:

«Oçaq tütüni kökge barïr...»

«Дым чистого очага беспрепятственно восходит к престолу Неба...»).

Огонь почитался как живое, священное, трепетное женское божество — От-Ана (Мать-Огонь) у казахов и Ут-инәһе у башкир.

Огонь согревал юрту в лютые бураны, варил целебную пищу, очищал железо оружия и отгонял темных духов морока.

Отношение к очагу требовало строжайшего религиозного благоговения:

Запрещалось лить в огонь воду, плевать в очаг, бросать мусор или золу;

Категорически возбранялось перешагивать через очаг или тыкать в угли острым клинком — верили, что железо ранит невидимое тело духа огня;

Пламя никогда не гасили ударами: его бережно усыпляли на ночь, укрывая горячие угли толстым слоем серого пепла, чтобы на рассвете раздуть вновь.

Когда в дом входила молодая невестка, совершался древнейший обряд посвящения — Отқа май құю (Окропление огня маслом). Невестка благоговейно совершала три земных поклона очагу, а свекровь бросала в угли куски бараньего курдюка. Вспыхнувшее до купола яркое, благоухающее пламя означало: Мать-Огонь приняла новую хранительницу в лоно семьи и благословляет ее на рождение здоровых сыновей и дочерей.

Потушить огонь в очаге сородича, растоптать его золу считалось проклятием, равным убийству. Человека, у которого не осталось потомства, оплакивали со словами: «Оты өшті» («Огонь его очага угас во тьме»).

Если шанырак соединял юрту с Небом, а очаг — с сердцем рода, то Порог — Bosaγa / Босаға — служил нерушимой сакральной границей между освоенным, упорядоченным пространством дома и внешней, дикой стихией степного простора.

Арабский дипломат Ахмад Ибн Фадлан еще в X веке записал грозное правило степного этикета:

«Шатры их круглые... Если чужеземец входит в жилище, он ни в коем случае не смеет наступать ногой на порог. Они говорят: "Порог — это шея и горло хозяина юрты; тот, кто наступил на порог, наступил на горло хозяину и объявил ему смертельную вражду!"».»

Наступить на порог ногой признавалось верхом бескультурия и святотатством. Считалось, что под порогом покоится дух-хранитель входа. Гость обязан был перешагнуть через порог с правой ноги, низко наклонив голову — этот поклон был обращен не к хозяину, а к святыне домашнего очага.

Запрещалось стоять на пороге, заслоняя свет, опираться о дверные косяки или передавать вещи и здороваться через порог. Понятие Ақ босаға (Белый порог) стало синонимом целомудрия, честного брака и родительского благословения. Невеста, покидая родной аул, со слезами целовала отчий порог, прощаясь с духами своего девичества, и с трепетом переступала порог дома мужа, моля Небо о согласии и мире.

Пространство внутри юрты было строго структурировано по сторонам света и законам этической иерархии:

1. Төр (Северное почетное место): Находилось прямо напротив входа, за очагом. Это самая возвышенная и сакральная зона юрты. Здесь на мягких войлоках и пуховых подушках восседали аксакалы, почетные гости и религиозные наставники. Сюда складывали сундуки с родовым приданым (жүк), поверх которых возвышались свернутые шелковые одеяла — символ достатка и концентрации благодати (Кут). Сесть на Төр без приглашения хозяина считалось верхом невоспитанности.

2. Оң жақ (Правое крыло — восточная сторона): Традиционно признавалось мужской половиной юрты. Здесь вешались боевые луки, колчаны, сабли, охотничьи ружья, седла, уздечки и упряжь коня. Здесь же отдыхали сыновья и воины.

3. Сол жақ (Левое крыло — западная сторона): Женская половина жилища. Здесь располагалась супружеская кровать, колыбель младенца, кухонная утварь, кожаные бурдюки (саба) с пенящимся кумысом, запасы масла и сушеного курта. Это было царство хозяйки дома (Бәйбіше), куда чужой мужчина не имел права бросать нескромный взор.

В этом строгом разделении не было унижения: правое и левое крылья дополняли друг друга, как день и ночь, как мужское мужество и женская забота, создавая абсолютную гармонию бытия.

В башкирском народном опыте решетчатая войлочная юрта — Тирмә — почиталась не только как кочевой дом, но и как вместилище целительной космической энергии.

Башкиры верили, что сферический свод тирмэ улавливает животворные лучи утреннего солнца и отводит дурной глаз завистников. На летних кочевках (Йәйләү) установка первой юрты у подножия Уральских гор сопровождалась совместным праздником и молением Небу. Старейшины привязывали к куполу разноцветные ленты с благопожеланиями мира, тучности отарам и здоровья детям.

Очаг башкирской юрты также охранялся древнейшими запретами: выносить горящие угли из дома после захода солнца строго возбранялось, дабы вместе с огнем не ушло семейное счастье (Ҡот).

1. Дом — это святыня, а не гостиничный номер. Нельзя превращать жилище в место для вымещения злобы, криков и раздражения. Подобно древнему запрету осквернять шанырак, каждый порог должен быть чист от словесной грязи.

2. Возрождение семейного очага. Совместная трапеза, теплый свет настольной лампы, живая беседа вместо мерцания холодных экранов — вот современный очаг, согревающий детские души и дарующий им чувство защищенности.

3. Уважение к границам и старшим. Принцип почетного места Төр напоминает: в здоровом доме авторитет отца и матери должен быть непререкаем. А священный порог Босаға учит благоговейно ступать по земле, уважая тайну и покой каждого человеческого сердца.

Шанырак над головой, огонь в очаге и чистый белый порог — пока стоят эти три столпа, жив человек и нерушим его священный дом под Вечным Синим Небом.

❖ ❖ ❖

- **Создай из дома модель Вселенной: пусть под куполом твоего шанырака царят согласие, свет и чистота.**
- **Почитай священный очаг (От-Ана): не допускай ссор и брани у огня. Огонь —** сердце дома, хранящее тепло поколений.
- **Переступай порог с миром: помни табу священного порога (Босаға). Входи в дом с чистыми мыслями и правой ноги.**

ГЛАВА

38

БРАЧНЫЙ СОЮЗ

ЧИСТОТА КРОВИ СЕМИ ПРЕДКОВ И СВЯТОСТЬ СЕМЬИ

𐰇𐰺𐰋𐰇·𐰃𐰚𐰋𐰃·𐰋𐰇 𐰆·𐰆𐰆𐰆𐰍𐰆𐰃 𐰓𐰋𐰴·𐰴𐰚𐰍	*«Türgiş qaγanqa qïzïmïn ertürtüm... Uluğ törün ertürtüm... Törküninçe qatun qutï ornadï... Жеті атасын білмеген — жетесіз... Құйрық-бауыр жедің бе — құда болдым дедің бе!..» («Тюргешскому кагану отдал я дочь свою в жены с великим свадебным торжеством... По священному закону Тёрё отчего рода пребывала благодать катун!.. Зять пребудет родичем на сто лет, а сват соединяет роды на тысячу лет! Кто не знает своих семерых предков — тот духовно слеп и безроден... Вкусил священную печень и курдюк — скрепил клятву вечного свойства!..»)* ——— *(Большая надпись в честь Кюль-тегина, VIII в.; Казахские народные заветы; Свадебная формула)*

Вмировоззрении тюркской кочевой цивилизации брачный союз никогда не воспринимался как легкомысленная частная прихоть двух обособленных индивидов или сиюминутная вспышка плотской страсти. Брак осмыслялся как великое космическое и социальное событие — Ел мен елдің қосылуы (Соединение народа с народом).

Через брак двух молодых сердец соединялись не просто двое — соединялись две ветви древа жизни, два родовых кочевья, две

священные памяти предков. В условиях бескрайней и суровой Степи, где вражда родов могла мгновенно вспыхнуть от взаимной обиды или спора за водопой, институт брака служил главным божественным миротворцем.

Пословица степного рыцарства чеканно гласит:

«Күйеу — жүз жылдық, құда — мың жылдық!»

«Зять приходит в дом на век человеческой жизни, но священное свойство сватов связывает роды на тысячи лет!»).

Обидеть свата (Құда) в степи считалось преступлением пред самим Небом. Сват почитался как посланец судьбы, гость от Бога: «Құда — құдайы қонақ». Входя в юрту сватов, люди откладывали боевые луки и сабли: наступало время великого родственного мира, преодолевавшего племенной эгоизм.

Краеугольным камнем брачно-семейного права номадов являлся абсолютный экзогамный запрет — Закон семи поколений («Жеті ата» у казахов, «Ете быуын» у башкир).

По этому священному установлению, восходящему к древнейшим предписаниям Тёрё, категорически запрещались любые брачные союзы между мужчинами и женщинами, имевшими общего предка по отцовской линии до седьмого колена включительно.

Каждый степной отрок с первых сознательных шагов обязан был наизусть знать родовую вертикаль семи отцов.

Человек, не способный без запинки перечислить имена своих семи предков, клеймился в народе презрительным словом Жетесіз — безродный, лишенный корней и памяти. Такому человеку не доверяли общественные дела, за него не отдавали дочерей, ибо тот,

кто не помнит своих корней, не способен нести ответственность перед будущим.

Этот закон был величайшим биологическим и духовным щитом народа. В условиях замкнутых кочевий строгое соблюдение экзогамии на протяжении тысячелетий полностью исключало проявление наследственных уродств, вырождения и слабоумия. Степь порождала могучих батыров с железным здоровьем, острым соколиным зрением и феноменальной памятью именно потому, что кровь народа непрерывно обновлялась горным притоком свежих жизненных сил.

Нарушение закона семи поколений приравнивалось к кровосмешению (Қан араласу) и каралось судом биев с предельной беспощадностью: виновных изгоняли из степи, лишая родового покрова, что в суровых условиях кочевья означало верную духовную и физическую смерть.

Лишь тогда, когда со времени общего предка сменялось семь полных поколений, потомки получали право вновь соединиться брачными узами. Но даже тогда этот шаг не совершался втайне.

Созывался торжественный совет старейшин обоих родов для совершения древнего обряда Сүйек жаңғырту (Обновление кости).

Старейшины резали белую жертвенную кобылицу (Боз бие сою), варили ритуальное мясо и при всем народе тщательно сверяли родословные свитки шежере. Убедившись, что семь колен прошли свой земной круг и кровь остыла до степени чистого свойства, аксакалы торжественно объявляли:

«Сүйек жаңғырды — қан бөлінді!»

«Кость обновилась, кровное родство исчерпано — отныне вы свободны для великого сватовства!»).

После этого старейшины благословляли брак, и бывшие сородичи становились новыми сватами, скрепляя союз пиром.

Вершиной института сватовства являлся дипломатический ритуал Құдалық, сопровождавшийся вкушением сакрального блюда — Құйрық-бауыр (Курдюк и печень).

Когда все условия брачного союза были согласованы, на середину юрты выносилось глубокое деревянное блюдо с тонко нарезанной вареной печенью и нежным курдючным жиром. Пожилая сватья с чашей соленого бульона подходила к каждому свату. Сваты по очереди кормили друг друга курдюком и печенью прямо из рук, а присутствующие хором произносили священное заклинание:

«Құйрық-бауыр жедің бе,»

«Құда болдым дедің бе?!»

«Бауырдай жақын, құйрықтай тәтті болыңдар!»

«(«Вкусил ли ты священную печень и сладкий курдюк?»

«Назвал ли ты себя верным сватом перед Небом?!»

«Будьте же отныне единокровными, как родная печень,»

И пребудьте в согласии, сладком, как степной курдюк!»).

Печень (Бауыр) в тюркской религиозной анатомии мыслилась как средоточие кровного родства и душевной привязанности (не случайно само слово бауыр в казахском языке означает «родной брат»). Вкушая печень вместе, сваты как бы смешивали жизненную энергию родов. С этого мига нарушить договор сватовства считалось несмываемым клятвопреступлением (Ант бұзу), за которое виновную сторону клеймило проклятие духов предков.

Скреплялся союз взаимным одариванием — Киіт кигізу: род жениха пригонял отборный табун калыма (Қалың мал), а род невесты одевал всех сватов в роскошные лисьи шубы, расшитые золотом чапаны и дарил скакунов. Калым не был «покупкой женщины»: он служил возмещением роду матери за утрату дочери и гарантией ее высокого статуса, а в ответ семья невесты снаряжала богатое приданое (Жасау), включавшее в себя полностью обставленную белую юрту, ковры, серебро и утварь, нередко превосходившее по ценности сам калым.

Кульминацией свадьбы в ауле жениха являлся обряд Беташар (Открытие лица невесты).

Молодая невеста прибывала в аул в свадебном головном уборе — высоком, конусообразном Сәукеле, украшенном перьями филина, жемчугом и серебряными подвесками. Лицо ее было целомудренно скрыто под тонким шелковым покрывалом (Жайлауыш).

В центр круга выходил народный певец-акын с домброй. Под торжественные, величавые звуки старинного напева начиналась песнь-наставление:

«Келін келді көріңіз,»

«Көрімдігін беріңіз!..»

«(«Пришла молодая невестка — взгляните на нее оком благословения!»

Одарите ее добрым словом и чистым подарком!..»).

В поэтической форме акын перечислял юной девушке весь нравственный кодекс степной женщины:

Почитать отца и мать мужа, как собственных родителей;

Вставать раньше зари и поддерживать неугасимый огонь в очаге;

Быть щедрой к странникам и не допускать в сердце яда сплетен и зависти;

Хранить верность супругу и воспитывать сыновей батырами, а дочерей — чистыми девами.

При назывании имени каждого уважаемого старца, деда, свекра и свекрови невеста совершала глубокий, благоговейный земной поклон (Сәлем салу). Этим жестом она кланялась не просто живым людям — она приобщалась к священным духам предков (Аруах) нового рода, принимая их заветы как свои собственные. А старейшины в ответ осыпали ее серебряными монетами и сладостями (Шашу) и провозглашали: «Өркенің өссін, шырағым!» («Да расцветет твой род, светоч наш!»).

Затем кончиком домбры или древком камчи акын бережно приподнимал шелковое покрывало и открывал сияющее лицо невесты навстречу солнцу и улыбкам соплеменников. С этой секунды она переставала быть чужачкой — она становилась душой, матерью и берегиней очага.

Брачный союз в степи мыслится не как случайное влечение двух изолированных индивидов, а как соединение двух родов, укрепляющее мир и согласие в народе. Закон семи поколений защищает кровь от вырождения, связывая прошлое, настоящее и будущее в непрерывный живой узел.

«Тот, кто знает семь поколений своих отцов, вмещает в свое сердце заботу о семи народах». Память о корнях хранит человека от малодушия и предательства: зная, чье имя он носит, степняк стремится прожить жизнь так, чтобы не уронить чести своего шанырака и оставить добрую славу своим детям.

❖ ❖ ❖

- **Вступай в брак с чистым сердцем и осознанным долгом: брачный союз —** это соединение двух родов перед Небом ради продолжения жизни.
- **Храни закон чистоты крови семи предков: заботься о том, чтобы твоё потомство было крепким, здоровым и одарённым.**
- **Уважай супруга: муж и жена —** два крыла единой птицы. Без согласия между ними шанырак не устоит.

ГЛАВА

39

СВЯЩЕННЫЙ ДАСТАРХАН

КРУГ СОГЛАСИЯ, ОБРЯД БАС ТАРТУ И БЕЛОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ БАТА

𐰔𐰚𐰃·𐰴𐱅𐰇𐰋𐰇·𐰇𐰇𐰋 𐰴𐰋𐰀·𐰋𐰇𐰋𐰼𐰖𐰇𐰇 𐱅𐰋𐰇𐰇·𐰋𐱅𐰋𐰇	*«Асың барда — ел таны, атың барда — жер таны! Дастарқаннан үлкен ешкім жоқ... Qonaqqa aş bersəŋ, kөŋül yarur; Törge өткән erke Teŋri qutï baγïşlar...» («Покуда есть у тебя пища — созидай дружбу между народами, покуда жив конь — познавай ширь земли! Никого и ничего нет в юрте выше священного дастархана... Почтенному старцу преподноси главу трапезы, а вещему слову внемли всем сердцем!.. Когда от чистого сердца угощаешь путника — озаряется радостью душа; На мужа, воссевшего на почетном месте Тёр, Небо изливает благодать Кут...»)* ——— *(Казахская народная мудрость; Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Заповеди степного дастархана)*

Если в кодексе степного права защита странника освящалась высшим долгом совести пред Богом, то в живом обрядовом круге жизни кочевника сама трапеза за дастарханом разворачивалась как величественное, строжайше выверенное священнодействие. В традиционном мире не было случайных жестов: каждый шаг — от первого топота копыт у аула до преломления хлеба и прощального благословения — нес в себе печать многовековой духовной культуры общения.

Таинство приема гостя начиналось задолго до того, как путник переступал порог юрты.

Едва на горизонте показывался одинокий всадник, степной этикет вступал в силу:

Хозяин никогда не ждал, пока путник сам спешится и станет привязывать своего скакуна;

Младшие джигиты и сыновья аула бегом устремлялись к коновязи (Ат байлайтын желі / Бағана), с почтительным поклоном перехватывали поводья и обеими руками бережно придерживали стремя (Аттан түсіру), помогая утомленному страннику ступить на землю.

Оставить гостя привязывать коня в одиночестве считалось в степи верхом грубости, знаком холодной враждебности или презрения. Снимая ногу со стремени в руках заботливого хозяина, путник чувствовал: с этой секунды он вошел под священный покров мира, его усталость разделена, а безопасность гарантирована честью рода.

Едва гость переступал порог, благоговейно пригнув голову и перешагнув порог с правой ноги, совершался обряд ритуального очищения — Қолға су құю (Омовение рук).

В центр юрты выходил младший отрок или внук хозяина. На правом плече мальчика лежало белоснежное льняное полотенце, а в руках он держал медный или серебряный кумган (Құман) с теплой, прозрачной водой. Поклонившись, отрок трижды тонкой струей лил воду на ладони гостя.

Этот жест был наполнен глубочайшим нравственным смыслом:

1. Вода смывала дорожную пыль, пот и скверну долгого пути;

2. Но главное — она служила уроком смирения и преемственности поколений. Гость, отерев руки полотенцем, раскрывал ладони и от всего сердца благословлял юношу:

«Өркенің өссін, шырағым!»

«Жасың ұзақ болсын, қадамың оң болсын!»

«(«Да расцветет твой род, светоч наш!»

Да продлит Небо твои дни, и пусть всякий шаг твой будет прямым!»).

Ребенок с малых лет впитывал: служение старшим и забота о страннике — это не унижение, а путь к стяжанию драгоценного благословения (Бата).

В центре кочевого пиршества сиял Дастархан — священная скатерть изобилия, расстилаемая на полу поверх драгоценных войлочных ковров (Сырмақ / Текемет).

В традиционном сознании кочевников дастархан почитался как абсолютная святыня:

«Дастарқаннан үлкен ешкім жоқ!»

«Никого и ничего на свете нет выше святого дастархана!»).

Ни один хан, сколь бы грозен и могуществен он ни был, не смел ставить свою спесь выше дастархана. За скатертью все склонялись в единый круг равных.

Наступить ногой на край дастархана или перешагнуть через него считалось неслыханным грехом, оскверняющим хлеб и призывающим нищету на весь шанырак;

Уронить кусок лепешки под ноги — тяжкий проступок: хлеб благоговейно поднимали, прикладывали ко лбу и целовали.

Трапеза начиналась не с обильной жирной пищи, а с белого священного напитка — Кумыса (Қымыз) или айрана. Хозяин юрты лично наполнял деревянную чашу (Тегене / Тостаған), делал первый глоток — подтверждая чистоту помыслов и отсутствие отравы, — и затем обеими руками преподносил чашу почетному гостю на Төр. Прохладный, пенящийся напиток пробуждал силы, прояснял рассудок и настраивал сердца на неспешную, глубокую беседу.

Кульминацией кочевого гостеприимства являлась подача горячего мяса — Ет асу / Бешбармак. Это было не просто поглощение пищи, а сложнейшая знаковая система распределения туши по костям — Мүшелеу.

Кочевая культура знала анатомию жертвенного животного до мельчайшей косточки. Туша барана делилась на строго определенные части (мүше), каждая из которых соответствовала социальному статусу, возрасту и заслугам сидящих за столом:

Бас (Голова барана): Наивысшая почетная часть. Подавалась на отдельном деревянном блюде (Астау) самому уважаемому аксакалу рода или знатному гостю;

Жамбас (Тазовая кость с сочным мясом): Преподносилась самому дорогому свату (Құда) или престарелой матери;

Асықты жілік (Берцовая кость): Вручалась молодому батыру, зятю или родному сыну с пожеланием твердости поступи;

Төс (Грудинка): Отдавалась любимому зятю или дочери, символизируя нежность и сердечную преданность;

Тіл мен құлақ (Язык и уши): Срезались с головы и вручались детям аула — с поучительным наказом: уши — чтобы внимательно

слушать старших, язык — чтобы учиться красноречию и говорить только правду.

Сам обряд разделывания головы — Бас тарту — представлял собой философскую притчу в действии. Седобородый старец, приняв голову барана, не приступал к еде в одиночестве. Он брал острый нож, срезал правое ухо и с благопожеланием отдавал младшему отроку в юрте. Затем срезал тонкие ломтики мяса со лба и щек и собственноручно раздавал всем присутствующим со словами: «Дәм татыңыздар, басымыз аман болсын!» («Вкусите священной трапезы, да пребудет в мире и согласии наш народ!»).

Нарушение порядка подачи костей — подача младшему почетной кости вместо старшего — воспринималось как смертельная обида (Сүйекке таңба басу), способная породить долгую родовую распрю. В этом строгом ритуале каждый человек видел свое законное, признанное народом место в великой цепи жизни.

Степное гостеприимство было диалогом двух благородных сердец. Ответом на щедрость хозяев служил древний обычай Қонаққәде (Творческий дар гостя).

После того как мясо было съедено и подана обжигающая шурпа (Сорпа), наступала тишина. Хозяин дома мягко обращался к гостю:

«Асымызды іштіңіз, енді қонаққәдеңізді беріңіз!»

«Хлеб-соль нашу вы вкусили, теперь одарите нас своим вещим словом!»).

Гость не имел права отмолчаться. Отказ исполнить қонаққәде считался признаком черствости и надменности. Гость брал в руки висевшую на кереге домбру или кобыз, пел старинную песню о подвигах батыров, слагал искусную импровизацию в честь щедрых

хозяев, рассказывал предания о предках или делился новостями дальних степей.

Юрта наполнялась музыкой, смехом и поэзией. Гость платил за пищу не золотом — он платил сокровищами своего духа, мудростью и радостью общения.

Завершалась трапеза великим священным жестом — Ақ бата (Белым благословением).

Все присутствующие поднимали раскрытые ладони на уровень груди. Старейшина произносил мерное, звучащее как музыка благопожелание:

«Дастарқаныңа береке берсін,»

«Басыңа амандық берсін!»

«Өрісің малға толсын,»

«Шаңырағыңнан шаттық кетпесін!»

«(«Да изольется неиссякаемая благодать на твой щедрый дастархан!»

«Да пребудет здравие и мир над твоей головой!»

«Да наполнятся степи твои тучными табунами,»

И да не покинет радость твой священный шанырак!»).

Все проводили ладонями по лицу (Бет сипау), запечатлевая благодать Неба.

Но и на этом прощание не заканчивалось. Женщины аула совершали обряд Сарқыт алу. Оставшиеся от богатого дастархана сладости, вареное мясо, баурсаки и курт бережно заворачивали в платки гостя, чтобы он отвез эту пищу своим детям и домочадцам. Сарқыт почитался как освященная пища: верили, что ребенок,

вкусивший саркыт с богатого пира, вырастет щедрым, удачливым и благословенным.

А если гость был особенно дорог, хозяин выводил из табуна лучшего иноходца и накидывал на плечи странника драгоценный чапан (Ат мінгізіп, шапан жабу). Это был триумф степного великодушия: расставаясь, люди становились кровными братьями.

Степной дастархан — это круг, где стираются социальные различия и побеждается отчуждение. Разделенная пища, глоток белоснежного кумыса из одной чаши и произнесенное от чистого сердца благопожелание бата соединяют людей крепче любых формальных договоров.

Дастархан расстелен, огонь горит, поводья коня путника в надежных руках хозяина. В этом непреходящем обычае воплощено глубинное доверие к бытию: открывая двери шатра навстречу миру, человек обретает мир в собственной душе.

❖ ❖ ❖

• **Собирай близких за круглым дастарханом: круг трапезы —** символ равенства, мира и семейного согласия.

• **Почитай старших при распределении пищи (Бас тарту): отдавай лучшую долю старейшинам в знак благодарности за их труд и мудрость.**

• **Начинай и завершай трапезу благословением (Бата): слово благодарности Небу за хлеб и соль освящает пищу и дарует здравие.**

ГЛАВА

40

СВЯТОСТЬ ТРАПЕЗЫ

БЕЛЫЙ КУМЫС, БЛАГОСЛОВЕННАЯ ПИЩА И ЧИСТОТА ПОМЫСЛОВ

𐰇𐰴𐰍·𐰃𐰚𐰋𐰇·𐰋𐰋𐰃 𐰋𐰍𐰴𐰋𐰇𐰇·𐰍 𐰇𐰴𐰍·𐰋𐰋·𐰴𐰃𐰋𐰇	*«Qïmïz kimniŋ bolsa, at soniŋ; Aq saçïp Teŋrige ötündi erlik... Aq mol bolsïn, el aman bolsïn!.. Аққа тиме, асылды баспа, дәмді аттама!..» («Чей кумыс в юрте — того и резвый скакун в степи; Белым молоком окропив простор, витязь вознес молитву к Небу... Да пребудет изобильной белая пища, да пребудет в здравии народ!.. Покуда есть достаток — твори добро людям, покуда жив конь — познавай ширь земли! Не оскверняй святыню белого молока, не топчи хлеб, не переступай через соль...»)* ———— *(Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Степные заповеди; Казахские обрядовые благопожелания)*

Вдуховном опыте тюркских кочевников пища никогда не низводилась до бездушного утилитарного набора калорий или средства ублажения животного чрева. Пища осмыслялась как священный дар Вечного Неба и Матери-Земли — Тәңір несібесі, зримо воплощающий божественную благодать (Кут).

Среди всех плодов земли наивысшим религиозным статусом обладала категория Белого — Aq / Ақ. В степной речи слово Ақ означало неизмеримо больше, чем просто оптический цвет. Это было имя чистоты совести (Ақ көңіл), незапятнанной чести (Ақ ар),

святого материнского молока (Ананың ақ сүті) и горнего света самого Небесного Творца.

Все молочные продукты кочевого мира объединялись единым трепетным понятием — Ақ (Белая пища). Молоко — это таинство преображения: грубые степные травы, впитавшие солнечные лучи и весенние дожди, пройдя через любящее сердце матери-кобылицы или овцы, превращаются в белоснежный эликсир жизни. Вкушая Ақ, человек приобщался к нетленной созидательной силе живого космоса.

Отношение к молоку требовало строжайшего благоговения. Пролить молоко на землю в степи считалось грехом (Обал). Если же капля случайно падала на кошму, ее не вытирали грязной тряпкой: человек благоговейно касался капли кончиком пальца и прикладывал к челу ребенка со словами: «Ақ төгілмесін, ырыс кетпесін!» («Да не прольется святыня Белого, да не уйдет благодать из нашего шанырака!»).

Вершиной номадической пищевой культуры, напитком богатырей, мудрецов и великих ханов веками являлся Кумыс — Qïmïz / Қымыз / Ҡымыҙ.

Кумыс не был напитком для забвения или пьяного угара. В отличие от тяжелых алкогольных ядов, туманящих человеческий разум и пробуждающих животные инстинкты, натуральный кумыс содержал в себе лишь легкое природное брожение, даруя телу несокрушимую бодрость, а уму — кристальную ясность и поэтическое вдохновение.

В династийных хрониках «Тан шу» сохранилось величественное свидетельство древнетюркского ритуала:

«Перед тем как повести войско в поход на защиту рубежей эля, каган тюрков на рассвете восходит на священный холм лицом к восходящему солнцу. Держа в обеих руках золотую чашу с белым кумысом, он разбрызгивает драгоценную влагу в лазурный зенит во славу Неба-Тенгри и духов предков, испрашивая крепости духа и победы для своих воинов».»

Кумыс был посредником между человеком и Небом. Он нес в себе целебную энергию полыни, ковыля и чабреца, очищая легкие от недугов, разгоняя кровь и исцеляя печаль сердца.

Приготовление настоящего кумыса почиталось в степи не заурядной работой, а священнодействием, требовавшим особого душевного настроя, чистоты рук и строгого соблюдения вековых правил.

Кумыс вынашивали в огромном кожаном бурдюке — Саба (Saba). Сабу не делали наспех: ее сшивали из кожи взрослой лошади, дубили корой степного карагача и таволы, а затем неделями коптили в дыму сухих березовых веток и таволжника, пока кожа не приобретало благородный темно-шоколадный цвет и неповторимый смолистый аромат. Кожа сабы «дышала», поддерживая идеальную температуру для молочнокислого чуда.

Внутрь сабы опускалась массивная деревянная мутовка с крестообразным основанием — Піспек. Сбивание кумыса было непрерывным священным ритмом юрты. Каждый, кто переступал порог жилища — будь то седобородый аксакал, юный всадник или путник, зашедший на огонек, — считал своим долгом подойти к сабе, взять в руки писпек и сделать двадцать, тридцать, сорок мерных ударов.

Глухой, рокочущий звук взбиваемого молока («Күмп-күмп») уподоблялся биению сердца юрты. Тысячи ударов насыщали

напиток кислородом, разбивали жировые шарики в тончайшую шелковую эмульсию, превращая кобылье молоко в искрящийся, шипящий, пенный нектар с миндальным послевкусием. Женщины напевали у сабы обрядовые песни, веря: злое слово или черная зависть могут испортить закваску (Қор), и тогда кумыс потеряет свою целебную силу.

Священный круговорот кочевой жизни праздновал приход кумыса как великое духовное торжество — Қымызмұрындық (Праздник первого кумыса).

Весной, когда степь покрывалась изумрудным ковром трав и рождались первые жеребята, совершалась первая дойка кобыл (Бие байлау). Первый полученный весенний кумыс бережно выдерживали в сабе, и когда он созревал, аулы собирались на праздник.

Аксакалы собирались у юрты старейшего рода. Первая чаша кумыса не выпивалась жадно: старец поднимал ее к небу, кропил несколько капель в сторону восхода солнца, затем окроплял огонь очага и коновязь, призывая благословение Неба:

«Қымыз басы — қыдыр,»

«Ақ мол болсын, уайым жоқ болсын!»

«Төрт түлік түгел ақталсын,»

«Елімізді Тәңір сақтасын!»

«(«Первый кумыс несет благодать святого Кыдыра!»

«Да пребудет изобильным белый достаток, да исчезнет всякая печаль!»

«Да умножатся стада на вольных пастбищах,»

И да сохранит наш народ Всевышнее Небо!»).

После благословения кумыс разливали по деревянным чашам (Тостаған) и пиалам, щедро угощая каждого ребенка, каждого старца и любого безвестного путника, оказавшегося поблизости. Это был праздник абсолютной щедрости, смывавший зимнюю усталость и объединявший народ в единую ликующую семью.

Степная культура тонко различала возраст и характер кумыса, назначая каждому напитку свое предназначение:

Саумал: Свеженадоенное парное кобылье молоко, теплое и сладковатое, едва начавшее брожение. Напиток детей, матерей и немощных старцев, возвращающий дыхание иссохшему телу;

Тай қымыз: Суточный кумыс, мягкий, бархатистый, прекрасно утоляющий жажду в полуденный зной;

Құнан қымыз: Двух- и трехдневный кумыс, набравший силу, играющий на языке искрами степного ветра — напиток празднеств и многолюдных свадеб;

Дөнен қымыз: Выдержанный четырехдневный кумыс с ядреным, терпким вкусом, напиток степных воинов и богатырей перед дальними переходами;

Қара қымыз (Черный кумыс): Особый прозрачный кумыс, получаемый долгой перегонкой и отстаиванием, описанный Рубруком как напиток великих каганов.

Если кумыс был солярным напитком лета, то Құрт (Корот) являлся несокрушимым щитом выживания кочевника в зимние стужи и дальние военные походы.

Приготовление курта — это искусство сохранения белка и минералов на долгие годы. Створоженное овечье или кобылье молоко варили в казанах, прессовали в мешках и скатывали

вручную в белоснежные шарики, высушивая их на ветру под палящим степным солнцем.

Курт, твердый как камень, не портился годами. Он был вечным спутником степного всадника. Отправляясь в поход на тысячи верст, тюркский воин не вез за собой тяжелых обозов с провиантом: к седлу приторачивали кожаный мешочек с куртом. Брошенный в походную флягу с водой шарик курта на полном скаку растворялся от тряски коня, превращаясь в густой, сытный, солоноватый напиток (Көже). Два глотка такого напитка восстанавливали силы воина, насыщали кости кальцием и позволяли сутками не знать усталости.

В годы великих бедствий и джута сушеный курт спасал от голодной смерти целые поколения, оставаясь священным символом стойкости и непреклонной воли кочевого духа.

На просторах Южного Урала башкирский народ довел искусство кумысоделия до непревзойденного лечебного совершенства.

Уникальное разнотравье башкирских кочевий — горная полынь, степной ковыль, чабрец и медуница — придавало башкирскому кумысу неповторимый букет и целебную силу. В XIX веке к башкирским кочевникам на кумыс приезжали великие мыслители и писатели — Лев Толстой, Антон Чехов, Владимир Даль. Они оставляли восторженные свидетельства о том, как простой степной напиток за несколько недель полностью исцелял чахотку, возвращал аппетит и прогонял душевную меланхолию.

Башкирский Ҡорот и по сей день остается душой национального застолья, обязательным спутником горячего бульона (Һурпа), напоминая о вековой мудрости бережного и разумного отношения к дарам природы.

1. Пища — это дар, а не товар. Отношение к хлебу, воде и молоку должно быть исполнено благоговения. Выбрасывание еды в мусорные баки — признак духовного одичания и черствости сердца.

2. Живая энергия чистой природы. Кумыс и курт напоминают о величии натуральных, экологических продуктов, рожденных свободным солнцем и чистой землей без ядохимикатов и насилия над природой.

3. Солидарность Белого. Подобно празднику Қымызмұрындық, достаток обретает подлинный смысл лишь тогда, когда им щедро делятся со слабыми, больными и странниками.

Белый кумыс в чаше, чистый курт на скатерти и благодарность Небу в сердце — таков вечный завет степного долголетия и душевной чистоты.

❖ ❖ ❖

- **Относись к пище как к дару Неба и Земли: белый кумыс и хлеб —** священная плоть природы, добытая нелёгким трудом.
- **Вкушай пищу в чистоте помыслов: не садись за стол с гневом, обидой или завистью. Спокойная трапеза питает душу.**
- **Никогда не выбрасывай хлеб и не оставляй пищу в пренебрежении: щедрость к страннику и бережность к крошке хлеба хранят достаток в доме.**

ГЛАВА

41

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗЕМЛЕ И ВОДАМ

МОЛЕНИЯ У РОДНИКОВ И СВЯЩЕННЫЕ РОЩИ

𐰇𐰼𐰚·𐰚𐰋𐰋 𐰴𐰚𐰀·𐰃𐰚𐰅·𐰚𐰇 𐰚𐰋𐰚𐰆·𐱃𐱅𐱃	*«Bay-terek kökge tegir, tamurï yer tübintə...» «Suvïn arïg tut, kölin bulγama;» «Taγ-taşqa saçï saçïp, yer-suvqa tapun!..» «Бұлақ көрсең — көзін аш, ағаш көрсет — саясын сақта!» «Жер — ана, су — өмір, Тәңір — қамқор!..» «(«Священное Мировое Древо Бай-терек вершиной касается Небес, а корнями уходит в глубины Земли...» «Держи чистыми речные воды, не мути прозрачных озерных истоков;» «Белым молоком окропи горы и скалы, благоговейно поклонись Земле и Воде!..» «Увидишь родник — расчисти его исток, увидишь вековое дерево — сбереги его тень!» «Земля — мать, Вода — жизнь, Небо — вечный Покровитель!..»)»* ——— *(Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Мовсес Каганкатваци, VII в.; Степные поучения)*

Втрадиционном духовном опыте тюркских народов окружающий мир никогда не был бездушным геометрическим пространством, складом минерального сырья или пассивным фоном человеческой истории. Земля и Вода — Ïduq Yêr-Sub — воспринимались как грандиозный, одухотворенный космический

организм, исполненный трепета, невидимого дыхания и сокровенной жизни.

Всякая горная гряда, скалистый утес, прозрачный родник, бьющий из каменной расселины, и одинокий вековой тополь посреди знойного ковыльного моря обладали собственным духовным лицом — невидимым духом-хранителем (Ия / Ээзи / Ҡот). Человек кочевой культуры не шел на природу с топором завоевателя: он вступал в нее с тихой молитвой и снятой шапкой, как путник, переступающий порог храма.

Священный завет степи требовал регулярного обновления духовного мира между родом и вмещающим ландшафтом. Это обновление совершалось через непрерывную цепь календарных и просительных обрядов — жертвоприношение и моление у водных истоков (Тай-элган / Тасаттық), окропление скал парным молоком и кумысом (Шашу / Saçï), а также молитвенное привязывание цветных матерчатых лент (Чалама / Ялама) на ветви священных деревьев — Бай-терек.

Глубочайшая древность тюркского культа деревьев и водных стихий запечатлена в синхронных памятниках раннего средневековья. В VII веке армянский историк Мовсес Каганкатваци в своей «Истории страны Алуанк» оставил потрясающее описание религиозных обрядов кавказских гуннов и савиров — прямых предшественников тюркоязычных кочевников Евразии:

«Они приносят жертвы богу Тангри-хану и особенно благоговейно почитают священные деревья — могучие вековые дубы... Вокруг этих исполинов они натягивают священные шнуры, подвешивают шкуры посвященных жертвенных коней, кланяются лицом на восток и окропляют корни деревьев чистым кумысом,

испрашивая у Неба спасения от грозы и засухи, дарования весенних дождей и мира своим пастбищам».»

Дерево в степной теологии — это не бездушное бревно. Это Бай-терек (Богатое, священное древо) — зримая земная ось мира (Axis Mundi). Своими мощными узловатыми корнями оно уходит в глубины бурой Земли-Матери, питаясь соками подземных рек; его мощный ствол возвышается в Срединном мире человеческих кочевий, а крона шелестит листвой в лазурном зените Вечного Неба.

Срубить священное одинокое дерево в степи или сломать его цветущую ветвь считалось неслыханным святотатством. Верили, что рука, поднявшая топор на священное древо (Әулие ағаш), непременно высохнет, а род дровосека постигнет несчастье. Путники останавливали коней в благодатной тени великана, поили коней из родника у его корней и привязывали к нижним ветвям белые ленты из конского волоса или ситца.

Обряд повязывания священных лент — Чалама (Ялама) — на ветви деревьев и на курганах горных перевалов (Оба / Обо) и поныне жив на Алтае, в Саянах, в казахских урочищах и башкирских урманах.

Этот обряд чист от суеверия: он представляет собой тончайшую молитвенную поэзию кочевого духа:

Лента вырезается из чистой, новой материи, не знавшей грязи;

Белая лента символизирует чистоту помыслов человека, мольбу о мире и здоровье детей;

Синяя лента воплощает верность и поклонение Вечному Синему Небу (Көк Тәңірі);

Зеленая лента означает благодарность Матери-Земле за сочную траву пастбищ и продолжение жизни.

Привязывая ленту к ветви березы или лиственницы, человек не просит богатства или золота. Он шепчет сокровенные слова благодарности за то, что благополучно преодолел опасный горный перевал, что родные живы, а скот сыт. Лента остается трепетать на вольном ветру Неба. И покуда ветер колышет этот лоскут, молитва человека непрерывно возносится к престолу Небесного Создателя.

В аридной зоне Евразии, где несколько знойных недель без капли дождя могли сжечь дотла степные пастбища и обречь миллионы животных на голодную смерть, умение вступить в диалог с грозовыми стихиями Неба почиталось величайшим даром мудрецов.

В словаре Махмуда ал-Кашгари (XI в.) подробно зафиксирован феномен камня дождя — Yada taşï (Яда тасы):

«Яда тасы — священный белый камень, находимый в утробе животных или на дне горных рек. Когда наступает губительная засуха, мудрец-ядачи опускает этот камень в чашу с родниковой водой, читает древние охранительные молитвы и окропляет небо каплями влаги, и тогда собираются тучи, гремит гром и на иссохшую землю нисходит обильный, благодатный ливень».»

Древние авторы от китайских летописцев до персидских историков свидетельствовали об этом даре тюркских шаманов и знахарей. Для степняка в этом не было колдовства: это было глубочайшее знание законов природного резонанса, способность живого человеческого сердца сострадать жажде родной земли и призывать сострадание Небес.

В казахских кочевьях при наступлении жестокой засухи совершался великий общинный обряд вызывания дождя — Тасаттық (Жерге тасаттық беру).

Это было не индивидуальное моление, а общенародное покаяние:

1. Все аулы урочища собирались на высоком холме или у пересохшего русла реки. Люди одевались в скромные одежды, забывая о сословных различиях;

2. В жертву приносился скот темной масти (Қара мал) — символ дождевой тучи. Мясо варилось в огромных общих казанах и съедалось до крошки всеми присутствующими — от знатного бия до бездомного пастуха;

3. Кости жертвенного животного не дробили и не отдавали собакам: их благоговейно и чисто закапывали глубоко в землю у корней трав, дабы жизнь вернулась в лоно Земли-Матери;

4. Затем совершалось таинство симпатической радости: старики, женщины и дети черпали из реки последние остатки воды и начинали весело, с ликующими криками обливать друг друга с головы до ног, восклицая:

«Жаңбыр жау, жаңбыр жау,»

«Көкше теңіз көл болсын,»

«Қара жерге нұр жаусын,»

«Ел-жұртымыз тоқ болсын!»

«(«Пролейся, благодатный дождь, пролейся щедрый ливень!»

«Пусть пересохшие озера наполнятся лазурной волной,»

«Пусть озарится благодатным светом бурая земля,»

И пусть сытым и счастливым пребудет родной народ!»).

Искреннее общее покаяние и радость людей разрывали морок засухи. Старики вспоминали: редко случалось так, чтобы к вечеру после Тасаттыка над степью не поднимался свежий ветер и горизонт не озарялся спасительными зарницами весеннего грома.

На склонах седого Урала культ живой воды и священных урочищ бережно сохранялся в башкирском обрядовом круге.

Каждый род имел свои Изге шишмәләр (Святые родники), бившие у подножия священных гор Торатау, Иремель и Янгантау. У этих источников действовал строжайший неписаный закон: здесь запрещалось громко кричать, сквернословить, стирать белье или ломать тальник. Воду брали с молитвой, оставляя у родника щепоть соли или серебряную монету в знак благодарности владычице вод — Һыу инәһе.

Ранней весной, когда прилетали первые грачи — вестники обновления природы, башкирские женщины и дети выходили на священный берег реки праздновать Ҡарғатуй (Грачиную кашу). На кострах в больших котлах варили обрядовую кашу из ячменя и проса, сдобренную свежим маслом и медом. Первую горячую ложку каши мать бросала в текущую речную волну, вторую — на корни вековой березы, третью — на верхушку скалы для птиц, приговаривая:

«Һыу инәһе, рәхмәт һиңә! Ер инәһе, сәскә ат! Ҡоштар, имен осоғоҙ, илебеҙгә тыныслыҡ килтерегеҙ!»

«Матушка Вода, прими нашу благодарность! Матушка Земля, расцветай травами! Птицы Неба, летайте вольно и принесите мир и покой нашему родному краю!»).

Лишь после этого угощались люди. Человек осознавал себя не владыкой, а заботливым старшим братом речных рыб, степных трав и перелетных птиц.

Обряды почитания Земли и Воды оставляют человеку третьего тысячелетия спасительное напоминание о вечных основаниях жизни:

1. Природа субъектна и одухотворена. Реки, леса и озера — это не просто кубометры древесины и воды для заводов. Это живая плоть планеты, обладающая собственной сакральной ценностью. Тот, кто отравляет ручей химикатами, совершает тяжкое преступление пред Небом.

2. Культура благодарения вместо алчности. Прежде чем взять что-либо у природы — будь то горсть ягод, рыба из озера или глоток воды из родника, — человек обязан внутренне поклониться источнику и сказать спасибо.

3. Сохранение чистоты истоков. Подобно древнему завету «Бұлақ көрсең — көзін аш», долг современного человека — спасать малые реки, сажать деревья и беречь тишину первозданных урочищ.

Земля слышит, Вода помнит, Небо благословляет — таков вечный закон живого космоса, сохраненный в памяти вольной Степи.

❖ ❖ ❖

• Благодари родники и реки: у каждого источника есть свой священный дух-хозяин (Йер-Суб). Приходи к воде с чистыми руками и благоговением.

- **Сажай деревья у истоков: дерево удерживает влагу в почве и дарует тень путнику. Посадить дерево —** святое богоугодное дело.
- **Охраняй священные рощи: природа вокруг тебя —** живой храм. Береги её красоту для своих потомков.

ГЛАВА

42

ОХОТНИЧЬЯ ТРОПА

ПОЧИТАНИЕ ЗВЕРЕЙ, ЗАПРЕТЫ И ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

𐰆𐰃𐰋𐰇𐰴·𐰃𐰃𐰆·𐰇𐰇𐰋𐰋 𐰉𐰇𐰋·𐰠𐰋𐰋·𐰃𐰃𐰃𐰃 𐰇𐰇𐰠𐰇·𐰋𐰋·𐰇𐰇𐰃𐰴	*«Men kök teŋri quşïmen... alqïş berürmen...» «Avqa barïp qut qazγanur erlik;» «Qush qanadï birle, er atï birle...» «Аққуды атпа — киесі атады!» «Мен сені бақтым, сен мені бақтың —» «Енді көктегі өз ұяңа қайт, еркін самға!..» «(«Я — священная синяя птица Небес... восхожу в зенит и дарую благословение витязю;» «Выезжая на охоту, праведный муж стяжает благодать Кут;» «Ибо птица сильна размахом крыльев, а муж — верным конем и честью слова!..» «Не стреляй в священного лебедя — святыня разит виновного смертью!» «Я заботился о тебе, о царственный беркут, ты делился добычей со мной —» «Теперь возвращайся в родное поднебесное гнездо, лети на волю!..»)» «Книга гаданий» Irk Bitig, IX в.; Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Завет степного беркутчи*

Втрадиционной культуре кочевников Евразии охотничий промысел никогда не сводился к заурядному развлечению пресыщенной знати или слепому браконьерскому хищничеству. В представлении степняка дикая природа являлась одухотворенным миром, населенным свободными детьми Вечного Неба и Матери-Земли.

Охота осмыслялась как сакральный поединок чести, в котором человек и зверь встречаются на равных в суровом величии открытого пространства. Охотник шел в горы и степные крепи не с высокомерным сознанием «повелителя», а с чистым сердцем и трепетным осознанием космической меры. Взять жизнь животного разрешалось лишь ради пропитания семьи и защиты стад от голодных хищников.

В древнейшей «Книге гаданий» Irk Bitig (IX в.), донесшей до нас архаические поэтические формулы тюркского духа, охотничья удача напрямую обусловлена нравственной чистотой ловца:

«Men kök teŋri quşïmen... alqïş berürmen...»

«Я — вещая птица Небес... опускаюсь на руку того витязя, в чьем сердце нет коварства и жадности, и дарую ему чистую добычу...»).

Степной охотник знал: если ты выйдешь на промысел с алчным оком, желая набить мешки шкурами ради бахвальства или наживы, — духи тайги и гор (Алтай-ээзи) отвернут свои лики, перевалы скроются в непроглядной метели, тетива лопнет на морозе, а стрела уйдет мимо цели.

Осевым регулятором охотничьей этики выступало священное понятие Кие (Кіуе) — сокровенная духовная энергия неприкосновенности, заложенная Творцом во все живые создания.

Нарушить кие зверя означало навлечь на себя и свое потомство неотвратимую кару Неба — Киесі атады:

Табу на белого лебедя (Аққу): Лебедь почитался как священный тотем девичьей непорочности и верности. Охотник, дерзнувший выстрелить в плавающего на озере лебедя, считался проклятым. В народной памяти веками сохранялись страшные предания о том,

как у стрелявшего в лебедя отсыхали руки, а сыновья умирали во младенчестве;

Табу на матерей и молодняк: Строжайше запрещалось стрелять в маралуху, кормящую теленка, в стельную самку сайгака или беркута, сидящего на яйцах. Охота полностью замирала весной и в первой половине лета, давая миру природы спокойно родить и вскормить новое поколение;

Табу на косулю и белую лань (Ақбөкен): Убийство вожака сайгачьего стада считалось грехом, призывающим засуху и джут. Охотник брал лишь крайних особей, не нарушая целостности стада.

В великом искусстве кочевников Евразии — от скифо-сакских курганов Пазырыка и Иссыка до древнетюркских петроглифов Алтая — господствовал так называемый Сакско-тюркский Звериный стиль.

В этом искусстве зверь никогда не изображался поверженным, униженным или жалким. На золотых пластинах, рукоятях мечей и наскальных плитах летящие олени с ветвистыми рогами-солнцами, могучие снежные барсы, свирепые волки и крылатые хищные птицы предстают равными собеседниками человека. Зверь наделен космической мудростью: он видит сокрытое, слышит поступь судьбы и служит проводником души через перевалы миров.

Особое благоговение окружало Волка — Көк Бөрі. Охотник выходил на волка не из ненависти: волк почитался как строгий «чистильщик степи», истребляющий больных животных и проверяющий стойкость пастухов. Убив волка в честном поединке на скаку, охотник совершал обряд искупления крови: он преклонял колено перед поверженным зверем, вкладывал ему в пасть пучок сухого ковыля и произносил древние покаянные слова:

«Өзіңе өкпеле, маған өкпелеме — ажалың Тәңірден келді!»

«На меня не таи обиды, на себя не держи зла: твой смертный срок начертан волей Небес, а не моей гордыней!»).

Череп волка очищали и вывешивали у входа в загон для овец как могучий оберег от темных сил и поветрий.

В традиционном казахском мировоззрении идеал мужского совершенства воплощался в институте Жеті қазына (Семь сокровищ джигита). В этот священный круг входили:

1. Мужество и благородный разум (Ерлік пен білім);

2. Верная и целомудренная супруга (Ақылды жар);

3. Быстроногий боевой аргамак (Жүйрік ат);

4. Зоркий охотничий беркут (Қыран бүркіт);

5. Чистокровная степная борзая (Құмай тазы);

6. Меткое оружие — лук и клинок (Берен мылтық, өткір қылыш);

7. Острый охотничий нож (Қайрақ пышақ).

Обратите внимание: животные здесь признаются не рабами человека, а его полноправными соратниками и духовными сокровищами.

Степная борзая — Тазы — пользовалась исключительным статусом. Это было единственное четвероногое существо, которому позволялось входить в юрту: в лютые зимние морозы для тазы устилали теплый войлок у самого очага. Тазы не лаяла попусту, обладала благородным взглядом и никогда не прикасалась к нечистотам.

Зимняя охотничья экспедиция — Салбурын — была высшей академией степной жизни.

В ноябре, когда на предгорья ложилась первая пороша, группа опытных охотников, беркутчи и тазышы собиралась в конный поход на несколько недель. В суровых условиях ледяных ветров молодые джигиты под руководством старых мастеров проходили суровую школу:

Учились читать следы барса, лисицы и волка на снегу;

Спали на снегу под открытым небом, согреваясь теплом коней и костра;

Осваивали искусство молчаливого взаимодействия без единого крика, понимая друг друга по знаку руки.

Салбурын исключал эгоизм. В степи действовал священный охотничий закон Қанжыға байлау (Дар с седла): если охотник возвращался в аул с богатой добычей (лисицами, корсаками, волками, косулей) и встречал на пути любого человека — будь то старец, вдова или нищий пастух, — он обязан был отвязать от тороков седла лучшую тушу и подарить встречному. Оставить путника без доли добычи (Сыбаға) считалось позором, смывавшим охотничью удачу навсегда.

Вершиной степной экологической биоэтики являлся феномен Бүркітшілік (Искусство охоты с беркутом).

Беркута не покупали на базаре. Опытный ловец с риском для жизни спускался на веревке по отвесным скалам к орлиному гнезду и забирал одного птенца-слетка, оставляя в гнезде второго и принося духам скалы серебряную жертву.

Птенца воспитывали годами с невероятной нежностью. Беркутчи кормил птицу с рук парным мясом, разговаривал с ней тихим голосом, укладывал спать на специальную подставку (Тұғыр) рядом со своей постелью. Между человеком и хищником

устанавливалась глубочайшая телепатическая связь: беркут узнавал шаги хозяина по хрусту снега и взмывал в небо по первому взмаху кожаной рукавицы (Биялай).

Беркут кормил аул в самые суровые годы: одна сильная птица за зиму добывала десятки лисиц, зайцев и брала матерых волков, спасая табуны от истребления.

Но самое поразительное таинство наступало тогда, когда птице исполнялось десять-двенадцать лет. Беркут достигал расцвета сил и мудрости. В этот миг степной закон требовал совершить подвиг самоотречения.

Беркутчи седлал коня, сажал верную птицу на рукавицу и поднимался на самую высокую, неприступную вершину горного хребта. Там он закалывал белого барана, досыта кормил беркута лучшим мясом, повязывал на его правую лапу белоснежный шелковый лоскут и, глядя в янтарные очи птицы, произносил со слезами на глазах великие прощальные слова:

«Мен сені бақтым — сен мені бақтың!»

«Ауылды асырадың, намысымды қорғадың.»

«Енді маған өкпең жоқ: сенің үйің — мына көк аспан!»

«Өз ұяңа қайт, өз жұбыңды тап, еркін самға!..»

«(«Я заботился о тебе во младенчестве — ты щедро кормил мой аул в зрелости!»

«Ты защищал мою честь и спасал нас от холода.»

«Отныне между нами нет долга: твой истинный дом — это синее Небо!»

Лети к вершинам, найди свою пару и плоди вольных орлят под лазурным куполом Тенгри!..»).

Сняв с головы птицы кожаный клобучок (Томаға), охотник подбрасывал ее высоко вверх навстречу восходящему солнцу. Царственная птица делала широкий прощальный круг над головой человека, клекотом приветствовала своего земного брата и улетала в поднебесную вечность.

В этом жесте степной дух достигал предельного благородства: человек не порабощал живое существо навсегда — он возвращал дар Небу, завершая круг священного доверия.

В лесных кочевьях и отрогах Урала башкирские охотники — Һунарсылар — берегли сходный трепетный кодекс чести.

Охота на священного хозяина тайги — Медведя (Айыу) — была окружена строжайшим ритуалом. Медведь воспринимался как древний сородич человека, обращенный в лесной облик. Убив медведя во время зимней берложной охоты, охотники приносили тушу на родовую поляну, варили мясо в общих котлах, а череп медведя очищали и укрепляли на вековом кедре или лиственнице лицом на восток.

Старейший охотник пел песню-извинение:

«Айыу бабам, үпкәләмә! Беҙ һине үлтермәнек — һине урман хужаһы үҙенә сәкырҙы. Һөйәктәреңде таҙа һәкларбыҙ, рухың беҙҙе ҡурсалаһын!»

«Дедушка Медведь, не держи на нас зла! Не наша гордыня сразила тебя — дух Урала призвал твою душу в горний мир. Мы сохраним твои кости в чистоте, а твой могучий дух да будет защитником наших лесных троп!»).

Степная охота никогда не была бездумным истреблением живого; она являлась строгим поединком, где человек и зверь

признавали равенство перед лицом природы. Культ кие и строгие сезонные запреты напоминали охотнику о святости жизни.

Красноречивее всего этот завет раскрывается в обычае беркутчи: воспитав орла и разделив с ним годы трудов, охотник снимает с его лап путы и отпускает вольную птицу обратно в небо. Умение вовремя разжать руку и вернуть свободу тому, что рождено свободным — высший урок благородства степного духа.

❖ ❖ ❖

- **Соблюдай кодекс охотничьей тропы: никогда не убивай зверя ради забавы или хвастовства. Охота —** это суровая мера пропитания, а не развлечение.
- **Не трогай матку с детёнышами: закон Степи строго запрещает уничтожать жизнь в её истоке. Щади колыбель звериного рода.**
- **Почитай дух дикой природы: помни древний звериный стиль предков —** вглядывайся в повадки беркута, волка и барса, учась у них зоркости, верности стае и бесстрашию.

ГЛАВА

43

ПРАЗДНИКИ СТЕПИ

ВЕСЕННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ НАУРЫЗА И СЕЗОННЫЕ МОЛЕНИЯ

𐰔𐰋𐰃·𐰴𐰇𐰋𐰇·𐰋𐰋𐰃𐰃 𐰴𐰃𐰋·𐰃𐰋𐰃𐰃𐰇𐰋 𐰇𐰋𐰃𐰇·𐰃𐰇𐰋𐰇	*«Көк теңри йілі келді, жер көгарды... Үзе Теңри ярлықады үшін бодун төрүді. Күн мен түн теңелді, жыл басы келді!.. Самарқанның көк тасы еріген күн! Жасың құтты болсын, өткен күнге тәубе, жаңа күнге сәлем!..» По сокровенному соизволению Небес возродился и окреп народ! День и ночь уравнялись на весах Космоса — наступило священное начало года!.. Настал благословенный день, когда тает даже холодный синий гранит Самарканда! Да пребудет благословенным твой новый год жизни: за прошлое возблагодарим, новому дню поклонимся!..»)* ——— *(Махмуд ал-Кашгари, XI в.; Древнетюркская формула равноденствия; Казахское приветствие Көрісу)*

Вмиросозерцании тюркского кочевника время никогда не текло в виде бездушной, прямолинейной стрелы, безвозвратно уносящей человеческую жизнь в холодное небытие. Время мыслилось как вечный, одухотворенный космический круговорот, где всякая точка исхода содержит в себе семя грядущего возрождения.

Жизненный ритм Степи подчинялся безупречным астрономическим часам Вселенной — 12-летнему животному циклу (Мүшел / Мөсәл) и гармоническому союзу Луны и Солнца.

Наблюдая по ночам за движением созвездия Плеяд (Үркер), Полярной звезды (Алтын Қазық) и фазами ночного светила, степные звездочеты-мыслители (Есепші) безошибочно предсказывали смену времен года, приближение ледяных буранов или наступление засухи.

Человеческая жизнь делилась на двенадцатилетние циклы — мүшели. Каждый мүшел знаменовал собой глубокий духовный и телесный рубеж:

В 13 лет (первый мүшел) ребенок прощался с беззаботным детством и признавался отроком;

В 25 лет джигит становился зрелым воином-главой семьи;

В 37 и 49 лет мужчина обретал рассудительность и право судейского слова;

А перешагнув 61 и 73 года, старец признавался седовласым аксакалом рода, чьи молитвы имеют прямое дерзновение к престолу Неба.

Вступая в каждый новый мүшел, кочевник совершал обряд покаяния и благодарения: дарил беднякам своего лучшего коня или одежду, испрашивая у Небесного Создателя милосердия и духовной крепости на новом витке судьбы.

Государственная жизнь древних кочевых империй держалась на торжественных сезонных молениях Вечному Небу (Көк Тәңірі). Это были не тайные жреческие мистерии за глухими стенами храмов, а великие всенародные моления под открытым куполом небес.

Древнейшие хроники «Ши цзи» донесли до нас величественный распорядок священного года хуннских шаньюев (III–II вв. до н. э.):

«В первом месяце весны вожди всех племен собираются в ставке шаньюя для согласования планов перекочевок... В пятом месяце

лета совершается великое всенародное моление в священном урочище Лунчэн: правитель и весь народ приносят в жертву белых коней Небу-Тенгри, Матери-Земле и духам предков, вознося благодарность за сохранение рода... А осенью, когда кони наливаются силой на пастбищах, совершается моление в Дайлине, где подводятся итоги года и возносится хвала Небу за дарованное изобилие».»

Шаньюй, а вслед за ним и тюркские каганы долины Орхона, каждое утро выходили из белого шатра навстречу первым лучам зари и совершали благоговейный поклон восходящему Солнцу, а на закате — нарождающейся Луне. Солнце и Луна почитались как два лучезарных ока Небесного Творца, видящих всякое деяние и помысел человека.

Высшей точкой годового круга, праздником праздников кочевой цивилизации являлся день весеннего равноденствия — Наурыз (Ұлыстың ұлы күні — Великий день Народа).

21–22 марта, когда день сравнивался с ночью на космических весах мироздания, степь праздновала окончательную победу Света над Мраком, Жизни над Смертью, Весны над зимней стужей. Это был день сотворения мира заново.

В казахском народе жила потрясающая метафора благодатного всепрощения:

«Самарқанның көк тасы еріген күн!»

«Настал благословенный день, когда растаял даже холодный синий гранит Самарканда!»).

Если в этот день таял даже несокрушимый могильный камень, то как могло оставаться ожесточенным человеческое сердце?! В Наурыз действовал категорический моральный закон:

Прекращались любые межродовые споры и барымта;

Прощались старые долги и обиды;

Враждующие батыры обязаны были обнять друг друга, вкусить пищу из одного котла и объявить вечный мир;

Ни один человек не имел права входить в новый год с затаенной злобой или завистью в груди.

В западных областях кочевого мира — в песках Мангышлака, долинах Урала и Эмбы — приход весны начинался еще раньше, 14 марта, праздником Амал и обрядом Көрісу (Священное рукопожатие и объятие).

Зима в степи была временем смертельной опасности, когда бураны и джут грозили голодом и гибелью кочевьям, отрезанным друг от друга сотнями верст снежной пустыни. И когда с юга наконец веял первый теплый ветер, люди выходили из зимовок навстречу друг другу.

Обряд Көрісу совершался трепетно:

Младшие шли в дома старших, обхватывали руки аксакалов обеими ладонями, прижимались грудью к груди и с радостными слезами восклицали:

«Жасың құтты болсын! Бір жасыңмен!»

«Да пребудет благословенным твой новый год жизни! С благополучным преодолением зимы!»).

Это было объятие спасшихся. Человек благодарил Небо за то, что родные живы, что очаг не угас и народ вновь видит зеленеющую степь. Невестки кланялись свекрам, старики благословляли младенцев, и в юртах накрывались щедрые дастарханы.

Главным обрядовым блюдом весеннего обновления являлся Наурыз-көже.

Приготовление этого блюда было священным кулинарным богословием. По непреложному канону Наурыз-көже варился строго из семи ингредиентов:

1. Вода — символ текущей реки жизни и чистоты;

2. Мясо (соғым) — символ силы, сытости и воинского мужества;

3. Соль — символ вкуса бытия и нерушимости клятвы;

4. Масло / жир — символ достатка, тепла и благодати очага;

5. Мука / пшеница — символ земного плодородия и святого хлеба;

6. Злаки (ячмень, просо или рис) — символ обильного весеннего семени и всходов;

7. Молоко / айран — священная белизна совести, мир и покровительство Неба.

Семь начал символизировали союз Семи предков (Жеті ата), семи дней творения и семи созвездий купола. Каждая хозяйка стремилась сварить Наурыз-көже в огромном казане и накормить им весь аул. Считалось священным долгом отведать наурыз-көже в семи разных юртах и пригласить к своему котлу не менее семи гостей: тогда на весь год шанырак будет осенен изобилием (Береке).

В суровых таежных просторах Сибири народ саха (якуты) бережно сохранил в первозданной чистоте древнетюркский солярный праздник летнего солнцестояния — Ысыах.

В июне, когда над бескрайней тайгой устанавливался благодатный день и расцветала короткая северная весна, тысячи

людей в расшитых шелком белых одеждах собирались в священной долине Туймаада.

В центре поляны воздвигалось ритуальное древо — Сэргэ. Белый старец-алгысчыт (Айыы-ойууна) в белоснежной шапке с перьями, в окружении непорочных юношей и девушек, поднимал к ослепительному солнечному диску резной деревянный кубок — Чорон, до краев наполненный священным кобыльим кумысом.

Звучал величавый древний гимн-алгыс:

«О, Юрюнг Айыы Тойон! Владыка Небесного Света!»

«Взгляни на детей своих ласковым лучом!»

«Согрей мерзлую землю, ниспошли на травы благодатный дождь,»

Даруй силу нашим табунам и очисти сердца от скверны!».

Старец медленно окроплял кумысом священный огонь очага, молодую траву и корни берез. После чего тысячи людей брались за руки и вставали в гигантский, хороводный солярный танец — Осуохай. Танцующие двигались по ходу солнца часами, сливаясь в единый поющий, ликующий круг, славящий победу Света над тьмой полярной ночи.

В Башкортостане этот круговорот завершался праздниками Ҡарғатуй, Һабантуй и торжественными молениями на вершинах гор — Теләк.

Старейшины родов в праздничных белых колпаках и суконных чекменах поднимались на вершины древних шиханов — Торатау и Юрактау. Обратившись лицом на восток, они простирали руки к небу и возносили молитву Творцу — Оло Тәңре:

«Оло Тәңре, рәхмәт һиңә биргән яҙың өсөн!»

«Илебеҙгә именлек бир, игендәребеҙгә уңыш бир,»

«Һыуҙарыбыҙ ҡоромаһын, балаларыбыҙ бәхетле булһын!»

«(«О Всевышнее Небо, благодарим Тебя за дарованную весну!»

«Ниспошли мир нашей родине, изобильный урожай нашим пашням,»

Пусть не иссякнут чистые реки, и пусть счастливыми растут наши дети!»).

Затем народ спускался в долину, где на полянах начинался Сабантуй: батыры состязались в национальной борьбе курэш, лихие джигиты скакали на тулпарах, а сэсэны играли на тростниковом курае, славя вечный союз Человека, Земли и Неба.

Календарные праздники Степи — весенний Наурыз, летний Ысыах и Сабантуй — знаменуют вечный круговорот обновления бытия. День сравнивается с ночью, лед тает, и земля согревается ласковым дыханием солнца.

Обряд Көрісу — взаимное объятие после долгой зимы и взаимное прощение всех обид — напоминает: жизнь человека слишком драгоценна, чтобы тратить ее на вражду и уныние. Вставая в праздничный круг торжества, люди славят вечный союз Человека, Земли и Неба, подтверждая свою готовность идти по пути добра и согласия.

❖ ❖ ❖

• Празднуй Наурыз как великое воскресение природы: в день весеннего равноденствия прощай старые обиды, обнимай соседей и расчищай ручьи.

- **Вари праздничную ритуальную пищу (Наурыз-көже): соединение семи начал в общем котле напоминает о единстве всего сущего.**
- **Открывай сердце обновлению: с приходом весны очищай свой дом, мысли и дела, начиная новый круг жизни со светлой надеждой.**

ГЛАВА

44

ПРОВОДЫ ДУШИ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД, ПЛАЧ ЖОКТАУ И ПОМИНАЛЬНАЯ ТРИЗНА

Вмиросозерцании степи смерть никогда не мыслилась как абсолютное небытие или катастрофический разрыв бытия. Она предстает великим и строгим таинством перехода (көшу) — снятием телесной оболочки (ет пен сүйек) и освобождением бессмертного духовного начала. Когда иссякает жизненное дыхание (тын), дарованное предвечным Небом в миг зачатия, плоть возвращается матери-земле, а освобожденный дух обретает новое бытийное достоинство, становясь духом предка — аруаком. В этой точке зазора между видимым и сокровенным мирами рождается погребальный чин — не просто ритуал скорби, но священное действо проводов, призванное утвердить правильный путь души в небесный чертог и оградить живых от хаоса распада.

Смерть великого мужа или воина переживалась родом как космическое потрясение. Нарушался привычный строй мироздания, и задачей поминального обряда было восстановление священного лада (төр). Рунические памятники Орхона и Енисея донесли до нас глубочайшую формулу этого метафизического перехода: умерший каган или батыр не «погиб» — он «улетел соколом», «вознесся к Тенгри» (Тәңіріге ұшты). Образ птицы, отрывающейся от земной тверди и устремляющейся в лазурную бездну Неба,

свидетельствует о нерушимой вере в восхождение духа. Земная юрта сменяется небесным кочевьем, а временная стоянка человека — вечным пребыванием среди первопредков.

Погребальный обряд древних тюрков — йог (йоғ) — являлся грандиозным сакральным действом, в котором соединялись плач плоти и ликование духа, кровавое жертвоприношение и искупительная жертва, торжество памяти и победа над забвением. Обряд погребения не хоронил память; он переплавлял смертную тоску в вечный завет чести.

Древнетюркский йог разворачивался как строго канонизированное мистериальное действо. Тело почившего вождя или воина полагалось в белой погребальной юрте. Перед лицом ушедшего родичи и прибывшие из дальних пределов послы соседних народов совершали обряд кругового объезда юрты. В летописях запечатлен этот древний канон: всадники на отборных конях семикратно объезжали поминальный шатер, оглашая степь пронзительными погребальными кличами.

С каждым кругом скорбь достигала наивысшего метафизического накала: провожающие рассекали свои лица ножами, смешивая горячую кровь со слезами (saçïn yardï, qanïn aqtï — «расцарапал косы, пролил кровь»). Это не было проявлением дикого отчаяния; кровопролитие носило глубокий искупительный смысл. Жизнь, заключенная в крови, приносилась в дар ушедшему, свидетельствуя о кровном сопричастии родовой общины судьбе умершего. Слезы омывали земные прегрешения, а кровь живых скрепляла союз верности между земным родом и новорожденным аруаком.

На стеле Кюль-тегина высечены бессмертные слова, передающие космический масштаб этого действа:

«С востока, от восхода солнца, пришли плакальщики и совершители тризны: народ Бёкли, табгачи, тибетцы, авары, римляне, кыргызы, уч-курыканы, отуз-татары, кытай и татабы — столько народов пришло плакать и сокрушаться. Столь славным каганом был он!».»

Весь известный мир собирался к смертному ложу тюркского вождя, ибо уход кагана колебал самые устои Вселенной. Погребальные плачи (йогчы) вели повествование о доблести, мужестве и щедрости ушедшего. В плаче не допускалась малодушная жалоба; в нем звенела суровая благодарность Небу за дарованное время величия.

В духовной культуре тюркских народов древний погребальный плач переплавился в высокий жанр жоқтау (йоқтау / кошок) — поэтической и философской элегии, исполняемой женщинами рода. Жоқтау — это не просто выражение женской тоски, это вещий голос самого бытия, подводящий итог земному пути человека перед лицом вечности.

Женщины — хранительницы очага и врат жизни — встречали приходящую в мир душу тихой колыбельной, и они же провожали отходящий дух пророческим словом жоқтау. В этих элегиях умерший батыр уподоблялся могучему тополю, защищавшему род от бурь, крылатому кречету, взмывшему в заоблачную высь, или золотому остову шатра, на котором держалось благоденствие народа.

Жоқтау строго фиксировал жизненные деяния: раздал ли человек свой скот нуждающимся, сберег ли честь знамени, оставил ли после себя достойное семя. Если плакальщица не находила в жизни умершего высоких подвигов, ее песнь оставалась сдержанной и краткой, ибо перед лицом Неба ложь считалась

тягчайшим осквернением обряда. Жоқтау становился судом чести, предшествующим суду вечности.

С момента смерти и до истечения полного годового круга над поминальной юртой водружался траурный знак — қара тігу (траурное копье с полотнищем). Черный флаг возвещал о кончине мужа в расцвете сил, красный — о гибели молодого батыра, белый — о завершении благословенных дней старца. Этот стяг служил священным маяком для любого путника: подъезжая к аулу, всадник обязан был спешиться и войти в юрту со словом соболезнования (көңіл айту), напоминая живым, что смертная доля едина для всех рожденных под Вечным Синим Небом.

Особое, священное место в тюркской танатологии занимал конь — верный побратим кочевника, соратник в битвах и проводник в просторах степи. Вера в то, что связь между батыром и его боевым аргамаком простирается за грань физической смерти, породила обряд посвящения траурного коня — тұл ат (тұлға шығару).

В день кончины хозяина его любимого коня подвергали особому ритуалу: ему остригали гриву и хвост (жалын күзеу, құйрығын шорт кесу), снимали богатое боевое седло и накрывали черной попоной. На этого коня строжайше возбранялось садиться кому бы то ни было; он освобождался от всякого ярма и тяжести. Конь превращался в живое вместилище скорби и сакрального присутствия хозяина. В течение целого года тұл ат следовал за кочевьем позади поминальной юрты, словно незримый батыр продолжал вести его в поводу.

В глубокой древности, как свидетельствуют курганные раскопки Пазырыка, Береля и летописные описания Ибн Фадлана, конь приносился в жертву в день погребения и полагался в могилу рядом с воином — взнузданный и оседланный, готовый к мгновенному

броску через небесные хребты. В позднейшей традиции жертвоприношение тұл aification откладывалось до завершающего дня траура — великой годичной тризны (ас). В этот день конь приносился в жертву, его мясо вкушали соплеменники на священной трапезе, а череп водружался на могильный холм, устремленный мордой на восток — навстречу восходящему солнцу Тенгри.

Конь не уничтожался; его плоть насыщала род, а его незримая духовная сущность отпускалась в небесные пастбища, дабы воссоединиться с хозяином в вечном дозоре.

Кульминацией и завершением годового траурного круга являлся ас — великий поминальный пир, собиравший тысячи людей из сопредельных родов и племен. В этом обряде с предельной ясностью раскрывается степная диалектика бытия: скорбь не должна быть вечной, мрак утраты должен уступить место ликованию обновленной жизни.

Ас устраивался ровно через год после кончины. Это было время, когда душа окончательно завершала свое странствие и занимала положенное ей место в сонме почитаемых аруаков. С юрты снималось траурное полотнище, ломалось поминальное копье — время плача исчерпывалось. Начиналось великое празднество памяти.

Сердцем аса были богатырские состязания: борьба силачей (күрес), состязания певцов-импровизаторов и, прежде всего, грандиозная скачка на дальние дистанции — аламан бәйге. Десятки и сотни отборных скакунов пускались в степь на расстояние многих десятков верст. Яростный топот копыт сотрясал землю, вздымая клубы золотой пыли к самому зениту Неба. Победители бәйге

получали несметные дары — табуны коней, слитки серебра, драгоценные доспехи, розданные родичами усопшего.

В этих состязаниях не было мирского тщеславия. Раздача богатства ушедшего до последнего верблюда являлась актом священного очищения и дарения роду: благодать (құт), накопленная умершим при жизни, не закапывалась в землю, но возвращалась народу, оплодотворяя его жизненную силу. А стремительный бег коней на бәйге символизировал непрерывный бег времени, неодолимую витальную силу жизни, побеждающей смерть. Предки радовались с небес, видя, что их потомки сильны, быстры и бесстрашны.

Погребальный чин и тризна достигали своей сокровенной цели, когда ушедший соплеменник переставал быть объектом личной скорби и претворялся в надличностную силу — аруака.

Аруак — это очищенный огнем и временем дух предка, ставший покровителем и щитом своего рода. К аруакам обращались в час смертельной опасности, их именами клялись, их незримое дыхание призывали перед решающими битвами. Но благоволение предков не давалось даром: оно требовало от живых безупречной верности законам совести (ар), правды и родового долга.

Так древнетюркский погребальный строй замыкал великое колесо бытия. Смерть оказывалась не тупиком, а преддверием сакрального преображения. Пройдя сквозь огонь очищения, слезы и кровь йога, через пророческое слово жоқтау и жертвенную силу верного коня, смертный человек обретал бессмертие в памяти степи и в благословении Вечного Синего Неба.

❖ ❖ ❖

- **Проводи душу усопшего с достоинством и светлой печалью: погребальный обряд —** это священное таинство перехода души в иной мир.
- **Вспомни все добрые дела ушедшего: пусть в поминальном плаче (Жоқтау) звучит благодарность за честно прожитый век и подвиги батыра.**
- **Помни: душа улетает птицей к Небу (uça bardï), а её след остаётся в делах детей и памяти народа.**

ГЛАВА

45

ПОКОЙ ПРЕДКОВ

КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ, МАЗАРЫ И ПАМЯТЬ ВЕЧНОСТИ

Для человека степной традиции родовое кладбище — қорым — никогда не было просто местом истления бренной плоти. Некрополь кочевников являлся средоточием высшей сакральной географии, нерушимым якорем родового бытия и видимым свидетельством договора между народом и предвечным Небом. В непрерывном движении кочевых путей, где юрты снимались с рассветом, а следы копыт уносил ветер, лишь некрополи отцов оставались вечными и неподвижными. Они обозначали землю отцов — Атамекен, скрепляя право рода на пастбища и водопои не временными человеческими грамотами, но костями семи поколений предков, лежащими в недрах матери-земли (Жер-Су).

Родовые корымы всегда возводились на возвышенностях: на гребнях холмов, на высоких обрывистых ярах степных рек, на плато Устюрта и отрогах Сарыарки. Мертвые продолжали нести свой дозор на высотах, встречая первые лучи восходящего солнца. Погребальные сооружения ориентировались строго на восток — к истоку света, к вечной обители Тенгри. Некрополь виделся степняку как священный город безмолвия, где земная суета затихает перед лицом вечности.

В пространстве корыма действовал строжайший религиозный запрет (кие, тыйым). Здесь возбранялось повышать голос, бежать, рубить деревья, косить траву или пасти скот. Осквернить могилу предка считалось тягчайшим святотатством, навлекавшим родовое проклятие и объявлявшим смертную войну всему роду. Проезжавший мимо корыма путник, даже спешащий с вестью о войне, обязан был осадить коня, спешиться у каменной ограды и склонить голову в благоговейной молитве (зиярат), призывая милость аруаков и поминая бренность земного пути.

Стремление запечатлеть бытие человека в вечности породило древнейшую тюркскую традицию мемориального камня — бенгю таш (вечный камень). Человеческая плоть слаба и недолговечна, язык увядает со смертью носителя, но гранит, высеченный по велению верного сердца, способен противостоять векам под открытым Небом.

На берегах Орхона и Селенги правители Второго Тюркского каганата оставили монументальные храмовые комплексы, ставшие духовным манифестом степной цивилизации. На стеле Кюль-тегина выбиты царственные слова:

ᚸᛕᚿᛚᛕ·ᚾᚱ·ᛦᛊᛋᚱ ᚸᚷᛚᛕᛚᚱ·ᛇᚹᛇᛟ ᛋᛚᛉᛚᚱ·ᛏᛚᛉᛚᛊ	*«Я поставил вечный камень... Смотрите на этот памятник, поучайтесь ему! Пока стоит Небо и Земля, пусть звучит это слово!».*

Перед поминальными храмами простирались длинные цепочки каменных изваяний — балбалов. В народном сознании и сакральной практике балбал воплощал идею космического возмездия и духовного примирения. Вражеский вождь или богатырь, поверженный в честном бою, устанавливался перед

могилой победителя в виде камня. Это не было актом слепой мести; побежденный враг посвящался духу батыра, становясь его вечным слугой и стражем в небесном чертоге. Камень снимал земную вражду, переводя поединок в план высшей справедливости: батыры, сражавшиеся на земле, соединялись в загробном мире в едином священном строю.

В Енисейских степях каждый воин стремился оставить по себе надгробный камень, где в кратких и щемящих душу строках звучала печаль прощания с миром:

«Мужское имя мое — Иркеш... Своим элем, своими конями я не насытился... Вечный камень я воздвиг, дабы помнили потомки!».»

Камень принимал на себя имя человека (ат), спасая его от погибельного забвения.

С веками, когда степной мир вобрал в себя монументальный размах великих кочевых империй Дешт-и Кипчака и Золотой Орды, мемориальное зодчество обрело новую грандиозную форму — портально-купольные мавзолеи (кешене, күмбез).

В безбрежных просторах Сарыарки, близ Улытау — священного сердца степи, — высятся древние кирпичные кешене Джучи-хана и Алаша-хана. Сложенные из обожженного кирпича, замешанного на кумысе и овечьем молоке для несокрушимой крепости, эти купола устремлены ввысь, вторя форме небесного свода. Купол мавзолея — это повторение небесного шатра над покоем земного владыки. Внутри мавзолея царит полумрак и прохлада, рассекаемая единственным лучом света, падающим сквозь купольное окно.

Мавзолеи великих правителей и духовных наставников воздвигались как центры сакрального притяжения целых народов. К ним стекались паломники в поисках благословения, исцеления и

душевного мира. Мавзолей становился вратами, через которые живые вступали в общение с сонмом аруаков. Сюда приходили ханы перед восшествием на престол, здесь давали клятвы верности полководцы. Смерть хана в кешене не уничтожала его власть; она делала ее метафизической, превращая ушедшего правителя в вечного покровителя державы.

Вершиной народной мемориальной пластики и подлинной философией в камне стали некрополи Мангышлака и Устюрта — Шопан-ата, Караман-ата, Сисем-ата, где сотни резных стел-кулпытасов образуют фантастические каменные города.

Кулпытас — от древних понятий «затвор, печать» и «камень» — это монументальная каменная стела из белого ракушечника или песчаника, водруженная в изголовье усопшего. Рядом с ним возводились саганатамы — прямоугольные мавзолеи без кровли, открытые прямо в бесконечную синеву Тенгри. В этой открытости небу заключена глубочайшая мысль: душа умершего не должна быть заперта под тяжелым потолком, она жаждет прямого созерцания Неба, чьим дыханием она была порождена.

Кулпытасы Мангышлака — это каменные книги кочевья. На их гранях безвестные степные мастера высекали тончайшие растительные и космологические узоры. В центре композиции неизменно сиял солярный круг или вихревая розетка — знак вечного круговорота бытия. Из него произрастало мировое древо, увенчанное спиралями бараньих рогов (қошқар мүйіз) — символом благодати, жизненного изобилия и жертвенной чистоты.

Надгробие батыра украшалось рельефным изображением его боевого оружия: кривой сабли в ножнах, копья с бунчуком, кремневого ружья, щита и верного коня. Это не было бахвальством воинской силой; оружие на камне свидетельствовало о том, что

человек с честью исполнил свой мужской долг защиты рода и предстал перед Вечным Небом незапятнанным.

Каждый кулпытас нес на себе родовую тамгу (таңба) и шежере — родословную усопшего до седьмого колена. По этим тамгам путник читал историю степи: тамга в виде стрелы, гребня, круга или дуги безошибочно возвещала, чей сын и какого рода богатырь нашел здесь вечный приют. Кулпытас соединял преходящую личность с бессмертной цепью поколений.

В горах и долинах Южного Урала башкирская традиция охранения кладбищ развивалась в неразрывной связи с культом родовых земель и священных могил праведников — Аулия ҡәбере.

На старинных башкирских кладбищах над могилами устанавливались каменные плиты из уральского сланца или песчаника (ҡәбер ташы). На этих камнях, обдуваемых горными ветрами, бережно выбивалась родовая тамга (ырыу тамғаһы). В башкирском обычном праве могильный камень с тамгой являлся неоспоримым межевым свидетельством вотчинного права на землю. Никакой чужак не мог претендовать на долину или урочище, если там стояли замшелые плиты с тамгами башкирских родов Бурзян, Тамьян или Кипчак. Память о мертвых защищала жизнь и свободу живых.

Особым благоговением окружались захоронения святых старцев и батыров на вершинах священных гор — Ауштау, Нараттау, Иремеле. Подъем на гору к могиле праведника воспринимался как очистительное восхождение. Человек оставлял у подножия горы суетные помыслы, поднимаясь к чистому воздуху вершин, где соприкасались земля и небо. У могилы Аулия совершались тихие молитвы, испрашивалось душевное умиротворение и благословение потомству. Камни вокруг таких могил считались

священными; от них нельзя было отколоть даже малейшей крупицы, ибо они впитали в себя благодать векового моления.

Мемориальная культура тюркской традиции утверждает непреложную истину: народ жив до тех пор, пока он помнит имена своих ушедших и хранит их покой.

Родовые кладбища — это не памятники скорби и безысходности, но твердыни духа. Они учат человека главному этическому закону степи: всякая земная слава, богатство и чины рассеются, словно утренний туман над ковылем, и пред лицом Вечного Неба останется лишь то, что высечено на камне твоей совести — доброе имя (Edgü at) и благословение благодарных потомков.

Пока на просторах Евразии стоят древние стелы Орхона, пока белеют купола Сарыарки и охраняют покой степи резные кулпытасы Мангышлака, не прервется связь времен. Аруаки предков незримо бодрствуют над своими курганами, благословляя тех, кто идет по их стопам в чистоте сердца и верности родной земле.

❖ ❖ ❖

- **Охраняй покой предков: каменные курганы, стелы и мазары —** священные границы вечности. Проходи мимо могил с благоговейным молчанием.
- **Поддерживай родовые захоронения в чистоте: поправь упавший камень, убери сорняки, вознеси тихую молитву о покое их душ.**
- **Черпай силу в тишине кладбищ: созерцание вечного покоя отцов исцеляет от суеты, напоминая о подлинных ценностях земного бытия.**

ГЛАВА

46

СЛОВО МУДРЕЦА

СУД БИЕВ, СИЛА ПРИМИРЕНИЯ И ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ

Венчающим актом обрядового строя тюркской традиции предстает ритуал разрешения тяжб и священное таинство примирения. Если насилие и слепая месть низвергают человеческое сообщество в пучину хаоса, то справедливый суд восстанавливает нарушенный космический строй — Тёрё. Для степняка суд никогда не являлся карательным застенком или механическим состязанием корыстных интересов. Судебный процесс мыслился как священнодействие, в котором перед лицом Неба и народа испытывалась человеческая совесть (ар) и торжествовала изначальная правда (көнілік).

Древнетюркские памятники запечатлели коренное понятие степной юрисдикции — яргу (yarγu), означавшее как тщательное испытание истины, так и очищение от вины. Мудрый правитель или судья — яргучи — не придумывал законов от своего произвола; он лишь следовал предустановленному предками божественному праву. В бессмертных строках «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни правитель Кюнтогды предстает олицетворением непреклонного закона:

«Справедливый Закон рассудил правитель прямым путем;»

«Без твердых стоп справедливости не сиять свету в стране!»

«Если предстанет перед тобой тяжба двух враждующих сторон —»

Рассуди их благородным словом правды и восстанови справедливость!».

Справедливость в степи понималась пространственно и зримо — как прямота пути. Всякое криводушие и ложь нарушали гармонию Вселенной, навлекая засуху, мор и поражение в войнах. Поэтому степной суд был открыт открытому куполу Неба: он вершился на священных курганах или возвышенностях, где каждое слово судьи звучало перед лицом вечности.

Институт суда биев (билер соты) в казахской степи и народные сходы йыйын у башкир явили миру непревзойденный образец правосудия, основанного на силе живого слова, кристальной чести и авторитете мудрости. Бием невозможно было стать по наследству или по царскому указу; звание бия даровалось самим народом тому, чье сердце было безупречно честным, а ум проницательным.

Процессуальный ритуал суда отличался строгим символизмом. Суд происходил посреди степи в присутствии сотен свидетелей. Бий восседал на белом войлоке или ковре, обнажал голову и втыкал перед собой в землю посох или обнаженную саблю. Этот жест нес глубочайший смысл: клинок напоминал, что правосудие прямо и остро, как сталь, и тот, кто искривит закон ради корысти или родства, падет от собственного оружия.

Тяжба открывалась древним ритуалом — қамшы тастау (бросанием плетей). Представители спорящих родов спешивались и бросали свои боевые плети перед бием. Брошенная плеть означала добровольное подчинение авторитету судьи и священное перемирие: с этой секунды строжайше возбранялось браться за

оружие. Нарушитель этого запрета объявлялся вне закона и подвергался изгнанию.

Затем начиналось ораторское состязание — сөз сайысы. В степи не существовало тайных канцелярий и сухих казенных бумаг; аргументы сторон отливались в чеканные формы высокой поэзии и иносказаний. Истец и ответчик произносили речи размеренным речитативом (толғау), взывая к заветам предков, древним прецедентам и народной совести. Слово обнажало тайные пружины поступков, срывало маски лицемерия и обнажало правду. Пословица гласила: «Бас кеспек болса да, тіл кеспек жоқ» («Можно отсечь голову, но нельзя заставить умолкнуть правдивое слово»).

Главным отличием тюркского степного суда от законов оседлых деспотий было полное отрицание смертной казни для соплеменников и тюремного заключения. Кочевая цивилизация, дорожившая каждой человеческой жизнью под синим небом, видела цель суда не в умерщвлении виновного, а в исцелении общественной ткани и возмещении причиненного вреда.

Если совершалось убийство или тяжелое увечье, вступал в силу закон искупительной компенсации — құн. За жизнь свободного батыра виновный род обязан был выплатить огромную виру скотом: тысячу овец или сто отборных лошадей. Этот колоссальный штраф ложился на плечи всей родовой общины преступника. В этом проявлялась глубокая философия круговой родовой ответственности: род, не воспитавший своего сына в благородстве и чести, расплачивался своим благосостоянием. Это делало каждого сородича кровно заинтересованным в обуздании насилия и бесчинства.

Выплата куна не унижала виновного рабством; она возвращала семье погибшего средства к существованию и восстанавливала

поруганную честь. При мелких тяжбах и кражах назначался штраф ат-тон — конь и почетный чапан, что символизировало возвращение достоинства потерпевшему. Материальный дар снимал яд обиды, превращая потенциальную кровавую вражду в акт искупления.

Кульминацией степного суда становился обряд примирения — бітім, превосходящий по своей метафизической глубине обычное судебное мировое соглашение.

Когда приговор был вынесен и принят обеими сторонами, наступало время священнодействия. В центр круга выводился жертвенный белоголовый баран — ақсарбас. Животное приносилось в благодарственную жертву Небу и духам предков. Его кровь окропляла землю, смывая следы греха и раздора, а сваренное мясо делилось между недавними смертельными врагами в общей трапезе согласия.

Затем главы враждовавших родов выходили на середину поля. В руках одного из них находилась боевая стрела. В абсолютном безмолвии степи старейшины брались за концы древка и перед лицом народа переламывали стрелу надвое — жебе сындыру. Звук сломанного дерева возвещал о конце войны. Сломанная стрела означала: оружие умерло, путь смерти прегражден, а тот, кто дерзнет вновь обнажить меч против брата, будет сам сломан Небом, как это сухое древко.

Завершался обряд ритуальным рукопожатием обеими руками — қол алысу — и вознесением ладоней к Небу для благословения (бата). Бий произносил великие слова мира:

«Если сородичи враждуют — они потеряют то, что держат в руках;»

«Если сородичи объединятся — вернут даже утраченное на чужбине!»

Да будет мир среди юрт, да пребудет благодать в кочевьях!».

В предгорьях и лесах Южного Урала башкирская традиция народного разрешения споров веками воплощалась в институте волостных сходов — Йыйын.

Когда между башкирскими волостями или родами возникала тяжба о межах бортных ухожьев, пастбищах или охотничьих урочищах, собирался совет двенадцати мудрейших аксакалов (ун ике аҡһаҡал). Сход открывался общей молитвой и клятвой на священном железе: стороны целовали лезвие родового ножа, призывая Небо в свидетели своей искренности.

Разбор дела на Йыйыне велся на основе родовых преданий, древних грамот и памяти стариков, помнивших межевые знаки на вековых соснах. Решение принималось исключительно общим согласием — консенсусом, ибо навязанная силой воля порождает тайную вражду. По окончании спора стороны обменивались дарами: кувшинами уральского липового меда и скакунами, скрепляя клятву формулой: «Антты боҙмаҫҡа, бергә йәшәргә!» («Не нарушать клятвы, жить в нерушимом согласии!»).

Степной ритуал правосудия оставил человечеству великий урок: подлинная сила государства и народа заключается не в жестокости тюрем и палачей, а в неподкупности совести и благородстве прощения.

Суд биев и обряд преломления стрелы доказывали, что человеческий дух способен возвыситься над животным инстинктом мести. Силой поэтического слова, страхом перед судом Неба и

готовностью искупить вину жертвенным даром степные роды сберегали свое единство на протяжении тысячелетий.

Так завершается обрядовый строй жизни кочевника: от первого вздоха младенца в колыбели, сквозь священный круг юрты, огонь брачных костров, гостеприимную чашу кумыса, сезонные моления вершинам гор и погребальный чин вечного камня — к торжеству праведного суда и мира. Вся жизнь человека степи была непрерывным служением гармонии, где каждый обряд служил единой цели — сохранению священного равновесия между земным путем смертного рода и вечным безмолвием Синего Неба.

❖ ❖ ❖

- **Ищи примирения, а не вражды: суд биев учит, что высшая мудрость —** не покарать, а залечить рану раздора в народе.
- **Разбей стрелу вражды: переломить стрелу означало навсегда положить конец кровной мести. Будь первым, кто протянет руку мира.**
- **Искупи вину добром: если причинил вред —** загладь его сторицей. Справедливое возмещение восстанавливает нарушенный лад.

КНИГА VI

СКАЗАНИЯ И ПРЕДАНИЯ: ЭПИЧЕСКИЙ ФОНД

ГЛАВА

47

РОЖДЕНИЕ МИРА

ТАИНСТВО ПЕРВОНАЧАЛА В ЭПИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Вначале всякого подлинного религиозного созерцания лежит тайна первоначала — миг, когда немотствующая бездна обретает имя, форму и дыхание. В древнейшей эпической памяти тюркских народов космогония не мыслилась как внешний механический акт или капризное ремесло демиурга, вылепившего мир из глины ради услаждения собственной гордыни. Мир в степном созерцании рождается как великое, благоговейное саморазвертывание бытия — как предвечное пробуждение двух священных начал: лазурной высоты и плодоносной глубины.

На каменных скрижалях Орхона бессмертный резчик высек древнейшую формулу этого космического рассвета:

«Когда вверху возникло Голубое Небо,»

«А внизу простерлась Бурая Земля,»

«Между ними возникли сыны человеческие.»

«И воссели над ними мои предки —»

«Бумын-каган и Истеми-каган,»

Устрояя эль и закон-тёрё народа тюрков...».

В этом священном изречении сокрыта глубочайшая метафизика: глагол древнетюркского языка указывает на спонтанное,

природно-космическое созидание бытия (qïlïntuqda). Небо и Земля не сотворены из ничего; они возникают в предвечном согласии как отец и мать всего сущего. Верх — бескрайний, светоносный, непостижимый Тэнгри; низ — теплая, темная, рождающая лоном Земля-Вода (Йер-Су).

Человек (кісі оғлы) не низвергнут в этот мир как изгнанник или преступник, искупающий первородный грех. Он изначально поставлен в само средостение космоса — «между ними». Человеческое существование рождается в зазоре между небом и землей как мост, как звучащее слово и ответственное сердце мироздания. А дабы этот космический мост не рухнул под тяжестью слепого хаоса, над людьми поставляются мудрые вожди, чье единственное призвание — хранить Тёрё, священный строй справедливости и меры.

В эпическом фонде Южного Урала, в древнейших строфах башкирского кубаира «Урал-батыр», сохранилась архаическая память о временах, когда земная твердь еще дремала в пучинах первозданного океана:

«В стародавние времена,»

«Когда в этом мире ничего еще не было,»

«Со всех четырех сторон шумело безбрежное море...»

«Была лишь одна первозданная вода.»

«И над той водой явились первые люди —»

«Янбирде, призвавший дух, и Янбике, даровавшая жизнь...»

«Сама природа наделила их живым дыханием,»

И сами они стали дарителями жизни на земле...».

Вода в степном мифе выступает не хаосом разрушения, но животворящей утробой материи. Подобно тому как в алтайских преданиях священная птица ныряет на дно бездонных вод, дабы поднять в клюве первую щепоть ила, из которой разрастется цветущая земля, так и в кубаире «Урал-батыр» рождение человеческой четы знаменует начало великой борьбы со смертью. Имена прародителей — Янбирде («Давший душу») и Янбике («Мать жизни») — являют собой метафизический манифест: человек вступает в бытие как соработник света, призванный одухотворить немую стихию вод и утвердить на земле непреложный закон добра.

Здесь нет разделения на чистую абстракцию и грубую плоть: жизнь священна в каждой своей капле, и первое дыхание предков озаряет утреннюю зарю человечества.

Если космогония открывает тайну рождения Вселенной, то этногонические сказания открывают сокровенный исток родового бытия. В сердце тюркской традиции пламенеет священное сказание о роде Ашина, сбереженное как древними летописями, так и наскальными рисунками Алтая.

Предание повествует о предельной трагедии: весь народ был истреблен врагами в жестокой сече. Никого не пощадил беспощадный меч; уцелел лишь один десятилетний отрок. Но враги, не решившись предать младенца прямой смерти, отсекли ему руки и ноги и бросили в глухое топкое урочище, обрекая на медленное угасание. Казалось, история оборвалась, род стерт из книги живых, а имя племени развеяно ветром небытия.

И тогда к умирающему отроку является Волчица — Көк Бөрі, зооморфный вестник самого Вечного Неба. Она не растерзала беззащитное дитя; движимая высшей милостью, она стала кормить его свежим мясом и целебными травами, согревая своим теплом

ледяное дыхание отрока. А когда враги вернулись, дабы добить юношу, волчица, осененная небесным духом, взмыла над землей и бежала в неприступные горы Алтая.

Там, в самом сердце каменных исполинов, открылась потаенная пещера. Внутри нее перед волчицей распахнулась цветущая, благодатная долина, сокрытая от хищного взора людей — священное материнское чрево Земли. В этой пещере волчица родила десятерых сыновей, от которых пошли великие тюркские роды, и среди них — светоносный Ашина, чье имя на древних наречиях означало «синий, благородный, небесный». Сыновья выросли, познали тайну огня и железа, расковали каменные врата пещеры и вышли в великую Степь, дабы возвестить миру о рождении Небесного Эля.

В этом предания сокрыта глубочайшая философская истина: жизнь народа неуничтожима, пока над ней бодрствует Небо. Пещера — это образ материнского лона, где дух собирает силы во тьме испытаний. Калеченый отрок, лишенный земных опор, соединяется с дикой, незапятнанной чистотой природы и милостью Тэнгри. Из точки полного исторического поражения, из пепла и крови рождается народ владык и созидателей. И когда тюркские каганы поднимали над своими знаменами золотую волчью голову, это было не хвастовством свирепостью хищника, но обетом верности: народ помнил, что обязан своим дыханием материнскому состраданию природы и щиту Небес.

В огузской ветви тюркского эпоса таинство происхождения царственного предка предстает как прямое озарение светом. Древняя рукопись «Огуз-наме» донесла до нас сияющий образ матери-прародительницы — Ай-каган («Лунной владычицы»):

«В сиянии явилась Ай-каган,»

«Чрево ее озарилось небесным лучом,»

«И родила она сына в урочный час.»

«Лик того мальчика был цвета лазурного неба,»

«Уста его горели, словно пламенеющие угли,»

«Глаза его сияли алым огнем зари,»

«А власы и брови были черны, как ночь...»

«Прекраснее духов горних был он.»

«Раз вкусив материнского молока, он возжаждал вина и мяса,»

«Заговорил в первый же день и возвестил:»

"Да исполнится воля Неба — я поведу за собой народ!"».

Здесь небесное происхождение первопредка явлено без полутонов. Огуз не является продуктом плотской страсти; он зарождается от луча света, пронзившего дымовое отверстие юрты. Свет — зримая эманация Кут, небесной благодати и жизненной силы. Синий цвет его чела прямо указывает на его сыновнюю связь с Кок Тэнгри. Младенец не знает слабости и беспомощности: едва коснувшись земли, он принимает на себя ярмо ответственности за свой народ.

Когда же Огуз-каган отправляется в великий поход за установлением вселенского мира, перед его войском шествует незримый дух в образе огромного Сивого Волка с сияющей лазурной гривой. Волк идет во главе знамен, указывая броды через бурные реки и безопасные тропы среди неприступных теснин. Небо само ведет своего избранника, пока его помыслы чисты, а сердце верховного правителя горит справедливостью.

Предания о происхождении в степной культуре никогда не оставались сказками угасшего очага. Они пульсировали в живом

организме народа через институт шежере (родословных древ) и священную память поколений.

Каждый кочевник — от хана до простого пастуха — с детства впитывал имена своих отцов до седьмого колена (жеті ата). Знать свой корень (түп) значило твердо стоять на ногах в бурях времени. В казахском шежире предание возводит единство народа к легендарному Алаша-хану — первопредку, собравшему разрозненные роды под сень единого пестрого шатра согласия. В башкирских преданиях роды Бурзян, Кыпчак и Усерган благоговейно хранят память о первопредках, получивших благословение Небес на вечное владение уральскими кручами.

Сказания о первоначале открывали человеку его истинное достоинство. Он не был пылинкой, затерянной в бездушной пустоте степи; за его плечами высились Небо и Земля, в его жилах текла кровь первопредков, вскормленных верной волчицей в священных пещерах Алтая, а над его головой сиял тот же лазурный купол Тэнгри, что благословил первых каганов на вечный труд правды.

Сказание о происхождении — это вечное зеркало духа. Вглядываясь в него, народ вспоминает, откуда он пришел, чье дыхание носит в груди и ради какого высокого лада он призван хранить верность своему земному пути.

❖ ❖ ❖

- **Созерцай таинство творения: мир рождён союзом Неба и Земли. Всё живое в Срединном мире несёт на себе отблеск предвечного света.**
- **Помни своё происхождение: человек —** не случайная ошибка природы, а долгожданный плод мироздания, призванный стать оком и голосом Вселенной.

- **Храни чистоту первоначала: живи в гармонии с космическим дыханием дня и ночи, лета и зимы.**

ГЛАВА

48

ПУТЬ БОГАТЫРЯ

ДОБЛЕСТЬ, СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ И СУДЬБА БАТЫРА

Вдуховном пространстве степной традиции герой — алып, батыр — предстает не просто воином исключительной телесной мощи, но священной опорой всего мироздания. Это образ верного служения целому: роду, элю, священному космическому закону Тёрё. В батыре кристаллизуется небесная благодать — құт, и через его подвиг незримо действует воля предков — аруақ.

Человек степи не признавал героя-эгоиста, ищущего личной корысти или упивающегося слепой жестокостью. Истинный батыр рождается для защиты слабых и сохранения гармонии бытия. Когда над народом сгущаются тучи вражеского нашествия, когда рвется священная связь времен и колеблется остов юрты, именно батыр принимает на свои плечи удар судьбы. Он встает несокрушимой преградой между своим народом и бездной хаоса.

На стеле Кюль-тегина сквозь тысячелетия доносится суровый голос полководца, раскрывающий сакральный нерв этого непрестанного бдения:

«Ради тюркского народа я не спал ночей,»

«Не сидел праздным днем.»

«Проливал свою красную кровь,»

«Источал свой черный пот...»

«Бедствующий народ я сделал богатым,»

Малочисленный народ я сделал многочисленным!».

В этих чеканных словах нет надменности завоевателя. Здесь звучит исповедь подвижника, принесшего свой покой, сон и саму жизнь на алтарь служения. Этос батыра — это этос полного самоотречения. Воин знает, что смерть неизбежна, но благородное деяние и доброе имя (Edgü at) способны преодолеть холод забвения.

В эпическом строе кочевников никто не рождался батыром от природы. Физическое взросление было лишь подготовкой к духовному перерождению. Юноша до поры оставался безымянным отроком, лишенным собственного воинского имени (er at).

Мужское имя не давалось по прихоти родителей; его надлежало выстрадать и заслужить подвигом. В «Книге моего деда Коркута» запечатлен этот древнейший канон степной инициации:

«Пока юноша не срубит головы врага,»

«Пока не прольет он своей и чужой крови за родную землю,»

«Не дают ему имени мужа!»

«Пришел мудрый старец Деде Коркут,»

«Возложил руку на чело отрока и нарек:»

«"Пусть зовут тебя богатырем Богачем!»

Имя даровал я — а долгую жизнь и силу дарует Вечное Небо!"».

Наречение именем знаменовало второе, сакральное рождение. Отрок умирал для беспечного детства и воскресал как ответственный страж рода. Имя становилось его духовным знаменем и щитом. Потерять честь имени считалось горшей

трагедией, чем потеря жизни: степная поговорка гласила, что кость батыра истлеет в кургане, но имя его пребудет в песнях акынов, покуда светит солнце.

Невозможно помыслить тюркского богатыря без его священного скакуна — крылатого тулпара. В эпическом миросозерцании аргамак батыра — Акбузат в башкирском эпосе, Байчибар у Алпамыса, Тайбурыл у Кобыланды, Аккула у Манаса — не является просто боевым конем или средством передвижения. Конь — это небесный побратим воина, его незримый ангел-хранитель и космическое альтер-эго.

Тулпар рождается в один день с батыром, часто от небесной кобылицы, вышедшей из глубин священного озера. Он наделен пророческим даром: видит сквозь горы и туманы, слышит поступь врага за сотни верст, говорит человеческим языком, предостерегая хозяина от гибельных ловушек. Когда батыр впадает в отчаяние или лежит смертельно раненный на поле брани, именно конь выносит его из огня, омывает раны небесной росой и возвращает к жизни.

Связь богатыря и коня неразрывна даже за гробом. Древние курганы Алтая и Сарыарки, где батыра хоронили вместе с оседланным конем, свидетельствуют о глубочайшей вере: воин и его тулпар призваны нести свой дозор в небесных чертогах рука об руку. В скачке тулпара, оторвавшегося всеми четырьмя копытами от земли, кочевник видел прорыв сквозь бремя материи — полет духа в беспредельные просторы Тэнгри.

Кульминацией степной военной драмы был жекпе-жек — предбоевой поединок вождей и сильнейших батыров перед строем замерших армий.

Когда два войска сходились в степи, битва не начиналась слепой сечей. Из рядов выезжали богатыри — лучшие из лучших. Они спешивались, читали молитву Небу, проверяли подпруги коней и съезжались на середину нейтрального поля. В жекпе-жеке действовал рыцарский кодекс абсолютной чести: возбранялось наносить удар в спину, атаковать безоружного или упавшего с коня. Соперники окликали друг друга по именам, напоминая о своих родах и славе предков.

Этот поединок был не просто состязанием фехтовального мастерства; он осмыслялся как ордалия — божественный суд Неба. Воины верили, что победу в жекпе-жеке одерживает не тот, чья рука крепче, а тот, за кем стоит небесная правда (көнілік) и чистота совести (ар). Исход поединка богатырей часто решал судьбу всей кампании: войско, чей предводитель пал в честном бою, нередко признавало поражение и отступало без кровопролития, склоняясь перед судом судьбы.

Высшей философской и этической вершины тюркский героический эпос достигает в башкирском кубаире «Урал-батыр». Здесь образ воина окончательно преодолевает границы земной дружинной доблести, превращаясь в мистерию искупительной жертвы ради всего сущего.

Урал-батыр вступает в непримиримую войну с силами тьмы — драконами-аждахами и владыками подземной бездны, поработившими землю и запершими живительные источники вод. Пройдя сквозь бесчисленные битвы, победив коварство и мрак, герой добывает заветный рог с живой водой, дарующей абсолютное индивидуальное бессмертие. Перед ним открывается путь стать вечным богом-одиночкой, вознесенным над тленом мира.

Но в этой точке испытания раскрывается великое сердце истинного батыра. Урал-батыр отвергает эгоистическое бессмертие. Он не прикасается устами к чаше; вместо этого он поднимает ее высоко над головой и распыляет воду бессмертия надо всей иссушенной землей, даруя вечную жизнь природе, травам, зверям и будущим поколениям людей. Сам же герой, исчерпав земные силы, умирает, завещая человечеству священный завет:

«Не творите зла человеку,»

«Сделайте правду и добро своим верным спутником,»

Берегите священную Землю как зеницу своего ока!».

Тело почившего батыра превращается в Уральские горы — несокрушимый каменный хребет, защищающий народ от бурь и невзгод. Это высшее преображение: герой не умирает, он становится самой Родиной, ее реками, вершинами и живительным воздухом.

В кыргызском эпосе «Манас» героическое начало раскрывается в идее великого государственного и народного созидания. Манас Великодушный поднимает знамя не ради славы завоевателя, а ради спасения гибнущего эля.

Квинтэссенцией его служения стали бессмертные строки, ставшие заповедью для всех поколений кочевников:

«Разоренное я соединил воедино,»

«Рассеянное по чужбине собрал под свой шатер!»

«Из ястребка я воспитал ловчую птицу,»

Из разрозненных, враждующих родов создал единый народ!».

Батыр выступает как великий примиритель и целитель народных ран. Его сила — в великодушии (айкөл), способности простить вчерашнего врага и включить его в священный круг братства под сенью Небес.

Героический путь в тюркской традиции — это путь постоянного восхождения. Рождаясь слабым отроком, человек через подвиг служения, верность коню-побратиму, рыцарский кодекс чести и готовность к самопожертвованию претворяет свою смертную плоть в нетленный дух.

Когда батыр завершает свой земной путь, о нем не говорят, что он истлел во прахе. Эпическая традиция хранит возвышенное слово: он «улетел соколом в небесный чертог» (Тәңіріге ұшты). Его подвиг становится негасимым маяком для потомков, а его дух пополняет сонм почитаемых аруаков, незримо бодрствующих над степью и благословляющих каждого, кто выходит на битву за правду и честь.

❖ ❖ ❖

- **Встань на путь батыра в своей повседневной жизни: быть богатырём —** значит защищать слабых, говорить правду в лицо сильным и не предавать долг.
- **Не поддавайся гордыне побед: каждое твоё достижение —** дар Неба. Благодари Творца и оставайся скромным воином правды.
- **Будь готов к жертве ради родной земли: истинная доблесть познается готовностью отдать всё ради мира и счастья своего народа.**

ГЛАВА

49

НЕЗРИМЫЙ ДОЗОР

ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ, АРУАХИ И ЗАВЕТ ОТЦОВ

Человек в открытом пространстве степи никогда не мыслился одинокой пылинкой, оторванной от корней бытия. Кочевой мир отвергал иллюзию автономного эгоизма. Каждый рожденный под Вечным Синим Небом сознавал себя живым, трепетным звеном в грандиозной священной цепи, протянутой из сокровенной глубины веков через настоящее в грядущее. Эта трансгенерационная связь скреплялась не просто кровным родством, но духовным заветом — нерушимым культом предков (ečüm-apam).

Для степняка смерть не являлась стеной, обрывающей бытие. Она была лишь порогом, за которым ушедший предок переходил в новое качество — становился духом-покровителем, связующим живущих на земле с предвечной волей Тэнгри. Предок не исчезал; он переселялся в тонкое, невидимое пространство родных урочищ, обретая достоинство аруака.

Аруахи — это духовное войско народа, его вечная стража и щит. Они парят над белыми шатрами, вдыхают дым очагов, радуются доблести сыновей и горько сокрушаются, когда потомки ступают на кривую стезю предательства и малодушия. Забыть предка значило перерезать пуповину жизни, лишиться благодати (құт) и обречь свой род на медленное духовное и физическое вырождение.

На самых монументальных памятниках древнетюркской государственности — стелах Орхона — государственное созидание начинается с благоговейного поклонения духам праотцев:

«Когда возникли Небо и Земля,»

«Между ними явились сыны человеческие.»

«И воссели над ними мои великие предки —»

«Бумын-каган и Истеми-каган...»

«Воссев, они держали и устрояли эль и закон тюркского народа.»

«Мудрыми каганами они были,»

Бесстрашными батырами они были!».

Мудрый советник Тоньюкук, обращаясь к народу в минуту великих испытаний, свидетельствует о высшем смысле ратного труда:

«Тэнгри, Умай и священная Земля-Вода ниспослали нам победу!»

«Дабы земля и воды, которыми владели наши праотцы,»

«Не остались без хозяина, не были попраны врагом,»

Я не спал ночей и не дал воинам сложить щиты...».

Ečüm-apam («предки мои») — это не просто воспоминание об усопших стариках. Это священный пантеон духа, где отцы и деды предстают созидателями самого порядка Вселенной. Владение землей мыслилось не как юридическая собственность, а как сакральный завет (аманат), доверенный живым на временное хранение. Земля отцов (Атамекен) священна именно потому, что в нее легли кости прародителей, освятившие каждый холм и родник своим последним вздохом.

В народной этике казахов, башкир, кыргызов и ногайцев культ предков обрел форму непреложного жизненного канона — института семи поколений (Жеті ата).

Каждый ребенок с первых сознательных шагов должен был знать наизусть имена, деяния и места упокоения семи своих прямых предков по мужской линии: отца, деда, прадеда, прапрадеда и так вглубь до седьмого колена. Тот, кто не помнил своего семени, клеймился позорным словом жетесіз — беспородный, беспамятный, блуждающий во тьме. Человек без семи предков не пользовался доверием на совете общины, его слово не имело веса на суде биев, ибо считалось, что лишенный корней легко пойдет на предательство.

Институт Жеті ата был не только нравственным стражем, но и биологическим законом степи. Строжайший запрет на браки внутри семи поколений одного корня ограждал народ от кровосмешения, даруя кочевникам несокрушимое телесное здоровье, долголетие и силу духа. Семь колен мыслились как единое нераздельное древо: грех, совершенный прадедом, отзывался эхом в судьбе правнука, а добродетель и благородство предка служили невидимым щитом для его потомков.

В башкирской традиции родовые шежере (шәжәрә) читались на народных сходах Йыйын как священные книги бытия. В них бережно заносились родовые тамги, границы вотчинных земель, имена батыров и заветы старцев. Шежере было паспортом чести башкирского рода перед лицом мира и государей.

Особым, экстатическим проявлением культа предков являлся институт родового боевого клича — ұран.

Перед началом смертоносного сражения, когда тысячи коней вздымали степную пыль и железная лава сходилась в ударе, над

полками взлетал не бессмысленный крик ярости, а священное имя первопредка: «Алаш!», «Қабанбай!», «Бөгенбай!», «Салават!».

Произнесение урана обладало колоссальной духовной силой. Это был мгновенный мистический прорыв сквозь плотное земное бытие: воин чувствовал, как за его правым плечом встает сам почивший батыр, чье имя гремит над знаменами. Уран мобилизовал предельные силы духа, выметал из сердца малодушный страх перед смертью и соединял живых воинов с бессмертным сонмом аруаков. Смерть под именем предка становилась святым долгом, открывавшим душе прямой путь к Небесному Престолу.

Связь между поколениями в тюркском доме поддерживалась непрестанными обрядами почитания. Аруахи не требовали раболепного страха; они ждали от живых благочестия, чистоты мыслей и верности родовому очагу.

Каждую пятницу или в дни новолуния в кочевых аулах совершался тихий, благоговейный чин кормления духов. Женщины выпекали в кипящем масле круглые, как солнце, лепешки — шелпек. Запах жареного масла (ис шығару) считался тончайшей пищей, насыщающей приходящих духов предков. Семья собиралась у очага, старец возносил ладони к лицу и произносил слова поминовения, перечисляя имена ушедших отцов. В этой тихой трапезе живые и мертвые вновь соединялись за одним дастарханом.

Когда человека постигало великое горе, болезнь или бесплодие, он не отчаивался. Он отправлялся в паломничество — зиярат — к священным мазарам предков и праведников. Ночь, проведенная у могилы аруака в благоговейной молитве и посте, даровала исцеление и пророческие сны. Предок являлся во сне в белых

одеждах, ободрял странника, давал верный совет или вручал небесный дар.

Культ предков в степи отвергал уныние перед лицом неизбежного конца. Он провозглашал победу верности над тленом. Тот, кто прожил жизнь в чистоте совести (ар), защищал родную землю и не запятнал имя отцов малодушием, не исчезал бесследно. Его имя бережно вплеталось в шежере, о нем пели акыны у ночных костров, его дух обретал вечный приют под сенью Синего Неба.

В этом сокровенная мудрость традиции: человек — не сирота во Вселенной. За каждым из нас стоит нерушимая стена сотен и тысяч предков, отстоявших жизнь в ледяных буранах и жестоких битвах. И пока их имена звучат в наших молитвах, пока горит огонь в очаге и потомки помнят свой корень, жива душа народа, и пребудет над ней благословение Вечного Неба.

❖ ❖ ❖

- **Ощущай незримый дозор Аруахов: праведные отцы бодрствуют над тобой. Ты никогда не одинок в дни невзгод и испытаний.**
- **Призывай предков с чистым сердцем: молитва к аруахам —** это не мольба к идолам, а обращение к живой родовой совести пред престолом Тенгри.
- **Живи так, чтобы стать достойным предком для своих потомков: каждый твой поступок формирует духовное наследие твоего рода.**

ГЛАВА

50

ОГОНЬ ИСПЫТАНИЙ

ЗАКАЛКА ДУХА, БЕЗДНЫ МРАКА И ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

Испытание в тюркском эпосе (сынақ, емгек) предстает не случайной игрой слепого рока и не бессмысленным насилием злых сил. Это строгий, благоговейный космический экзамен, через который Небо испытывает верность человека высшей правде (көнілік), проверяет крепость его совести (ар) и отделяет нетленное золото духа от тленной пыли эгоизма.

Человек не может стать истинным батыром, мудрецом или вождем, пока его душа не испытает предельной тьмы, оставленности и лишений. Степной закон гласил: дерево с неглубокими корнями валится от первого бурана; железо, не знавшее огня и ледяной воды, ломается в первом же ударе. Так и человеческая личность: рожденный в беспечности остается незрелым отроком, пока судьба не проведет его через очистительные врата страдания.

На стеле Кюль-тегина запечатлен этот суровый опыт преодоления предельных тягот, когда само Небо испытывало народ на право жить под солнцем:

«Пробиваясь сквозь снег глубиной в копье,»

«Перевалив через чернеющую, обледенелую тайгу Кёгмен,»

«Мы шли вперед, не зная усталости...»

«Прельстившись чужим сладким словом и мягким шелком,»

«Ты, народ мой, познал горечь гибели.»

Но через великие страдания Небо вновь вернуло тебе силу!».

Преодоление ледяных горных перевалов Саян и Алтая при жестоких морозах, среди голода и ран, осмыслялось не просто как ратный поход, но как священное испытание и очищение духа. Трудности обнажали подлинную сущность воина: слабый духом роптал и погибал, сильный преклонял колени перед Небом, находил в себе несокрушимую волю и побеждал.

Глубочайшим философским мифом о преодолении смерти является древнее сказание о мудром Коркут-ате, прародителе степных певцов и мыслителей.

Коркуту было открыто вещее видение: земля ждет его, могила уже вырыта, и смертный час неотвратим. Ужаснувшись неизбежности тлена, мудрец вскочил на верного быстроногого верблюда Желмаю и бежал от смерти на край земли. Но куда бы он ни пришел — на восток ли, где восходит солнце, на запад ли, где оно угасает в багрянце, в неприступные ли горы или безводные пустыни — везде он встречал безмолвных людей, копавших могилу. «Для кого эта яма?» — с замиранием сердца спрашивал старец. «Для Коркута!» — звучал леденящий ответ. Весь мир оказался разверстой могилой; от времени и смерти не было спасения в пределах пространства.

И тогда Коркут пережил великое духовное озарение: бегство от смерти в телесном мире невозможно, ибо все рожденное под Небом обречено распаду. Но дух человека способен победить смерть через священное творчество.

Вернувшись к водам священной реки Сырдарьи, Коркут расстелил свой ковер прямо на волнах. Срубив ветвь священного дерева, выдолбив чашу из цельного куска и натянув струны из конского волоса, он создал первый в мире кобыз. И когда старец ударил смычком по струнам, по степи разлилась музыка неземной печали и красоты — первый великий кюй.

В этой музыке пели ветра, плакали матери, ржали боевые скакуны и плескались волны вечности. Предание гласит: пока Коркут играл на кобызе, замерло все мироздание. Смерть стояла у края ковра, но не смела сделать шага; время остановило свой бег, бессильное перед силой божественного звука. Коркут победил смерть не плотским бессмертием, но духовным преображением: он растворил свою бренную душу в вечной песне, оставленной людям как благословение.

В алтайском сказании «Маадай-Кара» и якутском эпосе Олонхо мотив испытания обретает космический масштаб прямого единоборства с владыкой небытия — хтоническим старцем Эрликом.

Когда силы тьмы опустошают благословенную землю, похищая скот и души людей в подземный мрак, юный батыр Когюдей-Мерген не ждет помощи. Он садится на крылатого коня и добровольно спускается в бездну Нижнего мира (Аллараа Дойду). Он пересекает огненные реки и озера кипящей смолы, разбивает железные врата преисподней и предстает перед черным престолом повелителя смерти.

Схождение в подземное царство — это символ предельного мужества: человек идет туда, откуда нет возврата смертным. Батыр связывает Эрлика священным арканом, вырывает из пасти тьмы похищенные человеческие души и выводит их обратно на белый

свет солнца. Этот миф утверждает непреложную истину традиции: человеческий дух, вооруженный правдой и благословением Неба, сильнее хтонического ужаса преисподней. Зло может пленить плоть, но не может одолеть светлую душу воина.

В казахском героическом эпосе «Алпамыс батыр» мотив испытания раскрывается через потрясающий образ подземного заточения — сорокасаженного зиндана.

Захваченный врасплох вероломными врагами, богатырь Алпамыс оказывается сброшен в глубокую земляную яму, закрытую тяжелым жерновом. Семь долгих лет проводит он в кромешном мраке, лишенный оружия, воинского доспеха, солнечного тепла и человеческого общения. Его богатырские волосы отросли до пят, плоть истончилась, а вероломный узурпатор Ултан в родном кочевье объявил батыра погибшим, захватил власть и превратил его престарелых родителей в бесправных рабов.

Семилетний зиндан — это древнейший символ сакральной смерти неофита. В подземной яме умирает прежний самоуверенный витязь, знавший лишь силу своего меча. В тишине и страдании подземелья рождается новый человек — смиренный перед Небом, познавший цену сострадания, верности и народной беды.

Связь с миром для Алпамыса не обрывается: верный конь Байшубар ржет в небесной вышине, призывая хозяина, а верный пастух Каракожан тайно спускает в яму пищу. Когда же наступает урочный час, Алпамыс восстает из зиндана, словно из гроба. Он возвращается в родной аул неузнанным, в лохмотьях нищего пастуха, и на праздничном пиру берет в руки свой старый родовой лук, который никто из изменников не мог даже согнуть. Выстрел Алпамыса — это торжество правды над кривдой, возвращение отнятого лада и победа над тьмой забвения.

В башкирском кубаире «Урал-батыр» испытание ставит человека перед предельным нравственным выбором: между благом целого и собственным эгоизмом.

Два брата — Урал и Шульген — отправляются на поиски живой воды. Но путь их расходится в миг первого искушения. Шульген прельщается жаждой единоличной власти: он тайно выпивает заповедную воду, нарушает завет родителей и переходит на сторону свирепых дивов и драконов. Он становится царем подземного темного озера, погружаясь в пучину зла.

Урал же отвергает путь предательства. Он принимает на себя удары всех чудовищ земли, защищает невинных, и когда заветный кубок с бессмертием оказывается в его руках, он не оставляет ни капли себе, но орошает иссохшую землю ради счастья всех людей.

Сказание открывает вечный закон: истинное испытание происходит не на поле брани, а в сокровенной глубине человеческого сердца. Тот, кто поддается соблазну эгоизма, уподобляется Шульгену — становится источником скверны и тьмы. Тот же, кто избирает жертвенный путь Урала, преодолевает бренность и обретает вечную жизнь в любви своего народа.

Испытания в тюркской традиции никогда не были бесплодным мучением. Они служили священным тиглем духа. Пройдя сквозь ледяные бури лишений, выстояв во мраке семилетнего зиндана, сразившись с чудовищами преисподней и преодолев ужас смертного часа через песнь кобыза, человек обретает высшее благословение Неба.

Он возвращается к своему народу не ожесточенным хищником, но мудрым старцем, великим защитником и носителем священного мира. Ибо лишь тот, кто познал горечь бездны, способен по-

настоящему ценить и беречь лазурный свет Неба и тепло родного очага.

❖ ❖ ❖

• **Проходи сквозь огонь испытаний без ропота: трудности и беды —** это не кара, а священная закалка твоего духа, подобная закалке стали в горне.

• **Не теряй веру в самый тёмный час: ночь темнее всего перед рассветом. Солнце непременно взойдёт над твоей степью.**

• **Побеждай внутренний мрак: главный бой человека —** это бой с собственной ленью, страхом, завистью и унынием. Победи себя — и станешь непобедим.

ГЛАВА

51

НАРУШЕННЫЙ ЛАД

КРИВДА, ТЯЖЕСТЬ ВИНЫ И ОЧИЩЕНИЕ ДУШИ

Священный космический порядок в тюркской традиции — Тёрё — не является бездушной механической машиной, работающей сама по себе. Мироздание мыслится как трепетный, одухотворенный организм, в котором Небо, Земля и человеческое сообщество соединены невидимыми узами взаимной ответственности. Гармония этого космоса поразительно хрупка: она ежечасно держится на чистоте человеческой совести (ар), правдивости слова и верности заветам предков.

Всякое отступление от правды, предательство, клятвопреступление или жестокость к слабому воспринимаются в степи не просто как частная ошибка, а как онтологическая катастрофа — разрыв ткани бытия. Древнетюркское слово язык (yazuq), обозначающее грех и вину, восходит к древнейшему глаголу yaz- — «сбиться с пути, промахнуться стрелой мимо цели». Грех — это искривление изначальной прямоты (көнілік). Человек, совершающий кривду, отклоняется от солнечной стези Неба, блуждает во тьме собственных страстей и вносит смуту в порядок вещей.

На стеле Бильге-кагана высечен грозный рунический суд над народом, забывшим свой закон и поддавшимся соблазну легкой, бесчестной жизни:

«О тюркский народ, ты был на краю небытия!»

«Из-за того, что ты сам согрешил перед Небом,»

«Из-за того, что ты предал своего кагана и нарушил Тёрё,»

«Небо покарало тебя великим судом!»

«Твоя кровь лилась подобно бурным водам,»

«Твои кости легли горами среди чужих долин...»

«Твоих благородных сыновей ты обратил в рабов,»

Твоих чистых дочерей ты отдал в рабство чужакам!».

Степная философия не знала абстрактного понятия слепого случая. Если на кочевья обрушивался джут, если скот гибнул от бескормицы, а чужеземные полчища топтали родные пастбища, степняк не обвинял стихии. Он обращал свой взор внутрь себя и вопрошал: в чем нарушен закон? Какая клятва была растоптана? Ибо гнев Неба — это не жестокость деспота, а неумолимое зеркало: нарушивший меру сам навлекает на себя возмездие.

Среди всех прегрешений степная традиция считала самым чудовищным и непростительным клятвопреступление — ant buzmaq.

В мире, где бескрайние просторы разделяли кочевья и не существовало каменных стен, единственной несокрушимой цитаделью оставалось данное человеком слово. Заключение союза, мирного договора или побратимства скреплялось ритуалом клятвы — ант ішу. Вожди обнажали боевые сабли, надрезали ладони и капали кровь в чашу с кумысом, испивая ее в знак того, что их души

слились в нераздельное целое. Клятва приносилась на лезвии клинка:

«Муж, нарушивший клятву, не найдет приюта под солнцем!»

Пусть синее священное железо напьется его крови!».

Железо (темір) почиталось кочевниками как небесный, метеоритный дар. Оно наделялось сакральной силой вершить суд над кривдой. Тот, кто дерзал нарушить священную клятву, объявлялся отверженным Небом и Землей. Считалось, что само оружие клятвопреступника повернется против него в бою, его конь споткнется на ровном месте, а его род угаснет без семени. Клятва связывала человека не только с соплеменниками, но и с Небом; предать слово значило бросить вызов самому Тэнгри.

В этическом кодексе казахов, башкир и других тюркских народов нравственное равновесие мира поддерживалось тремя священными категориями: обал, сауап и кие.

Обал — это грех жестокости, несправедливой обиды, нанесенной беззащитному существу. Сказать грубое слово сироте, бросить на произвол судьбы немощного старика, пнуть собаку, бессмысленно сломать цветущую ветвь или напрасно растоптать зерно — все это порождает тяжелейший обал. В понятии обала раскрывается вселенская жалость степного человека ко всему живому. Обал — это стон уязвленного бытия, взывающий к возмездию.

Противовесом ему выступает сауап — благодеяние, бескорыстное милосердие, спасающее жизнь и исцеляющее мир. Напоить томимого жаждой путника, укрыть замерзающего, примирить враждующих сородичей — значит сотворить сауап, который призывает на род благословение Неба и умножает благодать (құт).

Над обоими этими началами высится грозная и священная сила — кие. Кие — это таинственное дыхание святости, присутствующее в материнском молоке, в белом лебеде (аққу), в колыбели младенца, в очажном огне и в самом хлебе. Кие нельзя оскорблять. Убийство лебедя, осквернение могилы предков или плевок в огонь очага влекут за собой неотвратимый удар сакрального возмездия (киесі атады). Нарушителя поражают неизлечимые недуги, слепота и угасание потомства. Кие напоминает человеку о непреодолимой границе, которую смертный не смеет переступать ради своей прихоти.

В башкирском кубаире «Урал-батыр» архетип грехопадения и предательства воплощен в трагической фигуре старшего брата — Шульгена.

Нарушив наказ отца и матери, предав святость родного крова, Шульген упивается эгоистической страстью к власти. Он идет на сговор со свирепыми дивами и драконами — силами разрушения и тьмы. Его грех приобретает космический размах: он отравляет чистые истоки рек, превращая живую воду в яд и кровь. Земля стонет под гнетом нечестия, леса сохнут, а звери и люди гибнут от жажды.

Но закон возмездия неизбежен. Природа отворачивается от предателя: ясный луч солнца больше не касается его чела. Шульген навеки оказывается низвергнут в темные глубины бездонного озера, став пленником вечного мрака и родового проклятия (қарғыш). Миф учит: предавший свой народ и осквернивший землю сам изгоняет себя из царства света в вечное проклятие небытия.

Тюркская традиция никогда не оставляла человека в безысходном отчаянии. Осознав свой грех, оступившийся путник

имел возможность очищения и возвращения в священный круг общины.

Первейшей очистительной силой мыслился священный огонь. Обряд алас сопровождал кочевника на протяжении всей жизни. Византийские и западные послы, прибывавшие в ставки великих каганов, поражались тому, что их вместе со всеми дарами обязательно проводили между двумя пылающими кострами. Огонь испепелял тайные злые помыслы, снимал яд зависти и изгонял нечистых духов.

Когда в ауле совершалось прегрешение или дом постигала беда, старейшая женщина обходила юрту с тлеющей ветвью можжевельника (арша), произнося вековечное заклинание:

«Алас, алас!»

«Всякая скверна, изыди!»

«Всякая порча и кривда, сгори в огне!»

«Да вернется в наш шатер чистота,»

Да пребудет над нами благословенное Небо!».

Огонь не только карал, но и миловал: он возвращал человеку изначальную чистоту младенца, напоминая, что раскаявшееся сердце способно вновь обрести утраченную благодать.

Степная этика разрешения греха всегда требовала действенного раскаяния. Сказать «я виновен» было недостаточно; требовалось восстановить нарушенную справедливость. На суде биев виновный приносил искупительный дар потерпевшему, склонял голову перед старейшинами рода и скреплял мир совместной трапезой.

Так замыкается великий круг нравственного закона: от падения через страдание и огонь покаяния — к восстановлению мира. Смертный человек слаб и подвержен соблазнам, но над ним

распростерто Вечное Синее Небо — всевидящее, справедливое и милосердное. И покуда в груди кочевника бьется чистое сердце, способное отличить обал от сауапа и благоговейно склониться перед святостью кие, не прервется священный лад степного бытия.

❖ ❖ ❖

- **Осознавай тяжесть нарушенного лада: всякая кривда, обман или насилие ранят живую ткань мира. Нарушенное равновесие требует исцеления.**
- **Не бойся признать свою вину: покаяние —** это не унижение, а очищение души родниковой водой совести.
- **Восстанавливай разрушенный мир: если по твоей вине разбилось согласие —** приложи все силы, чтобы склеить его любовью и правдой.

ГЛАВА

52

ЗВУЧАЩИЙ ДУХ

МУДРОСТЬ СКАЗИТЕЛЕЙ, ВЕЩЕЕ СЛОВО И ГЛУБИНА КЮЯ

Эпическое сказание в Великой Степи никогда не было досужей забавой или простым услаждением слуха у догорающего очага. Исполнение эпоса мыслилось как священнодействие высочайшего порядка — духовный акт, в котором раздвигались тесные границы материального мира и живой голос сказителя становился сокровенным мостом между миром дольним, сонмом ушедших предков-аруаков и лазурным чертогом Вечного Неба (Тэнгри).

Сказитель — казахский жырау, башкирский сэсэн, кыргызский манасчи, алтайский кайчи, якутский олонхосут — воспринимался народом не просто как искусный поэт, но как вещий провидец, духовный наставник и священный посредник. Слово сказителя наделялось демиургической мощью. Степняки верили, что праведное, вдохновенное слово способно очищать ауру кочевий от морока, останавливать падеж скота, облегчать страдания рожениц и призывать благодатный дождь на иссушенные пастбища.

В «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни метафизическая ценность человеческого слова и разума возведена на предельную высоту:

«Красота разума — язык, красота языка — слово;»

«Красота человека — лицо, красота лица — очи!»

«Говори слова разумные, исполненные света и знания;»

«Невежественное же слово грабит и разоряет самого человека.»

«Не расточай речей попусту, храни меру;»

Узел десяти тысяч слов свяжи в едином мудром слове!».

В степном созерцании язык дан человеку не для праздного шума, а как священный сосуд истины. Истинный мудрец взвешивает каждое слово на невидимых весах совести, ибо брошенное на ветер слово способно породить кровь и смуту, тогда как мудрое слово способно остановить войну и примирить враждующие племена.

Изначальным истоком, первообразом всей тюркской сказительской традиции выступает великий Деде Коркут — легендарный патриарх, пророк и создатель музыки степи.

Древняя рукопись огузского эпоса благоговейно повествует о его призвании:

«Из рода Баят восстал Коркут-ата,»

«Был он совершенным ведателем всего среди людей.»

«Что он ни говорил — все сбывалось непреложно;»

«Он возвещал сокровенные вести из незримого мира,»

«Ибо Всевышнее Небо ниспосылало святое вдохновение прямо в его чистое сердце...»

«Коркут-ата разрешал все тяжкие сомнения и споры;»

«Какое бы горе ни постигало народ, шли к нему за советом,»

И всякий совет его принимали с великой радостью и миром...».

Коркут предстает судьей совести целого народа. Он не держал в руках меча и не возглавлял военных дружин, но перед его словом склоняли головы самые грозные каганы и батыры. Коркут

напоминал человеку о непреложных законах бытия: о том, что земная слава преходяща, что смерть придет в назначенный Небом час и спастись от нее невозможно стяжанием золота. Единственное, что человек может противопоставить неумолимому бегу времени, — это чистота помыслов, служение ближнему и память о добре.

Стать сказителем по собственному эгоистическому желанию или путем простого механического заучивания текстов считалось невозможным. Призвание сказителя переживалось как сакральный зов, вторгающийся в жизнь человека помимо его воли.

Традиция всех тюркских народов хранит непреложный канон: будущий сказитель непременно проходит через таинство вещего сна — аян. Юношу внезапно поражал странный недуг, не поддававшийся обычным снадобьям; он впадал в глубокий сон или забытье, во время которого ему являлись духи предков, святые старцы или древние батыры — Манас, Алпамыс, Урал. Они вручали избраннику священный инструмент — кобыз, домбру или топшур — и повелевали: «Пой! Сказывай о деяниях отцов! Если умолкнешь — погибнешь!».

Пробудившись, человек преображался. В нем открывался неиссякаемый поток поэтической речи. Великие кыргызские сказители-манасчи свидетельствовали, что во время сказа их грудь наполнялась могучим ветром, перед их внутренним взором воочию разворачивались грандиозные картины древних битв, а речь лилась непрерывно многие ночи напролет.

Это не было искусственным трансом; это было растворение личности сказителя в живой душе своего народа. Сказитель становился живым органом народной памяти, через который говорили сотни поколений ушедших отцов.

Особой сакральностью в степи наделялся музыкальный инструмент. Он никогда не был деревянной поделкой; он мыслился как живое, одухотворенное существо, обладающее собственным дыханием и духом-покровителем.

Древний смычковый кобыз, созданный Коркутом, вырубался из цельного ствола священного вяза или березы. Его открытая чаша обтягивалась кожей верблюдицы, а струны плелись из нестриженого конского волоса. В звуках кобыза степняк слышал первозданные голоса природы: глухой вой ветра в ночной степи, трубный крик священного лебедя, ржание дикого табуна и тихий стон матери над колыбелью. Кобыз звучал как плач самого бытия, тоскующего по утраченному райскому совершенству.

Двухструнная казахская домбра явила миру чудо степного философского высказывания — кюй. В кюях Курмангазы, Даулеткерея, Таттимбета и Казангапа музыка говорит глубже и точнее любого человеческого слова. В кюе запечатлен стремительный полет крылатого тулпара, безбрежная лазурь Сарыарки, суровая печаль расставания и непокорный порыв к свободе. Кюй не требует перевода: он обращается напрямую к бессмертному началу в человеке, исцеляя душу от яда тоски и возвращая ей утраченную гармонию.

В башкирских долинах голосом самой природы стал тростниковый курай. Срезанный на горных полянах Урала, простой полый стебель в руках мастера-кураиста оживал звуками таинственного шепота сосен, плеска горных родников и величия древних кубаиров. Курай и сэсэн были душой башкирского схода Йыйын, напоминая народу о его неотчуждаемой свободе и верности родным горам.

В истории тюркских народов эпические сказители и мудрецы играли великую созидательную и государственную роль. Казахские жырау, башкирские сэсэны, киргизские манасчи, алтайские кайчи и хакасские хайджи были хранителями исторической совести и духовными столпами народа.

Жырау пользовался абсолютной неприкосновенностью. Он имел священное право говорить верховному правителю самую горькую и беспощадную правду в глаза. Когда грозный хан Абылай возгордился победами, Бухар-жырау встал перед ним и напомнил, что хан — лишь смертный пастырь, обязанный служить народу, и что над всеми владыками земли высится единый суд Вечного Неба.

Песнь жырау объединяла разрозненные роды в единый кулак перед лицом смертельной опасности. Она возжигала в сердцах воинов негасимый огонь мужества и чести (намыс), заставляя малодушных забывать о страхе, а сильных — склоняться перед правдой.

Мудрость степных сказаний — это вечное зеркало, в котором народ сохраняет свое духовное лицо. Империи рождаются и рушатся во прахе, стираются города и зарастают травой курганы завоевателей, но живое Слово и песнь кюя остаются нетленными.

Покуда звучит струна домбры, пока поет степной ветер в полых стеблях курая и сказитель возносит голос во тьме ночи, не прервется священная связь времен. Народ, хранящий предания своих отцов, хранит свою душу и благословение Вечного Синего Неба.

Кобыз, созданный старцем Коркутом из цельного куска реликтового дерева и натянутых конских волос, почитался не просто как музыкальный инструмент, а как живое сакральное существо. В его глуховатом, вибрирующем голосе кочевник слышал

крик священного лебедя, стон осенней бури и топот небесных скакунов. Считалось, что звуки кобыза способны отгонять темные силы, исцелять тоску сердца и связывать душу человека с миром предков.

А двухструнная домбра и башкирский тростниковый курай были постоянными спутниками каждого вольного всадника. Через них степняк вел сокровенный диалог со своей душой и с Вечным Небом. Знаменитые кюи Курмангазы и Даулеткерея передавали без единого слова то, что невозможно выразить речью: стремительный бег тулпара по ковыльной степи, горечь утраты и несокрушимое торжество свободы духа.

❖ ❖ ❖

- **Вслушивайся в звучащий дух традиции: звуки кобыза и домбры несут в себе сокровенную память Степи, плач ветров и топот небесных скакунов.**
- **Почитай вещее слово жырау: мудрая поэзия —** это дар Неба, направляющий народ по тропе справедливости и мужества.
- **Учись петь песню своей души: пусть в твоих речах звучит не зависть и злоба, а вдохновение, доброта и благодарность Творцу.**

ГЛАВА

53

ЭХО ВЕКОВ

ЧЕМУ ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ УЧАТ ЧЕЛОВЕКА СЕГОДНЯ

Звучащее слово эпического сказания веками хранило сокровенный ответ на главный вопрос человеческого бытия: о чем возвещает традиция смертному путнику, стоящему под бездонным лазурным куполом Неба? Сказания жырау и сэсэнов учили тому, что жизнь коротка, но честь, доброе имя и верность родной земле пребудут вовек.

Эпос Великой Степи — это не окаменевший реликт минувших веков, не занимательная сказка для праздного досуга. Это живое, пламенеющее экзистенциальное завещание, обращенное сквозь толщу тысячелетий непосредственно к душе каждого из нас. В суровых образах древних батыров, в таинстве пещеры прародительницы-волчицы, в плаче кобыза мудрого Коркута, в яростных битвах Алпамыса и жертвенном подвиге Урал-батыра сокрыта вечная истина о назначении человека на земле.

Сказания возвещают: ты не брошен в этот мир как сирота и случайная песчинка. Ты рожден в самом сердце мироздания — между Голубым Небом и Бурой Землей. Твое дыхание священно, твоя жизнь имеет высший смысл, но и мера твоей ответственности неизмерима. Человек поставлен в бытие не для того, чтобы хищно разорять природу или упиваться преходящей гордыней власти, а

чтобы быть верным соработником света — беречь мир, хранить закон Тёрё и удерживать священное равновесие жизни.

Величайшим предостережением против слепого обольщения земным миром звучат бессмертные слова патриарха Коркута из древней книги огузов:

«Где те могучие владыки и беги, о которых я говорил?»

«Где те, кто надменно восклицал: "Весь этот мир принадлежит мне!"?»

«Их призвал смертный час, сокрыла холодная земля...»

«Кому же достался этот преходящий мир?»

«Мир, в который приходят лишь на краткий миг и из которого неизбежно уходят!»

«Мир, чей единственный и непреложный предел — уход души к Небу!»

«Твори же добро, оставь по себе доброе имя среди людей:»

«Ибо всякий пришедший уйдет,»

А остановившийся на ночлег путник свернет шатер и откочует в вечность!».

Коркут с беспощадной ясностью срывает с земного существования покровы суетной лжи. Земля никому не принадлежит на правах собственности. Богатство, чины, табуны и сундуки золота — лишь пыль, которую развеет степной суховей. Перед лицом Вечного Неба царь и пастух равны в своей смертной наготе.

Но это знание бренности не рождает в степняке уныния или бессильного цинизма. Напротив, именно краткость человеческого века придает каждому мгновению жизни предельную

драгоценность. Если твой день на земле краток, то у тебя нет времени на подлость, предательство и корысть. Единственное, что человек способен спасти от всепожирающего огня времени, — это чистота совести (ар-намыс) и доброе имя (Edgü at), оставленное в благодарной памяти народа.

Венец эпической этики сияет в финале башкирского кубаира «Урал-батыр». Умирающий богатырь, отдавший все силы борьбе за жизнь людей, оставляет человечеству завет, предвосхитивший высшие прозрения мировой мудрости:

«Самый страшный и коварный враг человека — не чудовища тьмы,»

«А его собственное зло, себялюбивый эгоизм и слепая гордыня!»

«Не живи только ради себя — живи ради своего народа!»

«Не топчи бездумно священную траву, не оскверняй чистые родники,»

«Береги прекрасную Землю так, как бережешь зеницу ока!»

«Сотворишь благо и правду — обретешь вечную жизнь в сердцах потомков;»

Впустишь в сердце яд кривды — и в могиле не найдет покоя твой дух!».

Этот завет сокрушает саму основу эгоистического индивидуализма. Человек находит свое подлинное величие не тогда, когда подчиняет себе мир, а тогда, когда добровольно отдает себя на служение целому. Урал-батыр отверг кубок личного бессмертия ради того, чтобы цвела земля и жили дети.

Степной эпос утверждает глубочайшую экософию: Земля — не кладовая ресурсов, а живая Мать. Всякий, кто ранит ее недра ради корысти, кто отравляет реки и губит леса, совершает святотатство,

за которое неизбежно придет возмездие. Любовь к родной земле — это не абстрактное чувство, а деятельная забота о каждом цветке и каждой росинке.

В строфах средневекового мыслителя Юсуфа Баласагуни эпический этос переплавляется в стройное философское учение о подлинном человеческом достоинстве — кісілік:

«Имя мужа не умирает вовек, даже если истлеет его бренная плоть,»

«Если высокое знание человечности пребывало в его сердце!»

«Этот мир был холодной ночью — а праведный человек стал в нем сияющим солнцем;»

«И рассеялся мрак ночи, когда солнечный свет озарил добрые дела мудрых...»

«Где те великие цари, что надменно властвовали над племенами?»

Ныне в недрах черной земли покоятся они в молчании...».

Быть человеком (кісілік) в степном понимании — это не природная данность, а великое искусство и подвижнический труд. Личность человека возрастает по мере того, как он соединяет в себе глубокий разум, горячее любящее сердце и твердую волю к правде.

Позже великий казахский мудрец Абай назовет эту триаду идеалом «Толық адам» — Полного, Совершенного Человека. Сказания веками пестовали этот тип личности: непоколебимый воин в час испытаний, сострадательный брат для бедняка, почтительный сын для старцев и верный страж священного слова.

В наши дни, когда человечество переживает тяжелейший духовный кризис, когда мир раздирают войны, цинизм и глухое беспамятство, сказания предков звучат с новой, пророческой силой.

Самой страшной трагедией эпос считал потерю памяти о предках — духовное рабство, обращение человека в бессловесного манкурта. Человек, забывший заветы отцов, предавший свой язык и потерявший связь с Вечным Небом, теряет душу. Он становится легкой добычей любого обмана и игрушкой чужой разрушительной воли.

Эпос учит: спасение народа — в верности своим истокам. Верность истокам — это не слепое цепляние за прах прошлого, а поддержание вечного священного огня. Это способность слышать шепот предков в шелесте ковыля, это благоговение перед величием Небес, это готовность встать на защиту слабого и умение сохранять чистоту совести в любых жизненных штормах.

Сказания тюркской традиции оставляют человеку великое и светлое упование. Жизнь прекрасна, земля священна, а путь человека полон высокого достоинства.

Пройдут столетия, сменятся поколения, преобразятся города и технологии, но по-прежнему над степью будет сиять бездонный лазурный купол Вечного Неба — Тэнгри. И покуда жив хоть один человек, готовый вслушаться в древнюю песнь кобыза, покуда живет в сердцах жажда правды и милосердия, не смолкнет голос предков, возвещающий:

«Храни верность совести,»

«Не преклоняй колен перед кривдой,»

«Береги священную Землю и держись прямого пути!»

«Ибо Небо видит все,»

И память о добром деле не угаснет вовек!».

❖ ❖ ❖

- **Применяй мудрость сказаний сегодня: древний эпос учит нас стойкости, благородству и любви к родной земле в любых обстоятельствах.**
- **Будь верен завету богатырей: не отступай перед неправдой, храни честь семьи и береги единство народа.**
- **Передай сказания детям: рассказывай подрастающему поколению о подвигах отцов, чтобы в их сердцах никогда не угас священный огонь традиции.**

КНИГА VII

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД МИРОМ: ФИЛОСОФИЯ ПУТИ

ГЛАВА

54

ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА

ВЗРОСЛЕНИЕ ДУШИ, НАУКА СОВЕСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Вцентре мироздания, созерцаемого степной традицией, стоит человек — не как ничтожный червь во прахе и не как самовлюбленный деспот природы, но как священное средостение космоса. Когда на каменных скрижалях Орхона высекались первые строки национальной историософии, возникновение человеческого рода было осмыслено как космическое событие первостепенного порядка:

«Когда вверху возникло Голубое Небо,»

«А внизу простерлась Бурая Земля,»

Между ними явились сыны человеческие...».

Формула «между ними» (ekin ara) — это не географическое указание; это метафизическое определение человеческого призвания. Человек (кісі) поставлен на стыке двух великих бездн: светоносной лазури Тенгри и животворящей материнской утробы Йер-Су. Он соединяет в себе горний свет духа и теплую плоть земного праха.

Человек — это мост, через который Небо созерцает сотворенный мир, а Земля возносит благодарение Небесам. Быть человеком — значит нести бремя антропокосмической ответственности:

удерживать лад (төр), творить правду (көнілік) и не давать силам хаоса разорвать священную ткань мироздания.

Тюркская мысль никогда не смешивала факт биологического рождения с подлинным человеческим бытием. Родиться на свет двуногим существом — лишь возможность, семя, брошенное в борозду времени. Человеком надлежит стать. Это трудное духовное возрастание и преображение обозначается вековым понятием — кісілік (человечность, человеческое достоинство).

В великой дидактической поэме XI века «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») Юсуф Баласагуни отлил этот идеал в чеканные афоризмы:

«Имя мужа не умирает вовек, даже если истлеет его бренная плоть,»

«Если знание человечности пребывало в его сердце!»

«Будь подлинным человеком, делись хлебом с алчущими,»

«Храни имя человечности до последнего своего вздоха!»

Ибо лишь через кісілік человек достигает зрелости и спасения...».

В словаре Махмуда Кашгари понятие кісілік неразрывно связано с обузданием душевных страстей и чистотой речи: «Начало всякой добродетели — обузданный язык». Невежество, жестокость и эгоизм лишают человека его истинного статуса: ожесточившийся и потерявший стыд уподобляется дикому зверю степи. Настоящий муж (ер) определяется не числом покоренных врагов, а мерой милосердия, верностью слову и умением обуздать слепой гнев.

Высшей философской вершины тюркский персонализм достигает в учении великого степного мудреца Абая о «Полном человеке» — Толық адам.

Вглядываясь в духовные недуги своего времени, Абай осознал, что ни сухое книжное знание, ни голая физическая сила, ни материальное богатство не способны спасти человека от нравственной деградации. Подлинная полнота бытия достигается лишь тогда, когда в человеке гармонично и нераздельно сливаются три великие силы:

«Лишь три начала определяют истинное достоинство человека:»

«Кипучая, несгибаемая воля (қайрат),»

«Лучезарный, проницательный разум (ақыл)»

«И теплое, любящее сердце (жүрек)...»

«И только там, где эти три начала соединяются воедино,»

«Рождается Совершенный человек — Толық адам.»

«Если же сердцу не принадлежит царственное главенство,»

То разум и воля превращаются в слуг подлости, алчности и разрушения!».

Примат любящего сердца над холодным рассудком — краеугольный камень степного миросозерцания. Разум без сердца изобретателен на изощренное коварство; воля без сердца превращается в слепую ярость тирана. Лишь теплое сердце, способное сострадать сироте, чувствовать чужую боль как свою собственную (обал) и благоговеть перед святостью бытия, освящает деятельность ума и направляет волю по пути созидания. Завет Абая краток и всеобъемлющ: «Адам бол!» («Будь Человеком!»). Это не совет, а абсолютный категорический императив степной метафизики.

Духовный наследник Абая, мыслитель и праведник Шакарим Кудайбердиев возвел этический поиск традиции на уровень

самостоятельной гносеологии, сформулировав концепцию «Науки совести» — Ар ілімі.

Шакарим прозревал, что человечество, увлеченное внешним научно-техническим прогрессом и накопительством, неотвратимо катится к духовной катастрофе. Знания множатся, но человечность угасает. В трактате «Три истины» он утверждает, что спасение цивилизации невозможно без признания высшей метафизической реальности:

«Человеку более всего потребны три вещи:»

«Честный, созидательный труд,»

«Чистый от корысти разум»

«И совестливое сердце...»

«Если все науки и ремесла мира не будят в человеке стыд и совесть,»

«То они несут лишь погибель.»

«Ибо совесть — это не условный договор людей,»

А божественный орган восприятия Истины Неба в человеческой груди!».

Совесть (ар, ұят) в философии Шакарима — это зримое присутствие Вечного Неба внутри смертной личности. Это невидимое око Тэнгри, бодрствующее в ночи. Человек может скрыть преступление от земных судей, обмануть соплеменников и избежать царских темниц, но он не может убежать от суда собственной совести. Нарушивший завет совести несет ад внутри самого себя, разрушая собственную душу.

Степная антропология никогда не была абстрактным умозрением; она воплощалась в строгом жизненном ритме —

двенадцатилетнем цикле взросления мүшел. Жизнь человека не текла монотонно: она делилась на ступени посвящения, где каждый рубеж требовал нового качества духовной зрелости.

Первый мюшель — тринадцать лет — знаменовал исход из беззаботного мира детства. Отрок получал первый нож, подпоясывался поясом мужа и принимал на себя обязанность беречь честь семьи. Второй мюшель — двадцать пять лет — пора расцвета телесной силы и воинской доблести (жігіттік), создание очага и защита кочевий. Третий мюшель — тридцать семь лет — пора социальной зрелости, когда муж входил в совет старейшин (орда бұзар). Четвертый мюшель — сорок девять лет — возраст мудрости, когда человек избирался бием, судьей, хранителем мира. Пятый мюшель — шестьдесят один год — вступление в благословенный чин аксакала, чье слово становится законом для потомков, а молитва-бата призывает милость Небес.

Каждый мюшель сопровождался опасным переходом и требовал духовного очищения: человек раздавал дары, совершал искупительные благодеяния (сауап), обновляя свой завет с миром. Возраст не мыслился как увядание; старость в степи была апофеозом мудрости, когда очищенный от суетных страстей дух приближался к небу.

Тюркский Путь человека принципиально отвергал эскапизм — бегство от мира в кельи или отшельничество. Высший подвиг совершается не в пустыне, а посреди своего народа: в защите слабых, примирении враждующих, справедливом суде и воспитании детей.

Человек смертен. Степной ветер заметет следы копыт, истлеют деревянные остовы юрт, и кости батыра смешаются с бурой землей кургана. Но Путь человека преодолевает смерть. Тот, кто прошел

этот путь в сиянии кісілік, кто взрастил в себе Толық адам и сохранил чистоту Ар ілімі, оставляет в мире нетленный след — доброе имя (Edgü at).

Его имя живет в благословениях потомков, его образ вдохновляет новые поколения на битву со злом, а его очищенный дух улетает светлой птицей в лазурные чертоги Вечного Неба, становясь вечным хранителем родной земли.

❖ ❖ ❖

• **Осознай свой Путь: жизнь человека —** это не слепая гонка за богатством или почестями, а великая школа взросления и очищения души.

• **Научись науке совести (Ар-ұят): совесть —** это прямой голос Неба внутри твоего сердца. Не заглушай её шёпот шумом земных страстей.

• **Будь человеком (Адам бол): высшее звание под солнцем —** остаться подлинным Человеком среди любых испытаний, соблазнов и бурь.

ГЛАВА

55

СВЯЩЕННЫЙ ОЧАГ

СЕМЬЯ КАК СОЮЗ РОДОВ И КРЕПОСТЬ ШАНЫРАКА

Семья в кочевом мире Великой Степи никогда не сводилась к простой хозяйственной ячейке или биологическому союзу ради выживания. Семья мыслилась как священный микрокосм — отражение великого небесного порядка в пространстве человеческого быта.

В центре этого малого космоса пылает священный огонь — от-ошақ. Домашний очаг почитался как земное проявление солярного тепла и животворящей благодати Вечного Неба (Тэнгри). Огонь юрты был живым существом: он дышал, говорил треском углей, согревал младенцев и очищал жилище от скверны. К очагу относились с благоговейным трепетом: в него строжайше возбранялось лить холодную воду, бросать нечистоты, плевать или перешагивать через него ногами. Осквернить огонь значило разрушить саму основу родового благополучия.

Не случайно младший сын в семье — кенже ұл — наследовал отцовское жилище и именовался царственным титулом: шаңырақ иесі («хранитель священного шанырака»). Старшие братья уходили со своими долями скота создавать новые кочевья, но отчий очаг оставался вечным духовным магнитом, куда стекались все

поколения рода. Пока курился дым над шанырaком отца, род оставался нерушимым и благословенным.

Одним из самых поразительных и светлых явлений степной цивилизации было достоинство женщины — матери, супруги, хранительницы жизни. Степной мир не знал затворничества, глухих стен гаремов и рабского унижения женщины.

На монументальных стелах Орхона великие каганы свидетельствуют о нераздельном царственном служении:

«Ибо Небо соизволило,»

«Благодаря благодати моей матери-катун»

«Мой младший брат Кюль-тегин обрел воинское имя...»

«Подобный Небу, на Небе рожденный тюркский каган»

Вместе со своей катун держал и устроял державу!».

Женщина в каганате и степных ханствах — не бесправная тень, а полноправная соправительница. Муж не принимал судьбоносных решений о войне, мире или перекочевке, не посоветовавшись со старшей супругой — бәйбіше. Во время военных походов мужской дружины именно женщины держали на своих плечах все кочевье: управляли выпасом табунов, встречали послов, вершили суд и при необходимости с оружием в руках отбивали набеги врагов.

В «Книге моего деда Коркута» богатырь Кан-Турали ищет себе суженую под стать своему ратному духу:

«Мне нужна такая подруга,»

«Чтобы, прежде чем я поднимусь с кошмы, она уже встала на ноги;»

«Прежде чем я обнажу булатную саблю, она уже обнажила свой клинок;»

Прежде чем я ринусь навстречу врагу, она уже встретила его грудью!».

Это идеал свободной, бесстрашной и благородной соратницы. Брак в степи строился не на слепом подчинении, а на глубоком взаимном доверии, верности и разделении великого бремени жизни.

В духовной иерархии степняков почитание матери стояло на недосягаемой высоте, превосходящей любые писаные законы.

Древнее изречение огузского эпоса донесло до нас абсолютный метафизический закон:

«Сказал мудрый Коркут-ата: "Право матери — это право Самого Неба!"»

«Муж, не стяжавший довольства и благословения матери,»

Никогда не узрит светлого лика Небес!».

Материнское молоко (ақ сүт) почиталось как священный небесный дар, вскормивший самую душу человека. Не расплатиться с матерью за ее бессонные ночи над колыбелью — это грех, который невозможно искупить земным золотом. Материнское благословение (ақ бата) считалось несокрушимым щитом, отводящим вражеские стрелы и спасающим воина в смертельных сечах. И напротив, слезы обиженной матери или ее материнское проклятие навлекали на род неотвратимую кару Небес.

Смерть супруги и матери переживалась степняками как космическое крушение. Поговорка гласила: «Шаңырағы ортасына түсті» («Его шанырак обрушился внутрь»). Дом без женщины терял душу, становился холодным остовом, лишенным живительного тепла.

Защитницей материнства, плодородия и новорожденных душ выступает светоносная богиня Умай Ана.

В степном созерцании ребенок (бала) никогда не рассматривался как личная собственность родителей. Дитя — это священный залог, небесный дар (Тәңірдің сыйы, аманаты), доверенный отцу и матери на благоговейное воспитание. Пока ребенок находится в колыбели (бесік), он еще помнит горний мир, откуда прилетел светлой птицей.

Первые сорок дней жизни младенца окружались особой сакральной опекой. Считалось, что незримая Умай Ана качает колыбель вместе с матерью, отгоняя злых духов и улыбаясь во сне новорожденному. Обряд укладывания в колыбель (бесікке салу), очищение дымом можжевельника (аластау) и тихая колыбельная песнь матери (әлди) создавали вокруг ребенка защитный купол любви и благодати.

Родители не имели права ломать волю ребенка жестокостью или грубостью. Воспитание в степи строилось на личном примере чести, благородства и правдивости. Отец учил сына терпению, верховой езде и верности слову; мать прививала сострадание, стыдливость и почитание святынь.

Семья в тюркской традиции связывает века воедино. Муж и жена, склоняясь перед священным огнем очага, дают обет не только друг другу, но и своим ушедшим предкам — аруакам. Они обязуются передать полученный огонь жизни незапятнанным своим детям и внукам.

В этом сокровенная тайна степного дома: в кольце юрты, под круглым оком шанырака, смотрящего прямо в небо, собирается вечность. Здесь за общим дастарханом преломляется хлеб, звучит мудрое благословение старца, смеются дети и покоится мир.

Покуда жив священный очаг, покуда сын чтит седины отца, а муж склоняет голову перед святостью матери, не оскудеет земля, и благословение Вечного Синего Неба пребудет над родом во веки веков.

❖ ❖ ❖

• **Укрепляй свой священный очаг: семья —** это крепость духа, где каждый находит тепло, защиту и безусловное принятие.

• **Береги верность супружескому союзу: взаимное уважение и чистота любви делают шанырак несокрушимым перед любыми ветрами судьбы.**

• **Сделай свой дом школой доброты: пусть дети видят в семье пример мира, трудолюбия и благоговейного почитания старших.**

ГЛАВА

56

КРОВЬ И ЗАВЕТ

ЧЕЛОВЕК И РОД, РОДОВАЯ ТАМГА И ВЕРНОСТЬ БРАТЬЯМ

Род в тюркской традиции — оғуш, ру, ырыу — предстает не просто биологической совокупностью родственников, объединенных общими предками. Род — это живой духовный организм, метафизическое тело общины, освященное кровью отцов, единым боевым кличем (ұран), священным знаком (тамға), памятью шежере и коллективным предстоянием перед Вечным Небом (Тэнгри).

Кочевой мир отвергал иллюзию обособленного человеческого существования. Одинокий путник в безбрежных просторах степи — ничтожен и беззащитен; включенный же в живую общность своего рода, он обретает несокрушимую силу сотен и тысяч соплеменников. Род — это несокрушимая стена, прикрывающая человека от ледяных буранов истории, нищеты и насилия.

На орхонских каменных скрижалях древнетюркские каганы обращаются к народу с пророческим призывом:

«О тюркские и огузские беги и роды, слушайте!»

«Пока вверху лазурное Небо не рухнет,»

«Пока внизу бурая земля не разверзнется,»

«Кто мог разрушить твой эль и твой священный закон-тёрё?..»

«Крепко держитесь своего рода,»

Не разрушайте священное единство!».

В словаре Махмуда Кашгари запечатлена народная пословица исключительной глубины: «El qalsa da, oγuš qalmas» («Даже если рухнет внешнее государство — род устоит»). Государственные границы преходящи, династии сменяют друг друга, но живая ткань рода, хранящая огонь очагов, язык матерей и могилы отцов, сохраняет народ сквозь любые эпохи крушений и невзгод.

Каждый тюркский род обладал своей небесной печатью — тамгой (таңба). Тамга — это не просто метка для скота или знак земельной собственности; это священный сакральный иероглиф, дарованный роду в незапамятные времена самим первопредком или Небом.

Тамга выбивалась на гранитных скалах родовых урочищ, на могильных кулпытасах, на боевых щитах и наносилась на государственные грамоты. Осквернить или украсть родовую тамгу считалось тягчайшим святотатством, объявлявшим смертную вражду. В форме тамги — будь то стрела, солнце, полумесяц, весы или гребень — кодировалось духовное призвание и историческая судьба рода.

С тамгой неразрывно связан ұран — родовое священное имя. Перед лицом смертельной опасности, когда на кочевья обрушивалась беда или полки сходились в яростном бою, над степью разносился не крик ужаса, а громогласный клич: «Алаш!», «Қабанбай!», «Бөгенбай!», «Салават!». Произнесение урана мгновенно пробуждало в сердцах воинов незримую силу предков-аруаков, сметая страх перед смертью и сплачивая разрозненных бойцов в единую несокрушимую фалангу духа.

Величайшей нравственной вершиной степного родового уклада были институты народной взаимопомощи — казахский Асар и башкирская Өмә, а также обычай благотворительного дарения Жылу (Йылыу).

Если у сородича случалась беда — пожар уничтожал шатер, наводнение уносило пожитки или безжалостный зимний джут истреблял табуны, — человек никогда не оставался один на один со своим горем. В тот же день весь аул собирался на совет. Вступал в силу непреложный закон Жылу: каждый родич, от богатого бая до скромного пастуха, обязан был выделить часть своего скота, войлока и утвари в пользу разоренного брата. Это не было унизительной милостыней; это было священное восстановление жизненного достоинства сородича. Считалось позором для всего рода, если хоть один из его членов ходил в лохмотьях или просил подаяния у чужих.

Когда требовалось возвести новое зимовье, скосить сено перед надвигающейся зимой или вырыть колодец в безводной степи, объявлялся Асар. На асар выходили все — от юношей до стариков. За этот труд никто и никогда не брал платы деньгами: подобное предложение сочли бы кровной обидой. Труд совершался безвозмездно, во имя чести рода, любви к ближнему и благодарности Небу. Вечером хозяин резал жертвенного барана, накрывал дастархан, и совместный труд завершался общей трапезой, песнями акынов и благословением старцев (ақ бата). В огне асара плавилась человеческая разобщенность, и рождалось несокрушимое братство.

В степном обычном праве человек отвечал не только за себя самого: за каждым его поступком стоял его род. Этот принцип

коллективной солидарности и ответственности с предельной яркостью проявлялся в институте выкупа крови — құн.

Если совершалось убийство или причинялось увечье, бремя возмещения вреда ложилось не только на виновника, но и на всю его родовую общину. Род преступника собирал колоссальную виру скотом, чтобы загладить вину перед родом погибшего. В этом проявлялась глубокая превентивная мудрость: каждый сородич был кровно заинтересован в том, чтобы его родичи не бесчинствовали, не обнажали оружия и не нарушали законов правды. Семья и старейшины строго воспитывали молодежь, зная, что за грех одного ответит благосостоянием вся община.

Если же среди сородичей появлялся неисправимый злодей, насильник или клятвопреступник, позоривший честь предков и не желавший каяться, род прибегал к крайней, страшнейшей мере — изгнанию (рудан аластау). Изгой лишался имени, тамги, права на защиту и памяти предков. Оставшись один посреди суровой степи, он превращался в прах. Страх изгнания из родного гнезда был сильнее страха царских кандалов.

Тюркские мыслители и мудрые правители ясно осознавали тонкую грань между благородной любовью к роду и ядом родового эгоизма — слепым трайбализмом.

Любовь к своему роду становится грехом, когда род замыкается в себе, превозносится над соседями и начинает грабить сопредельные племена. В таких случаях родовая солидарность вырождается во взаимную барымту, вражду и слабость перед лицом внешних завоевателей. Великие пророки степи — Коркут-ата, Асан Кайгы, Бухар-жырау — непрестанно взывали к преодолению межродовой розни:

«Если роды враждуют между собой,»

«Они потеряют то, что держат в руках!»

«Если же соберутся под единый шанырак —»

Никакая буря не сможет сокрушить этот народ!».

Род в истинном своем назначении — это не самоцель, а ступень к общенародному братству. Подобно тому как полноводная река складывается из сотен чистых горных ручьев, так и великий народ рождается из множества честных, благородных родов, спаянных единой любовью к родной земле (Атамекен) и верностью Вечному Небу.

Родовая память — это священное сокровище, переданное нам отцами на ответственное хранение (аманат). Человек, знающий свое шежере, помнящий родовую тамгу и готовый прийти на асар ради ближнего, никогда не почувствует себя сиротой в холодном мире.

За его спиной стоят сотни поколений предков, благословляющих его шаг. И покуда в сердцах потомков живет готовность разделить последний кусок хлеба с попавшим в беду сородичем, жив народ, и не померкнет лазурный свет над степью.

❖ ❖ ❖

• Помни свой род и родовую тамгу: твоя кровь несёт в себе силу сотен поколений. Не прерывай эту священную преемственность.

• Поддерживай братьев и сородичей: в трудный час подставь плечо близкому, раздели с ним хлеб и радость.

• Освящай родовую память благородными делами: пусть слава твоих предков приумножится твоей собственной честной жизнью.

ГЛАВА

57

ДУХ ЕДИНСТВА

ЧЕЛОВЕК И НАРОД, ВЕЛИЧИЕ ДЕРЖАВЫ И ЗАВЕТ ЕДИНСТВА

Отношение отдельного человека к своему народу в миросозерцании Великой Степи достигает предельной духовной высоты. Тюркская мысль никогда не признавала эгоцентрического отчуждения личности от целого. Человек раскрывает свое подлинное бытийное достоинство лишь внутри полнокровной жизни своего народа — бодун, и через служение суверенной отчизне — элю.

Эль (el, il) в древнетюркской традиции — это не просто аппарат политического принуждения или территория, очерченная межами. Эль — это состояние мира, гармонии и божественного порядка под куполом Вечного Неба (Тэнгри). Народ становится Элем тогда, когда он живет по священному космическому закону — Тёрё, когда в нем царствует правда (көнілік), а сильный защищает слабого.

На грандиозных стелах Орхона древнетюркские правители высекли священную исповедь ратного и гражданского подвига:

«Ради тюркского народа я не спал ночей,»

«Не сидел праздным днем...»

«Дабы тюркский народ не исчез,»

«Дабы он вновь стал народом,»

«Моего отца Ильтериш-кагана и мою мать Ильбильге-катун»

«Вечное Небо возвысило, держа за самую макушку!»

«Голодный народ я насытил,»

«Нагой народ одел в одежды,»

Малочисленный народ сделал великим и многочисленным!».

В этих словах выражена сокровенная сущность степного понимания власти и долга. Власть — не привилегия для стяжания богатств, а тяжкое и святое ярмо служения. Правитель подотчетен не своей прихоти, а Небу и народу. Если каган забывал о народе, предавался лености и роскоши, Небо отзывало свою благодать (құт), и такой владыка лишался престола. Легитимность измерялась исключительно благоденствием простого человека — қара бодун.

В кыргызском эпосе «Манас» долг служения народу раскрывается в архетипе великого собирания разделенных родов.

Манас Великодушный поднимает свое знамя в час глубочайшей национальной трагедии, когда племена были разбиты, рассеяны по чужим землям и обречены на угасание. Его миссия — не завоевание чужих богатств, а возвращение народу его исторического достоинства и родного очага:

«Из ястребка я воспитал ловчую птицу,»

«Из разрозненных, враждующих родов создал единый народ!»

«Дабы благоденствовали все кочевья,»

«Дабы мирно высились священные горы Ала-Тоо,»

«Рассеянное по чужбине я собрал воедино,»

Оборванную нить жизни связал нерушимым узлом!».

Собрать рассеянное, исцелить разорванное — таков высший императив степного героя. Герой счастлив лишь тогда, когда в безопасности его народ. В башкирском кубаире «Урал-батыр» богатырь приносит в жертву саму свою жизнь ради того, чтобы у людей была чистая вода, цветущая земля и мирная жизнь. Быть богатырем — значит быть щитом народа.

Степная цивилизация выработала уникальные формы истинного степного народовластия, не имевшие аналогов в окружающих деспотиях.

Ни один каган или хан не имел права объявить войну, заключить мир или утвердить новый свод законов единолично. Высшим органом народной воли был всенародный сход — Курултай у тюрков и монголов, Йыйын у башкир, съезды биев на холме Мартобе и в урочище Культобе у казахов.

На эти сходы собирались представители всех родов и волостей. Старейшины и простые воины рассаживались широким кругом прямо на ковыльной земле под открытым небом. Круг символизировал абсолютное равенство перед Небом: здесь не было первых и последних. Каждый свободный кочевник имел священное право высказать свое суждение в лицо хану.

В казахской истории поговорка «Күлтөбенің басында күнде кеңес» («На вершине Культобе — ежедневный совет») запечатлела институт непрестанного общественного диалога. Мудрые бии трех жузов — Толе би, Казыбек би, Айтеке би — силой своего поэтического слова и авторитетом совести примиряли споры султанов и удерживали народ от братоубийственной смуты.

В Башкортостане народные сходы Йыйын были крепостью свободы. На йыйынах сорок башкирских волостей выступали как единый сплоченный субъект, защищая свои древние вотчинные

права на земли, леса и реки Южного Урала, не склоняя головы перед насилием.

Смертельной угрозой для Эля степные мыслители всегда считали яд межродовой розни — слепой трайбализм и клановый эгоизм.

Когда роды начинали враждовать из-за пастбищ, когда сородич ставил корысть своего аула выше блага всей нации, над степью нависала гибель. Пословица сурово предупреждала: «Бөлінгенді бөрі жер» («Обособившегося, отделившегося от стаи непременно сожрет волк»).

Великим противоядием от этой болезни стал священный всенародный пароль и боевой клич — Алаш. В предании об Алаша-хане казахи запечатлели рождение нерушимого единства народа: кем бы ты ни был по рождению — аргыном, найманом, дулатом, адаем или кипчаком, — перед лицом общей опасности и перед судом Неба ты прежде всего сын единого народа Алаш. Провозглашение клича «Алаш!» немедленно останавливало любые межродовые споры и объединяло людей в единое несокрушимое братство.

Великий жырау Бухар взывал к хану Абылаю и всему народу, напоминая, что истинная сила государства кроется не в золоте, а в согласии сердец:

«Если роды пойдут врозь —»

«Враг придет и развеет твой пепел по ветру!»

«Если же вы станете единой душой и единой силой —»

Никакая тьма не одолеет твой священный шанырак!».

В «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни сокрыта глубокая философская истина о невозможности подлинного человеческого счастья вне народа:

«Без народа нет и не может быть правителя;»

«Без правителя и закона распадается эль;»

«А человек, оторвавшийся от своего народа,»

Подобен высохшей руке, бессильно повисшей в пустоте...».

Человек, предавший свой народ ради личной выгоды или чужих подачек, уподобляется сухой былинке, которую кружит степной вихрь. Он теряет имя, теряет покров аруахов и благословение Неба. И напротив, тот, кто отдает свои силы, ум и сердце служению народу, обретает истинное бессмертие.

Человек и народ в тюркской традиции — это капля и океан. Капля, упавшая на раскаленный песок, мгновенно испаряется и исчезает; капля, слившаяся с великой рекой народа, живет вечно в ее могучем течении.

Сказания и заветы предков напоминают нам сегодня: нет большего достоинства, чем беречь единство своей земли, хранить мир между братьями и трудиться ради процветания родного народа. И пока звучит в сердцах завет единства, жив Эль, и пребудет над ним вечное благословение Синего Неба.

❖ ❖ ❖

- **Храни дух единства народа: раздор и распри —** главные враги державы. Единство народа держится на общей правде и взаимном доверии.

- **Служи благу своего народа: вкладывай свой труд, ум и сердце в процветание родной земли и благополучие каждого соплеменника.**
- **Преодолевай эгоизм: благо целого всегда выше сиюминутной личной выгоды. Народ жив, пока живо братство сердец.**

ГЛАВА

58

ДЫХАНИЕ ЗЕМЛИ И ВОДЫ

ЧЕЛОВЕК В ЖИВОМ МИРЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОВЕСТЬ

Отношение к природе в духовном космосе тюркской традиции представляет собой одно из высочайших проявлений благоговейного биоцентризма в истории человечества. Для кочевника природа никогда не являлась безгласной материей, слепым сырьем для утилитарного грабежа или враждебной стихией, подлежащей насильственному покорению.

Природа переживалась как одухотворенное, священное тело Матери-Земли и Воды — Ыдук Йер-Су (Ïduq Yêr-Sub). В древнетюркской триаде верховных начал она занимает царственное место рядом с отцовским лазурным сводом Тэнгри и материнской заботой богини Умай.

На стеле Тоньюкука запечатлена священная благодарность вождя родной природе за спасение народа в дни великих битв:

«Тэнгри, Умай и священная Земля-Вода ниспослали нам победу!»

«Дабы земля и воды, которыми владели наши праотцы,»

«Не остались без хозяина, не были попраны врагом,»

Мы подняли свои щиты...».

Земля и Вода — не абстрактное географическое пространство; это живая сущность, обладающая собственным достоинством,

дыханием и слухом. Горы, леса, родники и степные дали одушевлены: в них обитают невидимые духи-хозяева (иесі, ээзи). Ступая по траве, человек ступает по лону матери. Нарушить ее покой жестокостью или жадностью считалось святотатством, способным навлечь космическое проклятие.

О благоговейном отношении тюрков к природным стихиям с изумлением писали чужеземные летописцы еще в VI веке. Византийский историк Феофилакт Симокатта оставил бесценное свидетельство о вере кочевников:

«Тюрки питают глубочайшее благоговение к священному огню, почитают живительный воздух и воду, слагают возвышенные гимны земле, но поклоняются единственно Тому, Кто распростер небеса и сотворил землю... Они никогда не оскверняют рек нечистотами и благоговейно охраняют текущие воды, веря, что в прозрачных струях обитает божественная чистота».»

В древнетюркской покаянной молитве из оазисов Турфана человек просит прощения перед стихиями за малейшее причиненное им беспокойство:

«Если мы согрешили перед священной Землей и чистой Водой...»

«Если без нужды сорвали зеленое растение или надломили цветущую ветвь дерева...»

«Если причинили обиду или страх чистому живому существу...»

О Вечное Небо, да очистимся мы от греха!».

Здесь раскрывается тончайшая экологическая чуткость: сорвать былинку ради пустой забавы, сломать ветку карагача или ранить птенца осмыслялось как духовное преступление перед лицом мироздания.

В башкирском кубаире «Урал-батыр» экологический императив традиции обретает форму предсмертного пророческого завета человечеству. Богатырь Урал завещает людям закон вечной любви к родной земле:

«Берегите прекрасную Землю так,»

«Как бережете зеницу своего ока!»

«Не творите зла и насилия природе!»

«Не плюйте в священную воду, не мутите ее чистых истоков!»

«Не топчите бездумно шелковую траву, не разоряйте птичьих гнезд!»

«Ибо если оскорбится Земля, если застонет Вода —»

«Их проклятие падет на человеческий род,»

И не останется жизни под солнцем!».

Этот завет звучит сегодня с пугающей актуальностью. Тюркский эпос за тысячелетия до экологических кризисов предвидел: разрушая природу, человек убивает самого себя. Осквернение рек и опустошение недр оборачивается высыханием источников, моральными недугами и гибелью цивилизации.

Сам батыр Урал, исчерпав силы в борьбе за спасение источников чистой воды от чудовищ тьмы, распыляет живую воду над иссушенными просторами, а его плоть претворяется в величественные хребты Уральских гор. Горы — это застывшее тело героя, ставшего вечным щитом родной земли.

В народной философии казахов, башкир, алтайцев и тувинцев бережное отношение к природе кодифицировалось понятиями обал и кие.

Обал — это грех жестокой неблагодарности по отношению к беззащитному творению. Срубить дерево у родника, вырвать траву с корнем, убить беременную сайгу или олененка — тяжелейший обал. Степная пословица предостерегает: «Бұлақ көрсең — көзін аш» («Увидишь забившийся родник — расчисти его исток, дай воде дышать»). Человек призван быть не палачом, а садовником и целителем земли.

Над миром природы бодрствует грозная охранительная сила — кие. Особым кие наделены священные птицы и животные: белый лебедь (аққу, аҡҡош), степной сокол, дикий архар. Убийство лебедя считалось абсолютным табу. По поверьям, тот, кто осмелится выстрелить в белого лебедя, навлечет слепоту и вырождение на свой род: оскорбленное кие настигает преступника неотвратимо. Лебедь олицетворяет чистоту небесной девы Умай, и его гибель нарушает сакральную гармонию мира.

Кочевой уклад был поразительным образцом бережного, циклического сожительства человека и природы. Степной скотовод никогда не истощал землю до пустыни.

Мудрость тысячелетий выработала систему меридионального кочевания по четырем временам года — Төрт мезгіл: зимние стоянки (қыстау), весенние приволья (көктеу), прохладные высокогорные летовки (жайлау) и осенние кочевья (күзеу). Едва скот начинал вытаптывать дерн, род снимал войлочные юрты и откочевывал на новые пастбища, давая покинутой земле отдохнуть, напиться дождем и вновь покрыться изумрудным ковром трав.

Степь после ухода аула оставалась чистой. Кочевник не оставлял после себя уродливых гор мусора и отравленных рек. Лишь круг от очага, примятая трава да каменные балбалы на курганах

свидетельствовали о том, что здесь прошли люди. Степь дышала свободно.

Экософия Великой Степи — это вечный урок человеку, потерявшему связь с землей. Она зовет нас отказаться от безумной гордыни властелина и вновь стать благодарными детьми Матери-Земли.

Земля священна. Каждая травинка колышется под ветром по воле Небес, каждый родник поет песнь чистоты, и дыхание диких коней наполняет простор жизнью. И покуда человек способен благоговейно склониться перед прозрачным ручьем, омыть лицо ключевой водой и вознести хвалу лазурному Тэнгри, мир пребудет в спасительном ладу, и жизнь на земле не угаснет.

❖ ❖ ❖

- **Слушай дыхание Земли и Воды: планета жива, она дышит вместе с нами. Твоё дыхание соединено с ветрами, твоя кровь —** с реками.
- **Воспитай в себе экологическую совесть: не оставляй после себя свалок, не разрушай природную красоту, береги каждый зелёный росток.**
- **Живи в священном равновесии: природа дарует всё необходимое для счастливой жизни тому, кто относится к ней с дочерней и сыновней любовью.**

ГЛАВА

59

СВЕТ ПРАВДЫ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО, РАВЕНСТВО ПЕРЕД ВЫСШИМ СУДОМ

Воснове общественного строя Великой Степи лежало глубокое религиозно-философское убеждение: человеческое общество существует не для услаждения произвола тиранов и не как арена хищной борьбы всех против всех. Общество мыслилось как священное сожительство свободных людей, скрепленное верховным космическим законом — Тёрё (Törö), и направляемое светом изначальной правды — Кёниликом (Könilik).

Тёрё в степной традиции — это не временный указ правителя, который можно переписать в угоду корысти. Тёрё предвечен и священен: он установлен предками по прямому соизволению Вечного Неба (Тэнгри). Сама Вселенная держится законом Тёрё, и нарушение этого порядка в человеческих делах влечет космическое возмездие: засуху, мор и падение царств.

В дидактическом своде «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни запечатлена великая формула, ставшая неписаной конституцией кочевой Евразии за столетия до европейских деклараций прав:

«El qalur, törö qalmaz!»

«(«Государство может пасть, царства могут рухнуть во прах —»

Но вечный Закон-Тёрё нерушим вовек!»).

В этой формуле провозглашено безусловное верховенство права над государственной властью. Каган или хан не являлся творцом закона; он был лишь первым слугой Тёрё, обязанным хранить меру и прямоту. В орхонских надписях мудрые владыки Бумын и Истеми прославляются именно за то, что они «держали и устрояли эль и закон-тёрё». Власть, поправшая Тёрё, теряла небесную благодать (құт) и объявлялась народом нелегитимной.

Если Тёрё — это остов и свод общественного порядка, то его живым нервом выступает Кёнилик — безупречная прямота, честность и объективная справедливость. Слово происходит от древнетюркского könü — «прямой, не искривленный».

В поэме Баласагуни образ идеального судьи и владыки Кюнтогды символизирует солнце: солнце светит всем одинаково, не делая различий между богатым и бедным, приближенным и чужаком. Подобно солнцу, справедливость должна быть равной для всех рожденных под Небом:

«Если сами правители держатся прямого закона,»

«То слова их озаряют мир небесным сиянием...»

«Прямота и справедливость нужны мужу, благородный и ровный нрав:»

«Лишь справедливостью человек возвышается на почетное место!»

«В каком государстве правитель судит по правде —»

Солнце того государства никогда не закатится во тьму!».

Искривить закон ради родственника, взять взятку (пара) или проявить малодушие перед лицом сильного считалось в степи тягчайшим грехом, оскверняющим самую душу судьи. Пословица гласила: «Könilik tüpi — Teŋri razılıqı» («Корень справедливости —

благоволение Самого Неба»). Справедливость — это не юридическая формальность; это земная тень божественного совершенства.

Вершиной народной демократии и правового гуманизма Степи явился институт суда биев.

Бием в казахской степи невозможно было стать по наследству или по царскому назначению. Звание бия даровалось народом исключительно тому, чья кристальная честность была доказана десятилетиями, чей ум был глубок, а слово разило без промаха. Суд бия происходил прямо посреди кочевий, на вершине холма или в просторной юрте, при открытых дверях и в присутствии любого желавшего слушать.

В народной памяти навеки запечатлелись чеканные максимы великих биев:

«Представ перед судом бия — умерь даже гнев за кровь отца!»

«Будь ты верховным ханом или простым пастухом — перед лицом правды все равны!»

«У справедливого судьи нет родни: если судит он по совести, он не знает лицеприятия;»

А у судьи, потакающего родственникам, нет чести, веры и совести перед Небом!».

Суд биев не знал тайных канцелярий, пыточных подвалов, железных решеток и кандалов. В кочевом мире, где высшей ценностью признавалось человеческое достоинство, телесные членовредительства и позорные наказания были строжайше запрещены.

Целью правосудия было не уничтожение оступившегося, а восстановление мира между родами и исцеление разорванного

лада. Приговор выносился в форме мерного поэтического слова (толғау), которое мгновенно запоминалось народом и разносилось по кочевьям как прецедент. Виновная сторона выплачивала компенсацию скотом (құн), после чего стороны преломляли стрелу, обменивались рукопожатием, и вражда объявлялась исчерпанной.

Степное общество строилось на принципах высокой общинной солидарности. Человек не мог быть оставлен на растерзание нищете или голоду.

В традиционном праве существовал священный долг опеки над вдовами (жесір), сиротами (жетім) и путниками (жолаушы). Обидеть сироту или присвоить его скот считалось грехом обал, навлекавшим проклятие на весь род обидчика. Обычай гостеприимства предписывал накормить и обогреть любого странника, не спрашивая его имени и веры: путник считался посланцем Неба (Қыдыр).

Если же род постигало бедствие, весь народ выходил на Асар — безвозмездный труд, где в общем труде соединялись богатые и бедные. Понятие социального паразитизма отвергалось: каждый свободный кочевник (қара бодун) имел своего коня, оружие и право голоса на совете. Это формировало тип личности, исполненной врожденного благородства, спокойного бесстрашия и чувства собственного достоинства.

Степная традиция не была замкнута в этническом эгоизме. Великим институтом преодоления межплеменных барьеров выступал обычай тамырства (тамырлық).

Мужчины разных родов и даже разных народов могли заключить между собой священный союз духовного побратимства — стать тамырами. Обряд скреплялся клятвой на оружии и обменом ценными дарами. С этой минуты тамыр становился ближе

кровного брата: его дом был твоим домом, его враги становились твоими врагами, а его дети — твоими детьми. Предательство тамыра каралось вечным позором. Тамырство создавало паутину мира и доверия, пронизывающую всю Евразию от Дуная до Алтая.

Тюркская философия общества оставляет нам непреходящий завет: величие государства измеряется не блеском ханских дворцов и не жестокостью карателей, а тем, насколько защищен в нем самый слабый и беззащитный человек.

Общество живо, пока в нем бодрствует закон Тёрё, пока судьи судят по совести, а не за мзду, пока люди делятся хлебом в трудную годину и хранят верность слову.

❖ ❖ ❖

- **Следуй свету правды (Кёнилик): правда не зависит от сиюминутной выгоды или человеческих законов. Она вечна, как Небо.**
- **Будь справедлив в обществе: не суди предвзято, защищай слабого от произвола сильного, твори добро бескорыстно.**
- **Помни о равенстве перед высшим судом: перед лицом Тенгри все люди наги и равны. Оцениваются лишь чистота помыслов и тяжесть добрых дел.**

ГЛАВА

60

БРЕМЯ СЛУЖЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ, НЕБЕСНЫЙ МАНДАТ И ВОЛЯ НАРОДА

Вполитической теологии кочевых цивилизаций власть (ерік, билік, қағандық) никогда не признавалась абсолютной собственностью правителя или источником личного обогащения. Власть мыслилась как тяжкое сакральное бремя, как временное служение, доверенное смертному человеку высшим повелением Вечного Неба (Тэнгри жарлығы) и освященное согласием народа на всенародном сходе.

Легитимность правителя покоилась на обладании священной харизмой — небесной благодатью Кут (Құт). Кут не давался по прихоти крови раз и навсегда; он ниспосылался Небом тому, чье сердце было исполнено справедливости, чистоты и самоотверженной заботы о народе.

На царственных стелах Орхона Бильге-каган открывает сокровенную тайну своего восшествия:

𐱃𐰇𐰼𐰚:𐱅𐱃 𐰇𐰼𐰚:𐱅𐱃 𐰇𐰼𐰚:𐱅𐱃

	своей супругой-катун держал державу!».

Кут правителя — это не привилегия безнаказанности, а космическая ответственность. Если правитель был чист и справедлив, Небо оплодотворяло землю дождями, скот плодился без мора, а народ жил в достатке. Но если каган нарушал священный закон Тёрё, становился жестоким деспотом, угнетал бедняков и упивался золотом, Вечное Небо отзывало Свою благодать: «Құты кетті» («Кут покинул его»). В ту же секунду правитель терял сакральную защиту и переставал быть легитимным владыкой.

О том, насколько сурово степная традиция ограничивала гордыню власти, свидетельствует потрясающий обряд интронизации древнетюркских каганов, описанный в летописях VI века.

Когда народ и совет старейшин избирали нового кагана, его сажали на белую войлочную кошму и девятикратно обносили по солнцу, выражая покорность воле Неба. Но сразу вслед за этим наступало грозное испытание: новоизбранного вождя сажали на коня, накидывали ему на шею шелковый шнур и затягивали его до тех пор, пока правитель не начинал задыхаться и терять сознание.

Едва шнур ослабляли, старейшины строго вопрошали стоящего на пороге смерти владыку: «Сколько лет ты сможешь править нами по правде?». В полузабытьи каган называл число лет своего служения.

В этом древнем мистериальном обряде была заложена глубочайшая мысль: власть — это дыхание на грани смерти. Тот, кто берет в руки судьбу народа, должен почувствовать петлю на собственной шее. Он должен помнить, что смертен, слаб и что за всякую неправду он ответит своей жизнью перед судом Неба и

сородичей. Если правитель пытался удержать трон сверх срока, названного Небу, или нарушал закон, народ имел священное право лишить его престола.

В бессмертных строфах поэмы «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни философия власти представлена в диалоге двух начал: правителя Кюнтогды (олицетворения неизменного Закона-Тёрё) и его визиря Айтолды (олицетворения переменчивой Благодати-Кут):

«Правитель Кюнтогды — это Закон, прямой и равный для всех;»

«Визирь Айтолды — это Благодать-Кут, сияющая светлой улыбкой...»

«Но если какой-либо правитель уклонится от правды Закона,»

«То Благодать-Кут немедленно удаляется от его шатра,»

«И власть его рушится во прах!»

«Власть правителя никогда не закатится, пока она озарена Законом;»

Но власть, растоптавшая Закон, неизбежно захлебнется в собственной крови!».

Баласагуни напоминает владыкам: трон шаток, а земная слава преходяща, словно фазы луны. Единственное, что способно удержать державу от распада — это верность правде (көнілік) и сострадание к простому человеку. Тирания недолговечна; она разрушает сама себя изнутри.

Церемония провозглашения хана в степи хранила удивительный символ народной свободы. Хана поднимали на белой кошме четыре самых уважаемых бия, представлявших разные роды. Белый войлок символизировал чистоту помыслов и незапятнанную совесть, которую правитель обязывался хранить.

Но едва церемония завершалась, совершался древний обряд — ханталапай. Присутствующие воины и старейшины разбирали личное имущество хана и разрезали белую кошму на мелкие лоскуты, унося их как священную реликвию в свои аулы.

Этот обряд нес потрясающий философский смысл: хан отказывался от личного накопительства. Он отдавал свое богатство народу, оставаясь нагим слугой Эля. Отныне его богатством было благополучие подданных, а его щитом — любовь соплеменников.

Главным оплотом свободы степного человека было отсутствие закрепощения. В отличие от оседлых царств, где крестьянин был намертво привязан к земле, степняк обладал крыльями свободы — своим конем и скотом.

Если хан превращался в несправедливого деспота, обременял народ непосильными поборами или попирал решения суда биев, кочевники не устраивали бессмысленных кровавых бунтов. Они прибегали к высшей форме мирного сопротивления — откочевке (көшу). Целые роды и племена снимали свои юрты, собирали стада и уходили в другие степи под покровительство справедливых султанов.

Так в 1465 году султаны Жанибек и Керей откочевали от жестокого хана Абулхаира, положив начало независимому Казахскому ханству. Тиран оставался в пустой степи один со своими слугами, лишенный войска, податей и подданных. Откочевка была тихим, но несокрушимым судом народа над неправедной властью.

Степной человек никогда не падал ниц перед властителями. В юрте суда биев хан садился на кошму рядом с простым пастухом, не имея права обнажить оружие.

Когда над степью сгустились тучи войн, знаменитый Казыбек би обратился к грозным правителям со словами, ставшими манифестом степного вольнолюбия:

«Мы, вольные казахи — мирный народ, пасущий скот,»

«Ни на кого первыми не нападающий, не ищущий чужой земли...»

«Но если над нашим шанырaком нависнет беда —»

«Мы вскочим на коней и в сапогах перейдем бурные реки!»

«Мы не склоним своих голов только потому, что ты величаешь себя ханом!»

«Будешь справедлив — станешь нашим святым отцом и защитником;»

Станешь тираном и притеснителем — станешь нашим заклятым врагом!».

Этот дух свободы жил в каждом степняке. Он не знал рабского пресмыкательства. Власть уважалась лишь тогда, когда она сама уважала человека.

Степная религиозная философия утверждает непреложный закон: всякая власть держится на тонком волоске совести. Тот, кто садится на престол, должен помнить, что он — не господин над душами людей, а всего лишь слуга предвечного Тёрё.

Империи, построенные на насилии и лжи, рассыпаются в прах, и кости тиранов уносит ветер забвения. Но память о тех правителях, кто правил в чистоте сердца, кто делился хлебом с голодными и защищал вдов и сирот, сияет негасимым светом под лазурным куполом Вечного Неба.

❖ ❖ ❖

- **Помни о бремени служения: власть —** это не право повелевать, а тяжкий крест ответственности перед Небом и народом.
- **Руководи с мудростью и кротостью: истинный лидер вдохновляет личным примером правды, а не страхом наказания.**
- **Не злоупотребляй доверием людей: власть, ослеплённая гордыней, обречена на падение. Будь верным слугой Закона Тёрё.**

ГЛАВА

61

ПОЛЕТ ДУШИ

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ТАЙНОЙ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЕ В ДОБРОМ ИМЕНИ

Вдуховном строе тюркской традиции отношение к смерти представляет собой поразительный образец сурового экзистенциального реализма, соединенного со светлой и мужественной верой в бессмертие духа. Степной мир никогда не питал иллюзий о бесконечности земной плоти. Смерть не мыслилась как случайная катастрофа, нелепая ошибка природы или кара за первородный грех. Она признавалась предвечным, мудрым и непреложным законом космоса, установленным волей Самого Неба:

𐰋𐰃𐰆·𐰇𐰋𐰏·𐰓𐰇 𐱅𐱃𐱄·𐰇𐰇𐰔·𐰋𐰄 𐰘𐰇𐰓𐰇𐰏·𐰇𐰋𐰇	*«Öd Teŋri yasar, kişi oγlï qop ölgeli törimiš!» А сыны человеческие все рождены смертными!»).* ——— *(«Время распределяет Вечное Небо,*

Эта чеканная формула со стелы Бильге-кагана отсекает всякий малодушный ропот. Время (Өд) не принадлежит человеку. Ни великий каган, ни непобедимый батыр, ни богатейший бай не в силах прибавить себе ни единого часа земного дыхания, когда иссякает мера, отпущенная свыше.

Когда Бильге-каган оплакивает безвременную кончину своего любимого брата — витязя Кюль-тегина, он не впадает в бессильное отчаяние:

«Мой младший брат Кюль-тегин улетел птицей в небесный чертог...»

«Время распределяет Небо: человек рожден, дабы уйти в урочный час.»

«Так размышлял я в сердце своем;»

«И когда к очам моим подступали горькие слезы, я сдерживал их;»

И когда из груди рвался крик скорби, я побеждал его размышлением...».

Здесь явлена великая стоическая победа разума над слепым горем. Плач обуздывается философским созерцанием закона бытия: смертен каждый, но достоинство ухода определяет посмертную судьбу человека.

Самым возвышенным и поэтическим свидетельством степной танатологии является древнетюркская метафора смерти: «Učа bardï» («он улетел», «стал птицей»). О человеке благородном, честно прошедшем свой земной путь, никогда не говорили грубо: «он умер» или «он сгнил во прахе». Говорили: «он улетел к Небу».

В этом священном эвфемизме сокрыта глубокая вера: душа человека не уничтожается со смертью тела. Тело, сотворенное из праха матери-земли, возвращается в ее теплое лоно, но жизненное дыхание — дух (тын, рух), дарованный Небом в миг зачатия, освобождается от плотских оков. Душа оборачивается птицей — белым кречетом, соколом или лебедем — и устремляется ввысь, в бездонные чертоги Вечного Неба, к сонму первопредков.

В казахском языке это древнейшее представление сбереглось сквозь века в выражениях: «дүниеден ұшты» («улетел из этого мира»), «бақилық болды» («обрел вечность»). Смерть предстает не падением во мрак, а окрылением духа, возвращением странника домой после долгого и трудного земного кочевья.

На берегах Енисея, на гранитных стелах Саянских гор, древние тюркские воины оставили пронзительные эпитафии, раскрывающие тончайшую гамму человеческих чувств перед порогом вечности.

Умирающий богатырь Уюк-Тарлак прощается с миром живых:

«В подсолнечном мире я не насытился радостью моего отечества...»

«В возрасте двадцати шести лет я разлучился с моим священным законом-тёрё,»

«С моими сородичами, с моим белым шатром...»

«Ради мужской доблести я не насладился моим эдем под Небом,»

«Я улетел птицей...»

С вами, проливая слезы, я разлучился...».

Слово бөкпедім (bökmedim) — «я не насладился», «я не насытился» — передает не бунт против Неба, а светлую и чистую любовь к земному творению. Подсолнечный мир (Күн асты) прекрасен: прекрасен бег аргамака по весенней степи, прекрасен смех детей у очага, сладок глоток кумыса и звон булатной сабли. Человек уходит с тихой грустью, благодаря Небо за каждый дарованный день под солнцем. В этой грусти нет страха перед преисподней; в ней есть сыновняя нежность к оставленной земле.

Проводы ушедшего в степи сопровождались великим ритуальным действом — поминальным чином йог (уоγ) и погребальными плачами — сагу (saγu) и жоқтау.

В словаре Махмуда Кашгари дошел до нас осколок древнейшего плача по легендарному царю Алп Эр Тонге:

ᎾᎸᏉᏣ·ᏎᏕᏗᏗ ᏙᏣ·ᏥᏂᏉᏘ ᏯᏗᏘ·ᏗᏉᏗ·ᏣᏥᏘᏑᏕᏉᏣ	*«Неужели погиб великий Алп Эр Тонга? Неужели неумолимое время взяло свой реванш? Ныне сердце мое разрывается от скорби... Время источило благородных мужей, Коней богатырей сокрушило... Где же они теперь? Кому остался этот вечный мир?..».* ———— *(Неужели опустел этот бренный мир?)*

Погребальный плач жоқтау, исполняемый женщинами рода, не был простым выражением безутешного отчаяния. Жоқтау являлся публичным судом чести. В строфах плача с беспощадной правдивостью перечислялись деяния почившего: накормил ли он голодных, сберег ли честь знамени, защитил ли слабых, творил ли правду на суде. Ложь перед лицом смерти считалась осквернением обряда. Достойный человек обретал в жоқтау бессмертие своего имени; память о нем отливалась в поэтическую песнь, которую бережно хранили потомки.

О том, как высокое искусство побеждает слепую ярость смерти, повествует древнее предание Великой Степи о великом жырау Кетбуге.

Когда старший сын грозного Чингисхана, царевич Жошы (Джучи), погиб на охоте, растерзанный дикими куланами, никто не осмеливался возвестить великому хану страшную весть. За весть о смерти близкого закон карал заливанием расплавленного свинца в горло вестника.

Тогда старый мудрец и кюйши Кетбуга вошел в ханскую орду, держа в руках двухструнную домбру. Он не произнес ни единого слова: он просто сел на кошму перед владыкой полумира и ударил по струнам, исполнив бессмертный кюй «Ақсақ құлан» («Хромой кулан»). В стонах дерева и струн Чингисхан услышал бешеный топот табуна, свист степного ветра, предсмертный крик любимого сына и тихий стон матери.

«Домбра твоя плачет, старец! Твоя домбра возвещает мне гибель моего сына!» — вскричал потрясенный каган. Кетбуга не нарушил закона: о смерти говорило само бытие, оплаканное звуками домбры. Свинец был залит не в горло человека, а в чашу инструмента. Священная музыка приняла на себя удар судьбы, доказав, что дух и искусство выше царского гнева и сильнее страха смерти.

Философия смерти в тюркской традиции увенчивается великой идеей: человек побеждает бренность через доброе имя (Edgü at).

В «Кутадгу Билиг» Юсуф Баласагуни напоминает владыкам и простым мужам:

«Когда завершится земной век — неизбежно наступит смерть;»

«Человеку суждено оставить все земное позади...»

«Сколько владык ушло, оставив лишь имя свое!»

«Если доброе имя человека сохраняется среди людей —»

«Это и есть подлинное бессмертие!»

«А тот, кто жил без чести и доброго имени —»

Тот мертвец уже при жизни своей...».

Ради этого древнетюркские каганы высекали свои скрижали на гранитных скалах, воздвигая Бенгю Таш — «Вечный Камень».

Камень побеждает века. Человек умирает, но высеченное на камне благородное деяние и переданный потомкам закон Тёрё остаются жить под открытым Небом.

Смерти нет там, где жива благодарная память. Покуда в юрте горит огонь, покуда сын с благоговением произносит имя отца, а акыны поют о подвигах батыров, ушедшие предки продолжают нести свой вечный дозор в лазурных чертогах Тенгри, оберегая родную землю от распада и тьмы.

❖ ❖ ❖

- **Встречай тайну смерти со спокойным величием: смерть —** это не провал во тьму, а таинственный полёт бессмертной души к первоистоку бытия.
- **Живи так, чтобы уйти с лёгким сердцем: прости всех обидчиков, отдай долги, согрей близких любовью и оставь чистый след на земле.**
- **Обрети бессмертие в Добром Имени: тот, кто прожил век достойно, продолжает жить в благодарных молитвах потомков под Вечным Небом.**

ГЛАВА

62

НИТЬ ВЕЧНОСТИ

НАКАЗ ПОТОМКАМ И СОХРАНЕНИЕ ГАРМОНИИ МИРА

Взгляд степной традиции обращен к грядущему — к тайне времени, судьбе потомков и горизонту вечности. В отличие от учений, ожидающих скорого, катастрофического крушения мироздания в пламени апокалипсиса, тюркское миросозерцание мыслит бытие с несокрушимым, светлым космическим оптимизмом: покуда над степью сияет Синее Небо, жизнь будет обновляться и побеждать тьму.

Мир Неба и Земли предвечен и устойчив. На древнетюркских стелах высечена формула космической незыблемости:

«Пока вверху лазурное Небо не обрушится на землю,»

«Пока внизу бурая Земля не разверзнется в бездну —»

Ничто не может уничтожить священный эль и праведный закон-тёрё!».

Будущее в степном созерцании — это не слепой обрыв истории, а непрерывный путь кочевья сквозь века. Оно мыслится как Үзілмес жіп (Өҙөлмәҫ еп) — непрерывающаяся нить жизни, протянутая из сокровенных глубин первоначала через сердца живущих в бесконечные дали грядущего. Человек не является последним свидетелем угасающего мира; он — хранитель священного огня,

обязанный передать дыхание жизни незапятнанным своим детям и внукам.

О том, насколько глубоко степная цивилизация жила заботой о будущем, свидетельствует сам феномен древнетюркской рунической монументальной письменности — воздвижение «Вечного Камня» (Beŋgü Taş).

На берегах Орхона и Селенги правители древних каганатов устанавливали исполинские гранитные стелы не ради сиюминутного тщеславия. Стелы водружались на каменных спинах исполинских черепах — древнейших символов вечности земли, — а высеченные на них слова были обращены через головы современников прямо к нам, людям далеких столетий:

𐰋𐰇𐰴𐰇·𐰚𐰋·𐰃𐰉𐰇 𐰋𐰆𐰇𐰇𐰋·𐰃𐰋𐰃𐰋 𐰇𐰇𐰇𐰋·𐰇𐰇𐰇𐰇	*«Дабы имя и слава народа тюрков не исчезли во прахе, Я высек этот Вечный Камень... Смотрите на него сквозь века, вслушивайтесь и знайте! Видящие очи мои словно ослепли, ведающий разум мой замер от волнения... Я поставил вечный памятник под синим куполом Неба: Не разрушайте же моих заветов, Глядя на этот Вечный Камень, учитесь правде!».*

Здесь поражает пророческая открытость будущему. Каган предвидит бури, поражения и новые возрождения; он знает, что истлеют шатры и рассеются кости воинов, но Слово, врученное камню и Небу, дойдет до потомков. Письмо в степи было актом священного доверия к грядущему поколению: предки верили, что их сыновья найдут в себе мудрость услышать голос отцов.

Отношение степного человека к будущему кристаллизуется в фундаментальной этической категории — Аманат (Амана).

Аманат — это сокровище чрезвычайной, священной ценности, доверенное человеку не на правах собственности, а на ответственное, бережное хранение. Земля отцов (Атамекен), чистые родники, живое материнское слово (Ана тілі), заветы предков и незапятнанная честь совести (Ар-намыс) — все это великий Аманат, полученный нами от предков для передачи грядущему поколению (ұрпақ).

В степном праве предать аманат считалось тягчайшим грехом, лишающим человека покровительства аруахов. Землю нельзя было продать или опустошить ради сиюминутной наживы: кочевник знал, что он держит эту землю взаймы у своих неродившихся внуков.

Институт семи поколений имел двустороннюю направленность: зная имена семи предков вглубь веков (Жеті ата), степняк был обязан просчитывать последствия каждого своего поступка на семь поколений вперед (Жеті ұрпақ). Как отзовется срубленное сегодня дерево через двести лет? Не иссякнет ли этот родник при наших правнуках? Не запятнает ли малодушный поступок доброе имя фамилии на пороге грядущих веков? Эта глубинная ответственность перед будущим создавала непревзойденный экологический и социальный баланс.

В строфах Юсуфа Баласагуни закон непрерывности бытия раскрывается как божественная гармония мира:

«Место отца занимает сын в этом подлунном мире;»

«Место сына непрерывно занимает его сын во всякий урочный час...»

«Эта священная нить никогда не прерывается среди людей;»

«Эту нить держит человек по велению Самого Неба!»

«Что завещал тебе отец твой благородного и чистого — свято храни,»

«Передай это сыну своему:»

Ибо в этом сокрыта истинная небесная благодать-кут!».

Человек обретает покой перед лицом собственной смертности, когда видит своих детей, идущих по пути добра. Сын — это не просто продолжение рода; это продолжение твоей молитвы, твоего труда и твоей совести.

Великий казахский мыслитель Абай завещал:

«Не оставляй ребенку богатства скотом:»

«Богатство — пыль на ладони, исчезнет в один гибельный джут.»

«Оставь ему знание, светлое ремесло, оставь ему человечность!»

«Знание и незапятнанная честь — вот вечная сокровищница!»

«Будь кирпичом, вложенным в здание мира:»

Найди брешь в мироздании и займи свое достойное место!».

В народной посмертнои казахов образ благословенного будущего воплотился в поэтическом поиске легендарного философа-жырау Асан Кайгы — в мечте о Земле Обетованной, Жеруйык.

Оседлав вещую верблюдицу Желмаю, мудрец Асан Кайгы всю жизнь кочевал по бескрайним просторам Евразии, выискивая благодатные урочища, где нет голода, где чисты родники, где люди не знают войн, а на спине мирно пасущихся овец безбоязненно вьют гнезда жаворонки. Жеруйык — это не географическая точка на карте; это мечта кочевого духа о гармоничном будущем, где

человек, общество и природа сливаются в едином согласии под Вечным Небом.

Эта мечта веками вдохновляла народ: она не давала степнякам сломаться в годы жестоких джутов, вражеских нашествий и колониального гнета. Вера в то, что впереди — светлый мир согласия, вела кочевников сквозь любые исторические тернии.

В древней «Книге гаданий» (Īrq Bitig), записанной руническими письменами на шелке в оазисах Турфана, сохранилась прекрасная притча о неизбежном торжестве света над тьмой:

«Взошло золотое солнце,»

«Озарило благодатным светом все вокруг...»

«Ночь ушла, рассеялся морок тьмы...»

«Черная земля согрелась, весь народ возрадовался!»

«Силою и милостью Вечного Неба»

«Да будет будущее благословенным и добрым!»

Так знайте все: это знамение блага!».

В этой древней строфе бьется вечное сердце традиции. Какими бы глубокими ни казались сумерки настоящего, как бы ни бушевали бури войн и разделений — ночь непременно уйдет. Взойдет солнце, согреется земля, и народ возрадуется новому дню.

Человек и будущее в тюркской религиозно-философской мысли — это таинство вечного сева. Каждый праведный поступок, каждое посаженное дерево, каждый расчищенный родник, каждая колыбельная песнь матери и каждое правдивое слово бия — это семена, брошенные в борозду грядущего.

И покуда над нашими головами простирается лазурный шатер Вечного Синего Неба — Тэнгри, покуда жива в сердцах верность

священному Аманату отцов, не прервется нить времен. Человек идет вперед с ясным челом и спокойным сердцем, зная: будущее открыто свету, и память о добре пребудет в веках.

❖ ❖ ❖

- **Храни нить вечности: ты —** живой мост между ушедшими предками и грядущими поколениями. Держи этот мост крепким и надёжным.
- **Оставь мир лучше, чем принял: посади сад, воспитай достойных детей, сохрани чистоту родников для тех, кто придёт после тебя.**
- **Передай наказ потомкам: учи детей жить по совести, любить родную землю и благоговейно предстоять пред открытым Небом Тенгри.**

КНИГА VIII

ТРАДИЦИЯ СКВОЗЬ ВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ ДУХА

ГЛАВА

63

РЕКА ВРЕМЕН

СТОЙКОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ДУХА СКВОЗЬ ВЕКА

Традиция кочевых народов Евразии никогда не являлась окаменевшим сводом мертвых догм или застывшим во времени первобытным реликтом. Подлинная духовная традиция подобна могучей полноводной реке: она непрерывно течет сквозь века, огибает скалы исторических катастроф, меняет свои берега и внешние русла, но сохраняет изначальную чистоту своих истоков и вечную устремленность к океану бытия.

На протяжении полутора тысячелетий тюркское миросозерцание пережило грандиозные исторические трансформации. Сменялись экологические зоны — от лесистых отрогов Алтая и Саян к бескрайним ковыльным просторам Дешт-и Кипчака, от горных хребтов Тянь-Шаня к уральским долинам и берегам Дуная. Рушились великие империи: пал Первый Тюркский каганат, обратились в пепел крепости Уйгурского каганата, рассеялись по степи племена половцев и печенегов, отгремели бури Золотой Орды.

Однако сквозь все эти тектонические сдвиги проходит нерушимая золотая нить духовного самосознания. Степной мир обладал уникальным даром: отличать внешнюю, преходящую форму от вечной сущности. Государственные образования, династии и границы мыслились кочевником как временные шатры,

поставленные на стоянке пути. Вечным же оставалось Небо над головой, родная Земля под ногами и совесть в груди человека.

В древней формуле «El qalur, törö qalmaz» («Государство может пасть, но Закон-Тёрё нерушим вовек») сокрыта глубочайшая философия исторического выживания: не государство рождает духовную традицию, а традиция и правда совести созидают и возрождают народ даже тогда, когда рушатся все земные троны.

О поразительном географическом и духовном единстве тюркской традиции свидетельствуют памятники письменности, разбросанные на тысячи верст по всему евразийскому континенту.

В VIII веке на берегах реки Орхон в Монголии каган Бильге высекает на гранитном камне священные слова:

«Ибо само Вечное Небо соизволило,»

«Благодаря небесной благодати-кут я воссел каганом...»

Дабы имя и слава народа тюрков не исчезли вовек!».

И в ту же самую эпоху, на противоположном краю Евразии, за шесть тысяч верст от Монголии — на Балканах, в Болгарии хана Омуртага, резчик выбивает на греческом языке и тюркских рунах каменную скрижаль:

«Канасубиги Омуртаг — от Бога правитель...»

«Великий хан пребывает в мире,»

Пока верховный Тангра дарует ему силу созидать закон и побеждать врагов...».

От берегов Тихого океана до Дуная звучит одно и то же предвечное имя — Тэнгри, Тангра. Это имя объединяло кочевой мир в единое метафизическое пространство задолго до появления современных карт.

В знаменитом половецком словаре начала XIV века «Codex Cumanicus» средневековые книжники зафиксировали тончайшее различие, разрушающее колониальные мифы о примитивности веры степняков:

«Физический небосвод, воздушная лазурь — Kök (caelum);»

«Всевышний Творец, Единый Господь — Tengri (Deus);»

Закон, вечный порядок правды — Törö (lex, ius).

Тюрки никогда не поклонялись физическому воздуху или тучам. Видимый лазурный свод был лишь величественным куполом, зримым покровом Непостижимого, Вездесущего и Предвечного Творца.

В историческом странствии традиции отчетливо проступают четыре великие эпохи духовного возрастания:

1. Эпоха Великих Каганатов (VI–X века). Время монументальной государственности, единого культа Вечного Неба и рунических каменных скрижалей. Верховная власть кагана мыслится как священное патриархальное служение, где царь предстает земным хранителем космического закона Тёрё, подотчетным суду Небес и совету старейшин.

3. Эпоха Народного Синтеза (XV–XIX века). Время Казахского ханства, вольных башкирских волостей, ногайских и сибирских кочевий. Традиция растворяется в живой народной плоти кочевья: в почитании духов предков-аруаков, в колыбельных песнях матери Умай, в огне очистительного аласа, в мудрости суда биев и в плачах жоқтау. Традиция живет не в библиотеках, а в сердце матери и в скачке богатырского коня.

В чем же тайна несокрушимости степного миросозерцания? Она кроется в глубокой органичности его нравственного ядра.

В тюркской традиции никогда не существовало жестокой инквизиции, пыточных костров за инакомыслие и религиозных войн на уничтожение. Степь была открыта странникам: здесь находили приют люди других обычаев-несториане, путники, соседи и мусульмане. Кочевник рассуждал с мудрой простотой: «Пальцы на руке разные, но ладонь одна; пути к Небу разные, но Небо над всеми едино».

Менялись слова молитв, менялась одежда и утварь, но неизменными оставались столпы духа:

Священный закон гостеприимства — согреть и накормить путника;

Верность данному слову (ант) — предпочесть смерть нарушению клятвы;

Любовь к родной Земле-Воде — беречь каждую былинку и не осквернять текущих вод;

Почитание седин отцов — благоговеть перед подвигом семи поколений предков.

История изменения тюркской традиции оставляет человечеству важнейший урок: подлинная устойчивость достигается не окаменелостью, а верностью сути.

Тот, кто держится лишь за внешнюю скорлупу обрядов, погибает при первой исторической буре. Тот же, кто хранит в сердце живой огонь совести, способность к состраданию (обал) и предстояние перед Вечным Небом, проходит сквозь любые эпохи крушений.

Традиция не осталась в прошлом. Она течет в нашей крови, звучит в печальных струнах домбры, шепчет в шелесте полыни и зовет нас вглядеться в лазурную высь Тэнгри, напоминая: мы — дети вечности, и путь наш продолжается.

❖ ❖ ❖

- **Осознай стойкость традиционного духа: века проходят, рушатся империи, но священная память Степи остаётся неугасимой.**
- **Черпай силу в реке времен: не бойся перемен внешнего мира, если твои духовные корни крепко держатся за вечный гранит традиции.**
- **Будь хранителем священного огня: передавай искру веры от сердца к сердцу, сохраняя завет отцов сквозь любые бури эпохи.**

ГЛАВА

64

ДУХОВНАЯ СТОЙКОСТЬ СТЕПИ

СОХРАНЕНИЕ СВЯЩЕННОГО КОРНЯ СКВОЗЬ ВЕКА

ᐤᐡᓴ·ᎾᏍᏩᏗᏝ·ᏂᏢᏣᓴ ᎦᎿᏬ·ᏣᏢᏩᏨᏅᏧᏗ ᏣᏝ·ᏣᏍᏩᏝ	*«Мы веруем, что есть только единый Тенгри, Которым мы живём и Которым умираем... И как Творец дал руке разные пальцы, так народам дал различные пути к постижению истины...»* ——— *(Хан Мункэ, Каракорум, 1254 г.)*

На протяжении тысячелетий бескрайние просторы Великой Степи служили не барьером, разделяющим народы, а великим перекрёстком евразийских путей. Караваны несли через степные просторы шёлк, пряности и металл; менялись эпохи, рождались и исчезали могущественные империи, приходили и уходили чужеземные проповедники и книжники.

Однако самым поразительным чудом духовной истории кочевого мира остаётся его непоколебимый внутренний суверенитет. Степь никогда не замыкалась в глухой изоляции, но при этом ни одна внешняя сила не смогла сломить её сокровенного мировоззренческого ядра.

В чём же заключалась тайна этой удивительной стойкости?

Она заключалась в природе самого степного храма. Тот, чьим алтарём является открытый купол Вечного Неба, не может быть порабощён догматической теснотой. Для степняка, привыкшего

мерить мир бесконечным горизонтом от края до края, всегда была глубоко чужда мысль о том, что Единый Творец может принадлежать лишь одному племени или быть заперт в каменных стенах рукотворного здания.

Кочевник взирал на небосвод и видел очевидную истину: солнце светит всем без различия. Дождь орошает и полынь, и цветущий луг; родник поит и путника, и коня, и дикого сайгака. Из этой космической широты рождалось великое степное великодушие — способность уважать чужой путь, не предавая при этом собственного священного корня.

В 1254 году великий хан Мункэ в Каракоруме сформулировал европейским послам эту непреложную мудрость предков:

«Мы веруем, что есть только единый Тенгри, Которым мы живём и Которым умираем, и к Нему мы обращаем наши чистые сердца... Но как Творец дал руке разные пальцы, так Он дал народам различные пути к постижению истины. Нам же Он дал знание закона отцов, любовь к родной земле и мир со всеми, кто чтит правду...»

Степь встречала чужие народы с открытым дастарханом, но никому не позволяла посягнуть на три священные основы своего бытия:

Во-первых, на свободное предстояние перед Небом: степняк отказывался признавать над собой власть посредников, требующих слепого раболепства. Обращение к Тенгри оставалось прямым и сердечным разговором сына с Отцом;

Во-вторых, на святость родной земли (Йер-Суб): земля предков, политая потом и кровью отцов, не могла быть продана или отдана в рабство. Её защищали до последнего дыхания;

В-третьих, на нерушимость Закона Тёрё и клятвы Ант: верность данному слову ценилась выше золота и самой жизни.

Когда рушились великие кочевые державы, когда на смену каганатам приходили смутные времена междоусобиц, традиция не умирала. Она уходила в глубь народного быта. Она жила в колыбельных песнях матерей, в тихом шелесте ковыля, в обрядовом очищении огнём (Алас), в благословении старейшин (Бата) и в неподкупном суде степных мудрецов-биев.

Сквозь века испытаний тюркская традиция пронесла главное знание: империи преходящи, книги и города могут обратиться во прах, но Вечное Синее Небо над головой и живая Земля под ногами пребудут вовек. И пока человек сохраняет чистоту совести, он непобедим.

❖ ❖ ❖

- **Сохраняй внутренний суверенитет духа: Степь знала множество приходящих и уходящих учений, но сберегла верность своему Небу.**
- **Не разменивай подлинную традицию на чужие обёртки: цени родное слово, родной обычай и прямую простоту веры в Тенгри.**
- **Встречай мир с открытым сердцем, но твёрдым духом: уважай культуру соседей, но никогда не отрекайся от священных корней своего народа.**

ГЛАВА

65

СБЕРЕЖЁННЫЙ СВЕТ

КАК ЖИВАЯ ВЕРА В ТЕНГРИ СОХРАНИЛАСЬ В СЕРДЦЕ НАРОДА

𐰸𐰃·𐰚𐰸𐰋 𐰚𐰚𐰴𐰆·𐰆𐰴𐰆 𐰚𐰸𐰋·𐰚𐰚𐰇	*«Тәңір бар! Небо видит правду, и ни одно доброе дело не канет в забвение...»* ——— *(Степная народная клятва)*

Бывают эпохи, когда внешние исторические обстоятельства заставляют народ менять одежды, язык официальных грамот или принимать новые названия. Но глубинная духовная память народа подобна подземной реке: её можно скрыть от глаз поверхностного наблюдателя, но её невозможно иссушить.

На протяжении многих веков вера в Тенгри не исчезала из народной души. Она не нуждалась в шумных манифестациях и парадных шествиях: она жила в самом сокровенном пространстве человеческого бытия — в семье, в обычаях, в благословениях и в языке совести.

Вглядись в живой язык казахов, башкир, кыргызов, алтайцев, татар, тувинцев и хакасов — и ты услышишь, как священное имя Тенгри звучит в нём на каждом шагу!

Когда аксакал поднимает ладони для благословения путника или молодожёнов, первое слово, которое слетает с его уст: «Тәңір жарылқасын!» («Да благословит тебя Тенгри!») и «Жаратушы ием қолдасын!» («Да поддержит тебя Создатель!»). Это не заученная

формула: это древнее, искреннее обращение к Небесному Отцу, дарующему благодать и мир.

Когда же человека постигало несправедливое обвинение, когда земной суд заходил в тупик и не было свидетелей, чтобы доказать правоту, кочевник не падал духом. Он обнажал голову, расстёгивал пояс, поднимал открытое лицо к зениту и произносил великие слова:

«Тәңір бар!» — «Тенгри есть! Небо видит!»

В этой краткой формуле заключена абсолютная вера в высшую справедливость. Человек готов был предстать перед судом Неба, зная, что ложная клятва перед лицом Тенгри станет несмываемым проклятием для его потомков, а правда — будет защищена небесной благодатью.

А народная поговорка, дошедшая из глубины тысячелетий, напоминала:

«Құдайдан қорықпағаннан қорық, Тәңірден ұялмағаннан ұял»

«Бойся того, кто не боится внешней кары; стыдись того, у кого нет внутреннего стыда перед Небом».

Понятие ұят (совесть, стыд) связывалось именно с предстоянием перед всевидящим оком Небес.

Живая вера в Тенгри сбереглась и в сакральном отношении к домашнему очагу. В каждой юрте огонь продолжал почитаться как От-Ана (Мать-Огонь). Молодая невестка, впервые входя в семью мужа, склоняла колени перед пламенем и лила ложку топлёного масла, прося благословения для своего шанырака. Ни один степняк не осквернял огонь бранью или нечистотой.

А в пространстве материнства образ светоносной богини Умай оставался живой реальностью. Бабушка, укладывая беспокойного младенца в колыбель, нежно гладила его лоб и шептала:

«Бұл менің қолым емес — Ұмай анамның қолы!»

«Это не моя рука — это рука Матери Умай защищает и исцеляет дитя!». Женщина осознавала себя лишь земным орудием небесной доброты.

Весной, когда степь оживала в дни равноденствия — на Наурыз, Сабантуй или Теләк, старейшины родов восходили на сакральные горы-шиханы (Торатау, Улытау, Хан-Тенгри) и приносили бескровную жертву — окропляли землю белым молоком и кумысом, вознося мольбу к Небу:

«И, Оло Тәңре, ергә йәм бир, илгә бәрәкәт бир, балаларға ҡот бир!»

«О, Великий Тенгри, даруй земле красоту, народу — изобилие, детям — благодатную жизненную силу кут!».

Эта вера не знала фанатизма, насилия и ненависти к другим. Она была чиста, как степной воздух, и тверда, как гранитные скалы. Она держалась на трёх простых истинах:

1. Небо едино над всеми людьми, и высший закон — это Правда;

2. Земля священна, и человек обязан быть её бережным хранителем;

3. Честь и доброе имя важнее любых богатств мира.

Этот сбережённый свет предков живёт и сегодня. Он бьётся в каждом добром поступке, в чистоте сохранённого родника, в уважении к сединам родителей и в стремлении жить по правде под бескрайним Синим Небом.

❖ ❖ ❖

- **Храни сбережённый свет веры в Тенгри: в самые суровые эпохи народ сохранил сокровенное имя Всевышнего в пословицах, благословениях и песнях.**
- **Помни священный возглас предков: когда трудно —** воскликни в сердце «Бир Тенгри!», и ты почувствуешь незримую силу небесной благодати.
- **Живи народной мудростью: священный огонь очага, материнское благословение Умай и память предков живут в каждой семье, хранящей верность добру.**

ГЛАВА

66

НЕУГАСИМЫЙ ОГОНЬ

ДРЕВНИЕ ОБРАЗЫ В НАРОДНОМ БЫТУ И СЕМЕЙНОМ УКЛАДЕ

Одним из самых удивительных чудес духовной истории Евразии является непреодолимая жизнестойкость исконного миросозерцания степи. Проносились века, сменялись мировые религии, распадались и возникали царства, но древнее доверие к миру, вера в благословение Вечного Неба и святость матери-земли не исчезли. Они не были стерты догматами; они ушли в сокровенную глубину повседневного бытия, затаились в народных обычаях, в колыбельных песнях матерей, в запахе тлеющего можжевельника и в тихом треске семейного очага.

В науке этот феномен часто именуют бытовым синкретизмом или «народной верой». Но для человека степи здесь не было двоеверия или лицемерия. Это было естественное дыхание целостной жизни: в мечети кочевник внимал словам священных писаний, а возвращаясь под купол войлочной юрты, склонял колени перед огнем очага и просил заступничества у духов предков. В этом соединялись два крыла единой веры: горний свет Небес и теплота отеческого крова.

Поразительным свидетельством непрерывности степной обрядности является ритуал очищения огнем — Алас.

В 568 году византийский посол Земарх, прибывший в ставку великого тюркского кагана Истеми в предгорьях Тянь-Шаня, оставил подробнейшее описание:

«Люди этого племени, чье служение состоит в отвращении злых сил,»

«Подошли к нам, взяли наши повозки и дары и положили посреди поля.»

«Затем они зажгли ветви степного ладана-можжевельника,»

«Произнося на своем древнем языке возвышенные молитвы...»

«Проведя людей и коней между двумя пылающими кострами,»

Они очистили нас от всякого тайного зла и чар...».

Прошло более четырнадцати столетий. И сегодня в казахских аулах, на высокогорных пастбищах Кыргызстана, в долинах Башкортостана и на Алтае старейшая мать семьи берет тлеющую ветвь горного можжевельника (арша, артыш) или степной гармалы (адыраспан), обходит углы юрты, окуривает колыбель младенца и произносит те же священные слова, что слышал византийский посол:

«Алас, алас!»

«Всякая скверна, изыди!»

«Всякая хворь и дурной глаз, сгори в огне!»

Да пребудет в нашем шаныраке мир и благодать!».

Огонь почитается как живое, божественное начало. Он не сжигает жизнь; он очищает душу от копоти суетного мира, возвращая человеку изначальную первозданную чистоту.

В народном сознании домашний очаг оставался престолом священного огня. Отношение к нему носило характер благоговейного рыцарского почитания.

В XIX веке выдающийся просветитель Чокан Валиханов запечатлел древнейший обряд вхождения молодой невестки в семью мужа:

«Молодая женщина, впервые переступая порог юрты свекра,»

«Обязана преклонить колени и плеснуть ложку топленого овечьего масла в пылающий очаг.»

«Пламя вспыхивает ярким золотым сиянием,»

«А седые матери простирают руки к теплу и молят:»

«"От-Ана, Май-Ана, жарылқа!" (Мать-Огонь, Мать-Елей, благослови!).»

Ибо без этого таинства семья не будет иметь благословения и детей...».

Огонь очага — это земное женское божество, Мать-Огонь (От-Ана). В огонь строжайше возбранялось плевать, лить воду или втыкать острие ножа. Очаг хранил мир в семье. Если случалась ссора, старец указывал на тлеющие угли, и спорщики умолкали, стыдясь осквернить святыню гневом.

Сам порог юрты — босаға — мыслился священной межой. Порог разделял внешний холодный хаос и внутренний священный космос рода. Наступать ногой на порог или стоять в дверях запрещалось: гость обязан был перешагнуть порог с правой ноги, склонив голову, входя с миром и благословением.

Хотя в официальных трактатах древние боги уступили место новым понятиям, в интимнейшем пространстве материнства образ светоносной богини Умай сохранился в неприкосновенности.

Каждая мать и бабушка в степи знала: истинной хозяйкой колыбели является добрая Умай-Ана. Когда младенец беспокойно вздрагивал во сне, бабушка гладила его лобик и шептала древний заговор:

«Ұмай анам ұйықтасын,»

«Құтты бесікке сыйласын...»

«Бұл менің қолым емес — Ұмай анамның қолы!»

Сақта, Тәңірім, сәбиімді пәле-жаладан!».

Женщина осознавала себя лишь земным орудием небесной Матери: «Это не моя рука — это рука Умай-Ана исцеляет дитя». В этом жесте — предельное смирение материнского сердца.

Обряд укладывания в колыбель (бесікке салу), обряд перерезания путовых веревок на ножках ребенка (тұсау кесер), чтобы он уверенно ступал по земле жизни — все это древнейшие мистерии посвящения, связывающие маленького человека с дорогой свободы и покровом Небес.

В народной целительской практике сохранился глубокий метафизический обряд возвращения жизненной силы — Құт құю у казахов и Ҡот ҡойоу у башкир.

Если человек пережил страшное потрясение, тяжелый испуг или впал в тоску, старики говорили: «Его кут отлетел, душа покинула тело». Человек терял радость, увядал и болел. Для исцеления совершался тихий чин: над головой больного держали чашу с чистой родниковой водой, и опытная знахарка выливала в нее расплавленный свинец или воск.

Застывающий металл принимал причудливые формы, вытягивая из тела темный страх, а целительница произносила слова призыва: «Вернись, благословенный Кут, в свое гнездо! Да

вернется радость и сила!». Это была народная психотерапия исключительной тонкости: человеку возвращали утраченную целостность духа и связь с Небесной благодатью.

В народных праздниках степной календарь сохранил благоговейное почитание Матери-Земли и солнца.

Весеннее равноденствие — Наурыз, великий день улуса (Ұлыстың ұлы күні), праздновался как вселенское воскресение природы. В этот день варился священный суп из семи злаков (наурыз-көже), символизирующий изобилие семи начал бытия; враждующие роды забывали обиды, обнимались и прощали долги. Старцы сажали молодые деревца и расчищали горные родники, произнося: «Срубишь одно дерево — посади десять!».

У башкир и татар праздник первой борозды — Сабантуй, и весенний «Грачиный праздник» — Ҡарғатуй, сопровождались восхождением на священные холмы, коллективной варкой каши в больших котлах и кормлением перелетных птиц. Люди кормили птиц, обращая ладони к Небу и прося дождей, мира и тучных стад.

Древние представления степи выжили не потому, что народ слепо держался за суеверия. Они выжили потому, что несли в себе вечную правду о человеке.

В этих простых обрядах человек находил защиту от экзистенциального холода одиночества. Он знал, что согрет пламенем очага, укрыт крылом Умай, благословлен молитвами предков-аруаков и любим предвечным Небом.

Традиция жива, пока мать поет колыбельную над бесиком, пока в очаге теплится огонь и путник переступает порог дома с миром. Это неугасимый свет, согревающий наши сердца на всех дорогах бытия.

❖ ❖ ❖

- **Поддерживай неугасимый огонь традиции в быту: обряд Алас с можжевельником, благословение колыбели и уважение к порогу хранят твой дом.**
- **Относись к семейным обычаям с благоговением: в них нет суеверия —** в них бьётся живой пульс тысячелетней мудрости предков.
- **Очищай своё жилище от дурных мыслей и ссор: пусть твой дом будет наполнен запахом целебных трав, светом мира и чистотой помыслов.**

ГЛАВА

67

ГОЛОСА НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРЕДКОВ XVIII–XX ВЕКОВ

Когда на просторы Великой Степи и в таежные долины Саяно-Алтая надвинулись новые времена — с границами империй, караванными дорогами модерна и чиновничьей переписью, — живой уклад кочевников вступил в полосу драматического перелома. Однако сокровенная память о Вечном Небе не исчезла под напором внешней ломки. В XVIII, XIX и начале XX столетия первые исследователи, путешественники и сами просвещенные сыны Степи застали традицию еще полноводной, хотя и скрывшейся в глубоких ущельях народной души. Их записи сохранили для нас не омертвевшие музейные редкости, а биение живого мистического пульса, не прерывавшегося на протяжении тысячелетий.

Величайшим откровением этих свидетельств стало открытие поразительной духовной устойчивости степного космоса. Когда ученые-востоковеды записывали на Алтае великое моление Небу — Тайылга, они с изумлением слышали слова, почти дословно повторявшие высеченные тысячу лет назад строки орхонских каганов. Жрец и старейшина, стоя перед жертвенным белым конем

под сенью священных берез, воздевал руки к зениту и восклицал: «Вверху — синее Небо, внизу — бурая Земля! Семнадцать ярусов чистого простора, владыка благодати! Прими дар рода, отведи беду нижнего мира, сохрани покой нашего очага!». В этой молитве не было ни книжного заимствования, ни исторической стилизации: человек гор и степей продолжал говорить с Творцом на том же первозданном языке космического созвучия, на котором взывали к Небу древние владыки Отюкена.

На восточных и северных отрогах Саян кочевники урянхайских и хакасских урочищ сохранили образ Неба в его абсолютной, первобытной трансцендентности. Они решительно отказывались высекать из камня или вырезать из дерева лик Небесного Владыки. Их мудрецы прямо говорили исследователям: «Как можно создать образ Неба? Небо — везде. Оно объемлет собою всякую вершину, проникает в каждую травинку и видит сокровенные мысли всякого живущего. Образом Неба может быть только само Небо». Поэтому всякое восхождение на горный перевал становилось священнодействием. Путник не смел пройти мимо перевала, не положив белый камень на священное Обо и не повязав на ветвь лиственницы синюю шелковую ленту — чалама, цвет которой был цветом нерушимой лазури небесного простора.

В казахских же степях традиция обрела иное, изумительное по своей тонкости звучание, глубоко и нежно запечатленное Чоканом Валихановым. Здесь шаманский бубен уступил место благословенному кобызу — инструменту, созданному некогда легендарным мудрецом Коркутом. Когда в ночной степи струны из конского волоса начинали изливать свою глубинную, гортанную песнь, имитируя вой ветра, плач лебедя и поступь коней, баксы вступал в собеседование с незримым миром. В его призывах

священные имена древних покровителей — Баба Тукти Шашты Азиза и предков рода — переплетались в неразрывную гармонию. Баксы не был темным колдуном; он был врачевателем раненого человеческого духа, возвращавшим потерянную душевную равновесие силой музыки и молитвенного предстояния. Он пел: «О, Небо, давшее испытание — даруй исцеление! Силою света и памяти чистых предков освободи страждущего!».

Та же непрерывная нить соединяла просторы Башкортостана с сибирскими истоками. В уральских долинах роды Бурзян и Усерган еще в начале XX века выходили на вершины святых холмов для совершения обряда Теләк — всенародной мольбы о дожде и плодородии земли. Старейшины родов, повернувшись лицом к распахнутому куполу небес, кропили весенний воздух каплями белоснежного кумыса, призывая благодать на пастбища и стада. Сакральное собрание Йыйын, прямо восходящее к древним курултаям, решало споры между родами не силой оружия, а законом совести и верности памяти отцов перед лицом единого Творца.

Поздние этнографические памятники убедительно свидетельствуют о том, что традиция древних тюрков выжила не благодаря каменным крепостям или пышным храмам, которых кочевники никогда не строили. Она уцелела благодаря своей поразительной органичности, способности жить в ткани повседневного быта — в материнской колыбели, в узорах войлочного ковра, в строгом кодексе гостеприимства и в неподкупной верности памяти семи поколений предков. Традиция выжила, потому что она была не внешней догмой, навязанной книжниками, а подлинным естеством самого степного человека, стоящего лицом к лицу с вечной и милосердной беспредельностью.

❖ ❖ ❖

- **Прислушайся к живым голосам недавнего прошлого: наши прадеды XVIII–XX веков хранили святость слова, почитание гор и чистоту родников.**
- **Записывай воспоминания старших: пока живы дедушки и бабушки, расспрашивай их о старинных обычаях и молитвах рода.**
- **Будь продолжателем живой цепи: традиция —** это не архив пыльных рукописей, а живая кровь и дыхание твоего собственного народа.

ГЛАВА

68

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

ЧТО СБЕРЕГЛА НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Вшуме и суете современного века, среди бетона мегаполисов и вихрей цифровой реальности, в глубинах народной жизни тюркских народов продолжает звучать древний, не умолкающий аккорд. Он не всегда осознается рассудком, но безошибочно распознается сердцем. Это не просто «этнографические пережитки» или музейная память, но живой метафизический стержень, организующий человеческое бытие, защищающий тепло очага и связывающий поколения в непрерывное кольцо вечности.

Первым и самым непреложным оплотом этой живой традиции остается священный закон родового родства — познание семи предков, Жеті ата у казахов и кыргызов, Ете быуын у башкир. Это установление выходит далеко за пределы простого обычая или законов экзогамии: оно утверждает метафизическую ответственность живого человека перед предками и потомками. Человек в степной традиции никогда не мыслился одинокой пылинкой, оторванной от корней и брошенной в холодную пустоту бытия. За его плечами незримо стоят семь поколений отцов, передавших ему силу духа, честь имени и священный завет беречь сородичей. Забвение своих предков приравнивалось к духовной слепоте и лишению благодати, тогда как сыновняя верность

родовому древу дарует человеку внутренний покой и несокрушимое достоинство перед лицом любых ударов судьбы.

Вторым живым архетипом, пронизывающим повседневность миллионов людей, является культ священного огня и обряд очищения — Алас. До сего дня в городских домах и степных аулах, при рождении дитя, при входе в новое жилище или в дни весеннего возрождения природы, женщина возжигает благоухающую степную траву адыраспан или хвойную ветвь арчи. Неся перед собой священный трепет очистительного дыма и обходя жилище посолонь, она повторяет древнее призывание: «Алас, алас, от всякой беды и дурного взгляда очисти наш кров!». В этом простом действии горит огонь той же чистой веры, с которой тысячелетие назад византийские послы Земарха проходили очищение между двумя священными кострами перед шатром тюркского кагана. Огонь признается не слепой стихией разрушения, но теплом жизни, солнечной искрой, оставленной Творцом на земле для охранения домашнего очага.

Особое благоговение окружает порог человеческой жизни — приход младенца в этот мир и его первые шаги. Когда в колыбели бесік засыпает новорожденный, над ним незримо веет дух Великой Матери Умай — покровительницы материнства и детских душ. А когда ребенок встает на ноги, совершается обряд разрезания пут — Тұсау кесер. Ножки малыша перевязывают черно-белой шерстяной нитью — символом неразрывного переплетения светлых и темных дорог земного бытия, — и самый быстрый, мудрый и чистый сердцем сородич перерезает путы, благословляя дитя на прямой и бесстрашный жизненный путь.

И вся эта полнота бытия увенчивается священным институтом Бата — благословения. Ни одно великое дело, ни одна дальняя

дорога, ни одна свадьба или посев в степи не начинаются без старческого слова. Аксакал, соединив раскрытые ладони перед лицом, словно чашу, в которую нисходит свет небесной благодати, произносит слово благословения: «Да сопутствует Небо, да поддержат светлые духи предков, да наполнится дом изобилием и согласием!». И все присутствующие, принимая это благословение, проводят ладонями по лицу, впитывая в себя силу сказанного слова. В этом жесте нет раболепия: в нем дышит благоговейная радость сопричастности к вечной жизни народа.

Когда же приходит день весеннего равноденствия — Наурыз, или великие празднества обновления природы, Сабантуй и Ысыах, весь народ выходит под открытое небо. Варится священное весеннее кушанье из семи даров земли и скота, льется благословенный кумыс, звучат струны домбры и курая. Традиция не умерла: она дышит в любви к родной земле, в почитании седины отцов, в материнской нежности и в незамутненном взоре ребенка, устремленном в бескрайнюю синеву Вечного Неба.

❖ ❖ ❖

- **Береги то, что сберегла народная память: в сказках, пословицах, обрядах Наурыза и свадебных чинах скрыто бесценное духовное сокровище.**
- **Очищай обычаи от наносных искажений: возвращайся к первоначальному, глубокому и чистому смыслу каждого народного действия.**
- **Практикуй традицию ежедневно: говори правду, уважай старших, защищай слабых и радуйся солнцу —** в этом и состоит живая традиция.

ГЛАВА

69

ТРАДИЦИЯ СЕГОДНЯ

ПОДЛИННАЯ МУДРОСТЬ ПРОТИВ СОВРЕМЕННЫХ ВЫМЫСЛОВ

На переломе эпох, когда рухнули идеологические оковы недавнего прошлого и народы Великой Степи вновь обрели свободу духовного самоопределения, к древнетюркскому наследию устремились взоры миллионов. Это было естественное и благородное движение пробужденной души: после десятилетий насильственного беспамятства человек искал свои подлинные корни, желая вновь ощутить под ногами священную твердь родной земли, а над головой — чистое купольное сияние Вечного Неба.

Однако всякое духовное возрождение неизбежно встречает на своем пути опаснейшие искушения. Главное из них — соблазн легкого, псевдоисторического мифотворчества. В мутных потоках околонаучных спекуляций и кабинетных фантазий древнюю веру кочевников нередко пытаются представить либо вселенской прарелигией, от которой якобы произошли все цивилизации и веры мира, либо, напротив, утилитарным политическим лозунгом для межплеменной гордыни. Рождаются фальшивые рукописи, выдумываются несуществовавшие книги и ритуалы, а подлинный голос предков заглушается крикливым пафосом националистического самолюбования.

Истинная любовь к традиции начинается с предельной честности и благоговейного смирения перед правдой. Великому народу, оставившему неизгладимый след в истории человечества, не нужны поддельные грамоты и самодовольные басни. Его подлинное величие высечено на вечных гранитных стелах Орхона и Селенги, запечатлено в бессмертных строках Юсуфа Баласагуни и Махмуда Кашгари, вплавлено в звон струн кобыза и закалено в вековой мудрости судов степных биев.

Вдумчивое и глубокое постижение традиции открывает нам ее строгую и гармоничную внутреннюю архитектонику. В древнетюркском миросозерцании никогда не было хаоса или темного суеверия. Это было величественное трехчастное единство, где каждый уровень бытия занимал строго отведенное ему место. На вершине сияло Вечное Небо — Кёк Тенгри, абсолютный и непостижимый Творец, источник всякого блага, справедливости и времени, перед Которым равны все народы и племена. Рядом с Небом почиталась благословенная Земля-Вода — Йер-Суб, одушевленная плоть родного края, кормящая стада и дарующая приют человеку. И в сердце этого космоса стояли предки — Аруахи, ушедшие батыры и праведники, чей незримый свет охранял родовые очаги и наставлял потомков на пути чести.

Здесь не было места жреческой тирании, кастовому эгоизму или насилию над совестью. Степная традиция учила человека мужественному стоицизму: время распределяет Небо, смертный человек приходит в этот мир гостем и обязан прожить отпущенный ему век так, чтобы имя его не покрылось позором малодушия и предательства. Всякие попытки превратить эту кристально чистую веру в оккультную секту, навязать ей вымышленные магические

заклинания или противопоставить ее живой вере братских народов — есть глубочайшее предательство духа предков.

❖ ❖ ❖

• **Понимай традицию зрелым умом: возрождение веры —** это не переодевание в старинные костюмы, а преображение сердца светом совести.

• **Не уходи в пустые фантазии: строй свою жизнь на твёрдой основе реальных исторических источников и вековых нравственных ценностей.**

• **Стань примером гармонии: покажи окружающим, что человек традиции —** это современный, сильный, добрый, образованный и честный человек.

ГЛАВА

70

ИСКУШЕНИЕ ПОДДЕЛКАМИ

ПОЧЕМУ ВАЖНО ОТЛИЧАТЬ ПРАВДУ ОТ НОВОДЕЛА

Завершая размышление об исторической судьбе древнетюркской традиции, невозможно обойти молчанием феномен, заявивший о себе в последние десятилетия под именем неотенгрианства. Рожденное в интеллектуальных гостиных, на страницах публицистических манифестов и в интернет-дискуссиях постсоветской эпохи, это движение стало симптомом глубокого духовного голода современного человека, уставшего от сухого позитивизма и ищущего опору в сакральном прошлом родной земли.

Однако за внешней привлекательностью лозунгов о «возвращении к вере предков» нередко скрывается трагическая подмена понятий. В религиоведческом и философском измерении неотенгрианство являет собой классический пример «изобретения традиции» — феномена, когда городская интеллигенция, оторванная от реального кочевого быта и не знающая языка древних рунических памятников, конструирует искусственный синкретический миф. В этом новоделе обрывки древних представлений о Небе механически смешиваются с оккультизмом, учениями нью-эйдж о «космических энергиях», политическим

нативизмом и ожесточенной враждой к традиционным религиям Евразии.

Подобный путь глубоко чужд подлинному духу тюркского первобытия. Древнетюркское миросозерцание никогда не было кабинетной идеологией или замкнутой сектой с членскими билетами и формальными уставами. Оно было естественным дыханием народа, жившего в неразрывном симбиозе со степной природой, почитавшего старших, хранившего мир между племенами и признававшего верховенство Закона Тёрё. Когда рунические надписи провозглашают: «Когда вверху возникло синее Небо, а внизу бурая Земля, между ними сотворен был сын человеческий», — они говорят не о религиозной исключительности одной нации, но об универсальном назначении человека быть стражем космического порядка и справедливости на земле.

Подлинное возрождение традиции лежит не в плоскости создания неоязыческих культов, шумных манифестаций или выдумывания мифических догматов. Оно совершается в тишине человеческой совести. Традиция живет тогда, когда современный человек бережно очищает родник в степи, когда он почитает седины родителей и защищает сироту, когда он хранит честность в слове и деле, не преклоняя колен перед соблазнами алчности и лжи.

Стоя под бескрайним, чистым куполом Вечного Неба, человек не нуждается в искусственных посредниках и вымышленных доктринах. Ему нужны лишь зоркое сердце, верность памяти предков и мужество нести на своих плечах вечный завет Справедливости и Добра. В этом простом и величественном предстоянии перед Небом и заключается непреходящая истина Пути — завет, который наши предки пронесли сквозь века и завещали грядущим поколениям.

❖ ❖ ❖

- **Отличай подлинный свет от новоделов и подделок: остерегайся тех, кто придумывает фальшивые культы или сеет ненависть под именем предков.**
- **Помни: Тенгри учит миру, правде и любви к творению. Всякое учение, призывающее к жестокости и гордыне, исходит от тьмы.**
- **Будь трезв и чист в помыслах: подлинная традиция Степи проста, величественна и прозрачна, как чистейший родник на горной вершине.**

КНИГА IX

ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА И СМЫСЛ ТРАДИЦИИ: ИТОГ

ГЛАВА

71

КАРТИНА МИРА

НЕБО, ЗЕМЛЯ И ЧЕЛОВЕК В ЦЕЛОСТНОМ ВЗГЛЯДЕ ПРЕДКОВ

𐰇𐰴𐰘·𐰚𐰉·𐰚𐰋𐰺 𐰋𐰘𐰴·𐰃𐰚𐰔𐰇 𐰴𐰣𐰋𐰴𐰇·𐰚𐰉	*«Небо вверху, Земля-Вода внизу и Человек между ними — единый священный круг бытия... Помни закон согласия со всем сущим!»* ——— *(Итоговый свод миропонимания Степи)*

Основой и нерушимым первоистоком традиционного мировоззрения выступает величественная картина мироздания, в лоне которой сформировалась мудрость кочевого мира. На протяжении тысячелетий Степь не знала замкнутых каменных святилищ: её храмом был сам распахнутый мир, где под ногами колышется священная Земля, а над головой сияет безбрежный шатёр Неба, соединяя всё сущее в великой гармонии Закона Тёрё.

В центре этого миросозерцания сияет священное знание: мироздание — не случайное скопление мёртвой материи, а живая, одухотворённая и прекрасная трёхчастная вселенная, где каждому началу отведено строгое и почётное место.

Вверху пребывает Кёк Тенгри — Вечное, Чистое Синее Небо. Оно мыслится не просто как физический купол над головой, но как живой верховный Разум, абсолютный Источник света, справедливости, дыхания и бытия. Тенгри объемлет всё сущее, не имея антропоморфного лика или рукотворного подобия; всякая попытка ограничить Небо человеческой формой или запереть в

четырёх стенах считалась святотатством. Небо является и владыкой Времени: древнее речение напоминает: «Временем верховодит Небо, а сыны человеческие рождены смертными». Перед судом Неба равны бедный пастух и могущественный каган.

Внизу распростёрлась Священная Земля-Вода — Ыдук Йер-Суб. Это не пассивная глина и не сырьё для человеческой корысти, но одушевлённое материнское лоно, питающее человека соками трав, студёной влагой родников и плодами труда. Земля обладает собственной священной волей: она радуется благочестию праведников и содрогается от неправды, жестокости и осквернения. Рядом с ней незримо веет дух Матери Умай — светлой покровительницы плодородия, охраняющей тепло домашнего очага и дыхание младенцев в колыбели.

А между Небом и Землёй поставлен человек — «сын человеческий». Он не раб, трепещущий перед слепой судьбой, и не тиран, призванный хищнически покорять природу. Человек рождён как сознательное, ответственное связующее звено мироздания — живой мост между небесной правдой и земным бытием. Его шатёр — юрта — повторяет строение вселенной: круглый остов знаменует горизонт земли, сферический купол воспроизводит небосвод, а отверстие шанырака открывает очаг прямому взору звёзд.

Традиционная картина мира дарует человеку глубочайшее чувство космической укоренённости. Стоя в ночной степи под Полярной звездой — Железным Колом вселенной (Темір Қазық), вокруг которого мерно совершают свой вечный хоровод созвездия Семи Раскаявшихся (Жеті Қарақшы), путник знает: мир полон высшего смысла, над ним бодрствует око Небесного Творца, и долг

смертного — пройти свой земной путь прямо, храня священное равновесие Неба, Земли и собственной совести.

❖ ❖ ❖

- **Удерживай целостную картину мира: Небо, Земля и Человек неразрывны. Помни, что ты живёшь внутри единого, прекрасного и священного Космоса.**
- **Осознавай верховный суверенитет Тенгри: над всеми делами людей высится предвечный Закон, направляющий мир к свету и правде.**
- **Найди своё священное равновесие: пусть твои мысли будут высоки, как Синее Небо, дела —** прочны, как Бурая Земля, а сердце — полно любви к жизни.

ГЛАВА

72

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД НЕБОМ

ДОСТОИНСТВО, ДУХОВНАЯ СИЛА И СМЫСЛ ЖИЗНИ

𐱃𐰇𐰇𐰋𐰍·𐰉𐰍·𐰇𐰋𐰍 𐰴𐰃𐰴𐰘𐰇𐰇𐰋𐰍·𐰚 𐰆𐰋𐰍·𐱃𐰉𐰇𐰘	*«Тәңірден ұялған адам — ең еркін адам...» «Человек, имеющий стыд перед Небом — самый свободный человек...»* ——— *(Степная пословица)*

Каково истинное положение человека перед лицом Вечного Неба? Ответ традиции прост, мужествен и глубок: это отношение свободного, сыновнего благоговения и высочайшей нравственной ответственности.

В древнетюркском мировоззрении нет места унизительному рабству человека перед Творцом. Человек предстаёт перед Небом не с трепетом ужаса и не с раболепными мольбами о пощаде, а с открытым лицом, расстёгнутым поясом и обнажённой головой. Отсутствие жреческой касты и посредников делало молитву степняка прямым разговором сердца с Небесами.

В этом прямом предстоянии рождалось подлинное человеческое достоинство. Тот, кто признаёт над собой единственный верховный суд — суд Вечного Тенгри, не способен пресмыкаться перед земными тиранами, богатством или силой. Всадник степи знал:

земные властители приходят и уходят, их указы могут быть несправедливы, но Закон Неба вечен и непреложен.

Смысл жизни в оптике традиции раскрывается в категории Эрдем (Erdäm) — подлинной человеческой доблести. Эрдем — это не просто военная храбрость; это способность жить по правде, защищать слабого, держать слово, быть щедрым к страннику и передавать детям чистое имя. Сила и здоровье, удача и благосостояние даруются человеку Небом в форме священной благодати — Кут (Qut).

Но благодать Кут — это не награда за гордыню, а залог служения. Кут пребывает с человеком лишь до тех пор, пока его сердце чисто от зависти и корысти. Как только человек начинает использовать силу ради угнетения других или осквернения природы, Небо отзывает благодать. И тогда богатство обращается в пепел, а род увядает.

Духовная сила человека традиции черпается из трёх источников:

1. Утреннее предстояние свету: встречая зарю лицом к востоку, человек наполняется энергией жизни и настраивает свой внутренний компас на созидание;

2. Чистота помыслов (arïγ bolmaq): способность очищать душу от обид, гнева и алчности подобно тому, как огонь Алас очищает жилище;

3. Память о кратковременности земного срока: понимание того, что плоть смертна, рождает не уныние, а драгоценную способность ценить каждый подаренный рассвет и наполнять дни добрыми делами.

Стоя под лазурным шатром Тенгри, человек обретает непоколебимый внутренний покой: он знает, кто он, откуда пришёл и ради чего живёт.

❖ ❖ ❖

• Представай перед Небом в чистоте и благоговении: человек обретает подлинное величие тогда, когда склоняет колени перед величием Творца.

• Укрепляй свою духовную силу: молитва к Тенгри на восходе солнца очищает душу от страхов и наполняет её неиссякаемой благодатью (Кут).

• Живи с высоко поднятым челом: тот, чья совесть чиста пред Небом, не боится никаких земных угроз и зависти.

ГЛАВА

73

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ

ЧЕСТЬ, ВЕРНОСТЬ СЛОВУ, СОВЕСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ

𐰃𐰴𐰍·𐰇𐰋𐰚𐰃·𐰋𐰋𐰋 𐰋𐰍𐰋𐰋𐰋𐰋·𐰍 𐰃𐰴𐰍·𐰋𐰋·𐰚𐰃	*«Мал арыса — қайта оңар, ар арыса — қайтып қонбас...» «Если скот истощится — вновь нагуляет вес; если честь истощится — вовек не вернётся...»* ——— *(Казахская мудрость)*

Нравственный кодекс тюркской традиции веками держался не на страхе перед тюрьмой или надсмотрщиком, а на глубоком внутреннем чувстве Чести и Совести.

Центральным понятием степной этики является Ар / Ұят (честь, внутренний стыд). Это не внешний страх огласки; это голос Тенгри в глубине сердца. Поступок оценивался не по тому, узнают ли о нём судьи, а по тому, чист ли он перед Небом. Степная поговорка гласит: «Смерть легче потери чести» (Өлімнен ұят күшті).

Вторым нерушимым столпом было Слово и священная клятва — Ант (Ant). В суровых условиях кочевья, где не было каменных стен и письменных канцелярий, жизнь и безопасность родов держались исключительно на верности данному слову. Нарушить клятву, данную перед Небом на священном клинке, считалось тягчайшим преступлением против самого космического строя.

Клятвопреступник становился изгоем, его имя вычёркивалось из памяти рода.

Третьим основанием было Бескорыстное Милосердие и защита слабого. По закону Степи, ни один сирота, вдова или путник не могли остаться голодными и брошенными. Обычай Жылу предписывал роду всем миром восстанавливать хозяйство сородича, пострадавшего от джута или пожара: каждый выделял по овце, лошади или куску кошмы, возвращая человеку надежду.

А в отношении к врагу традиция предписывала рыцарское благородство: безоружного не убивали, послов не трогали, а того, кто пришёл с миром и перешагнул порог юрты, защищали как родного брата.

Нравственные правила кочевья просты, как степной горизонт:

- Будь прям в слове и деле: лукавство и лесть оскверняют дыхание;
- Не посягай на чужое: воровство чужого скота или хлеба разрушает благодать твоего собственного шанырака;
- Прощай раскаявшегося: месть бесплодна и пожирает душу мстителя, тогда как примирение восстанавливает священный лад Вселенной.

Эти вечные нравственные ориентиры не знают старости. Они служат надёжным компасом для любого человека, в какую бы эпоху он ни жил.

❖ ❖ ❖

- **Храни нравственные основы Степи: честь, верность слову, совесть и милосердие —** четыре столпа, на которых держится твой жизненный шанырак.

- **Не поступайся совестью ради минутной выгоды: лучше понести материальный убыток, чем запятнать душу подлостью и обманом.**
- **Твори милосердие втайне: истинное добро не требует рукоплесканий. Небо видит всё тайное и воздаст тебе миром и радостью.**

ГЛАВА

74

ЧЕЛОВЕК И ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ПРИРОДОЙ И МЕРА ВО всем

𐰇𐱃𐰼·𐰚𐰗𐰋𐰽 𐰺𐰚·𐰴𐰼𐰘·𐰗𐰇 𐰚𐰋𐰗𐰃·𐰴𐰘𐰴	*«Жер — ана, Ел — бала...» «Земля — мать, Народ — дитя...»* ——— *(Степная поговорка)*

Отношение древнего номада к природе — это не романтическая лирика и не утилитарный расчёт. Это глубочайшее религиозное благоговение перед Священной Землёй-Водой (Ыдук Йер-Суб).

Степная мысль никогда не рассматривала человека как властелина, имеющего право безнаказанно покорять, раскапывать и разорять плоть Земли. Земля — это живой организм, священное подножие Неба. Она обладает душой, памятью и способностью чувствовать. Травы — это её волосы, реки — её живая кровь, скалы — её кости, а ветра — её дыхание.

Отсюда родился строжайший традиционный кодекс природопользования:

1. Закон священной меры: кочевник брал от природы лишь столько, сколько требовалось для поддержания жизни. Забой скота совершался с благоговейной молитвой испрашивания прощения; охотник никогда не убивал зверя ради потехи или хвастовства;

2. Табу на осквернение воды: родники и реки почитались святынями. Запрещалось бросать нечистоты в воду, стирать грязную одежду в источнике или перегораживать русло без нужды. «Судың да сұрауы бар» («И у капли воды есть свой ответ перед Небом»);

3. Запрет на бессмысленное разрушение: строжайше возбранялось ковырять ножом землю, рвать цветы с корнем, разорять птичьи гнёзда или рубить молодые деревья. Если кочевник срезал ветвь, он был обязан посадить побег.

Грех разрушения природы обозначался священным словом Обал (Обал болу / Обалына қалма) — нарушение святости живого, влекущее за собой неминуемую духовную расплату. Тот, кто жесток к природе, навлекает бесплодие и болезни на свой род.

Человек, живущий по закону Тенгри, чувствует себя не господином, а бережным садовником и хранителем мира. Он умеет радоваться утреннему шелесту трав, благодарить ручей за глоток холодной влаги и ощущать себя частью великой симфонии творения.

❖ ❖ ❖

• Будь верным стражем живой Земли: Земля и Вода (Йер-Суб) доверены нам Небом для бережного сбережения, а не для хищнического разорения.

• Соблюдай священный закон меры во всём: в еде, в вещах, в словах и желаниях. Мера — основа здоровья, покоя и гармонии с природой.

• Очисти свой след на планете: сажай деревья, убирай мусор, береги воду. Оставь после себя цветущий сад, а не пустыню.

ГЛАВА

75

НАРОД И СОГЛАСИЕ

ЕДИНСТВО НАРОДА, РАВЕНСТВО ПЕРЕД ПРАВДОЙ И СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕСТВУ

𐰴𐰇𐰋𐰍·𐰚𐰚𐰍·𐰋𐰚 𐰇𐰚𐰆𐰇·𐰴𐰍𐰚·𐰇𐰚𐰆𐰇 𐰚𐰍𐰆𐰇·𐰚𐰚𐰍	*«Бірлік болмай — тірлік болмас...» «Без согласия и единства — нет жизни...»* ——— *(Степной завет предков)*

Каковы основы справедливого и мирного общежития людей под открытым Небом?

Традиция Тенгри утверждает: народ (Эль / Будун) — это не случайное скопление чужих друг другу одиночек, а единый живой организм, скреплённый общей честью, общей памятью и Законом Тёрё.

Главной угрозой существованию народа степные мудрецы считали внутренний раздор, зависть и племенное чванство. В Орхонских надписях Бильге-каган с горечью вопрошает: «О, тюркский народ, когда ты враждуешь сам с собой, кто сбережёт твой эль и твой закон?». Сила народа — в духовном братстве, когда беда одного отзывается болью в сердце каждого.

В степном обществе высшей ценностью было Равенство перед Правдой. Ни знатность рода, ни количество коней в табуне не освобождали человека от суда совести. В суде биев бедный всадник

и могущественный батыр стояли на равных, и побеждал не тот, у кого больше богатства, а тот, за кем стояла правда.

Власть властителя признавалась священной лишь постольку, поскольку она служила народу. Древняя формула правления гласила: «Голодный народ накормить, нагой народ одеть, рассеянный народ собрать воедино». Если же хан грабил свой народ и искал личной наживы, благодать Кут покидала его, и народ имел священное право сменить правителя на курултае.

Служение обществу понималось не как чиновничья карьера, а как естественный долг честного человека:

- Помоги соседу построить дом (Асар);
- Выдели скот погорельцу (Жылу);
- Защити вдову и сироту;
- Будь справедлив и миролюбив на совете родов.

Когда в обществе царит взаимное уважение, когда старших почитают за мудрость, а младших согревают любовью — такое общество непобедимо. Его шанырак стоит крепко, и Небо дарует ему благоденствие.

❖ ❖ ❖

- **Созидай согласие и мир в обществе: единство народа рождается из взаимного уважения, честности и готовности прийти на помощь.**
- **Будь справедлив в словах и суждениях: не осуждай опрометчиво, стремись понять другого и всегда выбирай путь примирения.**

- **Служи обществу бескорыстно: отдавай свои знания, таланты и силы ради общего блага. В благополучии всех —** твоё собственное счастье.

ГЛАВА

76

СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПУТИ

ПРЕОДОЛЕНИЕ СУЕТЫ, ИСПЫТАНИЯ И ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

𐰋𐰚𐰃·𐰇𐰇𐰋𐰋·𐰺𐰇 𐰴𐰇𐰴·𐰇𐰇𐰔𐰇·𐰇𐰴↓ 𐰇𐰇𐰺𐰇𐰇𐰋·𐰇𐰇𐰋𐰇	*«Күн астында өткен өмір — бір күндік көш...»* *«Жизнь под солнцем — как дневное перекочёвье: пройди его достойно...»* ——— *(Степная элегия)*

В чём высший смысл земного странствия человека? Зачем мы приходим в этот подсолнечный мир, согретый дневным светилом и овеянный вольными ветрами?

Традиция предков отвечает на этот вопрос со спокойной, мужественной ясностью. Человек приходит в мир не ради бессмысленного накопления вещей, не ради пустой славы и не ради праздной суеты. Земная жизнь кратка, подобно весеннему цветению тюльпанов в степи. Она дарована человеку как великое испытание и поприще для духовного взросления.

Преодоление суеты начинается с осознания своего истинного масштаба. Когда человек смотрит в ночное звёздное небо, его мелкие обиды, зависть и жадность рассеиваются, как дым у костра. Он понимает, что перед лицом вечности важно лишь одно: сколько

добра ты сотворил, скольких людей согрел своей заботой, скольких сирот защитил и какое имя ты оставишь после себя.

Испытания и трудности — это не повод для уныния. В степной философии невзгоды осмысляются как священный огонь, в котором закаляется сталь человеческого духа (Эрдем). Тот, кто не знал трудностей, остаётся инфантильным и слабым. Тот же, кто мужественно прошёл сквозь бури, сохранил верность правде и не предал друзей, обретает несокрушимую внутреннюю крепость.

А венец человеческого пути — это Вечная Память и незапятнанное Доброе Имя (Эдгу ат). Тело человека возвращается в объятия Матери-Земли, душа улетает птицей в небесную высь Тенгри, но его добрые дела, посаженные деревья, очищенные родники и светлая память продолжают жить в сердцах поколений.

Истинно прожил жизнь тот, о ком потомки скажут у поминального очага: «Он был настоящим человеком. Он жил по совести, творил добро и держал слово под открытым Небом». В этом — высшая победа над временем и смертью.

❖ ❖ ❖

- **Осознай истинный смысл своего пути: ты пришёл в этот подсолнечный мир не для суеты и накопления богатств, а ради созидания добра и любви.**
- **Преодолевай испытания с богатырским благородством: каждая трудность —** это ступень духовного восхождения к свету Тенгри.
- **Оставь после себя незапятнанное Доброе Имя (Эдгу ат): живи так, чтобы твои дела были благословением для мира и гордостью для твоих потомков.**

ГЛАВА

77

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

𐰋𐰇𐰚𐰇·𐰉𐰋𐰇𐰋 𐰋𐰃𐰇𐰇𐰋·𐰃𐰋𐰃𐰋 𐰇𐰇𐰋·𐰇𐰚𐰇𐰚	*«Эль сохранится, Закон-Тёрё пребудет вовек! Смотрите же, знайте и помните завет под Вечным Небом!»* ——— *(Заключительные слова каменных скрижалей предков)*

Здесь, на вершине нашего многовекового духовного пути через степи, века и глубины народной памяти, раскрывается сокровенный ответ на главный вопрос: что составляет подлинную, незамутнённую суть традиции Тенгри?

Её непреходящая истина — это чистая совесть, благоговение перед даром жизни, верность правде предков и прямое, мужественное предстояние человека пред открытым Небом.

Очищая наше созерцание от кабинетных заблуждений, околонаучных мифов и сиюминутных политических страстей, мы с совершенной ясностью видим великое триединое основание, на котором покоится древняя мудрость:

Первое — это живое предстояние перед Вечным Небом — Кёк Тенгри. Это чистая, величественная вера в единого, всеобъемлющего Творца и Праведного Судью, лишённого идолов и рукотворных подобий. Небо для человека традиции — не слепая

стихия, а неиссякаемый исток высшей правды, закона и времени. Вера в Небо не порабощает дух, но дарует человеку крылья внутренней свободы, бесстрашие перед лицом невзгод и высокое осознание ответственности за всё, что совершается под небесным куполом.

Второе — это священное благоговение перед живой природой — Ыдук Йер-Суб. В традиционном миросозерцании земля и воды — это одушевлённая, живая мать, требующая бережной сыновней любви, защиты и чистоты. Грех разрушения природы — Обал — лежит в основе традиционной экологической совести. Традиция учит человека брать от земли лишь то, что необходимо для жизни, открывать путь заросшим родникам, беречь вековые рощи и чувствовать себя не деспотом природы, а её любящим и благодарным хранителем.

Третье — это нерушимый кодекс Чести, Слова и Памяти. Человек велик не количеством золота и не временными чинами, а чистотой своего имени (Эдгу ат) и верностью священной клятве (Ант). Память о семи предках связывает нас нерушимой нитью с вечностью, напоминая: мы — звено великой цепи поколений, обязанные передать своим детям мир более прекрасным, справедливым и добрым, чем приняли его сами.

Подлинная традиция никогда не умирала. Она не осталась запертой в пыли музейных витрин и на холодных каменных стелах. Она живёт сегодня в каждой семье, где с любовью укладывают дитя в колыбель, где переступают порог с добром, где делятся хлебом за круглым дастарханом, где старейшины воздевают руки в благословении Бата, и где человек поднимает глаза к бескрайнему Синему Небу и шепчет сокровенные слова: «Тәңір бар!».

Пусть же эта древняя и вечно юная мудрость станет твоим надёжным компасом на всех дорогах земного странствия.

Иди по жизни твёрдо, спокойно и радостно. Храни чистоту помыслов, твори добро своими руками, оберегай родную землю, чти память отцов и помни: над тобой всегда простирается великий, лазурный и благословенный шатёр Вечного Неба Тенгри!

❖ ❖ ❖

- **Храни живую традицию предков в своём сердце: пока в твоей груди бьётся живая совесть, традиция не умрёт, и свет Тенгри не угаснет.**
- **Иди по жизни твёрдо, радостно и свободно: помни, что ты стоишь под открытым куполом Вечного Неба, благословлённый Землёй и озарённый памятью отцов.**
- **Передавай священный огонь дальше: пусть твоя жизнь станет маяком добра, мира и правды для грядущих поколений сынов человеческих!**

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники и памятники традиции

1. Бешевлиев, В. Прабългарски епиграфски паметници / В. Бешевлиев. — София: Издателство на Отечествения фронт, 1981. — 186 с.

2. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т. / Н. Я. Бичурин. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 1–2.

3. Гаркавец, А. Н. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков / А. Н. Гаркавец. — Алматы: Баур, 2006. — 280 с.

4. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Г. де Рубрук; пер. А. И. Малеина. — М.: Географгиз, 1957. — 272 с.

5. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 677 с.

6. Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования: в 10 т. / под ред. С. З. Зиманова. — Алматы: Жеті Жарғы, 2005–2009.

7. Ибн Баттута. Извлечения из сочинения «Путешествия Ибн Баттуты» // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / пер. В. Г. Тизенгаузена. — М.-Л., 1941. — Т. 1.

8. Каганкатваци, Мовсес. История страны Алуанк / Мовсес Каланкатуаци; пер. с древнеарм. Ш. В. Смбатяна. — Ереван: Матенадаран, 1984. — 258 с.

9. Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / А. П. Ковалевский. — Харьков: Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1956. — 347 с.

10. Кормушин, И. В. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования / И. В. Кормушин. — М.: Наука, 1997. — 303 с.

11. Кормушин, И. В. Древнетюркские языковые памятники бассейна Енисея / И. В. Кормушин. — Абакан: Хак. кн. изд-во, 2008. — 320 с.

12. Кузеев, Р. Г. Башкирские шежере / Р. Г. Кузеев. — Уфа: Башкнигоиздат, 1960. — 304 с.

13. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования / С. Е. Малов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.

14. Малов, С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы / С. Е. Малов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 114 с.

15. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С. Е. Малов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 112 с.

16. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / пер. с араб. З.-А. М. Ауэзовой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.

17. Радлов, В. В. Атлас древностей Монголии: в 4 вып. / В. В. Радлов. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1892–1899.

18. Радлов, В. В. Образцы народной литературы тюркских племен: в 10 ч. / В. В. Радлов. — СПб., 1866–1907.

19. Урал-батыр: Башкирский народный эпос / пер. А. Хакимова. — Уфа: Башкнигоиздат, 1977. — 160 с.

20. Юсуф Баласагуни. Благодатное знание (Кутадгу Билиг) / пер. С. Н. Иванова. — М.: Наука, 1983. — 560 с.

21. Clauson, G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish / G. Clauson. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 989 p.

22. Tekin, T. Irk Bitig: The Book of Omens / T. Tekin. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1993. — 81 p.

II. Исследования и научная литература

23. Абаев, Н. В. Тэнгрианство и экологическая культура тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии / Н. В. Абаев. — Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2011. — 144 с.

24. Ажигали, С. Е. Архитектура кочевников — феномен евразийской культуры: Памятники Арало-Каспийского региона / С. Е. Ажигали. — Алматы: Гылым, 2002. — 654 с.

25. Алексеев, Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. — Новосибирск: Наука, 1992. — 242 с.

26. Аминев, З. Г. Эпос «Урал-батыр» и мифология башкир / З. Г. Аминев. — Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2013. — 160 с.

27. Анохин, А. В. Материалы по шаманству у алтайцев / А. В. Анохин. — Л.: Изд-во РАН, 1924. — 152 с.

28. Бартольд, В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения: в 9 т. / В. В. Бартольд. — М.: Наука, 1968. — Т. V. — С. 19–192.

29. Басилов, В. Н. Избранники духов / В. Н. Басилов. — М.: Политиздат, 1984. — 208 с.

30. Валиханов, Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Ч. Валиханов. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. — Т. 1. — С. 480–497.

31. Гумилев, Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. — М.: Наука, 1967. — 504 с.

32. Диваев, А. А. Этнографические материалы: Сказки, притчи, поверья и обычаи сартов и киргизов / А. А. Диваев. — Ташкент, 1896. — 128 с.

33. Катанов, Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка / Н. Ф. Катанов. — Казань: Университетская тип., 1903. — 1539 с.

34. Кляшторный, С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии / С. Г. Кляшторный. — М.: Наука, 1964. — 215 с.

35. Кляшторный, С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. — М.: Наука, 1981. — С. 117–138.

36. Кляшторный, С. Г., Лившиц, В. А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. — М.: Наука, 1971. — Вып. X. — С. 121–146.

37. Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И. Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. — 432 с.

38. Маргулан, А. Х. Мир казаха / А. Х. Маргулан. — Алматы: Дидар, 1997. — 184 с.

39. Огель, Б. Тюркская мифология: в 2 т. / Б. Огель. — Анкара: Изд-во Турецкого исторического общества, 1995. — Т. 1. — 644 с.; Т. 2. — 620 с.

40. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: в 4 вып. / Г. Н. Потанин. — СПб., 1881–1883.

41. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. — Л.: Наука, 1991. — 321 с.

42. Радлов, В. В. Из Сибири: Страницы дневника / В. В. Радлов. — М.: Наука, 1989. — 749 с.

43. Ру, Ж.-П. Религия тюрков и монголов / Ж.-П. Ру; пер. с фр. — М.: Леан, 2007. — 380 с.

44. Руденко, С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки / С. И. Руденко. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 392 с.

45. Султанов, Т. И. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей / Т. И. Султанов. — Астана: ТОО «Фолиант», 2006. — 256 с.

Научно-популярное издание

Саф Юнир

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Мир, человек и путь в традициях тюркоязычных народов

Издатель: Studio AI43, г. Уфа, 2026 г.

Формат 60×90/16 (A5). Гарнитуры: Literata, Cormorant Garamond, Montserrat, Segoe UI Historic.

Печать цифровая. Заказное издание.

12+